

ISSN 0321-0391

ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

« НАУКА »

1994

Дорогие друзья!

В первом полугодии 1995 г. Научно-издательский центр "Ладомир" выпустит сборник лучших статей, опубликованных в журнале "Вестник древней истории" за 50 лет его существования. Объем — около 800 страниц в формате ВДИ, твердый переплет, тираж — строго в соответствии с количеством собранных заказов.

Для получения сборника Вам необходимо до 15 марта перевести 15000 рублей (стоимость одного экземпляра) на расчетный счет № 701507 в Зеленоградском филиале МИБ (Москва) МФО 201478 НИЦ "Ладомир".

Издание можно будет получить непосредственно в издательстве (по адресу — 103617, Москва, К-617, корп. 1435, НИЦ "Ладомир", телефоны для справок: 530-98-33, 530-80-15), либо по почте (с оплатой заказчиком стоимости почтовой пересылки наложенным платежом). Кроме почтового перевода отправьте в адрес издательства почтовую открытку в конверте с заполненным вашим обратным адресом, фамилией, именем и отчеством. В открытке дополнительно укажите название книги, количество заказанных экземпляров, данные почтового перевода и выбранный способ получения издания: в издательстве или почтовой пересылкой. Читателям, избравшим почтовую рассылку, книга будет выслана без дополнительного уведомления по выходе издания, остальные могут получить сборник в издательстве после получения открытки.

Юбилейный сборник несомненно станет прекрасным учебным пособием для студентов гуманитарных вузов (историков, археологов, филологов), будет полезен читателям журнала, а также всем интересующимся вопросами древней истории.

За справками обращаться по телефонам:

"Вестник древней истории" — 938-19-12

НИЦ "Ладомир" — 530-98-33

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИИ

ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ
ЦЕНТР СРАВНИТЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

JOURNAL OF ANCIENT HISTORY

4 (211)

Октябрь—Ноябрь—Декабрь

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

ОСНОВАН В 1937 г.

Редакционный Совет

член-корр. РАН *С.С. Аверинцев* (председатель), д. филол. н. *В.И. Абаев*,
член-корр. АН Азербайджана *И.Г. Алиев*, д.и.н. *О.Д. Бериев*,
д. филол. н. *А.К. Гаврилов*, д.и.н. *А.Г. Губаев*,
член-корр. АН Грузии *Г.Г. Гиоргадзе*, д.и.н. *И.М. Дьяконов*,
д.и.н. *Ю.К. Колосовская*, д.и.н. *В.И. Кузицин* (зам. председателя),
член-корр. АН Украины *С.Д. Крыжицкий*, д.и.н. *А.М. Лесков*,
д.филол.н. *В.А. Лившиц*, акад. АН Таджикистана *Б.А. Литвинский*,
д.и.н. *И.Л. Маяк*, акад. АН Грузии *Г.А. Меликишвили*, д.и.н. *Н.Я. Мерперт*,
член-корр. РАН *В.И. Молодин*, д.и.н. *Р.М. Мунчаев*, акад. АН Узбекистана
Г.А. Пугаченкова, акад. АН Армении *Г.Х. Саркисян*

Редакционная коллегия

Г.М. Бонгард-Левин (главный редактор),

Ю.В. Андреев, *Е.В. Антонова*, *Л.С. Баян*,
Ю.Г. Виноградов (зам. главного редактора), *М.Л. Гаспаров*, *В.А. Головина* (зам.
главного редактора), *Е.С. Голубцова*, *М.А. Дандамаев* (зам. главного редактора),
С.Г. Карпюк (зам. главного редактора), *И.С. Клочков*, *Г.А. Кошеленко*,
В.И. Кузицин, *Л.П. Маринович*, *А.И. Павловская*,
А.В. Подосинов, *Д.С. Раевский*, *С.Ю. Сапрыкин* (ответственный секретарь),
В.М. Смирин, *М.К. Трофимова*, *В.И. Уколова*, *Э.Д. Фролов*, *С.В. Шкунаев*

Заведующая редакцией *И.К. Малькова*

Editorial Board

G. Bongard-Levin (Editor—in—Chief),
Yu. Andreyev, *Ye. Antonova*, *L. Bayun*, *M. Dandamayev*, *E. Frolov*,
M. Gasparov, *V. Golovina*, *Ye. Golubtsova*, *S. Karpyuk*, *I. Klochkov*,
G. Koshelenko, *V. Kuzishchin*, *L. Marinovich*, *A. Pavlovskaya*, *A. Podosinov*,
D. Raevsky, *S. Saprykin*, *V. Smirin*, *S. Shkunayev*, *M. Trofimova*,
V. Ukolova, *Yu. Vinogradov*

Head, Editorial Office *I. Malkova*

М. Лёве

РАННИЕ КИТАЙСКИЕ ИМПЕРАТОРЫ И ИХ ФУНКЦИИ¹

Китайская письменность возникла в самом начале II тыс. до н.э., но древнейшие из дошедших до нас текстов датируются по крайней мере тысячелетием позднее. По форме — это поэтические произведения, труднопонимаемые результаты гадания, а также торжественные обращения или обеты ранних царей, адресованные приближенной знати. Хроники некоторых последующих царств, охватывающие период с VIII в., можно считать древнейшей формой исторических записей; сохранились они лишь частично. Первые попытки создать систематизированные записи на абстрактные темы можно отнести только к более позднему времени — V в. до н.э.

Однако к тому времени уже вполне определились некоторые представления о функции монарха. Они бережно сохранялись в той части китайской мифологии, которая непосредственно касается происхождения китайского народа, его приобщения к более цивилизованному образу жизни благодаря деяниям героев или передаче ими народу полезных навыков в труде. Мудрые монархи, обладающие сверхъестественными качествами, — характерная особенность этих мифов.

В ранних свидетельствах китайской истории представления о царях меняются от смутных, не заслуживающих доверия, неясных суждений до достоверных свидетельств: от первых царей династии Ся, якобы получивших власть по наследству, до царей-жрецов династии Шан и Инь (примерно с 1700 до 1045 г. до н.э.); о последующем времени мы располагаем более полными и более надежными данными о царях династии Чжоу, чье правление началось примерно с 1045 г. до н.э. и продлилось до 256 г. до н.э. В течение последних семи веков их правления или около того возникли несколько независимых владений, княжеств и, наконец, царств, чьи институты становились все более и более изощренными, главным образом благодаря развитию более совершенных средств письменной коммуникации и становлению класса руководителей, или чиновников, чье положение зависело скорее от их образованности, чем от их происхождения.

Документы, имеющие отношение к вождям или царям периодов, известных под названиями Весны и Осени (722—481 гг. до н.э.) и Воюющих государств (481—221 гг. до н.э.), уже несут на себе признаки некоторых противоречий, возникших между практикой монархии и представлением о монархе. Известны имена тех, кто обладал достаточной силой, чтобы обеспечить себе прямую поддержку и лояльность своих подчиненных, и мог использовать эту поддержку для сокрушения своих врагов или

¹ Предшествующие и более подробные публикации автора на ту же тему: Water, Earth and Fire — the Symbols of the Han Dynasty // *Nachrichten der Gesellschaft für Natur- und Volkerkunde Ostasiens*. Hamburg, 1979. Bd. 125. S. 63—68; The Authority of the Emperors of Ch'in and Han' // *State and Law in East Asia: Festschrift Karl Bunge* / Eds. D. Eikemeier, H. Franke. Wiesbaden, 1981. P. 80—111; The concept of Sovereignty // *CHCh*. V. I. Camb., 1986. P. 726 ff.; Imperial Sovereignty: Dong Zhongshu's contribution and his predecessors // *Foundations and Limits of State Power in China* / Eds M. Loewe, S.R. Schram. School of Oriental and African Studies and Hong Kong: The Chinese University Press. L. 1987. P. 33—57.

подчинения их населения и территории; но были и такие, кто совсем лишился светской власти, тогда так значение титула *ван*, который они носили, заключалось почти исключительно в их претензии на духовное и моральное лидерство религиозного характера.

Во всяком случае, возникновение, становление и практика монархии приобретали такую значимость, что обеспечили себе место во многих письменных памятниках периода Воюющих государств. Здесь можно ограничиться двумя важными отрывками, утверждающими, что возникновение лидерства, или верховной власти, исходит из практической необходимости. Согласно «Люй ши чунь цю»², составленной около 239 г. до н.э., природа человека по сравнению с природой животных такова, что он не смог бы выжить без совместной деятельности, которая сама по себе требовала наличия лидера. Так человек может защищаться от хищников, противостоять превратностям климата, чего в одиночку сн бы достичь не смог. Сходная мысль содержится в одной из глав «Сюньцзы»³, составленной несколько позже, где подчеркивается, что долг и обязанность такого лидера состоят в установлении надлежащих иерархических отношений, распределении обязанностей и создании действенной и дисциплинированной администрации с тем, чтобы обеспечить экономичное и продуктивное использование естественных ресурсов.

С основанием династий Цинь (221—210 гг. до н.э.) и Хань (202 г. до н.э. — 9 г. н.э. и 25—220 гг. н.э.) возникли различные новые политические доктрины. Вместо множества противоборствующих государств на власть претендовал и действительно на большей части Китая в значительной мере ее осуществил единый императорский режим. Но династийная история этих столетий почти сразу же обнажила парадокс или противоречие. Всякий раз, когда вставал вопрос о наследовании императорского престола, вспыхивали споры, сопровождавшиеся жестоким соперничеством и интригами; а военная сила, задействованная в этой борьбе, и интенсивность, с какой отдельный соперник преследовал свои цели, наводят на мысль, что императором должен был быть человек, имевший не только большую власть, но и особую значимость. Обладание тронном явно было наивысшей целью, к которой мог стремиться честолюбивый человек.

Очевидно, однако, что личностные качества императоров, их влияние существенно различались: от людей с сильным и жестоким характером — до младенцев или даже дебилов, не имевших ни власти, ни влияния. Такой разброс, особенно заметный во II столетии н.э., создает впечатление, что персону императора как таковая имела второстепенное значение и что возможность осуществления им личной власти была менее важна, чем сам по себе институт императорской власти. Не имело значения, кто именно занимал трон, важно было лишь то, чтобы он не оставался вакантным.

Эти различия затрагивают коренной вопрос о значении и месте императорской власти. В высшей степени искусственно поляризованных представлениях, иногда традиционно используемых китайскими философами и политическими деятелями, нашло отражение основное различие между так называемой «легистской» и «конфуцианской» точками зрения. По легистским представлениям, приоритетное значение имеют государственные институты, значение же индивидуума отвергалось. «Конфуцианские» учителя утверждали, что люди представляют большую ценность, чем институты, которые они создавали.

Кроме того, целый ряд преобразований в династийной практике и процедуре в течение четырехсотлетнего периода правления Цинь и Хань отражает разные отношения к концепции императорской власти. Есть, например, весьма заметные различия в том, каким образом начиналось или оканчивалось правление императора, и показаниями документов по этим поводам. Такое различие можно видеть, сравнивая воз-

² Люй ши чунь цю (изд. Сы бу бэйяо) 20.1а.

³ Сюньцзы, Ван чжи; *Лян Цисюн*. Сюньцзы цзяньши. Бэйцзин, 1956. С. 109.

звания и заявления, сделанные при восшествии на престол первого Циньского императора в 221 г. до н.э. и при отречении от престола последнего из Ханьских императоров в 220 г. н.э. Это различие выявляет преднамеренное изъятие одних данных и интерполяцию других в нужных местах. В законодательной практике все больше внимания уделялось форме в ущерб содержанию; был ли этот новый ракурс основан на юридической фикции или исходил из специфического характера императорского суверенитета — вопрос остается открытым. Перед тем как попытаться определить некоторые из этих особенностей, необходимо более внимательно рассмотреть некоторые из этих преобразований.

1. ВОСШЕСТВИЕ НА ИМПЕРАТОРСКИЙ ПРЕСТОЛ

Основные эпизоды, которыми отмечены подъем и падение династий Цинь и Хань (а именно: сокрушение первым Циньским императором своих противников в 221 г. до н.э.; принятие Лю Баном императорского титула и создание им Ранней династии Хань в 202 г. до н.э.; установление Ван Маном своей династии Синь в 9 г. н.э.; реставрация Хань под названием Поздней династии в 25 г. н.э.; окончательное крушение Поздней династии Хань в 220 г. н.э.) настолько хорошо известны, что рассматривать их здесь нет необходимости⁴. Но, возможно, не всегда представляется достаточно ясным, что в промежутке между этими эпизодами имел место целый ряд попыток соперников захватить трон или возвести на него своего ставленника, что можно показать на следующих примерах.

Выбор в 210 г. до н.э. наследника первого Циньского императора был связан с интригой и подделкой завещания. В период с 187 по 180 г. до н.э. фактическая власть принадлежала вдовствующей императрице Люй, в то время как два инфанта на законном основании один за другим возводились на престол. В 91—90 гг. до н.э. в столице разразилось ожесточенное сражение, завершившееся самоубийствами императрицы и наследного принца, что было далеко не полной расплатой за борьбу клик. В 74 г. до н.э. было провозглашено не менее трех императоров, одного из которых низложили через 27 дней за недостойное поведение и несоответствие статусу императора. 8 г. до н.э. был свидетелем претензий на трон, заявленных соперниками от имени двоюродного брата и двоюродного племянника Чэн ди (правившего с 33 до 7 г. до н.э.). Династия Ван Мана была установлена, когда ханьский престол номинально занимал малолетний император. Это был намеренный разрыв с имперским домом Лю; несмотря на определенные успехи, правление Ван Мана китайские историки традиционно рассматривают как акт узурпации. Многие в истории Поздней династии Хань определяли интриги соперничавших семейств, добивавшихся возведения на трон своего кандидата, зачастую малолетнего. Можно сказать, что фактически лишь трое из четырнадцати императоров Поздней династии Хань, правивших в период между 25 и 220 гг. н.э. достигли или едва перешагнули в момент воцарения 18-летний возраст⁵.

Среди этих и других примеров есть несколько случаев, когда притязания на престол, попытки прийти к власти предпринимались сильной личностью, как это было в 202 г. до н.э., 9 и 25 гг. н.э. Однако такие случаи редки, особенно в сравнении с тем, насколько часто претендентов на трон выдвигали их родственники, зачастую женщины — из семьи супруги императора или мужчины — из семей, занимавших высокие посты в императорском правительстве.

Таким образом, достаточно очевидно, что какие-то весьма немногие индивидуумы могли обладать как личными честолюбивыми замыслами стать императором, так и необходимыми качествами, чтобы эффективно действовать в этом статусе. Также ясно и то, что другие честолюбцы, состоявшие при ханьском дворе, видели свой шанс в том, чтобы трон наследовал инфант, которого они могли бы держать под своим

⁴ СНСЧ. P. 40 f., 119 f., 223 f., 240 f., 341 f.

⁵ СНСЧ. P. 81 f., 135 f., 177 f., 183, 215, 256 f., 279 f.; *Loewe*. CC. P. 37 f., 75 f.

влиянием и контролем. Классический пример тому, пожалуй, можно видеть в случае с Чжао ди, которому в момент восшествия на престол было около восьми лет и который царствовал с 87 по 74 г. до н.э. под покровительством и надзором Хо Гуана. Этим и объясняется, очевидно, большое количество малолетних императоров при Поздней династии Хань; и в связи с этим встают вопросы об обязанностях императора, о функциях, которые он способен выполнять, и о том, почему именно данное лицо необходимо возвести на престол.

2. ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА

Сведения документального характера, проливающие свет на обязанности, назначение и власть монарха, обнаруживаются предельно ясно в эдиктах и меморандумах, касающихся восшествия на престол первого Циньского императора⁶ и низложения Лю Хэ в 74 г. до н.э.⁷; в декларациях Ван Мана⁸, в акте отречения от престола Ханьского императора Сянь ди и в декрете о воцарении первого Вэйского императора в 220 г. н.э.⁹ К счастью, они охватывают весь четырехсотлетний период, являющийся предметом настоящего рассмотрения.

В 221 г. до н.э. основной курс был взят на окончательное покорение соперничающих претендентов на престол и установление сильной власти — в расчете только на силу; как представляется, нет никаких упоминаний о религиозных обрядах, имевших место по этому случаю. Низложение Лю Хэ в 74 г. до н.э. оправдывалось несоблюдением им общепринятых норм морали или полной неспособностью внушать своими поступками должное почтение к трону. Декларации Ван Мана насыщены весьма вычурными и настойчивыми заклинаниями о ниспослании ему Небом мандата на власть и доказательств о волеизъявлении Неба по этому поводу. Кроме того, там же провозглашалось, что династия Синь является законным преемником власти чжоуских царей.

Наконец, множество документов, касающихся событий 220 г. н.э., содержат новый принцип, согласно которому трон императора всегда должен быть занят и недопустимо состояние междуцарствия, когда ни на кого не возложены обязанности правления. Эти последние документы обращаются также к некоторым сюжетам китайской мифологии, например отречения от престола Яо в пользу Шуня и отречения Шуня в пользу Юя; есть там и впечатляющее изображение религиозных обрядов, исполненных чрезвычайной торжественности. В целом можно проследить отчетливую линию развития от строго материалистических до религиозных представлений и от практического до интеллектуального ракурсов рассмотрения.

3. ЦЕРЕМОНИИ ВОЦАРЕНИЯ И НИЗЛОЖЕНИЯ ПРАВИТЕЛЯ

Церемонии, официально установленные при возведении на трон императора и торжественном принятии им высокого сана, показывают также усиление формальной стороны в области гражданских отношений, религиозных отправлениях, конституционной практики и символики.

В сфере гражданских отношений наблюдалась все возрастающая потребность в особом утверждении акта монаршего согласия на воцарение путем специального волеизъявления высших должностных лиц. Такая необходимость, в частности, видна в документах 74 г. до н.э., касающихся низложения и воцарения монарха¹⁰, где упомянуты многие высшие должностные лица как главные участники этих акций.

Надобность в официальном одобрении или даже словесном убеждении выявляется

⁶ Ши цзи 6. С. 235 сл.

⁷ Хань шу 68. С. 2937 сл.

⁸ Хань шу 99 В. С. 4105 сл.

⁹ См. Сань го чжи (Вэй, 2). С. 62 сл. — пояснения к документам, относящимся к отречению от престола последнего ханьского императора и восшествию на престол первого императора династии Вэй.

¹⁰ Хань шу 68. С. 2938 сл., 2945 сл.

также и с другой стороны. Со времени воцарения Вэнь ди в 180 г. до н.э. кандидат на престол должен был делать вид, что отказывается принять предложение вступить на трон, и тем самым вынуждать своих советников оказать ему свою поддержку. Подобный ритуал, включавший в себя формальный, дважды повторенный отказ от престола, не считался необходимым в то время, когда первый Циньский император впервые создал императорский дом и настойчиво потребовал его монарший сан, т.е. Хуанди, поставить несравненно выше титулов всех предшествовавших правителей. Этот обычай испрашивания особого разрешения у многих министров или сторонников был еще усилен Ван Маном. Когда пришел черед Гуану ди вступить на трон (25 г. н.э.), он последовал этому прецеденту и трижды отказывался от престола¹¹.

Восшествие на престол сопровождалось тремя видами религиозных церемоний, а именно: обрядами гадания, очищения и представления духам предков. Два первых обряда были скорее исключением, чем правилом. Отправление обряда гадания было, вероятно, сведено к случаям, когда право вступления на трон не было подкреплено назначением прямого наследника предыдущим императором. Это случилось в 180 г. до н.э., вслед за смутным временем фактического правления Вдовствующей императрицы Люй, когда встал вопрос, имеет ли Лю Хэн, царь Дай, преимущественное право на наследование престола. Обряд гадания был проведен также в 220 г. н.э., когда отречение от престола последнего из ханьских императоров повлекло за собой смену династии. Обряд очищения, как кажется, был совершен один-единственный раз Лю Хэном, вероятно, для того, чтобы изгнать влияние злых духов, которое, как полагали, могло остаться от Вдовствующей императрицы Люй, незаконно занимавшей высшее положение в стране¹².

Со времени второго ханьского императора (Хуэй ди) каждый новый император торжественно представлялся в храмах, посвященных памяти его предков и богослужению им. На самом же деле первое проведение этой церемонии относится ко второму императору династии Цинь. В ханьское время эта церемония сопровождалась недвусмысленным заявлением, что «Сын Неба является гарантом сохранения храмов предков и всеобщего единства внутри четырех морей». Дословный смысл этого изречения наглядно показывает, что эти заупокойные храмы становились символами единства и непрерывности существования империи¹³. Решение о низложении Лю Хэ, принятое после его 27-дневного правления в 74 г. до н.э., было также возведено храму Гао ди, основателя династии¹⁴.

Другой аспект религиозной сущности этих церемоний можно обнаружить в обстоятельствах восшествия на престол Гуану ди и первого Вэйского императора. По всей вероятности, к 25 г. н.э. Небо воспринималось как единственный получатель даров, приносимых от имени династии, в то время как раньше объектом поклонения были «Пять священных сил» (у ди)¹⁵. По случаю восшествия на престол Гуану ди был возжжен ритуальный костер с тем, чтобы дым от него поднялся и донес до Неба надлежащее уведомление о смене правления на земле. Такой же обряд был совершен, когда последний Ханьский император объявил о своем отречении от престола, а новый царь Вэй домогался признания¹⁶.

В случае, когда наследование императорского престола оказывалось предметом спора, легко могли возникнуть вопросы правового характера. Так, если законный по праву наследования император умирал, не оставив после себя наследника, который был бы им заранее назначен в качестве преемника, то кто бы мог заявить свои права на трон или кого можно было бы считать имеющим право предпринять какие-то

¹¹ Хань шу 4. С. 108; 99 А. С. 4093 сл.; 99 Б. С. 4099 сл.; Хоу Хань шу (трактат 7). С. 3158.

¹² Хань шу 4. С. 106, 108; Сань го чжи (Вэй, 2). С. 75.

¹³ Хань шу 68. С. 2940.

¹⁴ Там же. С. 2946.

¹⁵ Loewe. СС. Р. 185.

¹⁶ Хоу Хань шу 1А. С. 22; Хоу Хань шу (трактат 7). С. 3157.

действия, необходимые для обеспечения непрерывности правления? Хотя авторитетного ответа на этот вопрос нет, представляется несомненным, что Вдовствующая императрица, т.е. супруга или мать императора, имела право и, возможно, даже была обязана это сделать. Очевидно, без формального признания или одобрения такая практика была начата императрицей Люй, которая была ответственна за назначение наследника престола, известного под именем Хуэй ди (правил в 195—188 гг. до н.э.) и двух инфантов, номинально носивших этот августейший титул в течение всего периода ее господства. Этому прецеденту в дальнейшем следовали в моменты кризисов, как это было в 74 г. до н.э., а то, что Вдовствующей императрице самой было в то время всего лишь 15 лет или около того, могло быть только на руку тем ее старшим родственникам при дворе, кто преследовал собственные интересы. Тот же феномен прослеживается и в целом ряде случаев при Поздней династии Хань. Возможно, что во время кризиса 91—90 гг. до н.э. одна из соперничающих клик, имея в виду эти прецеденты, вынудила императрицу, бывшую уже в годах, покончить с собой — из опасения, что, оставаясь в живых, при известных обстоятельствах она вполне могла бы расстроить их собственные планы, поддержав притязания претендента противной стороны¹⁷.

По своему символическому значению императорская печать может быть сравнима с короной и державой европейского монарха, знаменующими признание за ним религиозной санкции и законного права на власть. Что касается печатей для удостоверения документов, то здесь, как и в отношении многих норм китайских общественных установлений, в обязательном порядке должны были быть ясно различимы иерархические ранги. Императорская печать отличается от печатей, которые высочайше было разрешено носить принцам, знати и высшим официальным лицам, своей материальной субстанцией: она изготовлялась из нефрита. Для печатей императора употреблялся почти исключительно специальный термин *си*; некоторые тексты толкуют его как *шэнь ци*, или «священный предмет». В ряде случаев вручение печати играло роль официального утверждения акта восшествия данного лица на императорский трон, а лишение ее символизировало формальный конец правления или, возможно, даже династийного дома. Такое положение наблюдается в 180 г. до н.э. и в драматическом эпизоде 220 г. н.э., когда печать дома Лю была, наконец, вынужденно передана представителям новой династии Вэй¹⁸.

На этом основании можно попытаться определить элементы или даже основные черты концепции верховной власти императора. На протяжении четырехсотлетнего правления Цинь и Хань она, конечно, претерпела значительное развитие, сопровождавшееся появлением церемоний, имеющих целью стандартизировать практику и придать ей авторитет традиции. Многое можно извлечь из некоторых собственных декретов императора, где выражается озабоченность по поводу обязанностей, налагаемых на него саном, и его собственных погрешностей при их выполнении. Так же и предложения его министров могли иногда указывать, как можно было бы улучшить выполнение своих обязанностей правителем и чего они ожидают от него.

Император служил символом и инструментом постоянства. В ханьский период получили развитие несколько философских систем и конструктивных проектов, которые пытались установить связь между сущим и вечным миропорядком, или создать схему, которая превзошла бы недолговечность человеческого существования. Так, теория «Пяти фаз» (у син) привлекала все большее внимание, так как она постулировала непрерывный ритм изменения материального мира с его непрерывным циклом рождения, смерти и возрождения. С другой стороны, некоторые философы сосредоточили свое внимание на 64 гексаграммах — символах универсального бытия и его повторяющихся стадий. Государственные чиновники отбирали те тексты из ранней литературы, содержание которых, как полагали, представляло в социальном и, воз-

¹⁷ Хань шу 3. С. 195 сл.; 68. С. 2939 сл.; см. также Loewe. СС. Р. 37 f., 75.

¹⁸ Хань шу 3. С. 107; Сань го чжи (Вэй, 2). С. 75.

можно, политическом отношении непреходящую ценность. Некоторые из этих текстов легли в основу традиционных правил поведения *ли*, обладавших достаточной устойчивостью и эффективностью, чтобы подавлять личные интересы и утверждать неизменный характер взаимоотношений между людьми.

Возможно, что таким же образом и институт императорской власти был тем установлением, которое выходило за пределы жизни самого правителя. Он существовал вечно, какие бы преходящие обстоятельства ни были при дворе и какие бы изменения ни происходили в повседневной жизни человечества. Связь императора с вечностью прослеживается в его молитвенном служении своим предшественникам и его долге обеспечить наследника, который стал бы его преемником. Настоятельная необходимость в непрерывности правления видна из настойчивого утверждения одного из документов 220 г. н.э., что не должно быть междуцарствия из-за отсутствия законно занимавшего трон императора¹⁹.

Император был предназначен для выполнения миссии. Эта идея отнюдь не была нова ко времени Цинь и Хань, так как она была уже выражена в некоторых древнейших литературных памятниках Китая, таких как «Книга документов»²⁰. В древние времена цари Чжоу с гордостью величали себя Тянь цзы, или Сын Неба, и заявляли, что их право на власть основано на обязанности управлять человечеством, возложенной на них Небом. Идея Тянь мин была бы, конечно, вполне приемлемой при условии, что можно было бы установить, что действительно только один монарх выступает в таком качестве. Но надо признать, что в течение последующих столетий периода Чжоу, начиная, возможно, с 700 г. до н.э., бок о бок с царями Чжоу появился ряд независимых правителей, и некоторые из них присвоили тот же самый титул царя, на какой претендовали правители Чжоу. Таким образом, в течение нескольких веков оказалось невозможным использовать эту идею для обоснования исключительного права на власть; и завоеватели, которые создали первую империю — Цинь, едва ли могли это сделать. В отличие от царей Чжоу, царствовавших перед ними, они не поклонялись Небу как своему верховному владыке.

Возрождение этой идеи было бы вполне уместным, как только было провозглашено единовластное правление, и она могла бы быть поднята на щит домом Хань с самого начала II в. до н.э. Однако идея Тянь мин упомянута в связи с императорским домом в ханьский период лишь сравнительно поздно. Первое безусловное упоминание о Тянь мин относится примерно к 45 г. до н.э.²¹ Позднее она была использована Ван Маном для обоснования его права на власть, и эта концепция занимает важное место в одной из самых ранних в Китае попыток анализа императорского суверенитета²². Это — документ под названием «Ван мин лунь» («Дискуссия о судьбе монархов»), написанная Бань Бяо (3—53 гг.)²³.

Идея Тянь мин привлекла к себе внимание почти в то же самое время, когда претерпевали большие изменения государственные культы, которые теперь были связаны скорее с поклонением самому Небу, чем другим божествам. Тянь мин облекала императора властью, исходившей от сверхъестественной силы и вследствие этого требовавшей безусловного почитания и послушания; такое почитание не обязательно выказывалось властям, не обладавшим этой санкцией. Помимо наделения императора сознанием своей миссии Тянь мин служила также поддержкой идее непрерывности и постоянства. Она непосредственно обеспечивала связь с домом и царями Чжоу, правившими ранее на части территории Китая почти тысячелетие, и модель

¹⁹ Сань го чжи (Вэй, 2). С. 75.

²⁰ См.: *Karlgren B. The Book of Documents // Bulletin of the Museum of Far Eastern Antiquities (Stockholm)*. 1950. 22. P. 20, 37, 39, 59.

²¹ Хань шу 81. С. 3338 сл.; *Loewe*. CC. P. 158 ff.

²² Хань шу 99 А. С. 4095 сл.

²³ Хань шу 100 А. С. 4208 сл.; см. перевод *De Bary W.T. et al. Sources of Chinese Tradition*. N.Y.—L., 1960. P. 176 f.

их правления активно поддерживалась в ученых и придворных кругах; фиктивно она просуществовала как реквизит до конца императорского правления в 1911 г., давая место утверждению, что данная форма правления составляет неотъемлемую часть исторического процесса.

Теории Дун Чжуншу (ок. 179—ок. 104 г. до н.э.) о природе вселенной формировались в период правления У ди, т.е. спустя почти столетие после основания империй Цинь и Хань. Позднее его воззрениям было суждено получить всеобщее признание, и с включением, кроме того, положения о взаимоотношении между императором и Небом они внесли значительное изменение в поверхностное представление, что право на власть основывается только на силе, необходимой для ее утверждения. По теории Дун Чжуншу, император являлся связующим звеном между Небом, Землей и Человеком — тремя взаимозависимыми космическими ипостасями вселенной. Как таковая его (императора) позиция настолько важна, что гарантирует космическую гармонию вселенной, а его взаимоотношения с Небом обеспечивают ему всемерное руководство свыше в том случае, если он опасается, что не сможет надлежащим образом выполнять свои обязанности. Из этого принципа вытекает объяснение Дун Чжуншу необычных феноменов и стихийных бедствий как предуведомлений императора о том, что его администрация допускает ошибки. Спустя некоторое время после смерти Дуна было предложено, чтобы иероглиф *ван* — царь являлся символом царственности, графически представлявшим собой (как это было и в действительности) вертикальную черту, обозначающую монарха, которая соединяла три горизонтальные, соответственно обозначавшие (сверху вниз) Небо, Человека и Землю²⁴.

Из этих рассуждений становится ясным прежде всего то, что самыми значимыми из всего круга обязанностей императора являлись те, что были связаны с отправлением религиозных культов. Здесь надо иметь в виду особые присущие императору свойства, необходимые для выполнения этих функций. Как уже давно отметил Анри Масперо²⁵, система религиозных обрядов является ключом к пониманию социального строя. В доимперские времена ее характерная особенность состояла в том, что знать обладала правами на отправление религиозных обрядов в своих родовых храмах, в то время как простой народ таких привилегий не имел. Императоры также стали иметь и право, и обязанность отправлять службы тем сверхъестественным силам, с которыми, как верили, они и только они были в контакте. В этом плане в периоды Цинь и Хань произошли решительные преобразования.

Цари Шан (ок. 1770—ок. 1045 г. до н.э.) вершили обряды, посвященные высшей силе, которую они именовали Ди; а следующие за ними цари династии Чжоу поклонялись божеству, известному им как Тянь, или Небо. С упадком их власти, возвышением других царств в период Воюющих государств и развитием в то время интеллектуальных идей произошли изменения. Во времена империи Цинь поклонялись четырем Ди, или силам, каждая из которых, как полагали, имела свою сферу влияния; когда династия Хань пришла на смену Цинь, при ней поддерживались те же культы наряду с поклонением пятому Ди, что требовалось для полного соответствия с теорией «Пяти фаз». Начиная с 123 г. до н.э. ханьские императоры лично участвовали в этих священнодействиях, имелось в виду, что они должны были отправлять этот ритуал раз в три года. Кроме того, религиозные обязанности императоров были расширены в связи с торжественным введением государственных культов, посвященных богам Хоу ту (Земле) и Тай и — первоначально богу одного из созвездий, который постепенно приобретал все более абстрактные черты²⁶.

Основное изменение, произошедшее в государственных культах, отправляемых императором, состояло в признании главным объектом поклонения Тянь вместо пяти

²⁴ О трех докладах Дун Чжуншу см.: Хань шу 56. С. 2498 сл., 2508 сл., 2514 сл.

²⁵ Maspero H. *Mélanges posthumes sur les religions et l'histoire de la Chine*: I. Les religions chinoises. P., 1950. P. 19 f.

²⁶ См. Loewe. СС. P. 167 f.

Ди. Эта замена отнюдь не была внезапной, она явилась результатом длительного развития, сопровождавшегося изменениями соответственно в идеологии империи, ее внутренней и внешней политике. Прежде всего она предполагала признание царей Чжоу и их управления идеалом, которому призваны следовать императоры Хань²⁷. Важные шаги в этом направлении были предприняты ок. 31 г. до н.э., но лишь со времени Ван Мана и императоров Поздней династии Хань эта замена окончательно состоялась. Прямой долг императоров теперь состоял в отправлении культа Неба, что продолжалось до конца императорской эры в 1911 г.

Столь же длительное время сохранялись и другие императорские функции религиозного характера. Иногда он совершал священный обряд восхождения на гору Тай, чтобы там произвести ритуальные действия, зачастую окутанные тайной. Это изнурительное и расточительное действо потребовало чрезвычайного напряжения сил первого Циньского императора в 219 г. до н.э. и Ханьского У ди в 110 г. до н.э., но нельзя точно установить, к каким богам оно было обращено или какого рода ритуальные действия при этом исполнялись. Гуану ди был следующим из императоров, который взял на себя такое испытание в 56 г. н.э., к этому времени относится специальное упоминание о Небе как объекте жертвоприношений, и вероятно, что частично цель этого обряда состояла в возможности для императора доложить Небу о состоянии его управления.

Алтарь и Храм Неба в Пекине по настоящее время служат свидетельством сохранения этой практики до конца династии Цин. Они также отражают некоторые другие виды религиозной деятельности, восходящие к периоду Хань и продолжившиеся впоследствии. Они включали в себя обряд, посвященный началу сельскохозяйственного года, во время которого император собственноручно управлял плугом, а императрица принимала участие в работах по производству шелка. Тем самым они призывали благословение на труд земледельцев, молили о плодородии почвы и возвещали начало сезонных перемен на земле.

Император служил также эталоном морали; он должен был выполнять — и так, чтобы это было зримо, — правила добродетельного поведения, завещанные святыми учителями древности, и тем самым заслужить уважение своих подданных. То, что он способен в этом преуспеть, зиждилось на вере, что своим положением он обязан прямому покровительству Неба; он был единственным, кто был наделен высшей моралью и благой силой *дэ* и кому Небо даровало свой мандат. Во многих императорских эдиктах, особенно начиная с 80 г. до н.э. и при Поздней Хань мы находим заявления о важности этих добродетелей и необходимости им следовать. Мы узнаем, как император порицает себя за свои личные недостатки и за свою неспособность жить согласно требованиям морали. Именно несоблюдение этих требований приводилось как одна из причин свержения Лю Хэ после его 27-дневного пребывания на троне в 74 г. до н.э.²⁸

Эти добродетели включали в себя некоторых из тех, что восхвалял сам Конфуций (551—479 гг. до н.э.) и его ближайшие последователи, проповедовавшие его этические идеалы. Кроме того, *дэ*, которое определяло истинное лицо императора, проявлялось в его милосердии и щедрых пожалованиях, что было выражением его человечности и доброты. Следует отметить, что из этой предпосылки могли вытекать политические последствия, так как считалось, что законно вззошедший на престол император был наделен свыше этими добродетелями, и потому он возглавляет справедливую и благосклонную, человеколюбивую администрацию, а в то же время бессовестный чиновник, прикрываясь тем, что при правителе, наделенном мандатом Неба, не может совершаться ничего несправедливого, мог творить преступления.

В политико-правовом и административном отношениях наличие императора было необходимо для способа и формы правления, основанного на принципах иерархии, когда

²⁷ Ibid. P. 160, 210, 218 etc.

²⁸ Например: Хань шу 7. С. 223; 8. С. 243.

служащие низших рангов получали свои полномочия от вышестоящих должностных лиц, уступавших им часть своей власти. Таким образом, важно иметь возможность четко указать, от кого в конечном счете исходили вся полнота власти и право требовать повиновения.

На практике именно император назначал или смещал высших должностных лиц государства. Однако необходимость в активной поддержке наиболее могущественных влиятельных лиц ограничивала свободу его выбора. Приходилось все более и более считаться все более сложными его отношения с влиятельными домами. Часто эти отношения зависели от брачных связей. Малолетние императоры или юные Вдовствующие императрицы едва ли могли противостоять ясно выраженным желаниям и советам своих наставников. При таких обстоятельствах влиятельные политические противники могли манипулировать назначениями на высокие посты.

Эдикты выходили с санкции императора, но лишь в редких случаях сам император был инициатором таких документов или принимал связанные с ними решения. Во многих случаях императорский эдикт просто выражал согласие с предложениями, которые уже вынесли на обсуждение главные министры, и документы, подписанные на самом высшем уровне, содержали лишь одно-единственное слово *кэ* — «одобрено».

Некоторые случаи уголовных следственных дел в последней инстанции направлялись на рассмотрение императора или для определения им соответствующего наказания за преступление. Здесь, возможно, имелся известный простор для самовластных действий в зависимости от характера законов *люй* — «Статутов» и *лин* — «Ордонов» империи. Вместо того чтобы опираться на высокий авторитет конституции, определяющей права, привилегии и обязанности, эти акты скорее имели характер перечня наказаний за преступления или мер, обеспечивающих повиновение воле правительства. Однако, вероятно, свобода императора в отправлении правосудных акций была ограничена в одном отношении: а именно в том, что он не мог налагать наказание более суровое, чем то, которое полагалось по законам *люй* или *лин*²⁹.

В противоположность другим империям, где активное участие в делах управления и лидерство почти везде играли существенно важную роль, в Китае это было исключением. Это касается престижа, приобретенного личными успехами военачальников, приведших армию к победе на поле боя. Кроме тех авантюристов, которые успешно возглавили вооруженное восстание и затем создали свои собственные династии, в истории Китая было лишь несколько императоров, известных военными подвигами. Как очевидные исключения всплывают в памяти примеры Танского Тай Цзуна и Цинского Канси. Напротив, идеал скорее состоит в умении управлять империей посредством политики недеяния (*у вэй*) или в дружелюбном и успешном сотрудничестве императора и его доверенного министра.

Поскольку император являлся главой бюрократической и административной структуры, то был также и главой социальной иерархии. В ханьских придворных и правительственных кругах все четко осознавали эти градации и необходимость их символического проявления, так как тем самым они имели право на уважение, положенное им по рангу, а также на привилегии и жалование в соответствии с их положением. Тот факт, что император стоял во главе этой шкалы, выше царей и знати, подчеркивался целым перечнем предписаний, которые регламентировали все стороны и детали повседневной жизни, такие как стиль одежды, транспорт, количество слуг, соответствующих рангу, и, наконец, объем и характер похоронных принадлежностей, полагавшихся по смерти. Кроме того, функция императора, влияющая на социальную структуру, заключалась в его праве даровать ранги знатности, отличавшие лиц более низких статусов согласно их личным заслугам или кровному родству. Такие ранги знатности могли включать правовые привилегии или материальные выгоды.

²⁹ См. СНСЧ. Р. 529; это заключение следует из дискуссии с профессорами Бюнгером и Халсве.

Император играл также признанную роль в некоторых сферах культурной жизни. Уже в ханское время он выступал покровителем литературы и искусства, и императорским коллекциям книг мы обязаны не только сохранением многих произведений ранней китайской литературы, но также и перечнем произведений, которые должны были находиться в разное время в императорских библиотеках. Во дворце также хранились собрания картин, и по крайней мере не менее одного раза каждый император давал поручение создать картину, отвечающую его воле³⁰. Свиты художников и ремесленников также обслуживали императорский двор, вкладывая свое мастерство в изделия из нефрита и бронзы, проектировали и строили роскошные дворцы и мавзолеи, являвшие всему миру величие Сына Неба.

Выше было уделено внимание функции императора как инструмента постоянства, как носителя миссии и космической связи между тремя ипостасями Вселенной. Мы рассмотрели некоторые из его обязанностей и его роль служителя культа, морального эталона и главы политической и социальной структуры, упомянули о его покровительстве искусствам. Во всех этих случаях лишь очень редко можно было наблюдать, чтобы личность императора значила больше, чем его формальный имидж, и чтобы как человек он был важнее своего сана. Его сила или слабость как индивидуальные качества не влияли на отправление им его культовых обязанностей; лишь в исключительных случаях государственные дела зависели от его решения или его личных заслуг; только его положение, а никак не его личность, имело значение для установления и соблюдения *ли*.

В отличие от некоторых трудов западной историографии китайские исторические сочинения уделяли мало внимания культу личности или отдельным героям определенного периода, поэтому важно, чтобы в своих заключениях мы не слишком были бы введены в заблуждение характером наших источников. И тем не менее ясно, что во многих случаях, особенно при Поздней Хань, император оказывался под влиянием или даже под властью других лиц и был не в состоянии поддерживать равновесие между оппозиционными кликами. Не существовало никакого общепризнанного письменного свода религиозного или правового характера, которым он мог бы руководствоваться; его министры, как и он, могли найти оправдание своим действиям в классических текстах; отправляемые им религиозные обряды не оставляли места для божественного откровения, которое позволило бы ему противостоять воле его советников.

Однако угроза гибели коренилась в уязвимости самой теории и практики императорского суверенитета. Будучи символом непрерывности жизни, превосходящей отдельные человеческие существования, император был обязан обеспечить себе наследника, сменяющего его на троне. Чтобы обеспечить себе сына в условиях распространенной детской смертности, императоры простирали свою благосклонность как на своих официальных жен, так и на множество других женщин, носящих определенные титулы дворцовой иерархии³¹. Поэтому не следует удивляться накалу соперничества и ревности в то время, когда возникала необходимость выбора одной из нескольких семей императорских жен и того из сыновей императора, кто будет удостоен чести назначения ожидающим императорского титула, — как бы ни были ограничены его собственные возможности, для его родственников по материнской линии открывался путь выгодного использования своего положения; и случалось, что старшие члены такой семьи занимали важные посты в императорском правительстве. Таким образом возникала неизбежная связь между политической борьбой клик, с одной стороны, и рождением и назначением наследника престола — с другой. Отсюда возникали острые ситуации, которые могли подвергать опасности сохранение императорской династии. Выступая как проявление вечности, этот институт был поставлен под удар заложенной в нем самой опасностью, проявившейся особенно ярко во второй половине II в. н.э. Именно в это время Ван Фу (ок. 90—165) поднял вопрос о том,

³⁰ Хань шу 49. С. 1985.

³¹ Хань шу 97А. С. 3935.

является ли наследственность более важным критерием для правителя, чем его заслуги³².

Поддержание императорской династии могло быть чревато затруднениями и иного рода, причиной которых вполне мог быть отдельный чиновник. Это было связано с идеалом *чжун* — одной из добродетелей, превозносившихся в доимперской литературе. Этот термин обычно переводится как «преданность», т.е. моральная обязанность состоящего на службе чиновника по отношению к своему правителю. Затруднение возникало в том случае, если добросовестному и сведущему в делах чиновнику становилось ясно, что лицо, находящееся на троне, не обладает необходимыми для правителя качествами. Можно ли ожидать от чиновника при таких обстоятельствах безупречной службы тому, кого он презирает за неспособность соответствовать нормам морали? Или он имел право воздержаться от таких поступков, которые требовали компромисса с безнравственным, и тем самым сохранить чистоту собственных помыслов и уважение к тем высшим этическим ценностям, олицетворением которых считался император?

Эта проблема проходит через всю историю Китая. Так, в последние десятилетия ханьской империи несколько выдающихся государственных деятелей не смогли пойти на сделку с собственной совестью ради чиновной службы, они предпочли трудный выбор отказа от общественной жизни, а тем самым избавления от обязанностей, в уважении к которым они были воспитаны³³. Такой же конфликт наблюдался и в другие времена, как, например, среди минских верноподанных чиновников XVII столетия. Это хорошо известно по множеству отказов от службы в различных частях мира на протяжении XX столетия.

Живший в доимперское время Сюнь Цин (ок. 335—ок. 228 г. до н.э.) утверждал, что человек представляет собой большую ценность, чем институт³⁴. Но опыт ранних империй едва ли может служить ему поддержкой. Конечно же, для непрерывности правления было существенно необходимо, чтобы император находился на троне, но при этом он почти не обладал властью. Его значение в религиозном отношении состояло в отправлении им культовых обязанностей от имени человечества, а в правовом — в том, что он выступал как формальный источник светской власти; только при исключительных обстоятельствах он имел возможность проявить себя как сильная личность, и лишь в редких случаях судьба Китая зависела от воли Сына Неба.

Императоры династий Цинь, Хань и Синь

	Время правления
Цинь: Первый император	221—210 гг. до н.э.
Второй император	210—207 гг.
Ранняя Хань ¹ : Гао ди	202—195 ²
Хуэй ди	195—188
Шао ди Гун ³	187—184
Шао ди Хун ³	184—180
Вэнь ди (Лю Хэн)	180—157
Цзин ди	157—141
У ди	141—87
Чжао ди	87—74
(Лю Хэ)	74 (в течение 27 дней)
Хуань ди	74—49
Юань ди	49—33

³² CHCh. P. 634.

³³ См.: Loewe. The Failure of the Confucian Ethic in Later Han Times // China Dimensionen der Geschichte. Festschrift für Tilemann Grimm anlässlich seiner Emeritierung / Ed. P.M. Kuhfus. Tübingen, 1990. S. 194; а также: *Vervoorn Aat. // Men of the Cliffs and Caves: the Development of the Chinese Eremic Tradition to the End of the Han Dynasty.* Hong Kong, 1960.

³⁴ Сюньцзы. Ван Лунь / Ред. Лян Цисюн. С. 234.

	Чэн ди	33—7
	Ай ди	7—1
	Пин ди	1 г. до н.э.—6 г. н.э.
Синь:	Ван Ман	9—23
Поздняя Хань:	Гуану ди ⁴	25—57
	Мин ди ⁴	57—75
	Чжан ди ⁴	75—88
	Хэ ди	88—106
	Шан ди	106 (февраль—сентябрь)
	Ань ди	106—125
	Шао ди	125 (май—сентябрь)
	Шунь ди	125—144
	Чжун ди	144—145
	Чжи ди	145—146
	Хуань ди	146—168
	Лин ди	168—189
	Шао ди	189 (май—сентябрь)
	Сянь ди	189—220

¹ Из императоров ранней династии Хань только Гао ди, Цзин ди и Юань ди вступили на трон совершеннолетними.

² Царь Хань с 206 г. до н.э. титул императора принял в 202 г. до н.э.

³ Малолетние императоры в период господства императрицы Люй.

⁴ При Поздней династии Хань только этим трем императорам при восшествии на престол было около 18 лет*.

Указатель иероглифов

Бань Бяо
(Ban Biao)

班彪

Гао ди
(Gao di)

高帝

ван
(wang)

王

Гуану ди
(Guangwu di)

光武帝

Ван Ман
(Wang Mang)

王莽

Дай
(Dai)

代

Ван мин лунь
(Wang ming lun)

王命論

Ди
(Di)

帝

Ван Фу
(Wang Fu)

王符

Дун Чжуншу
(Dong Zhongshu)

董仲舒

Вей
(Wei)

魏

дэ
(de)

德

Вэнь ди
(Wen di)

文帝

Инь
(Yin)

殷

* Перевод Т.В. Степугиной и Э.И. Левитес.

кэ
(ke) 可

ли
(li) 禮

лин
(ling) 令

Лю
(Liu) 劉

Лю Бан
(Liu Bang) 劉邦

Лю Хэ
(Liu He) 劉和

Лю Хэн
(Liu Heng) 劉恒

Люй
(Lü) 呂

люй
(lǜ) 隗

Люй ши чунь цю
(Lü shi chun qiu)

呂氏春秋

Мин
(Ming) 明

си
(xi) 璽

Синь
(Xin) 新

Сюньцзы
(Xunzi) 荀子

Сюнь Цин
(Xun Qing) 荀卿

Ся
(Xia) 夏

Тан Тай Цзун
(Tang Tai zong) 唐太宗

Тай
(Tai) 泰

Тай и
(Tai yi) 太一

Тянь
(Tian) 天

Тянь мин
(Tian ming) 天命

Тянь цзы
(Tian zi) 天子

у вэй
(wu wei) 無為

У ди
(Wu di) 武帝

у ди
(wu di) 五帝

у син
(wu sing) 五行

Хань
(Han) 漢

(Хань) Сянь ди
(Han) Xian di) 獻帝

Хо Гуан
(Huo Guang) 霍光

Чжоу
(Zhou) 周

Хоу ту
(Hou tu) 后土

чжун
(zhong) 忠

Хуанди
(Huangdi) 皇帝

Чэн ди
(Cheng di) 成帝

Хуэй ди
(Hui di) 惠帝

Шан
(Shang) 商

Цинь
(Qing) 清

Шунь
(Shun) 舜

Цинь Канси
(Qing Kangxi) 清康熙

шэнь ци
(shen qi) 神器

Цинь
(Qin) 秦

Юй
(Yu) 禹

Чжао ди
(Zhao di) 昭帝

Яо
(Yao) 尧

THE EARLY CHINESE EMPERORS AND THEIR FUNCTIONS

M. Loewe

Although Chinese writing was first evolved from shortly after 2000 B.C., it is only later, by the fifth century B.C. onwards, that the first attempts to formulate systematised writing on abstract themes may be dated. By then, however, certain ideas regarding the function of a monarch were already well established. The origin, institutions and practice of kingship were coming to be of sufficient significance to earn a place in much of the writing that appeared in the Warring States period. According to the *Lü shi chun qiu* and *Xunzi* the exercise of leadership of sovereignty arose from practical necessity.

New and very different political concepts arose with the foundation of the Qin (221—210 B.C.) and Han (220 B.C. — A.D. 9 and 25—220) dynasties. There was a basic distinction between the so-called 'Legalist' and 'Confucian' points of view. According to 'Legalist' principles, institutions of state took priority and were of overriding importance as compared with individual personalities; 'Confucian' teachers asserted that human beings are of greater importance than the institutions.

The concept of imperial sovereignty had been subject to considerable development during the four centuries of Qin and Han rule. In all, it is possible to trace a clear development from strictly material to more spiritual considerations; from practical to intellectual aspects. In civil terms, there was a growing need to confirm the acceptance of a sovereign's accession, as manifested in the specific expression of will by senior officials.

The Han period had seen the growth of several intellectual schemes and institutional devices that sought to establish a link between the present and the eternal order. The idea of the *Tian ming*, or

'Mandate of Heaven' served to support the idea of continuity and permanence. The *Tian ming* provided an emperor with the authority that derived from a superhuman power. According to Dong Zhongshu, the emperor acts as a cosmic link between Heaven, Earth and Man, the three interlocking estates of the universe. The most significant of all elements of the emperor's duties, was a religious functionary.

In constitutional and administrative terms the existence of an emperor was essential to the conduct and structure of government, based as this was on hierarchies. It was the emperor who appointed or dismissed the senior officials of state. However the need for the active support of the most powerful men of the day imposed a limit to his freedom of choice. Just as the emperor constituted the head of the official and administrative structure, so too was he the head of the social hierarchy.

It is only rarely to be seen that an emperor's personality is of greater importance than his image, that the man is more significant than the position. It was certainly essential for the continuity of government that an emperor should be seated upon the throne, but once there he wielded little power; his importance lay in his religious duties, performed on behalf of mankind and, in constitutional terms, as the formal source of temporal power; only exceptionally was he able to show the force of his personality; only rarely did the destiny of China rest on the character of the Son of Heaven.

Л.А. Гиндин, В.Л. Цымбурский

ПРАГРЕКИ В ТРОЕ

(Междисциплинарный аспект)*

I

Говоря о фракийских элементах, доминирующих в троянской топонимике¹, или о легендах, отразивших пребывание на этой территории лувийцев², мы, не колеблясь, используем свидетельства Гомера в качестве законных, часто первостепенных по значению источников. Однако, сталкиваясь с огромным числом греческих имен в изображаемой поэтом Трое Приама, затруднительно видеть в них материал для серьезных этноисторических выводов. В чем же различие? Оно связано с той исключительной свободой, с которой Гомер, выводя на сцену персонажей из древней Малой Азии или с балканского севера, импровизирует также и для них, по знакомым моделям и в согласии с требованием метра, греческие имена, слегка разбавляя последние туземными формами. Так, в «Троянском каталоге» появляются меотиец Местл (Μέσθλης) и кариец Наст (Νάστης) с архаичными восточноэгейскими именами, точно отвечающими фрак. Μέστυλος, Νάστας и далее этр. *Mestléš, Nastas*, причем этрусские формы явно происходят из ономастикеона Западной Анатолии³. А в соседних строках того же «Каталога» находим пафлагонца Пилаймена (Πυλαίμηνης), т.е., по-гречески «Мощного в воротах», мисийца Эунома (Εὐνομος) «Благозаконного», карийца Амфимаха (Ἀμφίμαχος) «Атакующего», кикона Эвфема (Εὐφήμος) «Доброславного», пеона Пирехма (Πυράχημος) «Огненно-копейного». Когда в Трою является издалека отряд гализонов, которых современные ученые считают обитавшим на юго-востоке Причерноморья раннекартвельским народом⁴, их вожди также получают «говорящие» греческие имена: Годий (Ὀδῖος) «Путник» и Эпистроф (Ἐπίστροφος) «Возвращающийся назад» (П. II. 856). Этот гомеровский узус, широчайшее «раздаривание» греческих имен заведомым негрекам — для историка культуры своеобразное свидетельство, говорящее об отношении греков — гомеровских современников — к своей ономастике как к этнически немаркированной, нейтральной, не предназначенной служить средством дифференциации «своих» от «чужих».

* Данная работа и непосредственно примыкающая к ней статья «Троя “Пра-Аххива”», подготовленная для публикации в ВДИ, представляют собой главу, не вошедшую по причинам превышения объема в книгу тех же авторов «Гомер и история Восточного Средиземноморья», выпускаемую издательской фирмой «Восточная литература» (М.: Наука).

¹ Гиндин Л.А. Древнейшая ономастика Восточных Балкан (Фрако-хетто-лувийские и фрако-малоазийские изоглассы). София, 1981 (с литературой); *он же*. Население гомеровской Трои. Историко-филологические исследования по этнологии древней Анатолии. М., 1993. С. 14–42; Гиндин, Цымбурский, Гомер... Гл. V.

² Гиндин. Население... С. 43–91 (с литературой); *он же*. Лувийцы в Трое (опыт лингвофилологического анализа) // ВЯ. 1990. № 1; Цымбурский В.Л. Троянская Ликия и проблема этногенеза ликийцев // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. Тезисы и доклады конференции. Ч. 1. М., 1984. С. 107–110; Гиндин, Цымбурский. Ук. соч. Гл. V.

³ *Deutschew D.* Die thrakischen Sprachreste. 2. Aufl. Wien, 1976. S. 296, 300; *Thesaurus linguae etruscae*. I. Indice lessicale. Publ. da M. Pallotino. Roma, 1978. P. 241, 256.

⁴ Дьяконов И.М. Предыстория армянского народа. Ереван, 1968. С. 119; Гордезиани Р.В. Проблемы гомеровского эпоса. Тбилиси, 1978. С. 189.

Причина тому заключается в особенностях этнокультурной ситуации, возникшей в заселенных греками областях Анатолии. Хотя термин «варвар» в качестве наименования иноплеменника, человека, говорящего на чужом языке, мог появиться уже в микенское время (ср. PY Cn 643, KN Vc 206, Xd 207, с именем *pa-pa-ro*, возможно, равным βάρβαρος), но в VIII—VI вв. до н.э. отношение греков и негреков еще не предвещало той конфронтации «эллинского» и «варварского» миров, которая в греческом сознании оформляется начиная с эпохи Персидских войн. В период архаики в Ионии, Карии, Эолиде совсем не редкостью были носители греческих имен, претендовавшие на древние малоазиатские корни (каковы, например, уже знакомые нам ионийские Главкиды), и, наоборот, фигуры вроде карийца Паниасия, дяди Геродота по матери, предававшегося поэтическому творчеству на греческом языке. Среди меценатов Гомера были фракийские по происхождению «потомки Энея», а по преданию ему доводилось петь и при дворе сыновей фригийского Мидаса. Сама жизнь предоставляла великому поэту сплошную амальгаму малоазиатских и греко-балканских реалий, которая не могла не сказаться на трактовке этнических отношений в художественном мире «Илиады».

Слух грека-анатолийца был чуток к многообразию звучащих вокруг языков, наречий, диалектов. Так, богиня Ирида, приняв облик Полита, сына Приама, обращается к Гектору, выводящему из города войско: «Гектор, я тебе вот что особенно посоветую сделать, ибо много союзников в великом городе Приама, а у разных, повсюду разбросанных людей, различный язык. Пускай же каждый даст знак тем, над которыми командует, и предводительствует ими, построив своих сограждан» (II. П. 802—806). Многоязычие жителей Малой Азии и фракийского побережья, с которыми доводилось общаться грекам, подсказывало, что войско, собравшееся на защиту Трои со всего этого ареала, не могло не быть пестрым в лингвистическом отношении, и распоряжения Гектора, отдаваемые им на родном языке, должны были оставаться непонятными для многих его союзников, особенно из рядовых воинов. В гомеровском гимне к Афродите, который считается очень близким по стилю и языку к «Илиаде» и «Одиссее» и не слишком удаленным по времени создания от этих поэм⁵, Афродита, явившись на Иде Анхизу и выдавая себя за чудом попавшую в Троаду дочь фригийского царя, заявляет (Hymn. Hom. IV. 113—116.): «Я хорошо знаю и ваш, и наш язык. Меня кормилица-троянка взрастила в покоях... поэтому и ваш язык я хорошо знаю...». Как видно, в современную Гомеру эпоху язык Троады, заселенной по преимуществу фракийскими племенами, достаточно отличался от фригийского, и греки вполне отдавали себе в этом отчет.

Осознаваемое разнообразие языков и культур в это время отнюдь не редуцировалось в их сознании к разнице греческого и негреческого, но тем не менее свое, греческое начало приобретало в этой картине мира особое место. Примечательно, что у Гомера ни разу не встречается в чистом виде термин «варвар» для обозначения человеческого типа, которому был бы противопоставлен «грек». Сама же основа этого термина выступает в одном, очень интересном случае — в составе сложного слова βαρβαρόφωνοι «варвароязыкие», определяющего карийцев, которые «владели Милетом и густолиственной горой Фтироном и потоками Меандра и высокой вершиной Микалы» (II. П. 867—869). Страбон, посвятивший этому месту обширный комментарий (XIV.2.28), специально задался вопросом: почему поэту понадобилось выделять таким образом карийцев среди массы союзников Трои, одинаково чуждых грекам по культуре и языку и вместе подходящих под понятие «варваров»? Ответ Страбона знаменателен. Правильно подчеркивая, что речь идет не о «варварах», но именно о «варварофонах», т.е. о людях с особым, непривычным «выговором» и ссылаясь на наличие в карийском языке массы греческих заимствований, географ доказывает, будто гомеровское словоупотребление может служить свидетельством ранних контактов

⁵ Hoekstra A. The Sub-Epic Stage of the Formulaic Tradition Studies in the Homeric Hymns to Apollo, to Aphrodite and to Demeter. Amsterdam, 1969; Гордезиани П.В. Проблемы композиционной организации в раннегреческом эпосе // Алексею Федоровичу Лосеву к 90-летию со дня рождения. Тбилиси, 1983.

карийцев с греками. Ибо в ту пору, когда другие племена Анатолии вовсе не владели греческой речью, в языке карийцев греки узнавали свои слова, однако искаженные чуждым варварским произношением. Интерпретация Страбона с высоты нынешних знаний о малоазийской истории находит подтверждение в том, что у Гомера речь идет об окрестностях Милета, т.е. именно о тех районах, где раньше всего, уже в XV в. до н.э. появилась колония ахейцев. Если Страбон прав, за узусом Гомера встает трактовка «варварства» не как начала, определенно противостоящего «эллинству», но в качестве особой, отличающейся от греческой, аранжировки явлений, по существу знакомых и понятных грекам.

Тот же самый принцип проявляется и в той роли, которую играют греческие имена в греческих поэмах. Человек с греческим именем — это человек вообще, человек любого рода и племени постольку, поскольку он не маркирован особо «как не-грек». Не свое, родное определяется как отмеченное, сверщенное в противоположность иному, чужому, но чужое выступает как экзотическое, этнически характерное на фоне «своего», предполагающегося присутствующим в любом этносе, принимаемого за общечеловеческую норму.

Поэтому длинные списки троянцев, умерщвленных теми или иными ахейцами, сплошь или почти сплошь состоящие из обычных греческих имен, не имеют серьезного значения для решения вопроса о греках в исторической Трое. Поэту, как и его предшественникам-аэдам, попросту было легче составлять перечни статистов, выводимых для того, чтобы прибавить славы какому-нибудь ахейскому герою, из греческого ономастического материала, иногда пополняемого для местного колорита малоазийскими вкраплениями, вроде упоминавшихся имен Фалка, Палма, Местла, Наста и т.п. Некритическое отношение к этому эпическому условно-троянскому поэтическому ономастикону не может дать продуктивных результатов. Так, в 1919 г. английский ученый Г. Мекерди опубликовал работу, в которой, проанализировав весь массив греческих имен в гомеровской Трое, делает вывод об их четкой лингво-географической дистрибуции, сплошной соотнесенности с севером Греции, Фессалией, частично Беотией и даже с такой областью, лежащей на грани греческого мира, как Македония⁶. Но методика Мекерди не выглядит убедительной для ученого, принявшего на вооружение «презумцию недоверия» к Гомеру в данном пункте.

Этот автор выписывает длинные ряды троянских сложных имен с элементами *-δαμας/-υτος* «обуздатель» (Эвридамант, Лаодамант, Херсидамант и т.д.), *-ηῶρ/-αιδρος* «муж, человек» (Александр, Пейсандр, Лисандр, Антенор и проч.) и показывает, что в стане греков подобные имена встречаются намного реже, а в случаях их появления для них носителей можно проследить некие «северные» связи. Но ведь эти формы принадлежат к самым популярным моделям в «героической» ономастике греков. По тем же моделям Гомер легко изобретает в «Одиссее» имена для заведомо выдуманных героев, каковы женихи Пенелопы Пейсандр и Эвридамант XVIII. 299; XXII. 283), феакиец Лаодамант (VIII. 119) и т.д. Что же касается особого изобилия подобных имен среди поэтических троянцев, то и это можно понять: как раз троянцев приходилось аэдам упоминать в особенно большом количестве для возвеличения греческих героев, тогда как имена последних в основном были даны преданием. Среди ахейцев проходных, ad hoc создаваемых фигур вообще намного меньше, чем среди защитников Илиона.

Некоторые авторы склонны подчеркивать отсутствие у Гомера указаний на этническое отличие троянцев от ахейцев⁷. Но при этом надо иметь в виду, что гомеровский эпос представляет не самую раннюю версию битвы под Троей. Есть данные, говорящие о том, что в первоначальных эпических песнях о Троянской войне этнокультурные различия могли выступать гораздо более рельефно.

Остановимся на таком важном признаке, как погребальные обычаи троянцев и

⁶ Macurdy G.H. The North-Greek Affiliations of Certain Groups of Troian Names // JHS. 1919. V. 39.

⁷ Page D.L. History and the Homeric Iliad. Berkeley — Los Angeles, 1959. P. 91.

ахейцев. Как известно, последние практиковали исключительно обряд труположения. Утверждение их в Анатолии знаменуется появлением камерных погребений в Милете и других местах, купольными гробницами знати в Эфесе и Колофоне. Напротив, для Трои VI характерно трупосожжение; вблизи нее К. Блегеном открыто захоронение кремированных останков рядовых троянцев, датированное XV—XIX вв. до н.э.⁸ Гипотеза Меллаарта, будто троянская верхушка могла практиковать иной обряд⁹, не опирается на сколько-нибудь достоверные факты. В гомеровское время многие холмы вокруг Илиона считались курганами древних царей и героев, например, Ила (II. X. 415; XI. 166), Айсieta (II. II. 793), царицы Батиеи (II. II. 813), и этот взгляд вполне может соответствовать исторической истине. Похороны Гектора у Гомера включают ту же последовательность процедур кремации и захоронения костей, которая документирована археологически для похорон простых троянцев конца Трои VI и лишь дополняются закладыванием могилы камнями и насыпанием кургана.

Достоверность этой гомеровской сцены увеличивают наблюдения О. Герни. Если К. Биттелем и К. Блегеном отмечалось сходство захоронений в Трое VI и в Хаттусасе¹⁰, то, по Герни, похороны троянского царевича в финале «Илиады» оказываются идентичными погребальной процедуре, описанной в текстах из Богазкея и включающей, вслед за сожжением тела, заливание погребального костра вином, собирание костей, погружение их в масло и заворачивание в ценную ткань¹¹. Все эти действия последовательно представлены при погребении Гектора, а закладыванию могилы камнями (II. XXIV. 798) соответствует у хеттов финальное помещение костей в специально сооружавшийся «Каменный дом» (*É hešta*). Герни отмечает любопытную склонность Гомера приписывать тот же самый ритуал изображением в «Илиаде» грекам-ахейцам. Похороны Гектора и Патрокла, различаясь в существенных деталях — лишь в первом случае могила закладывается камнями и только во втором описаны человеческие жертвоприношения и поминальные состязания на могиле, содержат в основе единую, известную нам схему, с кремацией, процедурами с вином, маслом и тканью, и погребением костей. Вспомним также II. VII. 427 sq., где, заключив перемирие, обе стороны предают своих мертвых пламени. Мысль Герни, будто ахейцы могли перенять такой ритуал за годы долгих войн в Малой Азии, не находит археологических подтверждений, ибо трупосожжение повсеместно распространяется в греческом мире гораздо позже, с протогеометрического периода (1050—900 гг. до н.э.). Однако мы вправе говорить о единой концепции «героического погребения», распространяемой Гомером на обе стороны, борющиеся под Илионом, и восходящей в основных чертах к одному из анатолийских погребальных обрядов II тыс. до н.э., который вполне мог бытовать и в Трое VI—VIIa. Возможно, складыванию такой концепции как раз способствовало усвоение греками кремации, когда описанный в эпосе троянский обычай мог начать восприниматься не на правах явления чужой культуры, но как особо торжественная версия ритуальной практики, принятой и у греков.

В «Илиаде» обнаруживается только одно место, где вразрез с этой эпической установкой на поверхность выходит исторически достоверное для времени Троянской войны различие троянцев и ахейцев как народов с разными погребальными традициями. Это сюжетно изолированный и, по мнению некоторых ученых, догомеровский, вторично интегрированный в «Илиаду» эпизод-интермедия поединка Гектора и Аякса из VII песни (стх. 77 сл.), где Гектор, посылая ахейцам вызов на поединок, провозглашает: «Если он (противник) поразит меня длиннолезвийной медью, то пусть, сняв доспехи, отнесет их к выдолбленным кораблям; а тело мое отдаст домой, чтобы

⁸ Blegen C.W. Troy and the Trojans. N.Y., 1963. P. 142; Page. Op. cit. P. 86.

⁹ Mellaart J. The End of the Early Bronze Age in Anatolia and the Aegean // AJA, 1958. V. 62. № 1. P. 15.

¹⁰ Bittel K. Rez.: Blegen C.W. Troy. V. III: The Sixth Settlement // Gnomon. 1956. N 28; Blegen. Op. cit. P. 143; ср.: Wiesner J. Die Thraker. Stuttgart, 1963. S. 205, об ареале распространения трупосожжения, охватывающем подунайское пространство, Трою VI, хеттский регион и область Митанни.

¹¹ Герни О. Хетты. М., 1987. С. 146 сл.; издание хеттских текстов ритуала см.: Otten H. Hethitische Totenrituale. В., 1958. S. 67 f.

троянцы и жены троянцев предали меня, мертвого, огню. Если же я его убью, то... мертвого верну к крепкопалубным кораблям, чтобы его погребли длинноволосые ахейцы и памятный холм ему насыпали над широким Геллеспонтом». Здесь «трупосжигающие» троянцы явно противопоставляются ахейцам, которые справляют при похоронах своего героя обряд насыпания кургана без каких-либо упоминаний о погребальном костре. Вероятно, вся сцена с формулой вызова способна восходить к прообразу — «поединку ахейца с троянцем» в догомеровском устном эпосе, и прообраз этот должен был оформиться не позже субмикенского периода, пока оппозиция троянского и греко-балканского типов погребения не потеряла своей актуальности¹². В начале складывания песен Троянского цикла противоборствующие народы могли в нем различаться не только материальными объектами (например, «фракийские мечи» троянцев), но и обрядами, ритуальной практикой, однако эта оппозиция на большей части гомеровского текста уже оказывается нейтрализованной. Тем самым отводится тезис об этническом единстве греков и троянцев у Гомера. Были ли среди троянцев люди, говорящие по-гречески, это иной вопрос, но этот народ не может быть отождествлен с микенцами.

Попытаемся подойти к проблеме отношений между Грецией и Троей с другой стороны, не затронутой вторичными процессами, происходившими внутри греческой традиции. Посмотрим, что нам скажут на этот счет археологи, исследовавшие материальную культуру Трои.

II

Троя II, чью культуру лувийцы, пройдя через эти места, распространили далеко на юг, погибла около 2300 г. до н.э. — не ясно, из-за внешнего вторжения или внутренних распрей. Ее властители, покидая город, видимо, полагали, что разлука с ним будет недолгой: об этом говорит зарытый ими перед уходом знаменитый «клад Приама». Но вернуться им не пришлось. На руинах утвердились новые жители, продолжавшие культуру Трои II, но в более упрощенном и грубом варианте, а также унаследовавшие связи города с Северными Балканами. За последующие 500 лет город дважды перестраивался (Троя III—V, примерно 2300—1800 гг. до н.э., по Блегену), постепенно расширяясь и обнаруживая неуклонный прогресс в разных сферах жизни. Уже в малопредставительной Трое III, как показывают ее пищевые остатки, люди больше и лучше ели, чем в великолепной Трое II, а это говорит о процветающем сельском хозяйстве; в Трое IV широко распространяется гончарный круг, совершенствуется кулинарное искусство; наконец, в Трое V (XX в. до н.э.) город в целом обновляется, возводятся новые стены, больше внимания уделяется гигиене (мусор убирается за пределы жилищ), появляются красивые сосуды с аппликацией и процарапанным орнаментом; в эти века жители проявляют любовь к охоте, в их меню присутствует дичь¹³.

Но новый подъем Трои внезапно не то прерывается, не то переходит в совершенно непредсказуемую форму. Вопреки Блегену мало похоже на то, чтобы Троей V вдруг овладели завоеватели, ибо в данном слое нет никаких признаков пожара, а относительно некоторых строений ученые вообще колеблются, относить ли их к концу этой фазы или уже к началу Трои VI¹⁴. Но тем не менее перемены огромны. Город еще раз перестраивается, причем по неизвестному ранее архитектурному плану, превращаясь в цепь спускающихся по холму, разделенных стенами, террас. На смену скученным, прижимающимся друг к другу стенами домам приходят до 50 обширных, отстоящих друг от друга, свободно расположенных на террасах строений, каждое из

¹² Об употреблении в этом же контексте термина *ἀνὴρ ἄριστος* в значении, идентичном хеттскому LÚ SIG₅ в том числе и в контекстах, связанных с Аххивой, см.: Цымбурский В.Л. *Netto-Homericum* // Балканские чтения I. Симпозиум по структуре текста. М., 1990. С. 35 сл.; Гиндин, Цымбурский. Ук. соч. Гл. II.

¹³ *Blegen*. Op. cit. P. 94, 102 f., 105 f., 109.

¹⁴ *Bittel*. Op. cit. S. 247; *Page*. Op. cit. P. 84.

которых принадлежало отдельному знатному семейству. Всего этот город должно было обслуживать несколько тысяч человек. Окружающей его в целом стене (в XIV в. до н.э. около 6 м высоты) придает необычный вид многоугольника с выступами на внешней стороне¹⁵. Короче говоря, Троя превращается в поражающий воображение ахейцев «город Лаомедонта».

Среди жителей новой Трои оказываются люди с навыками коневодов, в Троаде начинается незнакомое предыдущим векам разведение коней, закладываются предпосылки будущих мифов о замечательных конях Троса и Лаомедонта¹⁶. И наконец, в городе излюбленным становится новый роскошный вид посуды, так называемая «серо-минийская» керамика. Это одна, может быть, самая известная из разновидностей «минийской» керамики, характеризующейся особой техникой обжига, которая придает поверхности глиняного сосуда вид изделия из золота, меди или серебра. «Серо-минийская» керамика как раз имитирует серебро¹⁷.

Для Блегена нахождение в Трое VI такой посуды значило очень много. Дело в том, что именно в начале II тыс. до н.э., на переходе от Ранней к Средней бронзе, аналогичная керамика повсеместно утверждается и в Греции, от Фессалии до Лаконии и Арголиды. Это время отмечено страшными разрушениями во многих населенных пунктах и появлением в них после отстройки ряда культурных нововведений, таких, как начало коневодства, ящечные погребения в скрюченных позах, погребальные холмы-тумулы курганного типа, дома с полусводом-апсидой. Все эти многообразные перемены рассматриваются археологами в качестве примет едва ли не самого крупного племенного переселения, из охватывавших Грецию на протяжении Бронзового века вплоть до великих миграций конца II тыс. до н.э. Еще в 1928 г. молодой Блеген вместе с Дж. Хейли опубликовали работу, где отождествили эти события с приходом в Грецию первой, ионийской волны греков, тогда как со второй, ахейской волной, появившейся около 1600 г. до н.э., связывалось создание микенской культуры: колесницы-погребения в прямых позах, с богатой утварью, шахтные захоронения и круглые усыпальницы-толосы, циклопические стены Микен, вытеснение «минийской» керамики микенской и т.п.¹⁸ Исследование Хейли и Блегена в этом смысле в основном сохранило свое значение и до сих пор. Самое важное дополнение в их схему внесли раскопки поселения в Лерне, проведенные в 50-х годах Дж. Каски и обнаружившие сильное разрушение, пережитое Лерной намного раньше, чем другими раннебронзовыми поселениями Греции — еще в конце раннебронзового периода II, около 2200 г. до н.э., когда здесь появляются и «серо-минийская» керамика, и дома с апсидой¹⁹. Видимо, в Лерне какая-то группа греков (или еще прагреков) утвердилась в начале Раннебронзового периода III, сильно опередив своих сородичей. Их можно было бы сблизить с предками будущих носителей аркадо-кипрского диалекта, наложившего отпечаток и на микенское койнэ. Этот диалект отличается весьма архаичными чертами, например, родительным падежом единственного числа на -и, как в хеттолувийских языках, или спряжением глагола в медиальном залоге: 2-е л.ед.ч. на -ои < *-soi, 3-е л.ед.ч. на -тои, 3-е л.мн.ч. на -υτοι, хотя в других диалектных ветвях в этих лицах, под влиянием 1 л.ед.ч., утвердился дифтонг -αι. Все эти признаки, делающие «из этого диалекта музей реликтов не только в греческом, но и в индоевропейском плане»²⁰, побуждают думать о раннем отделении говорившего на нем этноса, позднее проживавшего на Пелопоннесе, от других прагреков и склоняют соотнести его с теми лернейскими «первопроходцами», которые еще в раннебронзовую эпоху смогли достичь Восточного Пелопоннеса.

¹⁵ Blegen. Op. cit. P. 111 f.; Page. Op. cit. P. 53 f.

¹⁶ Blegen. Op. cit. P. 113; Page. Op. cit. P. 70.

¹⁷ Mellaart. Op. cit. P. 16.

¹⁸ Haley J.B., Blegen C.W. The Coming of the Greeks // AJA. 1928. V. 32; Nilsson M.P. Homer and Mycenae. L., 1933.

¹⁹ Caskey J.K. The Early Helladic Period in the Argolid // Hesperia. 1960. V. 29.

²⁰ Тронский И.М. Вопросы языкового развития в античном обществе. Л., 1973. С. 36.

Но вернемся к Трою. Картина радикальных изменений, происшедших здесь синхронно с появлением «серо-минийской» керамики, заставила Блегена предположить вторжение сюда какой-то группы греков-коневонов из Македонии или Фессалии, овладевших городом и перестроивших его по своему вкусу²¹. Этим легко можно было бы объяснить решительное изменение во внешних торговых и культурных связях Трои — предыдущие слои города характеризуются постоянным взаимодействием с раннефракийским регионом, а Троя VI «поворачивается лицом на запад», к Греции²². Проявляется это в широком ввозе новыми троянцами изделий греческого импорта и особенно в появлении здесь ранней микенской керамики (микенских периодов I и II). Данные обстоятельства недвусмысленно указывают на установление связей между Троей VI и Ахейской Грецией с XVII—XVI вв. до н.э., т.е. за 150—200 лет до выведения самими ахейцами первых своих колоний в Анатолию. В свою очередь микенская эпоха лишь продолжает более ранние традиции греко-троянского общения, установившиеся еще в среднеэлладский период.

Однако в отличие от Греции, где микенская керамика сменяет «минийскую», в Трое последняя полностью сохраняет свой престиж и в большом количестве производится местными мастерами. Более того, здесь наблюдаются «экспериментальные» попытки комбинировать новую моду с многовековой троянской традицией, выпускаемая микенские по форме сосуды, выполненные в «серо-минийской» технике²³. Этот вид керамики был настолько любим троянцами, рассматривавшими его как неотъемлемое достояние своей культуры, своего стиля жизни, что они, по наблюдениям Блегена, сумели пронести его через «темные века», когда Илион с XI по VIII в. до н.э. лежал в руинах, а выходцы из него, управляемые «потомками Энея», обитали на более безопасных склонах соседних гор. Ок. 700 г. до н.э., когда греки, вероятно, уже под впечатлением гомеровского эпоса, строят свою новую Трою VIII, в их состав вливаются исконные троянцы и в городе вновь появляется, как бы знаменуя тысячелетнюю непрерывность традиции, «серо-минийская» посуда²⁴.

Созданная Блегеном яркая картина «греческой» Трои была принята многими учеными. В частности, А. Гётце прямо трактовал Трою VI как греческую колонию²⁵. Затруднения возникали из-за неясности истоков «серо-минийской» керамики, отсутствия у нее явных прототипов в Юго-Восточной Европе, делавшего любой ответ на вопрос о ее происхождении сугубо гипотетичным²⁶. Поэтому в 1958 г. Дж. Меллаарт, также признававший чисто греческие связи Трои VI²⁷, выдвинул свою знаменитую концепцию, радикально перевернувшую характер отношений между Троей и греческими племенами по сравнению с теорией Блегена.

Вслед за Биттелем считая Трою VI естественным продолжением Трои V и отрицая вторжение сюда каких бы то ни было завоевателей на рубеже этих периодов, Меллаарт, однако, игнорировал континуитет Трои II и III, на котором настаивал Блеген. Английский ученый сделал акцент на распространении характерных типов сосудов, выполнявшихся в Трое в «серо-минийской» технике, также и в соседних областях Северо-Западной Анатолии: на юг от Трои до обширного поселения Бейджесултан в долине Меандра и на восток, охватывая ряд поселений в юго-восточной части Пропонтиды (Баликешир, Изник, Тавшанлы и др.). По Меллаарту, самые ранние из этих форм первоначально возникают в слоях XIII—XIV Бейджесултана, соответствующих эпохе Трои II, первые же по времени «серо-минийские» сосуды, датированные им периодом Трои V, этот ученый находил вблизи Боспора в окрестностях

²¹ Blegen. Op. cit. P. 145; Page. Op. cit. P. 56.

²² Page. Op. cit. P. 70.

²³ Blegen. Op. cit. P. 141.

²⁴ Blegen. Op. cit. P. 172.

²⁵ Goetze A. Kleinasien. 2. Aufl. München, 1957. S. 82.

²⁶ Schachermeyr F. Prähistorische Kulturen Griechenlands // RE. 1954 Hbd 44. S. 1468, 1493.

²⁷ Mellaart. Op. cit.; idem. Anatolia and the Balkans // Antiquity. 1960. V. XXXIV. № 136. P. 276.

озера Изник. На этих фактах строилась его гипотеза, согласно которой этносом, вытеснившим лувийцев из Трои II и поселившимся на ее руинах в Трое III (т.е. с 2300 г.), были ранние греки. Двигаясь далее на юг, они могли достичь Бейджекултана, где восприняли новые для них формы сосудов, которые здесь будто бы стали в это время изготавливаться из металла (чему нет прямых подтверждений). В дальнейшем ими была выработана техника обжига глины, воспроизводящая металлическую окраску. В начале II тыс. до н.э., по мысли Меллаарта, под встречным давлением лувийцев греки были оттеснены назад в Трою. Часть их занялась обновлением и укреплением этого города, выстроив Трою VI, другие же перебрались на Балканы, при этом разделившись на две группы: одна из них двинулась через Фракию к хребту Пинда — это были предки дорийцев; другая же переправилась морем в Беотию и принесла с собой в Грецию новый керамический стиль, а также характерный для среднеэлладской эпохи план дома с внутренним залом-мегароном, который издавна известен в Северо-Западной Анатолии, встречаясь в Трое I, в Полиохни на Лемносе и др., — это якобы оказались ионийцы и ахейцы²⁸.

Идея Меллаарта приобрела широкую известность в начале 60-х годов: теория «греков из Трои» оказалась сильной альтернативой блегеновской мысли о «троянцах из Греции». Однако нужно иметь в виду, что отправной областью греческой миграции Меллаарт, как и Блеген, считал Юго-Восточную Европу, допуская для этого народа по пути в Грецию своего рода «петлю» с заходом на северо-запад Анатолии. Поэтому попытка использовать выкладки Меллаарта в поддержку концепции переднеазиатского происхождения индоевропейцев²⁹ ни в коей мере не может быть относима на счет этого ученого. Впрочем, в дальнейшем он сам от своей идеи отказался под впечатлением вышедшей в 1962 г. книги Л. Палмера³⁰. У Палмера греки не играют никакой роли в жизни Трояды начала II тыс. до н.э., тогда как теснимые с востока хеттами лувийцы, создатели «серо-минийской» керамики, возвращаются в Трояду и воздвигают Трою VI, причем часть их отсюда перебирается в Грецию, которая до 1600 г. до н.э., по Палмеру, была лувийской. Первыми же греками на ее земле он считает ахейцев, с которых начинается микенская эпоха. Гипотеза Палмера не получила сколько-нибудь длительного признания, да и Меллаарт вскоре ее отверг³¹. На самом деле, лувийские элементы в топонимике Греции прослеживаются вполне отчетливо³², но их распределение скорее позволяет говорить о проникновении сюда отдельных групп анатолийских мигрантов, нежели о тотальной лувизации юга Балканского полуострова. Что же касается Трои, то построение Палмера никак не объясняет важнейшего аспекта ее истории, с которым так или иначе соотносились версии Блегена и Меллаарта (1958 г.): замечательной причастности троянцев ко всему, происходящему в Греции, причастности, позволившей им быстро оценить новый стиль, возникший в Микенах. Подобная ориентация на Грецию для первой половины II тыс. до н.э. не находит аналога в лувийских районах Анатолии.

Наиболее интересная антитеза обеим концепциям — и «троянцев из Греции» и «греков из Трояды» — обоснована Д. Френчем³³. Автор полностью принял мысль Меллаарта о принадлежности «серо-минийской» керамики Трои к кругу керамических

²⁸ Mellaart. The End of the Early Bronze Age...

²⁹ Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Т. 1—2. Тбилиси, 1984.

³⁰ Palmer L.R. Mycenaean and Minoan. N.Y., 1962; ср. Mellaart J. Anatolia c. 4000—2300 B.C. // *SAH*. Ed. 3. V. 1. Pt. 2. 1971. P. 406.

³¹ Mellaart J. *Rez.*: Crossland R.A. Immigrants from the North // *JHS*. 1969. V. 89 P. 172 f.; *idem*. Anatolia and the Indo-Europeans // *JIES*. 1981. V. 9. № 1—2. P. 145.

³² Гиндин Л.А. Язык древнейшего населения юга Балканского полуострова. М., 1967.

³³ French D.H. Prehistoric Sites in North-West Anatolia I. The Iznik Area // *Anat. St.* V. 17. P. 62 f.; *idem*. Migrations and «Minyan» Pottery in Western Anatolia and the Aegean // *Bronze Age Migrations in the Aegean. Proceedings of the First International Colloquium on Aegean Prehistory*. Ed. by R.A. Crossland, A. Birchall. Duckworth, 1973.

стилей, оформившихся в конце III тыс. до н.э. к югу от Мраморного моря, которые в целом Френч именуется «инегельской серой керамикой» по названию одного из здешних поселений. Но если Блеген и Меллаарт в один голос отрицали преемственность «серо-минийской» керамики Трои VI по отношению к серой керамике, бывшей в ходу в Трое³⁴, то Френч связь между ними считает несомненной и, напротив, решительно оспаривает тождество «инегельской» посуды в Северо-Западной Анатолии и «серо-минийской» керамики Греции. Последний тип керамических изделий он полагает независимо возникшим в будущих греческих областях в конце III тыс. до н.э.³⁵ В рамках этой идеи Р. Хоуэлл пытается доказать зарождение этого стиля на Пелопоннесе и последующее его распространение на север, хотя в конечном счете и надеется его вывести из баденской культуры Юго-Восточной Европы³⁶. Впрочем, Френч вынужден признать появление в Трое VI отдельных среднееэлладских импортных сосудов и, с другой стороны, как непроверенную гипотезу, с явной неохотой, способен допустить влияние «инегельского» прототипа на возникновение самой идеи изготовления подобной посуды в Греции³⁷.

Итак, если оставить в стороне различные, на наш взгляд, малоперспективные конъектуры, мы располагаем, применительно к соотношению культур Среднееэлладской Греции и Трои VI, тремя глубоко разработанными теориями: Блегена (троянцы — из Северной Греции), Меллаарта 1958 г. (греки, по крайней мере, какая-то их часть — из Трои) и Френча (независимая эволюция культур при возможном обмене идеями и единичными импортными изделиями). Надо сказать, что сама по себе парадная «серо-минийская» керамика как явление моды не может считаться надежным показателем этнической близости³⁸. Однако с Троей дело все-таки обстоит по-особому, из-за уникальной многовековой приверженности троянцев к этой посуде, и главным образом потому, что определенная аналогия керамических стилей в Трое и в Греции в период Средней бронзы прямо переходит в последующие контакты города над Геллеспонтом с микенским миром, установившиеся еще до начала движения самих микенцев в Анатолию. Мнение о независимых истоках подобной керамики в каждом из двух ареалов ничему не противоречит: конвергенция, склонность к усвоению на новой территории определенных явлений из ее культурного достояния также может быть серьезным этно-историческим условием.

Даже культурная непрерывность в эволюции Трои от слоя II к слою VI, если бы эту непрерывность удалось доказать, не была бы аргументом против возможности появления здесь прагреческих этносов в конце III тыс. до н.э. Народы не обязательно приходят в новые места обитания как разрушители или инициаторы немедленных культурных переворотов³⁹. В истории хорошо известна модель инфильтрации, постепенного притока иммигрантов в некую область, лишь по прошествии ряда десятилетий, а то и столетий, дающего радикальный скачок в энокультурном облике данной области. Именно так из вилланованской италийской культуры в VIII в. до н.э. без потрясений, говоривших бы о вторжении завоевателей, выкристаллизовывается культура этрусков, народа с глубокими восточноэгейскими корнями. По мнению Меллаарта, таким же образом, — малыми группами, как пастухи или приглашаемые на службу воины-наемники могли первоначально проникать в Анатолию лувийцы...⁴⁰ Тот же самый процесс мог иметь место в случае с прагреками.

Конечно, нет нужды и оснований для приравнивания Трои к греческим колониям: ее отношение к Ахейской Греции имело совершенно иной характер. В отличие от того,

³⁴ *Bregen*. Op. cit. P. 140; *Mellaart*. The End of the Early Bronze Age... P. 17.

³⁵ *French*. Migrations and 'Minyan' Pottery... P. 52.

³⁶ *Howell R.J.* The Origins of the Middle Helladic Culture // *Bronze Age Migrations...*

³⁷ *French*. Op. cit. P. 51.

³⁸ См.: *Schachermeier P.* Mykene und das Hethiterreich. Wien, 1986. S. 327; ср. *Гундин*. Язык... С. 30 сл.; на это же в устной беседе указал авторам Н.Я. Мерперт.

³⁹ Ср: *Powell T.G.E.* Migration in Explanation of Culture Change // *Bronze Age Migrations...* P. 319.

⁴⁰ *Mellaart*. Anatolia and Indo-Europeans. P. 149.

что заметно в XV—XIII вв. до н.э. у греков Милета, Эфеса, Колофона, для Трои не устанавливается следования в стиле жизни за переменами, переживаемыми ахейскими столицами. Разумеется, троянцы зорко следили за греческой модой. Ими высоко ценился греческий импорт, тогда как хеттскими изделиями они пренебрегали даже в периоды наиболее активного политического взаимодействия с Хеттской империей. На этот счет существует совершенно недвусмысленное высказывание К. Блегена: «In any event, so far as is known to me, not one single Hittite import has been recognized from any stratified deposit at Troy, and conversely, characteristic Trojan objects have not been found in deposits at the principal Hittite centers»⁴¹.

Но в то же время весьма показательным является их непоколебимое пристрастие к «серо-минийской» посуде даже в ту пору, когда в Греции аналогичный стиль уже сотни лет как ушел в прошлое. Симптоматично отсутствие в Трое усыпальниц-толосов или каких бы то ни было признаков скальных погребений. В XIV в. до н.э., когда прямым влиянием микенцев охватывается значительная часть побережья Анатолии, троянцы, поддерживая с ними связи, тем не менее невозмутимо соблюдали свои старые обычаи. Конечно, любовь к греческим изделиям предполагала хотя бы у какой-то группы троянцев владение языком ахейских контрагентов. Однако между этим городом и Ахейской Грецией поддерживалась этнокультурная дистанция: жившие здесь осознавали себя троянцами. И тем не менее во всем негреческом мире на протяжении II тыс. до н.э. невозможно найти страну или город, которые, не сливаясь с Грецией, не подпадая под ее доминат, были бы так явно, даже демонстративно обращены к ней. Если бы тождество троянской и греческой керамики в первую половину этого тысячелетия, как полагает Френч, было заблуждением археологов, показательным уже то, что ни одна страна, кроме Трои и соседних с ней территорий, не могла бы ввести в подобное заблуждение.

В заключение археологического обзора следует отметить важные достижения в 70-х годах в реконструкции путей расселения по Балканам отдельных групп греческих племен. Появление греков в Македонии и движение их отсюда на юг сейчас трактуется как часть более широкого движения народов, представителей так называемой «курганной волны IV», по периодизации М. Гимбутас. Примерно ок. 2400—2300 г. до н.э. эти племена вторгаются из Причерноморских степей на север Балканского полуострова, в полосу цветущих раннебронзовых культур Восточной Фракии — Эзеро, Юнаците, Чернавода и др., а затем прорываются в Грецию, вводя со своим приходом «степной» тип погребения в холмах-тумулусах, напоминающих курганы⁴².

Изучая следы этого вторжения, Н. Хаммонд увидел признаки четырех племенных образований. Одно из них, оседающее на юго-востоке Македонии, в долине реки Галиакмона и на склонах Олимпа, отождествляется с позднейшими македонцами, другое, постепенно продвигающееся из Македонии в Эпир, к склонам Пинда — с прадорийцами⁴³. Остальные же племена, уходящие на юг, собственно в Грецию на Пелопоннес, отмечают свой долгий путь огромными (до 20 м в диаметре) тумулусами, где погребения часто ограждаются вертикальными плитами: такие холмы обнаруживаются на юге в Лерне (вероятно, древнейшее поселение греков на Пелопоннесе), а в более позднее время в Микенах, Пилосе и в Мессении. Хаммонд видит здесь следы праахейской миграции. Другой тип тумулусов — обычно меньших размеров (до 10 м в диаметре), с ограждением захоронений горизонтальными плитами и иногда помещением тела усопшего в сосуд-пифос, который и опускается в погребальную камеру, Хаммонд прослеживает с конца раннебронзового периода II на островах Ионийского моря (Левкада, Кефаллония), на северо-западе Пелопоннеса, также вблизи мессенского Пилоса и в Афидне (Аттика). Эту традицию он приписывает праионийцам, ко-

⁴¹ Blegen. Op. cit. P. 37.

⁴² Gimbutas M. The Destruction of Aegean and East Mediterranean Urban Civilisation Around 2300 B.C. // Bronze Age Migrations.; Marinatos Sp. The First «Myceneans» in Greece // Ibid.

⁴³ Hammond N.G.L. A History of Macedonia. V. I. Oxf., 1972. P. 272.

торые, по его мнению, достигнув берегов Адриатики, далее двигались морем, создавая поселения в прибрежных районах полуострова⁴⁴.

Гипотеза Хаммонда выглядит очень убедительно с учетом распространения в топонимике рефлексов имени ионийцев. Едва ли возможно объяснить образование от данного этникона обозначения для Ионийского моря, если не предположить, что данная группа прагреков должна была освоить берега этого моря раньше прочих родственных племен. В то же время наименование Ионий соседствующей с Пилосом области Пелопоннеса Айгиалеи, но также Аттики и Саламина, мест, далеко отстоящих друг от друга и объединяемых только своим прибрежным расположением, свидетельствует о расселении праионийцев морским путем. Однако знакомству этих носителей курганной культуры с морем должно было предшествовать их проникновение во второй половине III тыс. до н.э. через македонскую территорию на земли, граничащие с Адриатикой. В пользу такого пути говорит и возможность сближения с именем ионийцев названия реки Ἰῶν на севере Фессалии, притока Пенея⁴⁵. Исследование Хаммонда воссоздает картину чрезвычайно мощного, хотя, надо думать, не очень торопливого вторжения прагреков в районы севернее Фессалии с запада – со стороны Эгейской Фракии. Какое-то время будущие иллирийские области оказались наводнены пришельцами, собственно же праиллирийские племена были, по-видимому, оттеснены на север. Идея Меллаарта (1958 г.) о прибытии праионийского и праахейского контингента морем сразу же в Беотию оказалась нежизнеспособной, тем более что огромный массив раннегреческой топонимии, обнаруживаемой в Эпире, а также на севере и западе Фессалии заставляет думать о пребывании здесь прагреков в течение нескольких столетий перед началом их продвижения к югу⁴⁶. С этой картиной следует считаться, обсуждая вопрос о возможности присутствия в конце III – начале II тыс. до н.э. каких-то прагреческих элементов в Северо-Западной Анатолии.

III

Вернемся снова к ономастикону гомеровской Трои. Есть ли здесь среди массы форм, искусственно созданных Гомером и его предшественниками-аэдами, такие, которые могли бы претендовать на статус архаических вкраплений, восходящих к реальной антропонимике Трои VI и VIIa?

Да, такие случаи имеются. Мы обсудим сейчас только два из них, которые кажутся наименее дискуссионными и с достаточной определенностью включаются в перспективу, задаваемую свидетельствами троянской археологии. Первым, бесспорно, является имя Ἀλέξανδρος «защитник мужей», соответствующее хет. *Alakšanduš*, передающему имя царя, правившего в Илионе-Вилусе на рубеже XIV–XIII вв. до н.э. и послужившего прообразом Александра-Париса. Предположение Ф. Зоммера, будто как раз последняя форма может представлять греческую адаптацию малоазийского про-

⁴⁴ Hammond Op. cit. p. 248, 258 f., 263 f., 272 f.; *idem*. Grave Circles in Albania and Macedonia // *Bronze Age Migrations...* В последней своей книге (*Gimbutas M. Die Ethnogenese der europäischen Indogermanen*. Innsbruck, 1992, S. 9, 15 f., 26) М. Гимбутас, отказываясь от выделения «курганной волны IV», предлагает иное, значительно менее правдоподобное, объяснение этногенеза прагреков — будто бы они в первой половине III тыс. до н.э. переселились на Балканы из Средней Европы, где входили в единую диалектную общность с прагерманцами, прабалтами, праславянами и др. носителями культур шаровидных амфор и Бадена, явившимися в середине IV тыс. до н.э. в Европу с «курганной волной II». Не все археологи разделяют теорию вторжения «курганных волн» в Европу, но суть не в этом. Новая версия Гимбутас вообще уклоняется от рассмотрения тех перемен на Балканах в конце Ранней бронзы, которые ранее условно рассматривались как «курганная волна IV» и которые реальны независимо от этого наименования. Кроме того, причисление прагреков к «древнеевропейскому» континuumу индоевропейцев опрокидывается лингвистически неоспоримым фактом существования греко-индо-иранской общности, заставляющим помещать прагреков конца IV — начала III тыс. до н.э. вовсе не в Средней Европе, но скорее на западе причерноморских степей, откуда и распространяется «курганная волна IV».

⁴⁵ Georgiev V.I. The Arrival of the Greeks in Greece: the Linguistic Evidence // *Bronze Age Migrations...* P. 259.

⁴⁶ Ibid. P. 248.

тотипа, неубедительно из-за полной невозможности объяснить имя Алаксандуса на почве известных анатолийских языков. Между тем в ту же самую эпоху в Микенах зафиксирован женский эквивалент этого имени *a-re-ka-sa-da-ra* «Александра» (МУ. V 659). Традиция знает также Александра – сына легендарного микенского царя Эврисфея (Ард. II.8.1.). Важный нюанс – после Троянской войны это имя на 800 лет практически выпадает из живой греческой антропонимики и возвращается в нее в эпоху расцвета Македонии. Самый ранний Александр, известный в греческой истории, – царь Македонии, правивший в 498–454 гг. до н.э. Лишь в IV в. до н.э. данное имя выходит за пределы Македонии и появляется в соседних с ней греческих государствах – Эпире и фессалийских Ферах. После походов Александра Македонского, в окружении которого был ряд одноименных македонцев, оно становится одним из популярнейших в греческом мире, но в эпоху «Илиады» греки могли узнать его только из традиции.

Интересно, что то же имя активно используется в теонимической функции исключительно на Пелопоннесе, вблизи старых ахейских центров: известен культ богини Александры в лаконских Амиклах (Paus. III.19,6), а также эпиклеза Геры Ἀλέξανδρος «защитница мужей» в Сикионе (Schol. Pind. Nem. IX. 30). Кроме того, в Сикионе существовал культ героя Алексенора (Ἀλεξήνωρ), чье имя представляет вариант к имени Александра с той же семантикой «защитник мужей» (Paus. II.11,5–7). Если учесть также очень редкое прилагательное ἄλεξανδρος (πόλεμος) как определение оборонительной войны (Diod. XI.14), то можно говорить о существовании в греческом устойчивой формулы-композиции Ἀλέξ-ανδρος «защитник мужей», употреблявшейся в ономастическом качестве в Микенской Греции и в областях, связанных с микенскими традициями, а также в Македонии, т.е. за северными пределами собственно греческого ареала. К этой же греческой формуле-композиции восходило и имя царя Вилусы, т.е. Трои VI или начала Трои VII, послужившего прообразом для Александра-Париса.

Второй случай – это имя сестры Александра и дочери Приама Кассандры. В судьбе этих греческих имен есть одна важная общая черта: имя Кассандры также было неупотребительно в исторической Греции, возможно в какой-то мере под влиянием негативных ассоциаций, сопряженных в Троянских сказаниях с образом Кассандры – предсказательницы зла⁴⁷. И точно так же «мужской» коррелят к этому имени – «Кассандр» употребляется среди македонской знати и распространяется в Греции лишь после того, как Кассандр, сын Антипатра, в конце IV в. до н.э. восходит на македонский престол и некоторое время распоряжается судьбой греческих городов.

Однако в истории этих имен находим и принципиальные различия. В отличие от имени Александра троянск. Κασσάνδρα не находит параллелей нигде, кроме Македонии, и не интерпретируется на основе греческого словаря, ибо основа Κασσ- в греческом утеряна.

Интересно, что имена «Кассандр» и «Кассандра», семантически омертвевшие для греческого, обретают точные цельноформульные эквиваленты в таких словосочетаниях из ведийских и авестийских текстов, как вед. *narām śamsaḥ* «слава мужей», *Narāśamsaḥ* прозвища богов Агни и Пушана, авест. теоним *Nairjō. saṇha* < *(ə)neīōm k'anso⁴⁸. Тем самым восстанавливается общая греко-индоиранская поэтическая формула, которая базируется в своей греческой части исключительно на македонском имени и на соответствии к нему в легендах Трои.

Между тем язык древних македонцев, судя по сохранившимся глоссам, хотя и был лексически очень близок к греческому, но некоторыми чертами отличался от всех

⁴⁷ Ср.: Hoffman O. Die Makedonen, ihre Sprache und ihr Volkstum. Göttingen, 1906. S. 119.

⁴⁸ Heubeck A. Weitere Bemerkungen zu den griechischen Personennamen auf den Linear B Tafeln // BNF. 1957. Jg. 8. S. 276, со ссылкой на устное сообщение М. Майрхофера; Schmitt R. Dichtung und Dichtersprache in indogermanischer Zeit. Wiesbaden, 1967. S. 119; Герценберг Л.Г. Морфологическая структура слова в древних индоиранских языках. Л., 1972. С. 100.

греческих диалектов. В частности, в этом языке греческим глухим придыхательным соответствовали звуки, в глоссах передающиеся буквами для звонких смьчных: греч. αἰθήρ «небо, эфир», др.-мак. ἀθή при др.-инд. *idh-* «гореть, светить»; греч. θάνατος «смерть», др.-мак. δάνος при др.-инд. *dhvam̐s-* «умирать». Поскольку это же наблюдается и в македонских заимствованиях из греческого (вроде κεβλή «голова» = греч. κεφαλή, при исконной македонской форме этого слова γαβαλλά), для данного реликтового языка восстанавливается ряд звонких придыхательных, подобных тем, что имеются в близких греческому индоевропейских языках: древнеиндийском и некоторых диалектах армянского, а предполагаются и для древнеармянского и для общеиндо-иранского языкового состояния⁴⁹. Можно думать, что прамакедонский в глубокой древности отделился от прагреческих диалектов, когда те сохраняли свой ранний консонантизм, близкий к праармянскому и праиндо-иранскому, до оглушения придыхательных. Понятно, как важно с этой точки зрения наличие в ономастике македонцев соответствия индоиранской поэтической формуле: тем самым древнемакедонский как бы доносит до нас рудимент прагреческой поэтической культуры. Но как быть с предполагаемой троянской параллелью?

Ответить помогает контекст из «Илиады» (VIII. 304 sq.), где говорится о побочном сыне Приама Горгиционе, рожденном Кастианейрой из города Айсимы. Легко увидеть, что имя Καστιάνειρα < *k^hṅsti-əner-ja представляет точно такой же вариант к имени Κασσάνδρα < *k^hṅsti-ənr-a, как «Алексенор» при «Александр». Итак, в легендах греков мы находим два ономастических отражения одной и той же прагреческой формулы, и оба случая связаны с древней Троадой. Тут же обнаруживается прямой выход на македонцев, совершенно неизвестных гомеровским поэмам. Город Айсима, из которого происходила Кастианейра, лежал на крайнем западе Эгейской Фракии на берегу Стримонского залива, рядом с Халкидским полуостровом; за ним начиналась македонская область. Гомер дает название этого города в виде Αἰσύμη, что напоминает фракийское название троянской реки Αἰσητός и прочие рефлексы и.-е. *Hois- «быстрый» во фракийском ареале. Но вопреки Гомеру это название много раз отражено в варианте *Oesyra*, Οἰσύμη (Thuc. 4. 107. 5; Scyl. 67; Ptol. 3. 12. 7; Plin. 4. 12), который может восходить к той же основе, но едва ли является фракийским: в этом языке дифтонги *ou*, *oi* обычно дают *au*, *ai*⁵⁰, что и подтверждает вариант Айсима, видимо, как попытка «фракизации» топонима. В названии Ойсимы было бы заманчиво предположить ранний реликт прамакедонского, восходящий ко времени до смещения носителей этого диалекта на запад к долине Галиакмона. В отличие от греческого древнемакедонский сохраняет интервокальное -s-, ср. топоним Ἐδέσσα ~ совр. *Voden* < *Uedes-ia, букв. «Водная», или др.-мак. τελεσίας – название воинского танца < *k^hēles-ja «круговая пляска», ср. греч. τέλος «завершение», слав. *kolo, род. пад. *kolese «круг, колесо; вид танца»⁵¹. Поэтому Οἰσύμη может рассматриваться как отражение прагреко-македонского *oisma «стремнина», ср. греч. οἰμάω «устраиваться», далее греч. οἶμα, -ατος «натиск», авест. *aešta* «гнев». Если название Ойсимы – след пребывания прамакедонцев (и прагреков?) в праистории на западной окраине фракийского побережья, то не случайно происхождение отсюда в эпосе супруги или наложницы Приама с именем, отражающим ту же прагреческую формулу, что и македонское «Кассандр». Имя Александра-Алаксандуса, прямо засвидетельствованное для Вилусы XIV в. до н.э., соответствует македонскому и одновременно микенскому, т.е. возможно, уже прагреческому имени-композиту, тогда как троянские имена

⁴⁹ Kretschmer P. Einleitung in die Geschichte der griechischen Sprache. Göttingen, 1896. S. 287 f.; Georgiev V. La toponymie ancienne de la péninsule balkanique et la thèse méditerranéenne. Sofia, 1961. P. 28; Гиндин Л.А. К вопросу о статусе языка древних македонцев // Античная балканистика. М., 1987. С. 22; Гиндин Л.А., Цымбурский В.Л. Отражение индоевропейских лабиовелярных в древнемакедонском // ВЯ. 1991. № 2.

⁵⁰ Georgiev V. И. Траките и техният език. София, 1977. С. 167.

⁵¹ Там же. С. 241.

Кассандры и Кастианейры – это определенно прагреко-македонские, с проекцией на греко-индо-иранский уровень, формульные образования-реликты, изоглоссой соединившие ономастику македонцев и традицию о царях Трои.

В связи с чем можно утверждать с достаточной уверенностью, что в массиве условной «греко-тройской» ономастики эпоса присутствуют оригинальные греческие имена большой древности, которые должны были бытовать в Трое, по крайней мере в последней четверти II тыс. до н.э., но могут восходить здесь к эпохе значительно более ранней.

IV

Относительно доказательств появления греков (точнее прагреков) в Трое задолго до Троянской войны целесообразно еще рассмотреть некоторые другие факты из сферы троянской ономастики, интерпретируя их на фоне сохранившейся мифо-исторической традиции. Из них наиболее многозначительными оказываются ареальные связи названия Ἰλιος (реже Ἰλιον) = хетт. *Wiluša*⁵².

Нам уже приходилось в ряде работ касаться Договора с Алаксандусом из Вилусы, где в историческом введении говорится о контактах, возникших между Вилусой и хеттами в эпоху царя Лабарны, правившего в 1680–1650 гг. до н.э. Поэтому можно думать, что название Илиона-Вилусы существовало уже в начале этого периода⁵³, ознаменовавшегося решительной культурной переориентацией Трои с протофракийского региона на Грецию.

Это название имеет определенное отношение к топономастике Фракии. Упомянутый Стефаном Византийским Илион в области астов, на территории которой локализуется раннебронзовая культура Эзеро, протофракийский двойник современной ей Трои, – параллель достоверная, хотя изолированная и не выходящая за пределы Пропонтиды. Но анатолийские и греческие соответствия в культурно-историческом плане оказываются не менее знаменательными. Вспомним здесь об Илионе на р. Риндак, к востоку от Трои, а также о городе Илузе (Ἰλουζα) вблизи верховьев Меандра с названием, точно отвечающим хетт. *Wiluša*. Помимо того, вблизи Сард местными надписями зафиксированы топонимы Ἰλου κῶμη «Илово селение» и Ἰλου ὄρος «Илова гора»⁵⁴. Они слишком удалены от Трояды, чтобы их можно было напрямую связывать с именем мифического Ила, эпонима Илиона. Естественнее соотнести их с той же основой, что представлена в обозначении Илузы, и восстановить название горы и селения на ней (или около нее) вроде **Wilu(s)-*, родственное $\text{Ἰλουζα} < *Wilusa$ и лишь вторично осмысляемое как генетив от имени «Ил». Но та же основа **Wilu(s)-*, как указывал Кречмер, может обнаруживаться и в Трояде в наименовании высокого холма Ἰλου τῦμβος «Илов курган» (П. XI. 372)⁵⁵. Прочие малоазийские топонимы, иногда упоминаемые в этой связи, вроде Илстры в Ликаонии, и морфологически, и территориально имеют с рассмотренными формами мало общего и позволяют собой пренебречь как сомнительными и, вероятно, случайными созвучиями⁵⁶. Но на северо-западе полуострова видна четкая изоглосса, объединяющая Трою с Вифинией, юго-восточной окраиной Пропонтиды, и долиной Меандра, что в пересчете на начало II тыс. до н.э. совпадает с областями близких культур Трои, Инегёля и Бейджесултана.

Обратимся теперь к Греции. Наряду с Илионами в Пропонтиде Стефан Византийский упоминает одноименные города в Македонии и Фессалии. Из них первый

⁵² Об идентификации данных топонимов см.: *Гиндин*. Древнейшая ономастика... С. 158–165; *он же*. Население... С. 28–30; *Гиндин*, *Цымбургский*. Гомер... Гл. V.

⁵³ *Гиндин*. Древнейшая ономастика... С. 29 сл., 184.

⁵⁴ *Zgusta L.* Kleinasiatische Ortsnamen. Heidelberg, 1984. S. 197.

⁵⁵ *Kretschmer P.* Die Hypachäer // *Glotta*. 1933. Bd. 21. S. 257 f.

⁵⁶ *Zgusta*. *Op. cit.* S. 198.

был хорошо известен. Иногда его строительство приписывалось сыну Приама Гелену, будто бы вывезенному ахейцами в Грецию (Ард. Ер. 6.12); ср. поэтическое изображение этого городка как миниатюрной копии с Лаомедонтовой Трои в «Энеиде» Вергилия (III. 349 сл.). Однако вскоре станет видно, что переключка троянского и македонского названия могла осмыслиться и совсем иначе. Упомянем о любопытной гипотезе Г. Узенера, будто в названии последнего месяца дельфийского года Ἰλῶτος может скрываться обозначение священного места, где в ту пору справлялся праздник, – скалы с пещерой, мифическим обиталищем дракона. Этот ученый писал о параллелизме образований Ἰλῶτος: "Ἴλιος, будто бы относящихся к скале, крепости⁵⁷. Но наиболее явную аналогию фессало-македонским топонимам дает лаконское название культового центра Ἰλίου ὄρος (Paus. III. 24.6–8), высокой горы со святилищами Диониса и Асклепия. Оно может восходить к микенскому времени. В этом случае оно может быть отождествлено с загадочным названием *wi-li-ja* в египетском списке XIV в. до н.э. из Ком-эль-Гетана, перечисляющим ряд городов Ахейской Греции: *Wi-li-ja* в нем фигурирует рядом с *Mu-ka-nu* – Микенами, *Bi-sa-ja* – аргонидской Писой, *Di-qa-ês* – Тегеей, *Mi-sa-nê* – Мессенией (мик. *me-za-na*), а также *ku-ti-ra*, т.е. Киферой (мик. *ku-te-ra*) – островом, прилегающим к Лаконике⁵⁸. Поэтому лаконская локализация *Wi-li-ja* и сближение с Ἰλίου ὄρος вполне правдоподобны.

Итак, «илейская» топонимика хорошо прослеживается в Северо-Западной Анатолии, а также в Северной и Средней Греции и на Пелопоннесе, как бы отмечая своим присутствием рубежи распространения «инегельско-троянского» и греческого типов «серо-минийской» керамики. Реальная семантика всех этих топонимов, неизменно обозначающих горные возвышенности со стоящими на них поселениями, крепостями и святилищами, – ср. словосочетания типа «Илов курган», «высокий, обрывистый Илион» (Ἰλιον ὄλιον) в Трояде, «Илова гора» в Лидии, «Илийская гора» в Лаконике, также недавно рассмотренный нами в деталях оборот ...*alati* ... *ûlûšati* «(пришли) от высокой Вилусы» (=гом. формуле (F)ἰλιος ὀλεινή "высокий Илион") из сакральной формулы на лувийском языке в описании ритуала принесения жертвы богу *Šuwašuna* (КВо IV, II, 46)⁵⁹ – делают маловероятным предложенное В. Георгиевым сближение названия Ἰλιον с хет. *çellu* «луг» из **çelnu*⁶⁰, к тому же плохо согласующееся с корневым долгим *l-* в этом названии. Приводимое Георгиевым в подкрепление «луговой» этимологии гом. Ἰλιῶν πεδίων «Илейская долина» (II. XX.558), схолии объясняют как название долины, прилегающей к Илову кургану. Потому предпочтительнее допускаемое тем же ученым – в порядке альтернативы – сопоставление с и.-е. **uiliō-* «извилистый», см. лит. *vieloti* «вить, извиваться», русск. *вилять*, ср. также древне-европейские названия рек *Vilia*, *Vilua*⁶¹, *Wilina*⁶². Сюда же, возможно, греч. Ἰλλω, ἔλλω «крутить, вращать» < **uiliō-* / **ueiliō-*, ἰλλός «косоглазый» < **uiliōs*, вопреки

⁵⁷ Usener H. Heilige Handlung, III. Ilions Fall // A. für O. 1909. Bd. VII; *Oldfather* W.A. Oileus // RE. Hbd. 34. 1957. S. 2183.

⁵⁸ Edel E. Die Ortsnamenlisten aus dem Totentempel Amenophis III. Bonn, 1966. S. 37 ff.; Helck W. Die Beziehungen Ägyptens und Vorderasiens zur Ägäis bis ins 7. Jahrhundert v. Chr. Darmstadt, 1979. S. 31 f.; специально о чтении *Wi-li-ja* см.: Helck W. Beziehungen Ägyptens zu Vorderasien in 3 und 2. Jahrtausend v. Chr. 2-te Aufl. Wiesbaden, 1971. S. 543. Предлагаемое Эделем сближение Вилии с троянским Илионом Хельк справедливо отвергает – как он сам признает, исключительно по географическим соображениям. Однако здесь как раз подходящий случай вспомнить о существовании «илионского» священного комплекса на Пелопоннесе.

⁵⁹ См.: Гундин. Лувийцы в Трое. С. 61 сл.; он же. Население ... С. 68 сл.; Гундин, Цымбурский. Гомер... Гл. VI, разд. VIII – все с опорой на работы: Watkins C. Questions linguistiques palaïtes et louvites cunéiformes // Hethitica. 1987. Fasc. VIII. P. 424 suiv.; idem. The Language of the Trojans // Troy and the Trojan War. Bryn Mawr, 1986. P. 58 ff.

⁶⁰ Georgiev V.I. Ethnischen Verhältnisse im alten Nordwestkleinasien // Linguistique balkanique. 1973. XVI. 2. S. 12.

⁶¹ Holder A. Alt-celtischer Sprachschatz. Bd III. Graz, 1962. S. 317.

⁶² Krahe H. Fluss(und-)namen auf -mana/-mina // BNF. 1957. Jg. 8. S. 1.

этимологам, видящим в последних случаях и.-е. *uel-* с близким значением⁶³. Семантическое развитие от «извилистого» к «крутому, высокому» хорошо известно, ср. русск. *крутить: крутой*, изначально – «закрученный»⁶⁴.

В контексте Трояды с этими местными названиями смыкается имя царя-эпонима Ила, представляющее как бы естественный переход к созвучным именам, распространенным в греческой и в малоазийской частях Эгеиды (но не во Фракии). Для реконструкции ранней формы имен вроде фриг. *Ilus*, исавр. Ἰλος, Ἰλλος, килик. Εἰλους⁶⁵ их можно сопоставить, во-первых, с отраженным в хеттских текстах мужским именем *Wilja*⁶⁶, а во-вторых, с такими образованиями в изобилующей западно-анатолийскими элементами этрусской ономастике, как *Vilia, Viliانا*⁶⁷, также *Vilu(s)*: см. этрусскую погребальную надпись некой женщины Лети Каи (CEI 4543), после имени которой в конце стоит [...] *ia Vilus*⁶⁸, что может быть понято как [*pujia Vilus* «жена человека из рода Вилу». Сравнение этрусских имен с позднеанатолийскими для первых удостоверяет их восточное происхождение, а для вторых помогает восстановить древнее звучание с начальным *v-*.

Едва ли от этих имен в Анатолии следует отрывать близкие формы в табличках линейного письма В: KN As 1516, 18 *wi-ro=Wilos*, KN Du 5234 *wi-ro-jo = Wi-lo-jo*, род. падеж⁶⁹. В «Одиссее» (I, 529) упоминается царь некой легендарной страны Эфиры по прозвищу Ил Мермерид, владелец страшного яда для стрел. «Говорящее» имя отца этого персонажа Μέρμερος, означающее «хитрый, искусный», но также «преступный, ужасный», вполне способно включать семантику основы **uīlio-* «извилистый», развивающей в индоевропейских языках значение «хитрый, лживый», ср. лит. *vūlius* «хитрость, обман», *vylús* «лживый», др.-англ. *wīle* то же, др.-исл. *vel* < **ueila* «искусство»⁷⁰. Весьма любопытно, что в историческое время имена от этой основы были популярны у греков на колонизованном в VII в. до н.э. Фасосе: в надписях этого острова (IG XII. 8. 276–277) упоминаются некий «Аполлодор, сын Ила», а также «Илис (Ἰλς, вероятно, равное Ἰλος), сын Деиалка». Знаменательно, что эти имена-раритеты прослеживаются на острове, лежавшем между двумя областями с «илейской» топонимикой: Северо-Западной Анатолией и фессало-македонским регионом.

Сейчас мы обратимся к соответствию, которое прямо ведет к проблеме отношений между ранними греками и Троей. Еще Кречмер отмечал, что основа на *-u* **Uil(e)u-*, представленная в названии троянской Илейской Долины Ἰλήιον < **Uileuio* и считавшаяся им более древней по сравнению с тематической основой **Uilo-* > Ἰλος, могла отразиться и в имени Оилея – мифического царя греческого народа локров, которое наряду с обычной формой Ὀϊλεύς имеет также вариант Ἰλεύς⁷¹. Точно так же и патроним сына Оилея – Аякса Оиления выступает в виде Ἰλιάδης, т.е. «Илиад» у Пиндара (Ol. IX.112), Гесихия и на одной амфоре из Британского музея⁷². Этот же вариант передан как *Aivos Vilatas* по-этрусски в настенной росписи из «гробницы Франсуа» в Вульчи. Еще до Кречмера Э. Бете, сравнив все эти передачи, показал, что имя Оилея должно было иметь ранний дублет **Fīlios*, от которого только и

⁶³ Frisk Hj. Griechisches etymologisches Wörterbuch. Bd I. Heidelberg, 1960. S. 457; Chantraine P. Dictionnaire étymologique de la langue grecque. T. II. P., 1970. P. 319 s.

⁶⁴ Этимологический словарь славянских языков / Под ред. О.Н. Трубачева. Вып. 12. М., 1981. С. 334.

⁶⁵ Zgusta L. Kleinasiatische Personennamen. Prag, 1964. S. 154, 157.

⁶⁶ Laroche E. Les noms des Hittites. P., 1966. P. 207.

⁶⁷ Rix H. Das etruskische Cognomen. Wiesbaden, 1963. S. 113, 124.

⁶⁸ Lattes E. Correzioni, giunte, postile al Corpus Inscriptionum Etruscarum. I. Firenze, 1904. P. 275.

⁶⁹ Ventris M., Chadwick J. Documents in Mycenaean Greek. 2-nd Ed. Cambr., 1973. P. 592; Chadwick J., Baumbach L. The Mycenaean Greek Vocabulary // Glotta. 1963. Bd 41. Ht 3/4. P. 295.

⁷⁰ Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bd I. Bern – München, 1959. S. 1121.

⁷¹ Kretschmer P. Die Hypachäer // Glotta. 1933. Bd 21. S. 257; ср. Гиндин. Древнейшая ономастика... С. 163 сл.

⁷² Bete E. Homer. Dichtung und Sage. Bd 3. Die Sage vom troisch Kriege. B.–Lpz., 1927. S. 139.

может быть образован патроним Илиад⁷³. Эта дублетная форма оказывается разительно созвучной троянск. Ἴλιος как названию города, причем звуковая близость распространяется и на вторичные образования от обоих имен. Достаточно сравнить эпитет «Илиад» в смысле «сын Илия» с эпиклезой илионской Афины на монетах этого города в его греческий период «Афина-Илиада» (Ἀθηνᾶ Ἰλιᾶς) или даже самим названием гомеровской «Илиады», т.е. «Илионской поэмы». Подобные повторяющиеся переключки подтолкнули Бете к глубокому историко-мифологическому разысканию, в результате чего он выдвинул гипотезу о первоначальном, забытом греками родстве имени центральногреческого героя Оилея-Илия с названием троянского Илиона.

В центре внимания ученого⁷⁴ оказался один локрийский обычай, документированный для периода греческой Трои VIII. В это время локры, почитавшие как своих героев Оилея и Аякса Илиада, регулярно отправляли в Трою двух девушек, обязанных прислуживать в храме Афины-Илиады. Обряд введения локриянок в храм был проникнут намеками на человеческое жертвоприношение. Встречавшие прибывших на берегу жители Илиона осыпали их камнями и, стараясь умертвить, преследовали до самого святилища. Если девушкам удавалось спастись и они оказывались под защитой богини, то должны были, босые и облаченные в один хитон, выполнять в храме грязную работу, не приближаясь к алтарю и выходя в город лишь с наступлением ночи. После смерти тела их сжигали и прах выбрасывали в море, а локры посылали им замену. Мотивировался этот обычай ссылками на эпизод из киклической поэмы Арктина «Разрушение Илиона», где Аякс Илиада, совершив во время захвата города насилие над Кассандрой у статуи Афины-Илиады, за святотатство приговаривался ахейцами к смерти, но находил себе прибежище у алтаря той же богини (см. Lusciorf. Alex. 1146 sq., со схолиями и комментарием Цеца к этому месту). По легенде за этот грех Аякс по пути из Трои домой погиб в море, а его соплеменников терзала эпидемия, пока они, по указанию из Дельф, не начали во искупление отправлять девушек в Илион. В середине IV в. до н.э. Эней Тактик (31.24) пишет об этих посольствах как о живом, современном ему обряде. Они прекратились после Фокейской войны 345 г. до н.э., когда, как считалось, истекло тысячелетие после разрушения Илиона – срок, положенный оракулом на отбывание локрами повинности (Ard. ep. 6.20). Но в середине III в. до н.э. после ряда знамений было объявлено, что срок оказался исчислен неверно и посольства возобновились на более мягких условиях: локрянки должны были пребывать в Илионе в течение года (Ael. de prov., fr. 87). Вероятно, с этим обычаем связана надпись из озольской Локриды, датируемая около 250 г. до н.э. и упоминающая о девушках, которых род Айантиев, «потомков Аякса», предоставлял локрам для отправки в некий храм на смену их предшественницам⁷⁵.

Задумавшись над происхождением этих посольств, Бете⁷⁶ решительно оспорил мнение Виламовица⁷⁷, считавшего их полностью инспирированными оракулом, который будто бы опирался на вымысел Арктина. Виламовиц следовал за Деметрием Скепсийским и Страбоном, которые, отвергая местные илионские предания о прибытии первых локриянок вскоре после Троянской войны, считали, будто посольства начались при владычестве персов, т.е. не раньше VI в. до н.э. (Strabo. VIII, 1, 40). Игнорировалось Виламовицем и сообщение Полибия об этом обычае применительно уже к VIII в. до н.э., времени выведения локрийских колоний в Италию (Pol., XII, 5), более раннему, чем начало Трои VIII. Для Виламовица поэма Арктина оказывалась тем пределом, глубже которого искать корни ритуала представлялось бессмысленным. Бете подошел к проблеме гораздо тоньше, указав на парадоксальность, противоречивость самого арктиновского эпизода, когда Аякс, оскорбитель Афины, спасался у ее

⁷³ Ibid. S. 138 f.

⁷⁴ Ibid. 126 f.

⁷⁵ Robert C. Die griechische Heldensage. Buch 3. Abt. 2. B., 1923. S. 1272.

⁷⁶ Bethé. Op. cit. S. 127.

⁷⁷ Wilamowitz-Moellendorf H. Die Ilias und Homer. B., 1916. S. 380 ff.

собственного алтаря. Согласно Бете, данная сцена должна была представлять вторичную этиологию уже непонятного грекам обычая, у истоков которого находилось пребывание племени Аякса И л и а д а под покровительством Афины И л и а д ы, т.е. Илионянки, и ранние культовые связи этого народа с городом над Геллеспонтом – Аякс Илиад оказывался «илионским» Аяксом. Вопреки ученым, трактующим начальное *o-* в наиболее распространенном варианте имени Оилея как графическую передачу звука *w-* (греч. *F*)⁷⁸, Бете, вслед за К. Бругманном, принимает праформу **o-wilos*, видя здесь тот же префикс, что в словах *ο-πατρος* «имеющий того же отца», *ὄμορφος* «подобный лицом» и т.д., в данном случае будто бы передающий связь локрийского героя с Илионом⁷⁹. Эта смелая догадка получила подтверждение после открытия в текстах линейного письма В формы (KN Dd 1218) *o-wi-ro = Owilos*⁸⁰, где *o-* не может отражать *w-*, но явно представляет префикс перед основой **wilo-*. В свете своей гипотезы Бете проанализировал фр. 116 Гесиода, в котором поэт, стремясь объяснить имя *Ἰλέυς* по созвучию с *Ἰλεως* «приятный, любезный», сообщает, что этого героя зачал Аполлон, сойдясь с «приятной» (*Ἰλεων*) нимфой в тот день, когда построили Посейдон и Аполлон стену хорошо сооруженного города. Название города опущено, но поскольку речь несомненно идет о совместной службе двух богов Лаомедонту, в основе рассказа обнаруживается несознаваемый или слишком уж глубоко скрытый устремившимся по другому следу Гесиодом миф о зачатии Оилея-Илия в Трое одновременно со строительством Илиона и о наречении героя в честь сооружаемого богом города⁸¹. Кстати, в «Илиаде» (XI, 95) *Οιλλей* упоминается в качестве троянского имени. Это родство имени локрийского царя с троянским топонимом для Бете стало ключевым моментом при реконструкции первоначального смысла посольств от локров в Илион. В том же направлении, но без столь глубокого анализа, шел В. Лиф, видя в этом обычае свидетельство троянско-локрийских связей, установившихся после Троянской войны⁸².

Однако эта концепция, тонко использовавшая игнорируемые Виламовицем языковые данные, имела одну слабую сторону: разделявшийся ее приверженцами взгляд на Илион как на локрийскую колонию, выведенную в конце II – начале I тыс. до н.э. Тем самым она вступала в противоречие с фактами, говорящими о существовании названия Илиона-Вилусы с первых веков археологической Трои VI. Да и явная вторичность имени Оилея-Илия по отношению к троянскому топониму плохо увязывалась с переносом названия Илиона из Локриды, где оно вовсе не представлено. Правда, последователь Бете В. Олдфатер предполагал, будто все эти имена могли иррадиировать в разные стороны с фессало-македонской родины локров⁸³ – идея, археологическим аналогом которой была бы концепция Блегена. Тем не менее предполагаемая Бете практика посылки священных посольств из метрополии в колонию, а не наоборот, по его собственному признанию, не имела прецедентов, и М. Нильсон на этом основании отвергал все построения немецкого ученого⁸⁴. Думается все же, что игнорировать эвристическую силу этой гипотезы, связавшей вместе факты языка и культуры, было бы по меньшей мере нецелесообразно. Достаточно указать на то, что с

⁷⁸ Schwyzer E. Griechische Grammatik. Bd I. München, 1939. S. 224; *Oldfather*. Op. cit. S. 2181; Гундин. Ук. соч. С. 159.

⁷⁹ *Bethe*. Op. cit. S. 142 со ссылкой на письмо Бругманна к автору. Префикс *o-*, видимо, представляет эолийский вариант к более обычному **ǵ-* < **sg-*, ср. *Chantraine P.* Dictionnaire etymologique de la langue grecque. T. I. P., 1968. P. 1; T III. P. 770, что поддерживает трактовку Бете (там же) имени *Ἰλέυς* как «Соилец»; о фригийской патронимике *Oyliavos*, по которому восстанавливается форма **Oylias*, сопоставимая, возможно, с греч. *Ἰοίλευς*, см.: Баюн Л.С., Орел В.Э. Язык фригийских надписей как исторический источник. I // ВДИ. 1988, № 1. С. 195; также см.: Гундин Л.А., Цымбурский В.Л. Троя и «Пра-Аххива» // ВДИ (в печати).

⁸⁰ *Ventris, Chadwick*. Op. cit. P. 567.

⁸¹ *Bethe*. Op. cit. S. 138. Нумерация фрагмента по изданию А. Рцаха.

⁸² *Leaf W.* Troy. A Study in Homeric Geography. L., 1912. P. 140.

⁸³ *Oldfather*. Op. cit. S. 2185.

⁸⁴ *Bethe*. Op. cit. S. 151; *Nilsson M.P.* Homer and Mycenae. L., 1933. P. 46.

точки зрения традиционной идеи об Аяксе Локрийском и Аяксе Саламинском как о двух разошедшихся вариантах одного исходного героического образа, понимание имени Аякса Оилиада как Аякса «Илионского» вполне отвечает преданию, которое саламинскому Аяксу дает в сводные братья постоянного спутника Тевкра, т.е. «Троянца», будто бы рожденного от похищенной Теламоном – отцом Аякса дочери Приама – Гесионы.

Слабости идеи Бете легко устранимы, если попытаться проецировать ее на гораздо большую временную глубину, на уровень не VIII, а XX в. до н.э., отнести предполагаемые ей процессы к преддверию не Трои VIII, а Трои VI, и за исходный регион, откуда распространялись имена данной серии, принять не Локриду, даже не Фессалию, а именно Трояду. Тогда почитание локрами Афины-Илиады легко может быть введено в контекст более общего представления греков об Илионе как о «могучем» и «священном» городе, отложившегося во фразеологии греческого эпоса: самый частый эпитет Илиона у Гомера (свыше 20 раз) это именно «священный» (*Ἴλιος ἱερός*) – определение города как полного необычной, сверхъестественной силы. Первопричиной локрийских посольств, как думал и Бете, впрямь следует считать мотив причастности героя Аякса Оилиада или Илиада к илионской святыне, позднее, после Троянской войны, трансформировавшийся в идею особой вины «илейского» народа перед разрушенным Илионом и его богиней.

Мы хотим здесь напомнить один темный пассаж греческих легенд, касающийся троянского этноса тевкров (Τευκροί). Этим именем в мифологической традиции вообще обозначалось: древнейшее население Трои; их эпоним – Тевкр (Τεύκρος), сын Скамандра и идейской нимфы (St. B. s.v.), бывший первым царем Трои, в которую в его царствование пришел с Самофракии Дардан (St. B. s.v. Ἀρίσβη). Согласно тому же Стефану Византийскому, Троя «раньше» называлась Тевкрида (Τευκρίς, -ίδος) (St. B. s.v.v. Τευκροί, Τροία), как и один из городов и ландшафтов Дардании (St. B. s.v.), а город Ἀρίσβη был назван по имени дочери Тевкра (Et. M. 143.55). Упомянутый пассаж представлен у Геродота (VII, 20) в словах о неких тевкрах, которые «еще до Троянской войны, переправившись в Европу через Боспор, покорили всех фракийцев и дошли до Ионийского моря, а на юге достигли реки Пеней», разделившей северную и южную Фессалию. То же предание всплывает и в «Александр» Ликофрона (стх. 1341 сл.), когда Кассандра вдруг вспоминает о каком-то своем предке, который, «опустошив долины Фракии, и землю эордов, и долину галадреев (племени на границе Македонии и Иллирии, ср. у Геродота «дошли до Ионийского моря»), вбил рубежи у вод Пеней». Данный мотив мог бы показаться просто поэтическим переложением Геродота, если бы не толкование схолиастов, которые под предком Кассандры, соединившим в одно царство Трояду и север Греции, без колебания понимают Ила. Геродот и Ликофрон явно воспользовались одной легендой о какой-то мощной волне завоевателей-мигрантов, протянувшейся в эпоху, предшествующую строительству Лаомедонтовой Трои (она же Троя VI) от Пропонтиды, через Эгейскую Фракию и Македонию до Ионийского моря. Эта мифическая миграция должна была включать те области, из которых в конце III – начале II тыс. до н.э. началось движение греческих племен на юг, заселение ими Греции (см. выше). Данная традиция в какой-то мере могла подкрепляться наличием на севере Греции городов, омонимичных троянскому Илиону. Трудно не видеть, насколько она близка подлинной этнокультурной картине конца Ранней бронзы, когда, по выводам Хаммонда, прагреки со стороны Фракии, пройдя Македонию, вступают на территорию современной Албании и, наконец, выходят к Ионийскому морю. При этом в легенде данное племенное передвижение изображается не как греческое, а как «тевкрыйское» и отправным его пунктом считается Троя, откуда «тевкров» ведет Ил. Допустимо предположить, что образ «священного Илиона» возник у греков еще до того, как они стали собственно греками, на прагреческой стадии, предшествующей македоно-фессалийской фазе их предыстории.

В литературе высказывалось мнение, что название Илиона может быть даже чисто

греческим⁸⁵, но с такой мыслью мы не можем безоговорочно солидаризироваться. Конечно, представленная в этом топониме индоевропейская основа **mil-* «извилистый», о чем говорилось, может быть выявлена и в греческом корнеслове, а череда родственных форм в топонимике Греции и в греческих личных именах (включая имя Оилея, прямо указывающее на связь с Илионом) как бы наводит на «греческий след», тянущийся со стороны Трояды. Однако фракийское соответствие в области астов севернее Боспора и близкие образования в хетто-лувийской и этрусской ономастике, к тому же обнаруживающие глубокие структурные сходства с троянскими и греческими именами (см. выше), заставляют осмысливать распространение этих форм скорее в ареальном, чем в генетическом ключе. Не так важен язык, в котором они зародились, как район, откуда они распространяются. А район этот нужно искать там, где «илейская» тема гуще, плотнее всего представлена в местных названиях, имеющих более прямое отношение к этногенетическим и миграционным процессам, чем легко передающиеся от народа к народу личные имена. Такой «очаг» «илейских» образований для Эгеиды установить легко: это малоазиатский северо-запад от Пропонтиды до верховьев Меандра. Отсюда, по легенде, на Грецию пошли «тевкры», которые, начиная с Македонии, для нас оборачиваются прагреками или их частью. По-видимому, прав был Меллаарт, утверждавший в знаменитой и многократно упоминаемой выше статье 1958 г., что в Трояде и близлежащих территориях в последней четверти III тыс. до н.э. были греки, пришедшие сюда по Юго-Восточным Балканам и далее через Геллеспонт непосредственно перед своим переселением в северную часть мест исторического обитания (юг Балканского полуострова). Разумеется, речь не может идти о всем этническом конгломерате (пра)греков, как предполагает Меллаарт, а о какой-то его части⁸⁶. Однако, почему тогда в мифо-исторической традиции данный анклав в этническом ландшафте Трояды маркируется в качестве тевкров? На этот далеко не риторический вопрос мы предполагаем попытаться ответить в следующей статье «Троя и "Пра-Аххива"».

THE PROTO-GREEKS IN TROY

L.A. Gindin, V.L. Tsymburski

In the late 50s – early 60s of our century Troy VI was generally regarded as an early Greek city. However, the crucial argument in favour of the idea of 'Greek Troy', i.e. the famous Grey Minyan Ware linking Troy VI with the Middle Helladic Greece, has been refuted by the scholars disclaiming the identity of the respective kinds of pottery at widely separated points of the Aegean (e.g., D. French). From the 60s onwards the conceptions regarding Troy in the IInd millenium B.C. as a Luwian (L. Palmer, J. Mellaart) or Thracian (L. Gindin) city have been elaborated.

In the present paper the authors revise the idea of the Proto-Greeks' stay in Troy from the early IInd mil. B.C. (or even from the late IIIrd millenium B.C.), temporarily fallen into the background. The similarity, not to say the identity, of Greek and Trojan pottery in the Middle Helladic Period finds its direct continuation in the Trojan import of Mycenaean articles from the very beginning of the Mycenaean epoch long before the Achaeon colonization of Anatolia. Therefore close contacts between these regions in the Middle Helladic Period seem fairly probable, which fact distinguishes Troy among the contemporaneous Anatolian settlements.

Among the names that the legend attributes to the Trojan rulers one encounters the Greek forms not present in Homeric, Archaic and Classical Greek yet attested in the Mycenaean world as well as amid the Macedonians who splitted off the Proto-Greeks admittedly in the late IIIrd – early IInd millenium B.C. The name of Ilios-Wilusa from **Wilus*/**Wilos*, 'sinuous', secondary meaning 'steep' (cf. Ἰλιος ἀλπεινή, 'the lofty Ilios', or *alati úilušati*, from 'the lofty Wilusa'in a Luwian ritual) shows parallels all over the

⁸⁵ *Oldfather*. Ibid.

⁸⁶ *Гиндин*. Население... С. 167 сл., 206 – карта; *он же*. Пространственно-хронологические аспекты индоевропейской проблемы и «карта предполагаемых прародин шести ностратических языков» В.М. Иллич-Свитыча // ВЯ. 1992. № 6. С. 57 сл., с картой.

region where in the early IInd millenium B.C. the varieties of pottery of the Grey Minyan *type* were widespread: cf. Ἴλιος in Bithynia, Thessaly and Macedonia, Ἴλουξα < **Wilusa* in Lydia (in the same area also Ἴλου ὄρος, Ἴλου κόμη); Ἴλιου ὄρος in Peloponnese, as well as Wilija on the Egyptian list of the Mycenaean cities of the XIVth B.C. E. Bethe already brought into confrontation the name of a mythical king of the Locrians, Oileus (cf. Myc. *o-wi-ro-* = Owilos, **Sm-Wilus*, **Sm-Wilos*, 'connected-with-ilius') and the fragment of Hesiod about the birth of Oileus at the very day of the Building of the walls of Ilios. The famous embassies sent in the Ist mil. B.C. by the Locrians of the Oileus' tribe to the temple of Athena in Ilios may go back to the practice of the IInd mil. B.C. when this people probably revered their hero as originating from the Trojan capital.

The tradition (Hdt VII, 20; Lycophr. 1341 ff.) mentioning the campaign of the tribes from the Troad is worth noting. Even before the building of the Laomedon's Troy (Troy VI) they marched under the command of Ilus through Thrace, Macedonia and Thessaly as far as the Ionian Sea. This legend may be a mythologized reminiscence of the process of the late IIIrd millenium B.C., the time of the 'Kurgan wave IV' and the coming of Proto-Greeks to the Thessalo-Macedonian area in the toponymy of which the name Ἴλιος can be encountered. Thus, the hypothesis of the passage of a certain group of Greek tribes via Troy still remains a fairly attractive idea.

© 1994 г.

А.В. Коптев

ФОРМИРОВАНИЕ КРЕПОСТНОГО ПРАВА В ПОЗДНЕЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

Поздняя Римская империя была закономерным этапом в развитии гражданской общины как социально-политического организма¹. Формально началом эпохи поздней античности может считаться 212 год – год распространения Каракаллой гражданских прав на большую часть жителей империи². Для того чтобы этот важный формально-юридический акт проник в плоть общественных отношений, а затем пришедшие в движение общественные нормы выработали адекватную себе политическую форму, потребовалось по меньшей мере три поколения. Поэтому завершающий этап в развитии римской гражданской общины фактически начинается с правления Диоклетиана.

Однако он был подготовлен длительным предшествующим развитием. Уже во второй половине II в. предоставление гражданских прав населению провинций настолько изменило соотношение граждан и неграждан, что Марк Аврелий стал подумывать об их распространении на всех провинциалов (Aug.Vict.Caes.16.12). Распространение гражданских прав в I–II вв. существенно изменяло лицо общества: провинциалы не становились автоматически римлянами, даже перенимая их обычаи и нормы. Это вело к необходимости учета правовыми нормами гражданского общества чуждых античной Италии общественных отношений. Инструмент же для этого сформировался на почве господства ограниченной по численности гражданской общины над массой союзников и подданных. Классическое римское право было логическим развитием норм, сформировавшихся под влиянием взгляда на мир сквозь призму гражданской общины. Для него все граждане были юридически равны в правах и обязанностях, а основным делением людей было деление на рабов и свободных (Gai.Inst.I.9.). Сталкиваясь в среде новых граждан с отношениями, необычными для жителей Италии, такое право было вынуждено искать возможности (внутренние ресурсы) для оформления их в соответствии с римскими юридическими нормами.

¹ Положение о структуре общества как главном критерии при сопоставлении общественных организмов стало общим местом в историографии последних десятилетий. А юридическим выражением общественной структуры считается (вслед за К. Марксом) та или иная форма собственности. Общественные структуры различаются характером соотношения личных и коллективных интересов. Помноженное на культурную традицию, это соотношение определяет и потенциальные возможности развития общества, так как именно оно указывает границы возможной свободы и инициативы для личности. Этим обществу задается определенный тип производителя, а следовательно, во многом определяется и его экономическая основа. Такой основополагающей структурой в Римской империи была античная гражданская община, основывавшаяся на подвижном равновесии интересов гражданина и коллектива. Имперское общество не просто состояло из городских гражданских общин, но и в своем развитии на макроуровне стремилось к такому балансу. Возможно, поэтому Дион Кассий (52.19.6) и Элий Аристид (26.36;61) пытались представить империю как большой полис.

² В одной из работ Е.М. Штаерман определила эдикт Каракаллы как «реформу, представляющую нам очень важной, но почему-то мало привлекающую внимание современников» (Штаерман Е.М. Кризис III века // История Европы. Т. 1. М., 1988. С. 634).

Поэтому в римской юриспруденции со II в. на первый план начали выходить отношения, которые прежде не привлекали большого внимания юристов.

Положение должно было особенно обостриться в III в. с включением большей части провинциального населения в состав гражданства, что сделало гражданское право достоянием прежних перегринов. Это должно было значительно усилить «натиск» местных правовых норм. Право приобретало колоссальную интегрирующую роль. Резко возрастало значение профессиональных юристов в управлении, что особенно заметно в эпоху Северов, хотя в качестве тенденции наметилось уже при Адриане. Масса интересов новых граждан захлестнула общественно-политическую жизнь империи, во многом обусловив кризис III века. То, что отмечается историками в качестве симптомов кризиса основанной на рабовладении общественной системы – резкое увеличение данных их источников о «нетипичном» (с точки зрения современных стереотипных представлений о классическом рабстве) положении и использовании рабов, рост числа зависимых земледельцев по сравнению со свободными арендаторами – было следствием интеграции в гражданскую среду и фиксации в праве многообразных местных форм зависимости и правовых отношений.

Римские юридические тексты, по которым исследователи пытаются судить о колонате III–IV вв., как исторический источник имеют свою специфику. Ее игнорирование ведет к буквальному отождествлению правовой формы с социальными отношениями, характерному для большинства работ по позднеантичному колонату. Абсолютизация же этой специфики чревата отрицанием самого существования зависимого колоната³. Классическое римское право выработало лишь одну форму для регулирования отношений землевладельца с работниками на его земле – *locatio-conductio*. Эта форма исходила из юридического равенства граждан, заключавших сделку аренды земли. Романизация провинций привела к появлению иных форм поземельных отношений, в которые оказывались втянуты римские граждане и провинциалы. Иногда местные формы землевладения складывались еще до включения провинциалов в число римлян и предоставление прав гражданства лишь давало таким отношениям римское правовое оформление. Провинциальные земледельцы на чужой (или оказавшейся чужой с приходом римлян) земле находились в разном положении: потомственные свободные крестьяне, клиенты местных вождей, пришлые поселенцы, мелкие арендаторы, переселенные варвары, сельские отпущенники, малоазийские паройки, африканские *cultores lege Manciana* и др.⁴ Связь с землей для многих из них была традиционной, основанной на пользовании ею их предков⁵. Но в формах римского права они могли быть обозначены только как колонаты, что в комментариях римских юристов влекло за собой распространение на них норм отношений краткосрочной аренды. В работах современных историков увеличение числа таких комментариев во II–III вв. рассматривается зачастую как неоспоримый показатель оживления арендных отношений в сельском хозяйстве Ранней империи. Поэтому в литературе сохраняет значительный вес концепция колоната-аренды, представляющая колонатов в качестве постепенно впадавших в задолженность и социально деградировавших свободных арендаторов, со временем дополненных и другими категориями зависимых земледельцев. Неполнота этой концепции стала очевидна уже в конце прошлого века с

³ См.: *Фихман И.Ф.* Позднеантичный колонат – миф, созданный историками? (По поводу статей Ж.-М. Каррие) // ВДИ. 1991. № 1. С. 27–45.

⁴ См. также: *Штаерман Е.М.* О классовой структуре римского общества // ВДИ. 1969. № 4. С. 47. Идея многоукладности общества империи, получившая развитие в работах Л. Тейтча, Т. Котулы, Е. Колендо, А. Фола, В. Велкова, Н.Н. Беловой (см., например: *Белова Н.Н.* О формах зависимости в сельском хозяйстве римской Галлии I–III вв. // ВДИ. 1970. № 1. С. 121–141; *Штаерман Е.М.* Две новые работы по социально-экономическим отношениям Фракии // ВДИ. 1971. № 4. С. 226–240), привела Е.М. Штаерман к попытке увидеть за юридическими источниками реальные местные, иногда доримские общинные отношения, что отразилось в ее полемике с А.Р. Корсунским о роли общины в западных римских провинциях. См. также: *Штаерман Е.М.* Древний Рим: проблемы экономического развития. М., 1978. С. 14–48.

⁵ *Weber M.* Römische Agrargeschichte. Stuttgart, 1891. S. 61, 294; *Schulten A.* Die römischen Grundherrschaften. Weimar 1896. S. 93 f.; *Rostowzew M.* Studien zur Geschichte des römischen Kolonates. Lpz., 1910. S. 350 ff.

открытием знаменитых африканских надписей⁶. Однако еще и теперь она продолжает сохранять немалый авторитет⁷. Поэтому справедливо утверждение Ж.-М. Карье, что многие современные исследователи заблуждаются относительно простоты позднеантичной аграрной структуры⁸.

Под влиянием неримских, но включавшихся в орбиту римского права норм идея краткосрочной аренды претерпела некоторые допустимые ее юридической формой изменения. Она стала как бы молчаливо продлеваться на каждые следующие пять лет, т.е. приобрела характер долгосрочной. Перестали быть обязательными как письменная фиксация договора, так и денежная форма арендной платы⁹. Фактически это уже была не аренда. Но юридическая форма, взгляд на стороны в этих квазидоговорных отношениях как на юридически равноправные сохранялся. Предоставление гражданских прав провинциалам способствовало регенерации этой постепенно становившейся анахронизмом античной формы. Большинство земледельцев местного статуса формально стали лицами *sui iuris*, что, как представляется, и вызвало распространение в III в. комментариев юристов, посвященных нетрадиционному с точки зрения краткосрочной аренды положению колонов. Поэтому во II–III вв. не происходило замены рабовладельческих отношений в сельском хозяйстве колонатными.

Кризис состоял в существенном изменении отношений собственности. Земля в провинциях считалась собственностью римского народа или олицетворявшего его императора¹⁰. При всей развитости отношений собственности, особенно в областях бывшего эллинистического мира, с точки зрения римского права провинциальные землевладельцы могли считаться не более чем посессорами. Пользование землей местными жителями далеко не всегда было оформлено в нормах римского права. Предоставление им гражданских прав создавало предпосылку для установления новых правовых отношений. Но зачастую это было сложно практически, так как на использовавшуюся ими землю уже существовала собственность городов, фиска, императора и т.п. Да и там, где препятствий не было, урегулировать часто запутанные местные отношения, совместить их с нормами римского права было невозможно в одночасье. Империя не имела отлаженного механизма учета интересов столь большого числа новых граждан. Требовалась целая эпоха для того, чтобы установился какой-то, нарушенный появившейся возможностью массового изменения общественного статуса, общественный порядок, способный стать основой для утверждения порядка правового.

Отношения собственности были тесно связаны с правами городского гражданства. Римское гражданство право было рассчитано на жителей городских общин муниципального типа. Поэтому в эпоху Империи римский гражданин имел двойное гражданство – имперское и городской общины (*origo*)¹¹. Подразумевалось, что и peregrины, не имея римского гражданства, все же были гражданами каких-либо собственных общин. Поэтому эдиктом Каракаллы декларировалось «сохранение всех прежних гражданских образований»¹², под которыми исследователи достаточно единодушно

⁶ О современном состоянии проблемы африканского колоната см.: *Flach D. Inschriftenuntersuchungen zum römischen Kolonat in Nordafrika // Chiron. 1978. 8. S. 441–492; idem. Die Pachtbedingungen der Kolonen und die Verwaltung der kaiserlichen Güter in Nordafrika // ANRW. II. 10. 2. S. 427–473.*

⁷ См.: например: *Karayannopoulos J. Die Bindung der Agrarbevölkerung an die Scholle und ihre Ursachen // From Late Antiquity to Early Byzantium / Hrsg. V. Vavrinek. Praha, 1985. S. 95 f.*

⁸ *Carrié J.-M. Un roman des origines: les généalogies du «colonat du Bas-Empire» // Opus. 1983. T. 2. Fasc. 1. P. 230.*

⁹ *D. 19.1.49; 19.2.13.11; 19.2.14; 19.2.25.6; 19.2.60.1; 20.1.32; 26.7.46 pr.; 33.1.21; 41.1.1.44; 41.2.40.1.*

¹⁰ *Gai. Inst. II. 7: Sed in provinciali solo... dominium populi Romani est vel Caesaris, nos autem possessionem tantum vel usumfructum habere videmur; ...26 a: In provinciis vero non modo praedium nullum possessorum proprium, sed ne quidem ulla libera civitas est.*

¹¹ *Nörr D. Origo // RE. Supplbd. 10. 1965. Sp. 449 f.*

¹² *P. Giess. 40. I. 8–9: μένοντος παντός γένος πολιτευμάτων; ср.: salvo iure gentis (tabula Banasitana).*

понимают провинциальные общины городского типа¹³. Только дедитиции, которые не признавались в качестве граждан определенных общин (Ulp. fragm. XX. 14), оказались исключенными и из общеимперского гражданства. К числу дедитициев относились прежде всего покоренные римлянами силой оружия после кровопролитных сражений или неоднократных восстаний народы, как, например, иудеи Палестины (Aug. Epist. in Ps. LVIII. 1.21) или фракийское племя бессов (Dio Cass. 54.34)¹⁴. Но в то же время гражданами городских общин не была значительная часть сельских жителей провинций. Для них принадлежность к гражданству во многом определялась отношением к собственности на землю. Часть провинциального крестьянства сидела на землях, находившихся в ведении городов, другая – на экзимирированных, в основном императорских и государственных территориях.

Местные земледельцы, сидевшие на городских территориях, зачастую пользовались принадлежавшей городам землей в течение многих поколений. Некоторые из них держали свои участки еще до включения их в орбиту городской собственности. Однако не имея городского гражданства, они рассматривались на Востоке в качестве паройков, а на Западе – инкол. Категория паройков возникла еще в эллинистическую эпоху из населения местных поселений на земле полисов¹⁵. Они были тесно связаны с общественной и экономической жизнью полисов, а их отношение к земле регулировалось обычаями, включенным в систему действовавшего в эллинистическом мире греческого права¹⁶. Ко времени утверждения здесь римских правовых норм отношения сельского населения с городами и центральной властью были уже достаточно хорошо разработаны местным правом. Поэтому римское вмешательство далеко не сразу нарушило баланс в системе сложившихся отношений. Значительная часть бывшего эллинистического мира восприняла эдикт Каракаллы как стремление римского правительства увеличить бремя налогов и повинностей (Dio Cass. 77.9). Поэтому в Малой Азии III в., судя по надписям, не столь уж много сельских жителей выразило заинтересованность в правах римского гражданства¹⁷.

Городской строй западных провинций был моложе восточного и его распространение здесь было теснее связано с деятельностью римлян. В I–III вв. за теми, кто, не будучи гражданином города, владел землей на городской территории, прочно закрепилось обозначение «инкола»¹⁸. По определению Фронтинна, «инколы, будь они даже чужеземцами, [это] те, кто обрабатывают землю внутри [городской] территории»¹⁹. Поэтому для юриста II в. Помпония очевидно, что «инкола – это тот, кто обосновался (domicilium suum contulit) в какой-либо области; греки его зовут паройком. И не только те, кто пребывает в городе, суть инколы, но также и такие, которые в пределах того или иного города владеют землей (agrum habent) так, что возвращаются к ней словно к некоему [постоянному] месту жительства (quasi in aliquam sedem – D. 50.16.239.2)»²⁰. В эпоху Ранней империи инколы, подобно паройкам, принимали участие в общественной жизни города, несли муниципальные повинности²¹. Инколы, имевшие права гражданства (incolae qui cives Romani Latinive cives erunt) допускались к

¹³ Ельницкий Л.А. Новые эпиграфические данные (Tabula Vanasitana) и эдикт Каракаллы о римском гражданстве // ВДИ. 1980. № 1. С. 171.

¹⁴ Штаерман Е.М. К вопросу о dediticii в эдикте Каракаллы // ВДИ. 1946. № 2. С. 86–87.

¹⁵ Schaefer H. Paroikoi // RE. Bd 18. 1949. Sp. 1695–1707; Kreyßig H. Boden und Abhängigkeit im Orient in der hellenistischen Epoche // JWG. 1975. 2. S. 101–116.

¹⁶ Свенцицкая И.С. Категория ΠΑΡΟΙΚΟΙ в эллинистических полисах Малой Азии // ВДИ. 1959. № 2. С. 152.

¹⁷ Голубцова Е.С. Сельская община Малой Азии. М., 1972. С. 108.

¹⁸ Rodriguez Neila J.F. La situación socio-política de los «incolae» en el mundo romano // Colonato y otras formas de dependencia no esclavistas. Oviedo, 1980. P. 147–170.

¹⁹ Frontin. (Th. 45, 12): ut incolae, etiamsi essent alienigenae, qui intra territorium colerent.

²⁰ Cf.: lex Urson. cap. XCVIII: D'Ors A. Epigraphía jurídica de la España romana, Madrid, 1953. P. 152.

²¹ D. 50.1.29; С. X. 39(38).1; С. X. 40(39).1; 5.

голосованию при выборах в курию²². Инколы могли достигнуть городского гражданства, поскольку им разрешалось исполнять должность эдила (CIL V.532). Предоставление Каракаллой римского гражданства всем провинциалам не изменило отношения инкол к городам. Для юристов III в. определение гражданского статуса по-прежнему было связано с городской *origo* граждан²³. По-видимому, здесь и сыграл важную роль факт наличия у таких инкол-граждан земельной собственности, что давало им статус посессоров и включало как землевладельцев в орбиту городской жизни в качестве либо инкол, либо даже городских граждан. По определению Ульпиана, «кто происходит из села, у того родиной считается гражданская община, к которой относится село» (D.50.1.30).

Однако были и другие сельчане-рустики, которые обрабатывали чужую землю, платя за нее посессорам. Часто они жили в селениях на этой земле, будучи мало связаны с городом как центром общественной жизни. По мнению Модестина, «следует знать, что тот, кто обитает в поле, не считается инколой: ведь тот, кто не пользуется выгодами этого города, не должен считаться инколой» (D. 50.1.35). В сохранившемся в Кодексе Юстиниана (X. 40 (39). 3) отрывке постановления времени Диоклетиана также утверждается, «...что те, кто проживает на территории какой-либо городской общины, подобно инколам не привлекаются к несению повинностей или отправлению почетных должностей». Поскольку в постановлениях, соседствующих в Кодексе с этим текстом, говорится о привлечении инкол к городским повинностям, вероятно, выражение «подобно инколам» (*velut incolas*) не уподобляет рустикам городских территорий инколам, а наоборот противопоставляет одних другим:

Видимо, не случайно в III в. новый оттенок приобрело понятие *ingenuitas*, в классическом праве обозначавшее свободнорожденность, происхождение от свободных родителей. Но этимологически оно связано и с местным, туземным происхождением. С обострением проблемы местного городского гражданства словом *ingenui* стали обозначаться те горожане, предки которых имели гражданство, или те, кто узаконил его другим способом. Этим они, видимо, отличались от получивших римское гражданство по эдикту Каракаллы, но не сумевших приобрести местного городского. Такие новые граждане в правовом отношении могли рассматриваться как отпущенники императора – Аврелии. Их отделение от лиц, имевших двойное гражданство, повело к формированию у последних особого *status ingenuitatis*. Будучи фактически тождественным местному гражданству (*status civitatis*), он фигурирует уже в юридических текстах эпохи Диоклетиана²⁴.

Лишенные же городского гражданства постоянные жители городских земель тем не менее получали общеимперский гражданский статус. Ведь по утверждению Ульпиана, «конституцией императора Антонина римскими гражданами были сделаны [все], кто находятся *in orbe Romano*» (D. 1.5.17). Следовательно, они должны были рассматриваться в качестве местных – *originales* – там, где фактически проживали. Такие сельчане, не имевшие собственности на обрабатываемую землю, римским правом могли рассматриваться только как колонны. Именно такие *coloni originales* появляются в императорских конституциях IV в. в качестве объекта колонатного законодательства,

²² Lex Malac. cap. LIII; *Rodriguez Neila*. Op. cit. P. 166. Not. 64.

²³ В дополнение к титулу Дигест (50.1), посвященному городским гражданам и инколам, небезынтересно обратить внимание на емкую фразу, вычлененную издатели Кодекса Юстиниана (X.39 (38). 4) из постановления времен Диоклетиана: «Очевидно, что никто не может избавиться от своего происхождения (*origine*) по собственной воле». К этой же эпохе относится разъяснение: «Гражданами [делает] происхождение (*origo*), отпуск на свободу, внесение в цензовые списки или усыновление, инколами же, как объявил яснейшим образом в своем эдикте и божественный Адриан, делает место жительства (*domicilium*). Не подлежит сомнению, что каждый имеет домицилий в том самом месте, куда он перенес лара и все свое имущество, и оттуда пусть не удаляется обратно, если ничто его не позовет, [ведь] когда он оттуда уходит, то оказывается peregrinum, если же туда возвращается, тотчас же peregrinum быть перестает» (C. X. 40(39). 7).

²⁴ *Levi E. Libertas und civitas // ZSS (RA). 1961. Bd 78. S. 154, 170.*

стремившегося прикрепить их к месту жительства (*origo*). В этом законодательстве происходило формирование особой *condicio colonaria*, отталкиваясь от уже существовавшего с III в. *status ingenuitatis*. Так деление новых граждан на *ingenui* и *coloni originales* явно направлялось римским правом в русло прежнего деления свободных на *ingenui* и *libertini*. В рамках колоната провинциальные земледельцы приобретали статус, подобный отпущенническому, т.е. средний между свободным и рабским²⁵. Исходной основой его формирования было отсутствие у них городской гражданской *origo*. Поэтому их новое положение по аналогии с полным гражданским *status ingenuitatis* можно определить как *status originalium*. Его возникновение (и не только для сельского населения) деформировало классическое представление об *origo*, уподобив его уже в III в. понятиям статус, профессия, социальное и этническое положение и т.п.²⁶

Еще со II в. в различных провинциях проявлялось активное стремление мелких поселений и сельских общин конституироваться в форме городской гражданской общины. В провинциях Малой Азии этот процесс явно связан с распространением там римской общественной практики: римляне дали статус полиса множеству селений, не имевших его в эллинистическую эпоху²⁷. В дунайских провинциях с III в. резко возросло число городов, получивших статус колонии и муниципия²⁸. В африканских провинциях представители местных общин осаждали императора просьбами даровать им статус муниципия и получали его²⁹. На Западе, судя по надписям, получали квази-муниципальную организацию *vici*, *pagi* и, вероятно, *gentilitates*, имевшие общественные здания, культовые сооружения, собственных магистратов и знавшие деление на членов общины и поселенцев-инкол. Они располагались на *agri non limitati* (D. 41.1.16). Последние частью входили в состав императорских владений. На Востоке земледельцы императорских доменов имели сходную организацию и потребности³⁰. Другая часть земель императора и фиска подвергалась лимитации, более распространенной, видимо, в западных провинциях. Эти земли распределялись среди посессоров (D. 41.2.52), находились в ведении прокураторов или сдавались кондукторам. Такие имения также приобретали подобные муниципальным черты, становясь центрами организации общественной жизни сельчан. И в старой, и в новой литературе в качестве таких квази-муниципальных образований рассматриваются прежде всего имения крупных землевладельцев³¹. Из центров организации производственных отношений в сельском хозяйстве они превращаются в составную часть позднеантичной государ-

²⁵ Правовые последствия такой *fortuna media* могли быть серьезными. Невозможность пользоваться правами граждан городской общины уподобляла колонов дедитициям. А согласно утверждению Гая (Inst. I. 26), «...наихудший из всех родов свободы – это свобода тех, кто причислен к дедитициям; ни один закон, или постановление сената, или распоряжение принцепса не открывает им доступа в римское гражданство». Они были ограничены в имущественных правах: «Того, кто причислен к дедитициям, нельзя назначить наследником, так как он peregrin, с которым нас связывает право на [взаимное] составление завещания» (*Ulp. fragm.* XXII. 2); «...тот, кто причислен к дедитициям, не может составлять завещание, ...потому что он не может завещать ни как римский гражданин, так как он peregrin, ни как peregrin, ибо он не есть гражданин какой-либо определенной гражданской общины, согласно законам которой он мог бы составить завещание» (*ibid.* XX. 14).

²⁶ *Nörr. Op. cit.* Sp. 469.

²⁷ *Свенцицкая И.С.* К проблеме «греческого возрождения» в полисах II в. // *Быт и история в античности.* М., 1988. С. 170 сл.

²⁸ *Колосовская Ю.К.* К истории падения римского господства в Дакии // ВДИ. 1955. № 3. С. 72.

²⁹ *Штаерман Е.М.* Рабство в африканских провинциях // *Штаерман Е.М., Смирин В.М., Белова Н.Н., Колосовская Ю.К.* Рабство в западных провинциях Римской империи в I–III вв. М., 1977. С. 17 сл.: она же. *Древний Рим.* С. 43.

³⁰ *Свенцицкая И.С.* Положение земледельцев в императорских доменах Малой Азии // ВДИ. 1973. № 3. С. 41 сл.

³¹ *Виноградов П.Г.* Происхождение феодальных отношений в Лангобардской Италии. СПб., 1880. С. 74; *Mommsen Th.* Dekret des Commodus für den Saltus Burunitanus // *Hermes.* 1880. Bd 15. S. 406; *Weber.* Op. cit. S. 243–250; *Schulten.* Op. cit. S. 98; *Gascou J.* Les grandes domaines, la cité et l'état en Egypte byzantine. *Recherches d'histoire agraire, fiscale et administrative* // *Travaux et mémoires. Etudes anciennes.* Nancy, 1985. V. 9. P. 1–90.

ственной системы. Неслучайно введенный Диоклетианом рекрутский набор в армию опирался именно на поместья. Городские курии долгое время стремились сохранить за поместными колонами обязанность исполнять муниципальные повинности. Однако в III в. гражданские обязанности колонов были связаны с их реальной *origo* в имениях. Это породило целое ответвление в колонатном законодательстве, посвященное освобождению колонов от муниципальных обязанностей³². Колоны, о которых шла речь, были императорскими земледельцами³³. Это показывает, что процесс превращения имений в источник квази-гражданской *origo* начался не на городских, а на государственных землях. Очевидно, это было обусловлено изъятием проживавших на них провинциалов из ведения городских центров, где они могли бы практически реализовать полученные права римского гражданства. Видимо, следует согласиться с Е.М. Штаерман, указывавшей, ссылаясь на надписи, что и после эдикта Каракаллы не все сельские жители пользовались правами римского гражданства³⁴.

Признание *origo* колонов в селе или имении оформляло их право на место жительства не по милости землевладельца, а в качестве граждан империи. Теперь собственнику земли нельзя было изгнать их из своих владений. Но прав собственности на обрабатываемую землю это колонам не давало. Они могли покинуть имение, но в другом они становились не оригинариями (*origo* уже была определена и лишь приобретение земли в собственность могло ее изменить), а поселенцами-инквилинами. Предоставление гражданских прав влекло за собой и упорядочение обязанностей. Поэтому логично, что в скором времени всякая попытка уклониться от обязанностей должна была повлечь за собой стремление властей заставить нести их. Так сложились предпосылки разработки императорского законодательства о возврате колонов к месту их проживания.

В современной литературе корни позднеантичного колоната обычно видят в фискальной реформе Диоклетиана, потребовавшей жесткой регистрации цензовых списков по месту жительства. Для колонов местом приписки было имение или село на чьей-либо земле, вместе с податной описью которого они и вносились в кадастр (D. 50.15.4.8). Поэтому землевладелец в той или иной степени считался ответственным за выплату податей и колонами. Вследствие этого естественным выглядит распространявшееся в IV в. принудительное возвращение колонов к своему месту жительства, податям и обработке земли. Поэтому многие исследователи считают, что с течением времени такой возврат превращался в правовую норму, на основе которой складывался новый статус зависимого колона. Такой наиболее распространенный в современной науке подход к формированию позднеантичного колоната и логичен, и опирается на данные юридических источников. Но определенное неприятие, особенно у исследователей марксистского направления, вызывает узость истоков столь широкомасштабного социального явления при выведении его лишь из фискальной реформы. Между тем последняя сама была следствием неформального признания гражданства за провинциалами, что означало включение новых граждан в систему социальных отношений внутри гражданского коллектива. Фактически гражданство устанавливалось во время составления цензовых списков, фиксировавших обязанности граждан по отношению к государству³⁵.

³² При Марке Аврелии, как передает Папирий, колонов имений фиска еще разрешалось привлекать к городским повинностям, при условии, если это не нанесет ущерба фиску (D. 50.1.38.1). Но уже в начале III в. Каллистрат сообщает, что «колоны Цезаря освобождаются от [городских] повинностей, чтобы надежнее обеспечить фискальные имения» (D. 50.6.6(5).11).

³³ Постановлениями Константина императорских колонов (*originales coloni*) запрещалось привлекать к городским *honores et munera*, чтобы не отвлекать от их собственных сельскохозяйственных занятий (C. XI.68(67). 1–325 г.; 2 – 313/337 г.). Судя по одной конституции Констанция, куриалы пользовались правом колоната на частных землях императоров, чтобы освободиться от своих городских обязанностей (СТh.XII.1.33 – 342 г.).

³⁴ Штаерман Е.М. Кризис рабовладельческого строя в западных провинциях Римской империи. М., 1957. С. 186 слл.

³⁵ В гражданско-правовом плане обязанности по отношению к государству осмысляются как обязанности по отношению к гражданскому коллективу в целом. Поэтому вряд ли следует понимать буквально

Первым по времени текстом, в котором засвидетельствовано принудительное возвращение колонов к месту жительства, считается конституция 332 г.: «Тот, у кого будет найден колон, подвластный другому лицу, должен не только вернуть этого колона к месту происхождения (*origo*), но сверх того внести подушную подать за время его отсутствия. Самих же колонов, которые вздумают бежать, надлежит заковать в железо по примеру лиц рабского состояния, чтобы, получив по заслугам рабский приговор, они исполняли приличествующие свободным обязанности» (CTh.V.17.1 – 332 г.). Большинство современных исследователей не считают эту конституцию законом, установившим прикрепление колонов к именьям. Она не вошла в Кодекс Юстиниана, что указывает на отсутствие у нее программного характера. Подразумевается, что такой закон, хотя и существовал, но не сохранился, а конституция 332 г. была лишь одной из ряда подтверждавших его действие³⁶. В дошедшем до нас ее тексте возврат колона связывается с уплатой податей. Современной наукой эта связь воспринимается как прямое свидетельство того, что фискальные нужды были главной причиной требования возврата колонов, а следовательно, и их зависимости от имения, в цензовые списки которого они были внесены³⁷. Конституция 332 г. адресована «провинциалам», из чего делается вывод о ее всеобщем для империи характере. Однако с последним не слишком согласуется наличие в Кодексе Юстиниана (XI.51; 52; 53) конституций второй половины IV в., которыми, как считается, вводилось прикрепление к земле иллирийских, фракийских и палестинских колонов.

Сохранившийся текст конституции 332 г. дважды подвергался переработке. Его краткость указывает на то, что перед нами не аутентичный закон Константина, а сокращенная в Кодексе Феодосия выдержка из него, дошедшая кроме того в Бревиарии Алариха (V.9.1). Зависимость колонов была уже очевидна в 438 и тем более в 506 г., следовательно, из текста конституции было выбрано то, что «работало на идею» прикрепления. Поэтому представляется, что акцент на зависимости колонов от имения, который в дошедшем до нас тексте кажется очевидным, относится по крайней мере к 438 г. Тем не менее в первоначальном тексте должно было быть нечто, вызвавшее интерес к нему у составителей Кодекса. При отсутствии прецедентов возврата к *origo* свободных земледельцев, это требование могло относиться к подвластным лично императору колонам его собственных имений. В таком случае выступавшие в качестве адресата конституции «провинциалы» были посессорами императорских имений. Возможно, издание конституции 332 г. было связано с победой Константина над готами, которые, вероятно, были расселены на фискальных и императорских землях на положении колонов, поступивших в распоряжение их посессоров³⁸. В качестве аргумента можно сослаться на близость выражений этого постановления с терминологией другой конституции из Кодекса Феодосия (V. 6.3 – 409 г.), посвященной распределению среди провинциальных посессоров переселенных на территорию империи скиров, получивших статус колонов. Составители Кодекса Феодосия, используя конституцию 332 г. для своих целей, придали выражению «провинциалы» более широкое по сравнению с первоначальным значение – все земле-

литературные свидетельства о непомерном росте налогов и повинностей в IV в. В предшествующую эпоху гражданский коллектив был много меньше по численности и, следовательно, общий объем повинностей также был меньше. Это не могло не оказать влияния на мировосприятие авторов начала IV в., особенно христианских, негативно настроенных по отношению к римским порядкам. Сказывался также и присущий жанру их сочинений элемент агитации. Об этом см.: *Hortkotte H.-J.* Die Theorie vom spätrömischen «Zwangstaat» und das Problem der «Steuerhaftung». Königstein, 1984. S. 13 ff.

³⁶ Д. Айбах отмечает, что в литературе значение этого закона сильно преувеличено, на что оказала влияние его интерпретация в Бревиарии Алариха. См.: *Eibach D.* Untersuchungen zum spätantiken Kolonat in der kaiserlichen Gesetzgebung unter besondere Berücksichtigung der Terminologie. Köln, 1977. S. 50 f.

³⁷ *Goffart W.* Caput and Colonate. Towards a History of Late Roman Taxation // *Phoenix*. Suppl. V. 11. 1974. P. 70 f.

³⁸ См.: *Brockmeier B.* Der Große Friede 332 n. Chr.: Zur Außenpolitik Konstantins des Großen // *BJ*. 1987. Bd 187. S. 79–100.

владельцы империи³⁹. По-видимому, для колонов императорских и фискальных земель, изъятых из ведения муниципиев, гражданская *origo* могла быть установлена только в селе или в имении. Поэтому новое представление о гражданском *ius originis* земледельцев впервые стало складываться на императорских землях⁴⁰.

Вторая по времени конституция, в которой, как считается, более четко, чем в других, указывается на связь колонов с имением, также сохранилась в виде выдержки: «Если кто-нибудь решит продать или подарить имение, он не может на основании частного соглашения удерживать за собой колонов для перевода их в другие места. Ведь те, кто считают колонов полезными, должны или удерживать их вместе с имениями, или оставить в пользование другим, если не надеются, что имения, принесут доход им самим» (СТh. XIII. 10.3=C.XI. 48.2 – 357 г.). Ничто в этом отрывке не доказывает крепостной зависимости колонов от земли. Это землевладельцу запрещается разделять колонов и имения, дававшие им *origo*. Связь же колонов с *origo* имела совсем иную основу и общественное значение, нежели насильственное приращение работников к средствам производства.

Поэтому и представляется, что установку на связь колонов с имением породила не экономическая деградация колонов в результате кризиса III в. или новая фискальная политика правительства, а постепенно происходивший в течение III–IV вв. поворот в ориентации государственной структуры, вызванный предоставлением гражданства провинциалам. При этом, поддерживая заинтересованность самих колонов в стабильности своего положения на обрабатываемой земле, античное государство как бы выполняло свою обязанность заботиться о гражданах и гражданском коллективе в целом. Пока сохранялась муниципально-полисная основа, сохранялся и взгляд на подданных как на граждан. Поэтому установка на связь с *origo*, т.е. с имением, затрагивала только постоянно живших в нем земледельцев, а не временных арендаторов. Правовое положение и статус таких местных (*originales*) земледельцев не потерпели в течение первой половины IV в. никакого ущерба. Но со временем отсутствие у колонов гарантий гражданского статуса в виде собственности на землю (или хотя бы права претендовать на такую собственность) неизбежно должно было повлечь понижение их общественного статуса и, как следствие, переосмысление их связи с имением как приращения к нему.

Такое переосмысление произошло при Валентиниане I, наметившись, возможно, в русле поисков адекватного решения проблем городского гражданства и муниципальной собственности, обострившихся к концу правления Констанция и стимулировавших новую политику императора Юлиана и, вероятно, восстание Прокопия 365–366 гг.⁴¹

³⁹ В пользу такого понимания конституции 332 г. говорит и то, что остальные четыре конституции Константина, сохранившиеся в Кодексе Феодосия (XI. 7.2. – 319 г.; IV. 13.3 – 321 г.; IX. 21.2 – 321 г.; IV. 22.1 – 326 г.) и относящиеся к колонам, не содержат и намек на их зависимость. Из девяти аналогичных конституций Кодекса Юстиниана (XI. 63.1 – 319 г.; IX. 24.1 – 321 г.; XI. 68.1 – 325 г.; III. 38.11 – 325 г.; XI. 50.1 – 325 г.; VIII. 5.1 – 326 г.; XI. 48.1 – 328 г.; XI. 68.2 – 313/337 г.; III. 26.7 – 313/337 г.) лишь одна (XI. 68.2) посвящена возврату колонов и запрету отвлекать их для иных занятий, кроме земледелия. И колоны в этой конституции – императорские. Им же посвящена большая часть конституций Константина, в которых прослеживается общая тенденция ограничить деятельность колонов рамками имения и того занятия, для которого они были предназначены как земледельцы. Эта тенденция появилась задолго до Константина (см. прим. 32). Само понятие «колонатное право» (*ius colonatus*) в законодательстве IV в. появляется впервые в приложении к императорским землям (СТh. XII. 1.33 – 342 г.), очевидно, как уже сформировавшееся к этому времени. И только много позднее, во второй половине IV в., оно распространяется и на частные владения (СТh. XIV. 18.1 = С. XI. 26.1 – 382 г.). Причем если в конституции 342 г. предполагается возможное отношение к колонату как к аренде, то в 382 г. речь идет о вечном колонате (*colonatu perpetuo*). См.: *Johne K.-P. Zum Begriff Kolonats in der Spätantike // From Late Antiquity to Early Byzantium*. P. 98 f.

⁴⁰ Эта мысль высказывалась еще М. Вебером (Op. cit. S. 250 f.), а в литературе о колонате была принята Ш. Соманем (*Saumagne Ch. Du rôle de l'«origo» et du «census» dans la formation du colonat romain // Byzantion*. 1937. 9. P. 508–510).

⁴¹ В литературе о колонате мало внимания обращают на конституцию Констанция и Юлиана, бывшего тогда цезарем, адресованную сенату: «Не следует записывать среди торговцев сельчан и ваших колонов, разумеется если они вовсе не занимаются никакими торговыми делами, поскольку нельзя ведь говорить о торговле и товарах, если ваши люди, а также сельчане, проживающие в ваших владениях, распродают то,

Конституция 364 г., которую иногда считают самым ранним свидетельством наследственной прикрепленности колонов, относится к императорским сельским рабам и колонам (С. XI. 68(67).3). Она также сохранилась лишь в сокращенном виде и, возможно, была скорректирована в Кодексе Юстиниана: «Рабы и колоны, а также их дети и внуки или кто бы то ни было из тех, кто из наших имений и владений тайно перешел на различные должности, должны быть возвращены, даже если принесли воинскую присягу. Ведь мы приказываем разоружить и вернуть даже и тех, кто достиг звания протекторов». Видимо, отношение к императорским колонам оказалось удобным образцом общегосударственного регулирования, ориентированного на закрепление *origo* в имениях. В другой конституции Валентиниана и Валента, направленной префекту претория Модесту, зафиксировано предоставление землевладельцам права побуждать колонов к уплате податей и несению повинностей: «Пусть те, кому принадлежит собственность (*dominium*) на имения, или сами или через своих акторов позаботившись о побуждении к внесению платежей, примут на себя ответственность за выполнение надлежащих повинностей от имени тех местных колонов (*pro his colonis originalibus*), которые, как будет установлено, приписаны к цензу в этих самых местах. Разумеется, настоящее предписание не распространяется на тех, у кого есть хоть какое-то, самое маленькое земельное владение и кто вписан в цензовые книги отдельно (*in suis locis*) под собственным именем: ведь тем, кто предоставлен собственной скромной участи, подобает сдавать хлебные подати под надзором обычного экзактора» (СTh. XI. 1.14=С. XI.48.4–366,372 или 374 г.?). Причем учитывая, видимо, что это дело новое, господа имений предупреждаются, что это предписание распространяется только на *coloni originales* их имений и не затрагивает их соседей – крестьян-собственников, которые приарендовывают у них землю и на этом основании тоже могут рассматриваться как колоны. *Origo* последних не находилась в имении и поэтому его владельцы и их люди не могли получить от государства права контроля за такими земледельцами⁴².

В 365 г. Валентиниан и Валент направили викарию Азии Клеарху разъяснение: «Нет сомнения, что колоны лишены права отчуждать землю, которую они обрабатывают, вплоть до того, что если они и имеют какую-либо собственную [землю], им не следует передавать [ее] другим лицам без совета и ведома патрона» (СTh. V. 19.1). Видимо, Клеарх имел дело с какими-то местными отношениями собственности, не совпадавшими с римскими, и послал соответствующий запрос. В ответ он получил предложение рассматривать местных земледельцев как колонов, которые не имеют собственности на обрабатываемую землю. Их отношения с землевладельцами, видимо, были подобны римскому патронату. В таком случае их формальный статус (т.е. тот, что фиксировался затем в праве и становился юридическим) соответствовал вольноотпущенническому, причем, как мы видели выше (см. прим. 25), отнюдь не высшей категории. Около 368–370 гг. те же императоры изложили префекту претория Пробу порядок производства дел по жалобам на бегство рабов (СTh. X. 12.2—368(?) г., 370 (?) г., 383 (?) г.). Здесь же фигурируют и беглые колоны, названные трибутариями, и инквиллины, которых предписывается возвращать

что рождается (*gignuntur*) на землях, где они живут, и даже в той же деревне» (СTh. XIII. 1.3 – 361 г.). Колоны здесь свободны располагать собой, вплоть до перехода из земледельцев в торговцы. Государство интересуется лишь их регистрация, а отношения с землевладельцами остаются за пределами специального правового регулирования.

⁴² В литературе применительно к IV–V вв. отмечается не только увеличение размеров крупных доменов и вилл в качестве их центров, но и зависимость от них вилл, принадлежавших мелким и средним землевладельцам, которые «постепенно исчезали в качестве самостоятельных социально-экономических ячеек (и соответственно ячеек собственности) и включались в систему производственной отношений, развивавшихся во владениях крупных провинциальных собственников» (*Ляпустина Е.В.* Галло-римская вилла: ее место в развитии провинциального землевладения // Социально-политические и культурные проблемы истории стран Европы от античности до нового времени. М., 1989. С. 71). Такая фактическая зависимость мелких хозяев от соседей могла послужить основой для восприятия представителями государственной администрации имений магнатов, которые получали статус квази-муниципальных центров, в качестве *origo* таких землевладельцев.

тому, чьими они себя объявят. К тому же времени относится и сильно сокращенная и подвергшаяся интерполяциям конституция из Кодекса Юстиниана: «Пусть наместники провинции принудят всех без исключения беглых адскриптицев⁴³ колонов либо инквиллинов, без всякого различия пола, обязанностей и статуса, возвратиться к древним пенатам, где они внесены в ценз, а также рождены и воспитаны» (С. XI. 48.6—366 г.). Характерное описание пункта возврата колонов и инквиллинов в этой конституции со всей очевидностью позволяет считать, что речь идет об их *origo*.

Исходя из изложенного, представляется, что несмотря на глубокие корни, процесс непосредственного прикрепления колонов начался в 60-х гг. IV в.⁴⁴ Оно распространилось не только на *coloni originales*, но и на инквиллинов (арендаторов земли и дома). В скором времени, уже через поколение, статус и положение колонов и инквиллинов уравнились (С. XI. 48.13—400 г.). Прикрепление инквиллинов, которые в имениях, видимо, занимали положение, аналогичное положению инкол в городах, позволяет говорить о том, что со второй половины IV в. установление связи земледельцев с их *origo* в имениях приобрело иной характер, чем прежде. Связь с имением местных колонов была естественной, корнями уходящей в поколения их предков, живших на ней. Инквиллины были в имении пришлыми, строго говоря, чужими, хотя, вероятно, многие из них проживали в нем уже не одно поколение. Определить их *origo* по прежнему месту жительства было невозможно. Поэтому она стала фиксироваться, как и у колонов, по ценовым записям имения. Это показывает, что правительство только теперь по-настоящему заинтересовалось определением *origo* провинциальных земледельцев. Его озабоченность вызывала сложность удержания населения империи в состоянии контролируемого равновесия. Интересы государства стремились обойти и собственники земли, и земледельцы, мало пользовавшиеся правами гражданства и предпочитавшие освободиться от обязанностей. В то же время административно-муниципальная система не справлялась с поддержанием правового порядка. По свидетельству Фемистия (Orat. VIII. 113), при Валенте собирались не налоги, а недоимки еще с конца III в. Перенос *origo* в имения, видимо, следует рассматривать как часть комплекса мер, направленных на стабилизацию функционирования городских курий. В законодательстве это проявилось как частичный перенос ответственности за сбор налогов с курий на землевладельцев⁴⁵. Это, вероятно, было связано с движением городской земельной собственности, частично конфискованной Константином, затем возвращенной Юлианом и опять, видимо, восстановленной Валентинианом в руках крупных собственников.

В Кодексе Юстиниана в качестве одной из программных сохранилась конституция «О палестинских колонах», которая как будто вводила прикрепление к имениям колонов в Палестине: «Поскольку в других провинциях, подчиненных власти нашей светлости, установленный предками закон удерживает колонов на некоем вечном праве, так что им не позволено уходить из тех мест, плодами которых они пользуются, и бросать то, что они получили раз и навсегда для обработки, а посессорам Палестинской провинции это не приносит пользы, мы постановляем, чтобы также и в

⁴³ Представляется более убедительным мнение тех авторов, которые слово «адскриптиции» в этой конституции считают интерполяцией времени Юстиниана, а не определением к колонам и инквиллинам. См.: Eibach. Op. cit. S. 148 f.

⁴⁴ Ш. Сомань считал переломным в законодательстве о колонате 366 г. (Saumagne. Op. cit. P. 507 suiv., 527—529). По его мнению, с этого времени право прикрепления земледельцев к земле, введенное ранее в императорских имениях, было распространено и на частные земли.

⁴⁵ В императорском законодательстве именно на 60-е гг. IV в. приходится появление *defensor civitatis* и *patrocinia vicorum*. Видимо, внимание правительства к *origo* поместных колонов, плембу городов, в том числе и живущему на городских территориях, и жителям свободных метрокомий (и, возможно, пагов в Подунавье и на Западе) следует рассматривать в комплексе. Однако проблема патронатных в империи — слишком обширная и важная тема, чтобы высказываться о ней походя. Из новой литературы о патронате см.: Krause J.-U. Spätantike Patronatsformen im Westen des Römischen Reiches. München, 1987, в особенности S. 284 f.

Палестине никто из колонов не кичился своим правом якобы беспрепятственно передвигающегося и свободного человека, но по примеру других провинций пусть так удерживается господином имения, чтобы не мог уйти безнаказанно. К этому следует добавить, что господину имения дается полное право востребовать его обратно» (С. XI. 51.1—386 г.). В не совсем четком обосновании изданного постановления разъясняется, что удерживающее колонов «некое вечное право» (*quoddam aeternitatis ius*) действовало во всех провинциях, в том числе, следовательно, и в Палестине. Вероятно, земледельцы Палестины игнорировали это «оригинарное право», потому что они не входили даже формально в категорию граждан, а были теми, кто в эдикте Каракаллы определялся как дедитиций. Ведь «дедитициями называются те, кто некогда с оружием в руках сражались против римского народа, а затем, побежденные, сдались» (Gai. Inst. I. 14). Борьба иудеев Палестины против римского владычества в I—II вв. должна была наложить отпечаток на их статус среди населения империи. И даже во второй половине IV в., как отмечает Августин, они не стали частью римского гражданского коллектива: «Ведь все эти провинции подчинены римлянами. Кто теперь знает о народах в римской власти, кто из них кем был, когда все стали римлянами и римлянами называются? Однако иудеи сохраняют отличие, они ведь не так были побеждены, чтобы быть включенными в число победителей» (Aug. Enag. in Ps. LVIII. 1.21). В таком случае понятно, почему для Палестины потребовалось специальное постановление, которое в 386 г. дало посессорам *ius revocandi* в отношении колонов-дедитициев. В противном случае земледельцы-неграждане фактически оказывались в лучшем положении, нежели земледельцы-граждане, и могли бы «кичиться» (*exsultare*) этим. Однако выправление этого правового перекоса имело непредвиденный, но закономерный побочный результат. Гражданское *ius originis* и производное от него «оригинарное право» для колонов уравнивалось с *ius revocandi* для земледельцев-дедитициев. С этого времени появился прецедент, в соответствии с которым колоны, формально имевшие основания претендовать на римское гражданство, могли приравниваться к дедитициям. По-видимому, это отражало фактическое положение дел и отношение к колонам. Это показывает, что реальный интерес властей состоял не в обеспечении гражданских прав крестьян, а в регулярном соблюдении ими фискальных и иных обязанностей. И лишь сохранение античной традиции организации общества как гражданского коллектива (в силу отсутствия каких-либо иных традиций и слабого развития иных форм организации общества) заставляло заботиться о квази-гражданском статусе колонов. Агентами государства в слабо муниципализированных областях, по-видимому, выступали либо квази-городские организации сел, пагов и метрокомий, либо господа имений, наделавшиеся с 366 г. соответствующими полномочиями. Как показал Ж. Гаску на примере Египта, крупное имение в случае необходимости принимало на себя функции городской общины⁴⁶. В этом смысле, видимо, надо понимать полномочия, предоставленные господину имения конституцией 386 г.

Пятнадцатью годами раньше было издано сходное постановление, касающееся иллирийских колонов: «Мы постановляем, что колонам и инквилинам в Иллирике и соседних областях не может быть позволено покидать селение, в котором они определено проживают в силу своего происхождения и родства. Пусть они служат землям не на основе податной обязанности, но под именем и титулом колонов, так что если они уйдут или перейдут к другому, пусть будут возвращены, закованы и наказаны...» (С. XI. 53.1—371 г.). Здесь мы встречаемся еще только с началом жесткого закрепления колонов. Точное выяснение их происхождения и родственных связей (*originis agnationisque*) указывает именно на *origo* как на основу прикрепления. Они — давние и потомственные жители своего села. Поэтому их гражданская обязанность состояла не только во внесении трибута (став торговцами, они могли бы вносить и больше), но в служении землям в качестве земледельцев (*inserviant terris... nomine et titulo colonorum*).

⁴⁶ Gascou. Op. cit. P. 20 suiv.

Origo в качестве основы прикрепления колонов к имениям проступает и в конституции «О фракийских колонах». Отмена во Фракийском диоцезе подушной подати вызвала у авторов постановления потребность разъяснить: «А чтобы не казалось, что освободившимся от уз податной участи колонам предоставлена возможность беспрепятственно странствовать и уходить, куда пожелают, ведь они удерживаются оригинарным правом и, хотя выглядят по положению свободнорожденными⁴⁷, должны все же считаться рабами самой земли, для которой рождены, пусть [они] не имеют возможности уходить, куда пожелают, и покидать имения, а их посессор пусть по праву осуществляет и обязанности патрона, и власть господина...» (С. XI. 52.1—393 (?) г.). Жителям диоцеза объяснялась причина сохранения связи колонов с местом проживания. Не будучи знакомы с тонкостями римского гражданского устройства и права, они, видимо, воспринимали эту связь как следствие их обязанности платить подать в данном месте, и поэтому освобождение от платежей принимали как обретение свободы покидать имения. Однако с точки зрения государственной системы это было не так. И не потому что вводился новый принцип прикрепления — *originario iure* вместо *tributariae sortis* — как зачастую считается в литературе⁴⁸. Использование для определения налоговых повинностей цензовых списков, составлявшихся по месту жительства, лишь затемняло реальное, скрытое гораздо глубже основание этой связи, обнажившееся только в связи с отменой подати. Это была связь колона с *origo* (*ius originarium*). При этом все же, поскольку порядки в имении устанавливала не гражданская (или квази-гражданская) община, а землевладелец, в реальной жизни колоны выглядели не как граждане, а как подвластные ему, патрону и господину, лица. Правительство было вынуждено напоминать, что «колоны, лишь приписанные к цензам [имений], свободны по отношению к тем, кому их не делают подвластными подати (*tributa*), но кажется, что отданы в некое подобие рабства тем, кому обязаны ежегодными повинностями и участью своего положения...» (С. XI. 50.2—396 г.). Поэтому «служение землям» (*inserviant terris*) иллирийских колонов по прошествии времени стало возможно огрубить до «рабства самой земле»⁴⁹.

Так в течение второй половины IV в. утвердилось прикрепление земледельцев, обрабатывавших чужие земли, к имениям. На 60—90-е годы этого столетия приходится большая часть сохраненных кодексами законов, посвященных колонам⁵⁰. Их многочисленность по сравнению с периодом от Диоклетиана до Юлиана указывает на складывание колонатной системы империи, отсутствие которой было связано с правовой неопределенностью положения значительных масс сельских жителей. Определенный итог формированию системы колоната подвело распространение в 400—419 гг. на колонов срока давности проживания в имении, ставшего юридическим регулятором споров землевладельцев по поводу утраченных или приобретенных земледельцев⁵¹. Вполне определившийся в это время статус зависимого колона основывался на форме собственности, предполагавшей контроль за колоном со стороны землевладельца (через его собственность на землю) и со стороны государства (через прикрепление к этой земле). Этим в позднеантичной общественно-правовой системе уравновешивались две линии развития: «античная», стремившаяся рассматривать ко-

⁴⁷ Выражение конституции «*licet condicione videantur ingenui*», вероятно, подразумевало не просто «свободнорожденных», т.е. имелся в виду не отпущеннический статус колонов, а его подобие городскому гражданскому статусу (*condicio = status ingenuitatis = civitatis*) в том смысле, в каком мы их уже сравнивали выше.

⁴⁸ См.: *Eibach*. Op. cit. S. 108 f.

⁴⁹ «*Servi tamen terrae ipsius cui nati sunt*» — букв.: «рабы самой земли, для [нужд] которой рождены».

⁵⁰ В Кодексе Юстиниана с 300 по 360 г. — 12 конституций, с 364 по 400 г. — 38, с 401 по 438 гг. — 13, с 440 по 518 г. — 12. В Кодексе Феодосия с 300 по 360 г. — 10, с 361 по 400 г. — 30, с 401 по 438 г. — 15 конституций.

⁵¹ СTh. XII. 19.2 = С. XI. 66.6 — 400 г.; СTh. V. 18.1—419 г. Этим сразу попытались воспользоваться колоны для обоснования своих претензий на независимость от каких-либо имений. Поэтому правительству в течение V в. неоднократно приходилось выступать с разъяснениями по этому поводу. Эти разъяснения внедряли в общественную практику статус зависимого колона, изменявшийся под ее влиянием.

лонов в качестве граждан, и «имперская», видевшая в них только работников и подданных⁵². Поэтому именно зависимый колон был оптимальной фигурой эксплуатируемого в сельском хозяйстве поздней античности⁵³. Фактически создавалась предпосылка для переориентации общественной системы с рабства на зависимое крестьянство.

Осознание в праве первой половины V в. наличия в обществе особого сословия колонов должно было послужить основой для дальнейшего развития колоната. Применение 20—30-летнего срока давности уже через поколение после издания Кодекса Феодосия разделило колонов на тех, кто происходил от зависимых земледельцев, и тех, кто утрачивал свободу передвижения по сроку давности проживания в чужом имении⁵⁴. Именно это обстоятельство, как представляется, в восточно римском праве привело к появлению категорий энапографов-адскриптицев и свободных колонов, сменившему традиционное многообразие колонатной терминологии и унифицировавшему сами колонатные отношения⁵⁵. В современной литературе распространено представление о большей близости к рабству западного колоната и о большем количестве свободных колонов на Востоке⁵⁶. Сделанный на материале законодательства, этот вывод излишне прямолинейно связывает контекст источника и общественные отношения, не учитывая развития самой правовой системы, частью которой являются используемые императорские конституции. Фигурирующие в них «оригинарии», «трибутари», «адскриптиции», «свободные колоны», «инквилины» и т.п. — термины, отражавшие правовые ориентиры. Социальное их наполнение не всегда буквально совпадало с правовым. Зачастую различные термины в разных контекстах обозначали разные признаки или функции одной и той же общественной группы (трибутари — налогоплательщики, оригинарии — местные, адскриптиции — приписанные к цензу и др.). Обозначение по-разному имевших одинаковый статус колонов V в. — как оригинариев на Западе и адскриптицев на Востоке — отражало лишь подчеркивание в их статусе разных сторон. На Западе акцент делался на *origo* в имении, а на Востоке — на *adscribitio* к цензу имения. В какой-то мере это различие, по-видимому, было обусловлено разными правовыми традициями. На Западе *origo* была чисто римским, внедрявшимся вместе с романизацией провинциальной обще-

⁵² Особенностью античной социальной структуры является сбалансированное равновесие двух основных классовых делений: граждане — рабы и крупные собственники средств производства — мелкие и потенциальные собственники (работники). В этом смысле распад структуры должен означать нарушение равновесия в пользу второго классового принципа. При этом крупные собственники перестают ощущать себя частью гражданской общины, стремясь к включению в иные, более общие — имперские — структуры. Избежать полного распада гражданского коллектива удавалось только периодически расширяя круг граждан, с тем чтобы государственные и общественные структуры не утрачивали единства. При этом менялось соотношение и удельный вес рабов и низших категорий свободных в пользу последних. Основной категорией эксплуатируемых становились не рабы, а мелкие собственники (в основном потенциальные, превращавшиеся в зависимых), а рабство по степени общественной значимости оттеснялось на периферию. В конечном итоге на первый план неизбежно выдвигались классы-сословия, формировавшиеся на основе общественного разделения собственности на крупную и мелкую. Их полное преобладание в структуре империи сдерживалось ее ориентацией на городское гражданство. Покровительствуя куриям, правительство до поры сдерживало консолидацию класса крупных собственников и его интересов.

⁵³ С таким заключением согласуется и важный вывод Г.Е. Лебедевой о том, что колонат был органичным звеном в неразрывной цепи отношений земледелец — землевладелец — государство, бывшей частью сбалансированной позднеантичной системы общественных отношений (*Лебедева Г.Е.* Еще раз о ранневизантийском колонате // *Проблемы социальной истории и культуры средних веков.* Л., 1987. С. 13).

⁵⁴ Это деление генетически восходит к античному делению на местных граждан (оригинарии) и пришлых (инколы, инквилины, адвены). См., например, D. 50. 16.239.2: «Инкола [поселенец] — это тот, кто обосновался в какой-либо области; греки его называют паройк [поселившийся по соседству]... 4. Адвена [пришелец] — это тот, кого греки называют апоик [переселившийся издалека]».

⁵⁵ Кроме этих двух категорий прикрепленных земледельцев колонами продолжали считаться земледельцы, сидевшие на чужой земле менее 30-ти лет (*Eibach.* Op. cit. S. 158 f.).

⁵⁶ См., например: *Курбатов Г.Л.* К проблеме перехода от античности к феодализму в Византии // *Проблемы социальной структуры и идеологии средневекового общества.* Вып. 3. Л., 1980. С. 11.

ственной жизни институтом. Различие между гражданами (*originales*) и инколами (инквилинами) образовывало важнейшую социальную границу в среде провинциального населения. На Востоке римская правовая традиция столкнулась с однотипной ей, но возникшей ранее — эллинистической. Правовые отношения между местными гражданами и переселенцами-паройками здесь регулировались принципом *ἰδίᾳ*, делавшим ненужным и излишним распространение римской *origo*. Поэтому внедрение в восточных провинциях римских юридических норм, активно начавшееся при Константине и Гонстанции с перемещением политического центра на Восток, было тесно связано с государственной политикой. Последняя же фиксировала внимание на вписывании колонов в цензы имений (*adscribitio*), откуда и определение их статуса как *sensibus adscribiti* и *adscripicii*. В то же время использование *adscribitio* отражало большой прагматизм в установлении юридической связи земледельцев с имением. Возможно, ее применение ориентировалось на те регионы, где, подобно Палестине, земледельцы не имели гражданского статуса. *Ius revocandi*, дарованное их господам с 386 г., юридически могло быть обосновано записями в цензовые списки имений. Все это указывает, что правовые ориентиры, группировавшие в большие страты местные формы зависимости, не отражали не только фактических различий в положении колонов западных и восточных провинций, но и социально-статусных. *Adscribitio/adscripicio*, послужившая основой для оформления термина «адскрипций», практиковалась не только на Востоке, но и, например, в Галлии⁵⁷. И более свободные, чем оригинарии, колоны, прикрепленные к имению по сроку давности, имелись не только в восточных, но и в западных провинциях. Срок давности устанавливал их связи с имением потому, что проживая в течение 30-ти лет вдали от родной гражданской общины в качестве инквилинов имения, такие земледельцы фактически утрачивали реальную связь со своей *origo*. Земледельцы, живущие своим трудом, не могли исполнять гражданские обязанности одновременно в двух местах. Срок давности мог бы стать способом установления для них новой *origo*, однако это противоречило гражданским установлениям, подкрепленным Диоклетианом (С. X. 39 (38).4). Поэтому по прошествии 30-ти лет колоны не превращались в оригинариев или адскриптициев, а получали статус «свободных колонов». Судя по известной конституции Анастасия, этот статус предусматривал прикрепление к имению, но с одновременным сохранением имущественных прав земледельца (С. XI. 48.19). Правовой основой такой «свободы» было формальное сохранение однажды уже приобретенного права гражданства в какой-либо муниципальной общине. В одной из конституций западного императора Валентиниана III утверждается, что лица, утратившие почему-либо связь со своим городом или поселившиеся в имении, теряют свободу передвижения, но сохраняют *ingenuitas*, т.е. гражданский статус⁵⁸. Такие «свободные колоны», имевшие *origo* в городе и потому сохранявшие права собственности, по истечении 30-летнего срока становились в имении не просто чужаками-адвеннами, а приобретали по отношению к нему определенные

⁵⁷ Стх. XI. 1.26–399 г.: «Императоры Аркадий и Гонорий Винцентию, префекту претория Галлий. Пусть твое превосходительство, отменив пожалованные привилегии, предпишет привлекать к обязанностям всех посессоров, разумеется, из тех провинций, из которых поступила жалоба или в которых сохраняется нынешний способ учета подчиненного плебса и приписывание (*in quibus haec retinendae plebis ratio adscribitioque servatur*). Пусть никому не будет делаться поблажек, никому не причиняется вред несправедливым распределением, но все должны подчиниться одинаковой участи; и причем так, что если имение, к которому приписано определенное количество плебса (*cui certus plebis numerus fuerit adscribitus*), переходит другому лицу, нового обессора следует обязать признать долги проданного [имения], поскольку не подлежит сомнению, что нужно не столько приписывать плебс ко всем имениям, сколько не отделять его от того [имения], чьим он отныне раз и навсегда будет считаться (*cum plebem constet non tam in omnibus praediis adscribendam neque auferendam ab eo, cui semel posthac deputata fuerit*)».

⁵⁸ «...если [человек], никоим образом не зависящий ни от одной городской общины, задержится в чьем-нибудь сельском или городском имении и пожелает вступить в брак с зависимой женщиной, пусть сделает для муниципальной канцелярии заявление о своем намерении жить в избранном месте, чтобы из-за тех прежних уз ему не пришлось бы ни оставлять понравившееся жилище, ни расторгать брак (*consortium*) с женщиной: сделав такое заявление, пусть он не имеет позволения уходить, несмотря на сохранение статуса свободнорожденного» (*Nov.Val.31.5—451 г.*).

обязанности, подобно городским инколам. Но если в городе инколы были ниже местных граждан по статусу, то в имениях «свободным колонам» отдавалось предпочтение по сравнению с оригинариями. Последние так и не стали настоящими гражданами. Таким образом, право собственности, отличавшее «свободных колонов» от адскриптицев, определялось наличием у них status ingenuitatis, тогда как имущество адскриптицев (и оригинариев) рассматривалось как пекулий, в точности же, как и имущество дедитицев (см. прим. 25). Сальвиан Марсельский прямо сравнивал попавших в колоны к крупным собственникам крестьян с дедитициями: «Они передают себя под защиту и покровительство более могущественных людей, становятся дедитициями богачей и как бы переходят под их право и власть... Все те, кого, как кажется, защищают, [сами] отдают своим защитникам почти все свое достояние, прежде чем их защитят. Таким образом, чтобы отцы получили защиту, сыновья теряют наследство» (Salv. De gub. Dei V. 8.38—39).

С оформлением сословия колонов возникла проблема его соотношения с другими категориями граждан, что нашло отражение в появлении с конца IV в. «брачного законодательства» для колонов. В нем прослеживается стремление соблести два пересекавшихся принципа — гражданскую принадлежность колонов и их прикрепление к имениям. В случаях, когда эти принципы вступали в формально не разрешимое противоречие (при браках колонов разных имений, например), в конституциях V в. предписывалось сохранять семьи колонов в неприкосновенности, а интересы лишившегося колонов имения удовлетворять путем предоставления замены для компенсации утраченных рабочих рук⁵⁹. Соблюдение свободного статуса колонов, таким образом, зависело от возможностей государства сохранить преобладание муниципально-полисных общественных отношений в провинциях. Перемещение origo из городских общин в имения отдавал земледельцев не только под экономический, но и под административно-правовой контроль земельных собственников. Полученное теми от государства право принуждения по отношению к колону стало инструментом для создания господина имения личной власти над колоном⁶⁰. Психологией, сохранявшей в основе античные мировоззренческие установки, это воспринималось как превращение свободных земледельцев в фактических рабов магнатов⁶¹. Возможно, социальные аспекты в сочинении Сальвиана Марсельского «О божьем правлении», обличавшем круп-

⁵⁹ Формально один из родителей оказывался «беглым» и по ius originarium должен был быть возвращен, но в соответствии с ius civile семья граждан должна была охраняться (С. XI. 48.13 — 400 г., СTh. V. 18.1—419 г.; СTh.X. 20.17 = С.XI.8.15. — 427 г.; Nov.Val. 27 — 449 г.; 31—451 г.; 35—452 г.; Nov. Maior. 7—458 г.; С. XI.69.1). Иными словами, и определившись как сословие колоны V в. сохраняли связи с общенеперским гражданским статусом.

⁶⁰ Ср.: Saumagne. Op. cit. P. 571—576. Колоны становились частью сельской фамилии землевладельца. Отсюда происходило его «право господина» (domini potestas) над колоном (С. XI.52.1—393 (?) г.).

⁶¹ Как в Галлии V в. на практике воспринималась и, видимо, претворялась в жизнь ситуация, правовая форма которой в качестве желательной описана в 31-й новелле Валентиниана III (§5; см. прим. 58), показывает сочинение Сальвиана (De gub. Dei.V.9.43—45): «Поэтому некоторые из людей, о которых мы говорим, или более сведущие, или становящиеся сведущими поневоле, поскольку они либо теряют свои дома и клочки земли (domicilia atque agellos) из-за вторжений, либо покидают их, уходя от сборщиков подати, так как не в состоянии удержать, устремляются в имения более могущественных и становятся колонами богачей. И, обычно, подобно тому как гонимые страхом перед врагами сбегаются к кастеллам, а лишившиеся гарантий свободы и неприкосновенности в отчаянии устремляются к какому-нибудь убежищу, так и эти [люди], поскольку не в состоянии более поддерживать ни положение, ни достоинство своего происхождения, обрекают себя на жалкую участь инквизинов, низведенные до такой нужды, что лишаются собственности на имущество и утрачивают право свободы, будучи отторгнуты не только от своего состояния, но и от положения, и изгнаны не только от собственных вещей, но и от самих себя, теряя вместе с собой и все, что у них есть. И все же, поскольку к тому вынуждает несчастная необходимость, эта их ужасная участь была бы терпимой, если бы не случалось чего-нибудь похуже. Куда тяжелее и горше то, что к этому злу прибавляется еще более свирепое зло. Ведь их принимают, как пришельцев [адвен], в соответствии же с местом проживания они становятся туземцами, и по примеру той могущественной колдуньи, которая, как говорят, некогда превращала людей в животных, все эти [люди], принятые в имения богачей, преобразуются, как от напитка Цирцеи. Ведь с теми, кого принимают как пришлых и чужих, начинают обращаться как со своими собственными: те, о ком известно, что они свободнорожденные, превращаются в рабов».

ных землевладельцев, можно объяснить не ухудшением материального положения становившихся колонами земледельцев, а переносом контроля за мелкой земельной собственностью из городских общин в руки владельцев крупных имений. Ослабление, а затем и ликвидация на Западе политического контроля за соблюдением правового порядка как бы узаконивало реальное равенство положения прикрепленных колонов и сельских рабов⁶².

Таким образом, «свобода» колонов, реализовавших к началу V в. свою принадлежность к гражданскому коллективу империи в имениях, полностью разошлась с гражданским статусом лиц, имевших городское гражданство. Дети колонов, не имея даже возможности выбирать форму служения обществу и пользоваться активными правами гражданина, приобретали особый статус оригинариев. В формах гражданского права он определялся как *fortuna media*, напоминая статус вольноотпущенников (D.1.1.4). Подобно последним, колоны-оригинарии уже не могли рассматриваться в качестве *ingenui*. Практически это было связано с отсутствием у них городского гражданства. Но формально-юридически могло выглядеть и как отсутствие свободного происхождения. Поэтому уже к концу IV в. о них говорили, что «хотя они и кажутся по статусу свободнорожденными, однако считаются рабами самой земли...». В течение V в. такой взгляд на потомственных колонов-оригинариев только укрепился. При Юстиниане, ликвидировавшем в 530—531 гг. категории латинов-юнианов и дедитициев, все свободные в империи стали римскими гражданами (С. VII.5.1—530 г.; VII.15.2—530 г.; VII. 6.1— 531 г.). На деле это означало, что гражданский статус был признан за всеми, чьи предки на протяжении IV—V вв. сумели приобщиться к городскому гражданству (сохранить *ingenuitas*). Юридически он стал равен *status libertatis*, хотя по происхождению свободные продолжали делиться на свободнорожденных и отпущенников (D.1.3). Для колонов-адскриптициев (оригинариев), которые полностью распрощались с городской *ingenuitas*, это означало выведение их за рамки гражданского коллектива. А утратив гражданский статус, они в реформированной Юстинианом структуре имперского общества утрачивали и связанную с гражданством свободу. Так проведенные Юстинианом социально-правовые реформы направили эволюцию статуса адскриптициев по одному пути с рабским⁶³.

Стремление отделить адскриптициев от гражданского коллектива вызвало специальное внимание юристов к детям колонов. Издаются ряд конституций, целью которых было закрепить связь таких детей с их статусом и соответствующими ему

⁶² Уже в конституциях Валентиниана III в связи с возвратом до истечения срока давности фигурируют не только колоны-оригинарии, но и рабы из имений (Nov.Val. 27.4—449 г.; 35.6—452 г.).

⁶³ Социальная структура Поздней империи и до Юстиниана очень напоминала структуру римской *civitas* классической эпохи. *Ordo senatorius* и *ordo decurionum*, вместо сошедшего со сцены *ordo equester* с теми же в широком смысле слова общественными функциями, составляли категорию *honestiores*, а плебс с более или менее намеченными в его среде градациями — *humiliores*. От них были отделены гражданско-правовой гранью рабы. Но со второй половины IV в. стал все более углубляться разрыв между городским и сельским плебсом, значительная часть которого стала оформляться в самостоятельное сословие колонов, все более отличавшихся от приобщенных к гражданскому статусу. Общество стало принимать негражданский облик, эволюционируя в сторону оформления иерархии жестко разделенных сословий (*Jones A.H.M. The Caste System in the Later Roman Empire // Jones A.H.M. The Roman Economy. Studies in Ancient Economic and Administrative History / Ed. P.A. Brunt. Oxf., 1974. P. 396—418*). Юстиниан прервал это развитие, восстановив его гражданский характер. Для этого его юристы попытались перенести грань, разделяющую граждан и рабов, отделив его от граждан также и адскриптициев. Гражданский коллектив временно приобрел прежнюю чистоту структуры, однако противостоявший свободным гражданам класс оказался состоящим из двух различных сословий. При этом адскриптици заняли положение прежних сельских рабов, наиболее эксплуатируемой части этого класса. В то же время они сохраняли ряд сословных черт (как напоминание о гражданском статусе), которые и юридически отличали их от рабов. С другой стороны, храня верность античной традиции, юристы Юстиниана были вынуждены укреплять и грань между рабами и всеми остальными, хоть в какой-то мере приобщенными к свободе. Колоны-адскриптици приобрели своеобразный статус: свободных по сравнению с рабами и рабов по сравнению со свободными гражданами. Прикрепление к земле было наиболее характерной чертой их статуса, который поэтому может быть определен как крепостной. Хотя в широком смысле гражданское общество V—VI вв. противостояло классу рабов, стержневую, производственную основу последнего все более составляло сословие колонов-адскриптициев.

обязанностями. Это означало замыкание сословия, приобретение им не только формально, но и фактически наследственного характера. К числу таких законодательных актов относится и наиболее известная из конституций Юстиниана, в заключении к которой адскрипций сравнивается с рабом (С.ХІ.48.21. — 530 г.). Утверждение с конца IV в. зависимости колонов от имения и связанное с этим нагнетание рабских черт в их статусе в течение V века естественно подвело исследователей к выводу о юридическом признании в этой конституции тождества или, по крайней мере, подобия адскрипциев и рабов⁶⁴. Последнее предложение ее текста обычно переводится как риторический вопрос: «Да и какую же разницу можно заметить между рабами и адскрипциями, если и тот, и другой находятся во власти своего господина, так что тот может и отпустить на свободу раба с пекулием, и прогнать своей властью адскрипция с землей?». Д. Айбах предложил грамматически возможный утвердительный вариант перевода: «Поскольку такое различие все же наблюдается между рабами и адскрипциями, хотя и тот, и другой, находятся во власти господина...»⁶⁵. Конституция вводит новое регулирование браков для колонов-адскрипциев: дети от брачных связей женщин-адскрипций со свободными мужчинами становятся адскрипциями⁶⁶, дети адскрипциев и рабов наследуют статус родительницы. Иными словами, брачные связи адскрипциев (в конституции обойден вниманием только вариант брака свободной женщины и адскрипция) приравнивались к контубернию. Это создавало предпосылку для проведения сравнения между адскрипцием и рабом⁶⁷. Брачная связь могла рассматриваться как контуберний в двух случаях: либо это была связь свободного и раба, либо двух рабов. Поэтому конституция и утверждает, что «такое до сих пор соблюдалось только в отношении свободных и рабов (*quod hactenus in liberis tantum et servis observabatur*)». Ведь прежнее право ориентировалось только на эти две категории людей. Теперь же появились еще и адскрипции — *tertium genus hominum*. Поскольку для них не устанавливалось особого брачного права, их брачные связи должны были в конце концов приравниваться либо к рабским, либо к свободным. В брачных отношениях женщин-адскрипций со свободными независимыми мужчинами адскрипции, очевидно, приравнивались конституцией к рабам. Однако в отношении браков адскрипциев с рабынями, если рассматривать вопрос формально, возможно двоякое решение. Если адскрипций по отношению к рабу уподоблен свободному, а контекст конституции допускает такое предположение, то их брачная связь представляет собой контуберний. Но так же будет и в случае, если адскрипций приравнивается к рабу. Поэтому содержание конституции 530 г. как будто допускает разное толкование ее знаменитой последней фразы. Несколько по-иному она выглядит в контексте всего постановления. Вариант Д. Айбаха возможен, если фразу эту отнести только к одному предыдущему предложению. Но если заключение конституции ориентировано на поставленный в первом вводном предложении вопрос о том, чья судьба хуже — адскрипция или раба, то оно относится ко всем положениям конституции. В таком случае адскрипции уподобляются рабам во всех вариантах их браков.

⁶⁴ Литературу об этой конституции см.: *Eibach*. Op. cit. S. 164—168; *Фихман И. Ф.* Приписные колоны (адскрипции-энапографы) по данным папирусов // Проблемы социальных отношений и форм зависимости на древнем Востоке. М., 1984. С. 197 сл.

⁶⁵ *Eibach*. Op. cit. S. 167. Anm. 405.

⁶⁶ В случае брака свободного и жены-адскрипции конституция предписывает основываться на прежних до-юстиниановских законах. Из них основополагающей была конституция 419 г. (С.Th. V.18.1), где формально детей и мать-колона в подобном случае предполагалось возвращать, но на практике предусматривалось вносить за них компенсацию. Однако в юстиниановской интерпретации этого закона ни о какой компенсации речи нет (С. XI.48.16). В этом случае их брак был не более, чем сожительством. Такой подход к браку колонов вызревал постепенно. Видимо, постоянное после 419 г. повторение положения, что дети от брака мужа-свободного и колоны принадлежат имению, закрепило в праве идею, в соответствии с которой дети от такого брака следуют статусу матери. Юристы Юстиниана решили устранить свойственную праву V в. двойственность.

⁶⁷ *Eibach*. Op. cit. S. 167 f.

Определение *condicio adscripticia* позволило юристам Юстиниана более однозначно решать спорные вопросы, не оглядываясь на гражданский статус земледельцев. Показательна вышедшая годом позже, в 531 г., конституция, в пreamбуле которой подчеркивается необходимость строгого соблюдения законности при определении статуса людей (С.ХI.48.22). После пространного введения конституция излагает то, что составило ее цель: «Если сын колона в течение 30-летнего срока или 40-летнего либо еще большего, пока отец был жив и занимался сельским хозяйством, сам вел вольный образ жизни, а господин земли не требовал даже его присутствия, так как довольствовался тем, что делал отец, высказывалось нешуточное сомнение, может ли после кончины отца или, скажем, после того как тот станет бесполезен и не способен к сельскому хозяйству, служить извинением сыну длительность злоупотребления свободой и то, что в течение многих лет он и землю не обрабатывал, и ни в каких работах колонов не практиковался, — ведь не может быть обвинен в попустительстве господин, которому отцом колона доставлялось все, чего он желал. Нам кажется, что во всех подобного рода случаях слишком жестоко наносить господину ущерб лишением колонов, которые были рождены в деревне, а затем, даже отсутствуя, занимались сельским хозяйством через своих отцов, или братьев, или родственников. Ведь поскольку часть его тела в силу родства некоторым образом оставалась в имении, не кажется, что и он сам странствовал на чужбине (*peregrinari*), или пребывал на свободе. Поэтому право господина должно оставаться непоколебимым, и куда в имении остаются либо предки его, либо потомки, либо родственники, и сам он пусть считается пребывающим там». Изменение места колонов в общественно-правовой системе совершенно поменяло акценты в их отношении к земле. Прежде земля была объектом приложения обязанностей колонов, которые, правда, с течением времени все более утрачивали изначальный гражданский характер. Но сам колон выступал вполне правоспособным субъектом, хотя с конца IV в. отдельные стороны его правоспособности и подвергались сомнению. Однако это ущемление правоспособности напоминало подвластное положение сына римской фамилии или вольноотпущенника. В праве эпохи Юстиниана колон стал рассматриваться в качестве придатка к земельной собственности, сам превратившись в объект приложения ее прав. Такой взгляд нового права на колонов особенно четко проявился в парадоксальном на первый взгляд выражении одной из конституций Юстиниана: «...бесчеловечно, чтобы земля, которая изначально владела адскрипциями, обманом лишалась своих некоторым образом членов... (...*inhumanum est terram, quae ab initio adscripticios habebat, suis quodammodo membris defraudari...* — С.ХI.48. 23 pr. — 531/4 г.)». Земледельцев такого статуса вполне можно назвать крепостными.

Внимание со стороны юристов Юстиниана к детям колонов практически было обусловлено сохранявшейся в течение V века у тех возможностью поменять господина или даже совсем расстаться со статусом колона. Для этого нужно было тридцать или более лет прожить вне своего имения (С.ХI.48.23 pr.; 1—531/4 г.). Дети колонов должны были следовать статусу своих родителей и оставаться в имении. Срок давности после этого, по-видимому, оставался лишь как средство задерживать в имении лиц *sui iuris*. Ориентация на жесткую наследственность статуса колона привела к отмене 30-летнего срока давности для детей как адскриптицев, так и «свободных колонов».

В том же 531 г. был отменен Клавдиев сенатусконсульт, предписывавший обращать в рабство свободную женщину, вступившую в брачную связь с чужим рабом. Постановление дополнено словами: «Но чтобы рабы или адскриптиции не думали, что такая попытка будет для них безнаказанной, так как в отношении адскриптицев более всего следует опасаться того, чтобы из-за затеянных ими браков не понижался бы понемногу статус свободных женщин, мы постановляем: если нечто подобное окажется совершено или рабом, или адскриптицием, господин его волен либо самолично, либо с помощью презида провинции исправить соответствующим наказанием такого раба или адскриптиция и отлучить его от такой женщины...» (С.VII.24.1.1). Как известно, Клавдиев сенатусконсульт никогда не применялся по отношению к бракам свободных

женщин с чужими колонами. Законодатели в данном случае исходили из нового осмысления наследственности статуса адскрипциция, который по отношению к свободным стал тождествен рабскому. Так юристы получили правовые основания считать браки адскрипциев и независимых лиц незаконными и запретить их⁶⁸. Такие браки обрели юридический статус контуберния (Nov.Iust.22.17—535 г.; Nov. Iust. — 54 pr. — 537 г.). Формально это давало право разрывать брачное сожитие колонов разных имений, а их детей, подобно рабским, делить по счету между господами имений⁶⁹. Попытка опробовать новое право была предпринята в 156-й Новелле Юстиниана «О разделе потомства земледельцев», направленной в Апамею⁷⁰. Юридически это было логично, но не соответствовало ни принципам, ни духу римского права. И уж тем более противоречило элементарной человечности. Даже в классическом «рабовладельческом» праве предписывалось сохранять рабские семьи. Такой же подход сохранился и в постклассическом законодательстве (С.Th.II. 25.1—325 г.). Эта норма вошла и в Кодекс Юстиниана, где она была перенесена и на семьи колонов (С.III.38.11). Поэтому, будучи логическим развитием исповедуемых комиссией Трибониана правовых принципов, 156-я Новелла выглядит чужеродным телом в контексте законодательства эпохи Юстиниана⁷¹. В сборнике Новелл Юстиниана стоящая вслед за ней 157-я Новелла, посвященная запрету расторгать браки колонов и отдавать их детей от родителей, создает впечатление быстрого реагирования правительства, восставившего традиционное право⁷². Тем не менее выдающее себя за античное новое крепостное право было ближе мироощущению провинциальных землевладельцев, чем строгое следование классической юридической традиции. Оно, видимо, более соответствовало реаль-

⁶⁸ Этот запрет впервые, видимо, был введен конституцией 534 г. (С.XI.48.24). Она в дополнение к установленному еще в 530 г. следованию детьми адскрипции от брака со свободным человеком «материнскому бесславному статусу» фактически приравнила к контубернию и брак свободных женщин с адскрипциями. Видимо, дополнение конституции, отменявшей Клавдиев сенатусконсульт, было внесено при составлении второй редакции Кодекса Юстиниана комиссией Трибониана. Его слова, вменяющие в обязанность господам расторгать браки свободных и своих адскрипциев, полностью повторяют текст конституции 534 г.

⁶⁹ Исключения допускались лишь для детей, отцом которых был куриал, «ведь, — говорится в Новелле Юстиниана, — куриали в нашем государстве малочисленны, арендаторы же, сельчане и пурпурщики выросли в числе, и [поэтому] более подобает пополнять ставшие немногочисленными курии городов, чем прибавлять толпу к толпе» (Nov.Iust. 38.6).

⁷⁰ «Ведающие делами святой Апамейской церкви сообщили нам, что принадлежащие кому-то другому земледельцы женятся на их селянках и рожают детей, и попросили, чтобы и земледельцы, и их дети, следуя материнскому лону, были возвращены им. Но те, кто об этом просят, по-видимому, не знают содержания недавно изданной нашей конституции. Ведь если какие-либо свободные лица свяжут себя с адскрипциями, то, согласно содержащимся в конституции положениям, дети следуют [статусу] матери и потому не получают свободы. Если же они земледельцы, то эта конституция вообще более не действует, а потомство делится так, как мы недавно рассудили и постановили. И если число детей четное, их делят пополам, а если нечетное или даже родился только один, тогда пусть имеет преимущество лоно, поскольку оно и больше потрудилось. Единственный ребенок следует за матерью, если же родилось трое, то два или две останутся матери, один же будет следовать во власть господина отца, и так всегда — нечетным по порядку ребенком, как мы уже сказали, будет владеть лоно. Пусть и апамейцам будет известно, что потомство подлежит разделу в соответствии с этим порядком, дабы они знали, что нашим законодательством упорядочено то, что давно вызывало сомнения» (Nov. Iust. 156).

⁷¹ В то же время 156-я Новелла согласуется с современным ей правом, утверждавшимся на землях варварских королевств Запада. См., например, Ed. Theodor. 67: «Если чужой оригинарий женится на оригинарии, две части их детей следуют господину оригинария, а третья — господину оригинарии».

⁷² Nov. Iust. 157—535 г.: «...мы узнали, что в Месопотамии и в провинции Осроене совершается нечто недостойное нашего времени. Ведь там есть обычай, по которому те, кто происходит из разных имений, вступают в брак друг с другом. А теперь господа пытаются расторгнуть уже заключенные браки либо оторвать родившихся детей от родителей, так что все земледельцы этих имений подавлены страданием из-за того, что мужья и жены разделены насильно, потомство же отторгнуто от тех, кто его произвел на свет, и дело подлежит исключительно нашей заботе. 1. Поэтому постановляем: пусть впредь господа имений, коль скоро захотят сохранить всех принадлежащих им по закону земледельцев, не допускают их браков с теми, кто происходит из других имений. Браки же, заключенные до того, остаются незабываемыми, и пусть никто не имеет права ни отрывать [друг от друга] тех, кто уже соединились в браке по прежнему обычаю, ни принуждать тех обрабатывать принадлежащую им самим землю...».

ным для VI в. отношениям в деревне, которые лишь облекались в юридических текстах в оболочку древнеримских гражданских форм. После издания Кодекса Юстиниана законность браков адскриптицев подтверждалась только для земледельцев одного селения или имения (Nov. Iust. 54.4.3—538 г.). Но это была новая, негражданская «законность» письменной юридической фиксации, т.е. фактически не измеряемая нормами римского гражданского права. Адскрипции стали разновидностью крепостных сервов⁷³.

В 162-й Новелле правительство вновь возвращается к проблеме детей от браков свободных женщин и адскриптицев. Предписывается сохранять им свободу, т.е. статус матери, что означало незаконность таких браков. Но в то же время такие дети объявлялись прикрепленными к имению со статусом «свободного колона» (Nov. Iust. 162.2—539 г.). Очевидно, и понятие «свободный колон» в новых правовых условиях утратило связь с гражданской *origo* и стало обозначением статуса особой категории крепостных. В третьей главе 162-й Новеллы разбирается вопрос о судьбе детей адскриптицев разных имений. Как и в 156-й Новелле, их предписывается делить между отцом и матерью. По аналогии с законодательством V в. можно было бы предположить, что за декларированными юридическими принципами дележа детей стояла реальная практика передачи компенсации за них. В таком случае скрупулезность учета количества детей была бы объяснима стремлением соблюсти имущественные права землевладельца. Однако, судя по контексту 157-й Новеллы, в VI в. землевладельцы воспринимали императорские указы буквально и расторгали браки колонов и отбирали детей у родителей.

Таким образом, к середине VI в. принцип прикрепления к имению постоянно живущих на его земле земледельцев окончательно оформился в крепостное право. Гражданская основа статуса позднеантичного зависимого колона была полностью изжита и осталась в прошлом. Позднеантичная структура имперского общества при Юстиниане достигла максимума в своем развитии и утратила дальнейшие перспективы эволюции. Поэтому в развивавшейся новой организации общества рядом с правом колоната все усиливалась не аренда в римской форме, а выходила на первый план имеющая эллинистические корни парикия⁷⁴. Парикия не была изобретением VI в., как пытался представить ее Юстиниан в одном из постановлений (Nov. Iust. 7 pr. — 535 г.), аргументируя это тем, что она не является частью римского права и не фигурирует в законодательстве императоров. Будучи старым полисным институтом, парикия выходила в VI в. на первый план как отрицание самих форм позднеимского права в отношении земледельцев и послужила основой для возникновения статуса земледельца последовавшей за поздней античностью эпохи⁷⁵.

Сходные процессы имели место и на Западе. Ликвидация здесь императорской власти не означала отмены римских общественных и правовых норм в бывших провинциях. До начала VII в. общество в основном сохраняло позднеимскую социальную структуру⁷⁶. В течение VIII в. римское право, хотя и в вульгаризованном виде, было

⁷³ После этого уже не имело значения, имели ли адскрипции собственную землю или нет. В любом случае их сословная принадлежность сохранялась. Принадлежность к сословию полностью заменила античную гражданскую ориентацию на *origo*. Поэтому в отличие от предшествующего времени в законодательстве Юстиниана после 534 г. появляются указания на собственную землю крепостных колонов: «Пусть никто не обременяется налогами с поместий, которыми не владеет; но если окажется, что собственную землю имеют принадлежащие кому-либо земледельцы или адскрипции, пусть с них и взимаются государственные налоги на эту собственность, а их господин пусть не испытывает никакой неприятности вместо них, если только сам по своей воле не примет на себя ответственность за эти налоги» (Nov. Iust. 128.14—545 г.).

⁷⁴ См.: *Кэпитейн Х.* Парики в ранней Византии. Проблема статуса и терминологии // ВВ. 1989. Т. 50. С. 3—13.

⁷⁵ См.: *Литаврин Г.Г.* Парик и арендатор // ВВ. 1991. Т. 52. С. 3—12.

⁷⁶ См., например: *Cassiod. Var. I.* 19.2; II.24.4; VIII.31.4—9; IX. 2.4; *Isid. Etym. XV.* 13.9; 15.5; *Vict. Vitens. Hist. persecut. Afric. provinciae* 3.20; *Jahn W.* Felicitas est secuta Italiam: Bemerkungen zur Lage der römischen Bevölkerung im 6. Jahrhundert in Italien // *Klio.* 1989. Bd 71. Ht. 2. S. 410—413.

основой Кодексов варварских королей⁷⁷. Ликвидация римской государственной власти как будто должна была освободить колонов от обязательной связи с имением, но длительное их пребывание в крепостной зависимости не прошло бесследно: их общественный статус реально понизился до крепостного. Колон по-прежнему не мог покинуть землю (*Lex Burgund.* 38.10; *Gregor. Magn. Epist.* IV.21), но землевладелец стал свободен от контроля римского государства, запрещавшего изгонять колонов с земли. Сохранившиеся отличия от рабов колоны-оригинарии тем не менее по ряду черт своего реального положения в VI—VII вв. стали напоминать их⁷⁸. Этому способствовало и влияние варварских общественных порядков, не знавших зависимости от места жительства и отождествлявших ее с рабской. Это явно чувствуется в характере вульгаризации позднеримского права в интерпретациях юристов Алариха, сделанных к конституциям Кодекса Феодосия. В результате издавна и прочно сидевшие на чужой земле земледельцы — оригинарии, инквилины и пр. — превратились в разновидности сельских сервов.

До эпохи Юстиниана концепция крепостного статуса колона не была доведена до логического завершения. Выработывая его, римское право ориентировалось на античный статус лица, находившегося в *potestas* или *dominium*, т.е. *condicio servilis*. Однако признание колонов рабами должно было лишить их абсолютно всех прав, что в масштабах империи было нереально. Поэтому в течение V — начала VI вв. статус колона был осмыслен как *fortuna media*, которая во многих отношениях имела рабскую окраску и может быть определена как крепостное состояние. Его наличие вносило определенную гармонию в позднеантичную правовую систему. А конкретные взаимоотношения между землевладельцами и колонами регулировались провинциальными и областными традициями (*mores, consuetudines*). Между правовой формой и реальными отношениями всегда сохранялось известное несоответствие. Юстиниан, доведя действие античных правовых принципов в империи до логического завершения, нарушил подвижное равновесие, характерное для статуса колона. Его законодательство было вынуждено максимально подтянуть статус колона к рабскому, вчерне отработав статус крепостного раба. Однако использование такого права нарушало сложившийся баланс между правовыми нормами и существовавшими обычаями. Последние должны были отступить, что неизбежно вызвало социальную напряженность, ослаблявшую общество. Успешный натиск племенной периферии в конце VI — начале VII вв. не только восстановил нарушенный Юстинианом баланс, но и привел к значительному откату назад в правовых ориентирах на доримские позиции. Имперское общество отторгло право, пытавшееся организовать его по образцу античной гражданской общины, низведя основную массу зависимых работников до рабского уровня. Римские правовые нормы были оттеснены на второй план, а в статусе зависимого земледельца возобладали черты, определявшиеся естественно сложившимися местными отношениями.

Но Кодекс Юстиниана и его Новеллы сохранили правовую форму зависимого колоната (адскриптициата), близкого классическому рабству и в то же время отличного от

⁷⁷ Один из параграфов Эдикта Теодориха очень показательно переиницирует 31-ю Новеллу Валентиниана III (см. прим. 58). В нем фигурирует свободный, не зависимый ни от какой городской общины человек. Если, вступив в брачную связь с чужой рабыней или оригинарией, он не сможет дать господину девушки установленное законом возмещение, то Эдикт Теодориха предписывал ему оставаться во власти господина женщины. При этом тот не имел права не только расторгать свой союз с ней, но и уйти от господина в случае ее смерти (*Ed. Theodor.* § 64). Если же такой свободный не пожелает остаться в поместье, но в то же время окажется не способен дать господину в качестве возмещения двух рабов, то, жестоко избитый палками, он становился коллегиатом соседней городской общины. Контекст параграфа указывает на сохранение имений и городских общин в качестве основных центров притяжения населения королевства. Сохранялось и право крепости земледельцев именуно. Однако полностью утрачено представление об *origo* и связанных с ней гражданских истоках прикрепления. Сельские рабы, даже местного происхождения (оригинарии), в отличие от позднеантичной эпохи (*C.XI.* 48.7—371 г.), могли отчуждаться без земли (*Ed. Theodor.* § 142).

⁷⁸ См.: Фюстель де Куланж Н.Д. Римский колонат. СПб., 1908 С. 153 сл.; *Pape J. Der Bedeutungswandel von «colonus» in Früh- und Hochfeudalismus // Das Altertum.* 1966. Bd. 12 S. 162—164.

него. Эта форма образовалась в результате распространения римских правовых воззрений, сложившихся применительно к рабам, на достаточно широкие слои земледельцев империи. С одной стороны, эти земледельцы были лишены собственности на основное средство производства, а с другой, в качестве граждан, они принуждались позднеантичным государством выполнять гражданские обязанности в пользу общества. Будучи однажды выработана и зафиксирована в праве, эта общественная форма — крепостное право — стала одним из ориентиров общественного развития европейской и православных цивилизаций. Она не была выражена в какой-либо одной логической формуле подобно *lex Aquilia de damno* в отношении раба, потому что вплотную подошедшее к этому право эпохи Юстиниана ориентировалось на античную общественную структуру, для которой уже существовал идеальный вариант статуса эксплуатируемого — раб.

Наличие под античной правовой формой местных традиций зависимости не означало, что римское крепостное право не оказало никакого влияния на реальные отношения на местах и что зависимый колонат был юридической фикцией. Насаждение римлянами единообразных социальных норм в течение целого ряда поколений не могло пройти бесследно. Сформировавшийся к концу IV в. зависимый колонат уже в середине V в. стал господствующей общественной реальностью, под которую подстраивались и в форму которой облекались местные отношения. Однако крепостное право для колонов было тесно связано со всей системой социально-правовых отношений в империи и, следовательно, их эволюция была взаимосвязана. Трансформация колоната в VII в. на Западе и в Византии были обусловлены не экономическими сдвигами или переменами в организации сельскохозяйственного производства, а изменением позднеантичной общественной системы.

В Византии античные формы общественной жизни и организации общества, достигнув при Юстиниане расцвета и логической завершенности в масштабах империи, исчерпали потенциал своего развития и не имели дальнейших перспектив роста. Поэтому они были оставлены в VII в. И связанное с ними крепостное право уступило место более традиционным формам отношений в сельском хозяйстве. Но сохранение преемственности с позднеантичной политической формой государственной власти и политической идеологией⁷⁹ оставило в наследство Византии орудие регенерации в иных условиях старых социальных форм. С течением времени в Византии начали формироваться новые крепостнические отношения для париков.

На Западе с ликвидацией римской политической формы сохранилась в основном система позднеримских общественных отношений, которая в ходе естественной эволюции выросла в общество раннего средневековья. В современных исследованиях отмечается, например, что сфера распространения позднейшего французского серважа в точности совпадала с областью наиболее романизованных римских провинций⁸⁰. Но, попав в условия новых общественных организмов, эти крепостнические отношения неизбежно должны были отмереть. Историческое значение крепостного права и крепостнических отношений на Востоке и на Западе империи состояло в том, что с их помощью был осуществлен естественный переход общества от ориентации на рабское право и рабство как господствовавшую социально-экономическую реальность. При этом были сохранены в трансформированном виде другие (генетически связанные с рабством) достижения античной цивилизации — разработанная система частнособственнических отношений, право и рожденная Римской империей христианская идеология, ориентированные на личность потенциального гражданина (со свободой воли и правами-обязанностями), набор принципов общественного самоуправления на Западе и христианско-античная политическая доктрина на Востоке.

⁷⁹ См.: Курбатов Г.Л. Политическая теория в ранней Византии. Идеология императорской власти и аристократическая оппозиция // Культура Византии / Под ред. З.В. Удальцовой. Т. 1. М., 1985. С. 98—118; он же. Ранневизантийские портреты. К истории общественно-политической мысли. Л., 1991.

⁸⁰ Червоная Т.М., Широкова Н.С. Французский серваж и античное рабство // Античная древность и средние века. Проблемы социального развития. Свердловск, 1985. С. 51—65.

DEVELOPMENT OF SERFDOM IN THE LATER ROMAN EMPIRE

A.V. Koptev

The Roman attached colonate stems from Caracalla's edict granting Roman citizenship to the inhabitants of the provinces. The spread of Roman citizenship in the provinces changed property relations, the structure of society and the political system. It was the beginning of a new era in the development of Roman civil society which took final shape under Diocletian. The status of a Roman citizen was dual: in addition to the citizenship of the Empire it provided for municipal citizenship determined by the *origo* of a citizen. Many of those living in the provinces did not have the municipal *origo*. They were either *incolae* or *peregrini* depending on whether they resided on city or state (emperor's) lands. Those of them who were not landowners, but tenants were regarded as *coloni*. The civil *origo* of the emperor's and fiscal *coloni* was in their *fundi* or *vici* or *pagi*, since they were exempt from municipal jurisdiction. Constantin's constitution of 332 AD concerned *coloni originales* living on the lands of the emperor or fiscus. The acquisition of the status of the municipal *origo* by large estates of private landowners began in the 60s of the IV c. AD under Valentinian I. The *coloni* and *inquilini* were put under administrative and juridical control of their landlords and attached to the estates and land. From 365 to 400 their social status deteriorated. The urban citizens became different from the rural population whose citizenship existed only for the sake of appearances. They were called *originarii* or *adscripticii* and their status was like that of *dediticii*. Neither *dediticii*, nor *originarii* were citizens of any municipal community. Their property rights were limited. They remained in the position of *tertium genus hominum* along with *liberi* and *servi* until the reign of Justinian. Justinian's legal reform equated the status of *adscripticii* with the *condicio servilis* and thus the evolution was completed. The position of an attached peasant coincided with that of a serf. Justinian's Codex and Novellae legalized Roman serfdom.

© 1994 г.

В. Ламбринудакис

СВЯТИЛИЩЕ В ИРИИ НА НАКСОСЕ¹

Хорошо известна роль Наксоса, острова, расположенного в центре Киклад, в создании греческого монументального искусства архаической эпохи. В VII—VI вв. до н.э., когда богатым эвпатридам этого острова удалось подчинить себе священный для всех ионийцев религиозный центр на Делосе, наксосские художники, как о том свидетельствуют памятники, сделали важнейший вклад в развитие греческого монументального искусства. Я ограничусь упоминанием лишь некоторых наиболее замечательных образцов². Согласно традиции, наксосец Бизес первым соорудил мраморную крышу, и его подпись имеется на некоторых мраморных черепицах первой половины VI в. до н.э. с афинского акрополя. В храме Деметры в Сангри на Наксосе (около 530 г. до н.э.), полностью построенном из мрамора, мы видим новые формы архитектоники, более поздним развитием которых являются такие классические здания, как Пропилеи афинского акрополя. С другой стороны, гигантские детали храма Аполлона в древнем полисе Наксос, как и подобные детали других храмов, построенных наксосцами на соседнем о-ве Парос, свидетельствуют о мощности форм наксосской архитектуры. Подобная мощность форм наряду со смелыми техническими решениями проявляется и в скульптуре — в статуе, одной из древнейших дошедших до нас, которую жительница Наксоса Никандрия посвятила Артемиде Делосской, а также во фрагментах статуи Аполлона, достигавшей 8 м в высоту и посвященной наксосцами в это же святилище около 600 г. до н.э. То же можно сказать и о незаконченной статуе Диониса размером около 10 м, обнаруженной в карьерах на Наксосе. И другие находки, старые, как «копенгагенская голова», или недавние, как голова куроа из Гротты на Наксосе и реалистическая скульптура бегуна 540—530 гг. до н.э., также свидетельствуют о творческом потенциале наксосских мастеров.

В вазописи мы тоже можем распознать отражение ныне утерянных произведений живописи больших форм. Можно упомянуть, например, полихромный фрагмент из некрополя Аплома, изображающий состязание колесниц (возничий на сиденье одной из колесниц и лошади, запряженные во вторую) и относящийся к 650 г. до н.э.

И не случайно: если на Наксосе и удалось создать в последней четверти VI в. до н.э. демократический режим, он не смог долго просуществовать, поскольку в начале V в. до н.э. персы, а несколько позже афиняне, атаковали остров, чтобы обеспечить себе господство над Эгейским морем.

Археологическая экспедиция Афинского университета в сотрудничестве с Мюнхенским политехническим университетом сделала важные находки, относящиеся к этой творческой эпохе истории Наксоса. Речь идет об остатках по меньшей мере двух последовательно существовавших храмов геометрической эпохи и более обширного храма архаической эпохи. Они были открыты наряду с другими сооружениями

¹ Данная статья написана по материалам доклада, прочитанного в МГУ им. М.В. Ломоносова 24 ноября 1989 г.

² См. об этом: *Gruben G.* Die Tempel der Griechen. 1986. S. 340—347; *Lambrinouidakis W.* Die Physiognomie der spätarchaischen und frühklassischen naxischen Plastik // *Archaische und Klassische Griechische Plastik.* DAI. Akten des Internationalen Kolloquiums vom 22—25. April 1985 in Athen. 1986. S. 107—116; *ASAthene.* 1983. 61. P. 116—118.

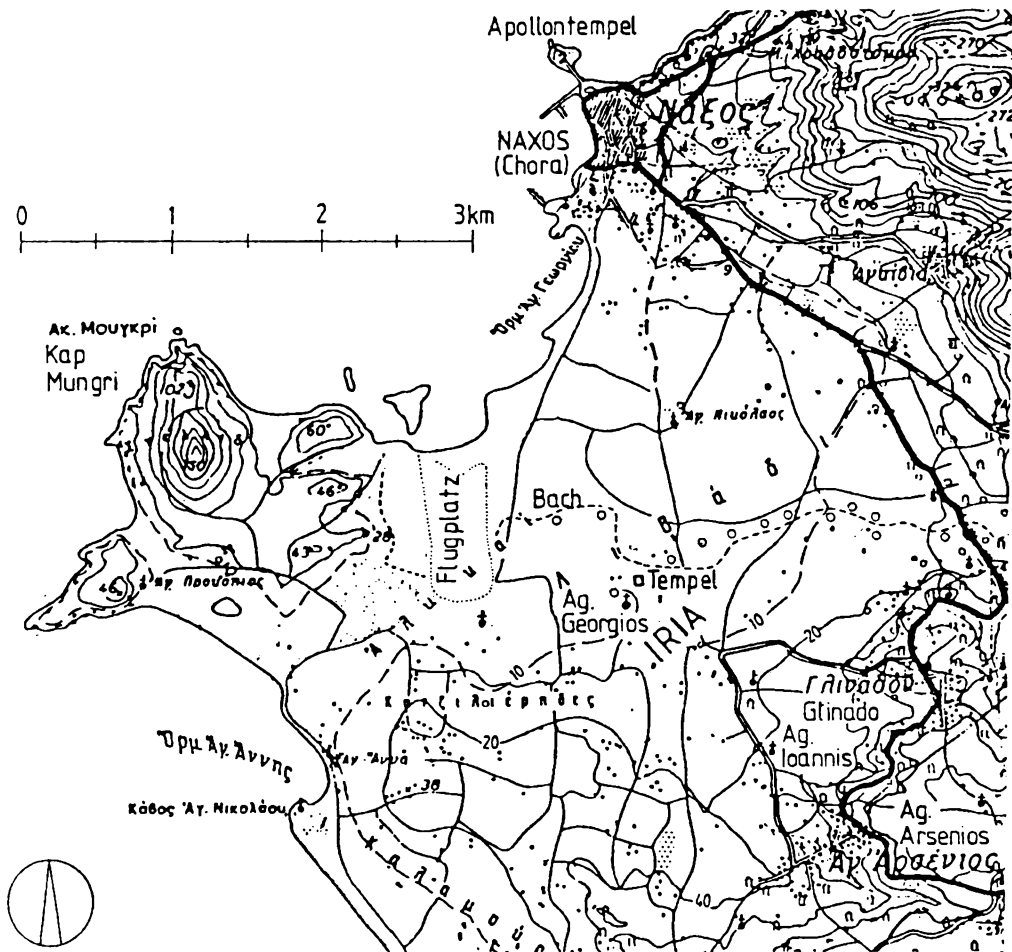

Рис. 1. Равнина Ливади на юге о-ва Наксос

древнего святилища на юге современного (и древнего) города Наксоса. Район святилища представляет собой большую плодородную равнину, примыкающую к морю (рис. 1). Вновь открытые храмы впервые позволяют судить с достаточным основанием о первых опытах и об изобретательности создателей мраморных храмов. Эти находки являются подтверждением того, что, хотя оформление экстерьера классических зданий было разработано в первую очередь в Балканской Греции и Малой Азии, развитием внутреннего архитектурного пространства храмов мы обязаны прежде всего островам Эгейского моря.

Уже в 1930 г. Г. Вельтер обнаружил остатки архаического сооружения возле церкви св. Георгия в Ирии. В 1982 г. нашей экспедиции удалось локализовать юго-западный угол архаического храма; в 1986 г. это здание было разведано целиком, а к 1988 г. полностью расчищено. В 1989 г., кроме того, была раскрыта большая часть остатков двух более древних храмов, находящихся под храмом архаической эпохи³.

Эти сменявшие друг друга храмы, по-видимому, были частью важного святилища древнего Наксоса. Кроме храмов, к настоящему времени обнаружены также остатки

³ Lambrinoudakis V., Gruben G. // AA. 1987. S. 569—621; Archaiognosia. 1987—1989. P. 89—147. Отчет о раскопках 1988—1989 гг. опубликован в AA. 1991.

архаического алтаря, расположенного к югу от них, и остатки здания, которое можно истолковать как Западные Пропилеи святилища со стороны моря.

Некоторые признаки свидетельствуют (впрочем, не доказывая окончательно это предположение) о том, что это святилище могло быть посвящено божественному покровителю острова, т.е. Дионису. На это указывают следующие признаки. Во-первых, храм, о котором идет речь, находился недалеко от античного города — на расстоянии всего 3 км; во-вторых, он располагался в центре влажной прибрежной равнины, которая до сих пор связана в легендах с прибытием Ариадны на Наксос; в-третьих, храм расположен в непосредственной близости от самой крупной реки Наксоса, известной в древности под именем Библины, в которой, согласно легенде, текла не вода, а вино. Древнее русло реки можно проследить по ряду колодцев, расположенных на равнине. Эти признаки нашли косвенное подтверждение в материалах раскопок, хотя решающего доказательства в виде надписи пока не обнаружено. Наиболее интересной из этих находок является статуя человека в панцире, найденная в храме, которую я истолковал как изображение Марка Антония⁴. Марк Антоний передал в 41 г. до н.э. Наксос родосцам. Видимо, в связи с этим событием он представлен здесь как Новый Дионис. Бог изображен на нижней части его панциря, а на ладони статуи находилась танцующая Менада. Два других изображения на панцире: наказание Дирки (рис. 2) — воспроизведение родосской скульптурной группы, которую незадолго до того римляне вывезли в свою столицу, и Геракл со львом; оба связаны с пропагандой Марка Антония, изображавшегося не только как Новый Дионис, но и как потомок Геракла. Посвящение Августу, написанное на постаменте статуи вместо поспешно стертой более ранней надписи, подтверждает, что первоначальным владельцем статуи был Марк Антоний, Новый Дионис. Кроме того, инталии геометрической и ориентализирующей эпохи, найденные в эсхаре, а также наличие ботроса в архаическом храме, большое количество канфаров в его заполнении и изображения процессии с факелами, видимо, также свидетельствуют о связи храма с Дионисом.

Архаический храм сохранился *in situ* лишь на высоту 30 см от уровня древней дневной поверхности (рис. 3). Многочисленные архитектурные элементы, находившиеся выше этого уровня, были открыты во время раскопок и обнаружены в окрестностях, что позволило точно восстановить облик храма. Он представлял собой большое здание, включавшее просторный ойкос размером 13,49×24,23 м, а также портик из четырех колонн ионийского ордера к югу от входа. Общая длина здания составляла, таким образом, 28,33 м (рис. 4). Ойкос был разделен на три части двумя рядами из четырех ионийских колонн каждый и имел достаточно узкий адитон. Три стены храма были сложены из блоков гранита, обработанных не очень тщательно, однако фасад был построен (по меньшей мере ортостраты и обрамление монументального портала) из великолепно обтесанных квадров мрамора. Толщина стен у основания, достигавшая 1,25 м, свидетельствует о тяжести находившихся выше каменных конструкций (стены должны были иметь толщину около 0,85 м). Напротив, глубина фундамента (1,20 м) была слишком мала для таких стен и именно поэтому он был впоследствии усилен изнутри и снаружи двумя рядами камней. Портал фасада был особенно монументален (рис. 5). Он включал монолитный порог шириной 4 м, сохранившийся *in situ* (рис. 3), а также монолитные косяки высотой в 5,50 м. Фрагмент одного из них был использован в качестве перекрытия двери в расположенной рядом церкви св. Георгия (рис. 6). От находившихся внутри мраморных колонн сохранилось четыре базы, три барабана, самый большой из которых имеет 4,35 м в высоту, и большое количество фрагментов ионийских капителей. Базы колонн позволяют проследить, каким образом ионийские архитектурные детали обрабатывались на месте. В некоторых местах каменные цилиндры, из которых затем вытесывалась четкая форма базы, остались необработанными и совершенно нерасчлененными. В других

⁴ Lambrinouidakis V., Gruben G. // AA. 1987. S. 608—614; Lambrinouidakis V. Neues zur Ikonographie der Dirke // Festschrift. N. Himmelman. S. 341—350.

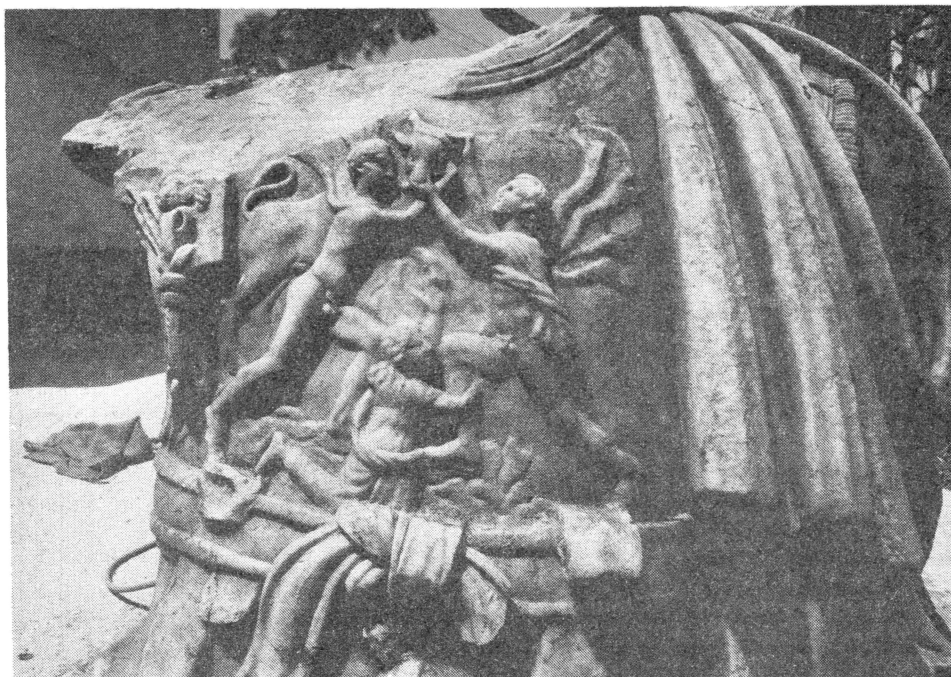

Рис. 2. Наказание Дирки на панцире статуи Марка Антония

Рис. 3. Архаический храм в Ирии с юга

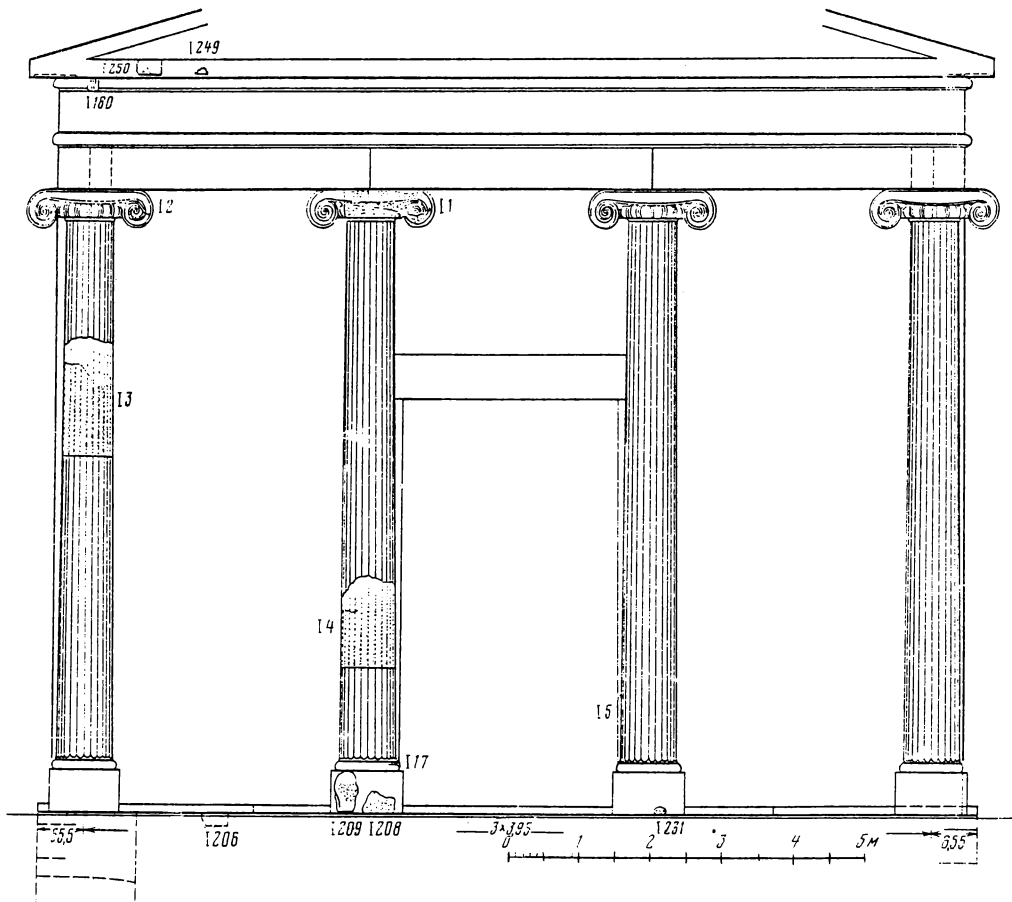

Рис. 4. Фасад храма в Ирии

случаях расчленение форм завершено лишь наполовину. В тех случаях, когда работа была закончена (рис. 7), над цилиндрической частью базы, большая часть которой находилась ниже уровня глинобитного пола, имеется тор — уплощенное, но очень широкое кольцо, на котором и покоилась колонна. Сами колонны также сохранили следы последовательных этапов их создания: от простой насечки каннелюров до их полного завершения. Впрочем, их количество менялось от колонны к колонне (от 28 до 32 каннелюров). Основание поперечной стены также было мраморным; в ней находился монументальный портал шириной в 2,5 м. Коньковые черепицы, также сделанные из мрамора, — коринфского типа.

Портик целиком сложен из мрамора. Он был, очевидно, пристроен к уже готовому зданию, поскольку ни его видимые части, ни фундамент не являются продолжением боковых стен ойкаса. Его неглубокий гранитный фундамент, сохранившийся *in situ*, был перестроен в римскую эпоху во время крупных ремонтных работ, проводившихся в храме. Имеются, однако, свидетельства, что этот портик существовал с самого раннего этапа строительства храма. Действительно, один и тот же слой мраморных плит, перекрывавший фундамент, составлял одновременно евтинтерию и стилобат. На него опирались четыре колонны с цилиндрическим верхним элементом и спиралью на базе, 24 каннелюрами, образующими между собой острые углы, с утончающимся стволом и капителями с сильно вытянутыми волютами (1,78 м). Эти колонны, от которых сохранилось несколько барабанов и капителей, чрезвычайно сходны как по форме, так и по обработке с колонной, поддерживавшей Сфинкса накосцев в Дельфах, дати-

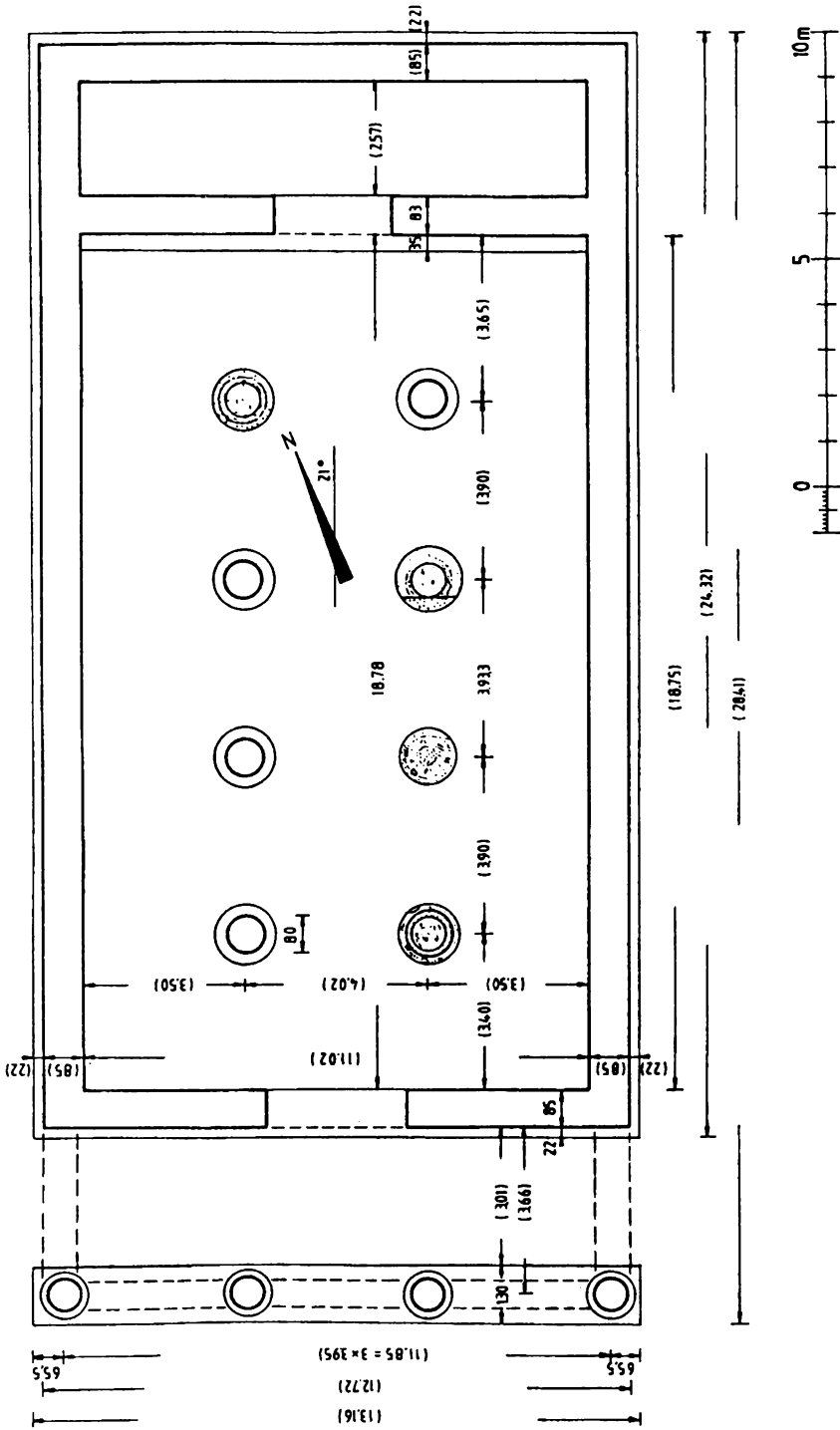

Рис. 5. План архаического храма в Ирии

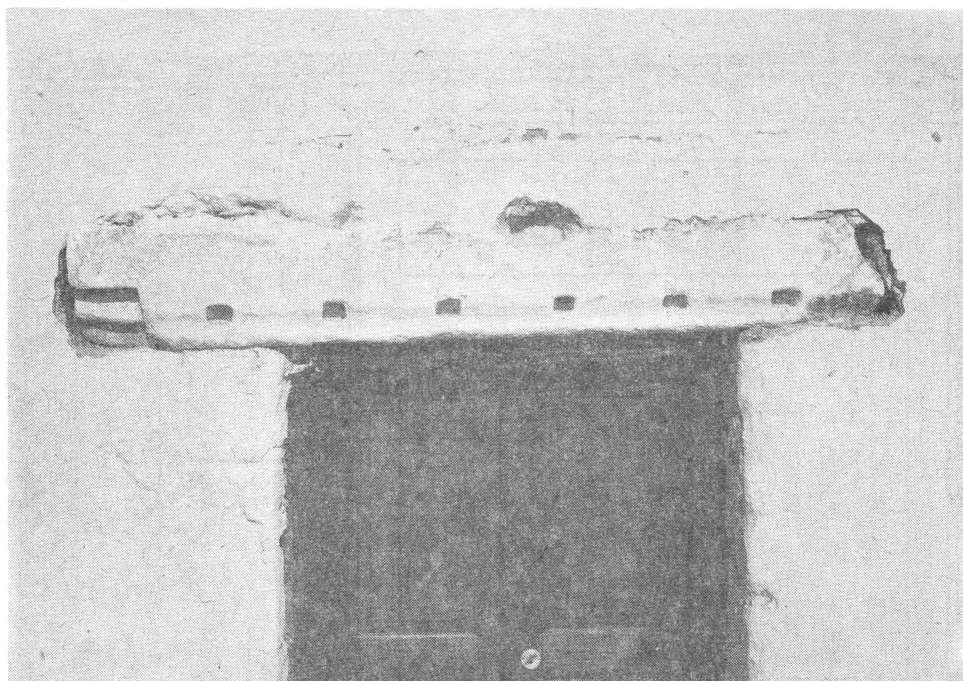

Рис. 6 Перекрытие двери церкви св. Георгия

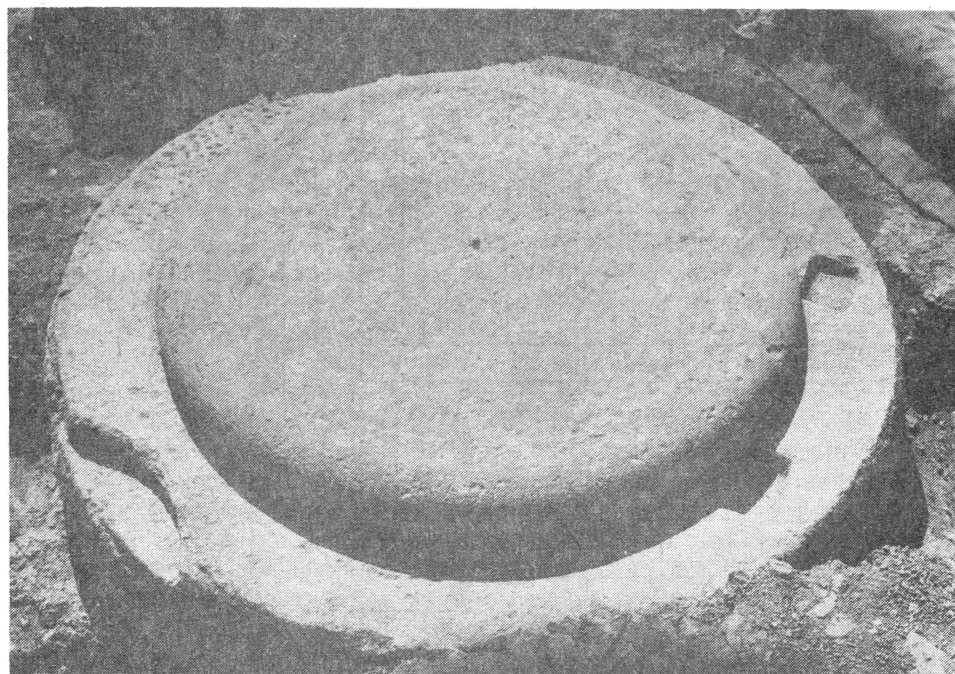

Рис. 7. База ионической колонны из архаического храма

Рис. 8. Остатки зданий, предшествующих архаическому храму в Ирии

руемой приблизительно 570 г. до н.э. Храм, о котором идет речь, датируется тем же временем на основании не только форм капителей, но и керамики, обнаруженной в ненарушенных слоях ниже его древней поверхности.

Этот храм заменил собой другой, более древний, который находился на том же месте (рис. 8). Последний был лишь не намного меньше сменившего его храма. Западная стена, раскрытая в длину на 15 м, а также остатки двух рядов баз внутренних колонн свидетельствуют о помещении немалой ширины (8,80 м). Поскольку фундамент мраморного фасада архаического храма полностью разрушил юго-западный угол этого более древнего храма, уже имевшего три нефа, остается неясным, был ли он построен в виде ойкаса с закрытым фасадом, как его преемник, или же имел анты. Широкий гранитный фундамент (0,80 м) свидетельствует, однако, скорее в пользу существования каменной надстройки, а наличие мелких фрагментов мрамора внутри строительной траншеи этих стен — о том, что даже на этой ранней стадии существования храма некоторые его элементы были сделаны из мрамора. Кроме того, базы внутренних колонн этого храма, выполненные в форме кольца, хотя и достаточно грубо, несомненно мраморные. Это засвидетельствовано находкой *in situ* одной из них, обнаруженной под базой архаического храма. На этой базе найдено ложе для деревянного столба, толщина которого 29 см. В восточной части храма находился очаг размером 2,90×1,80 м, содержащий пепел и золу сожженных жертв. Находки, связанные с этим зольником, а также происходящие из здания, позволяют датировать храм самое позднее около 700 г. до н.э.

Раскопки показали, что данный храм как бы поглотил другой, еще более древний, также имевший форму ойкаса. Он был уже (5,80 м в ширину) и имел, по всей вероятности, три ряда деревянных столбов. Один из них в центре здания, а два других возле стен. Очаг находился здесь между двумя последними центральными столбами, что объясняет его смещенное от центра положение в следующем храме. Материалы, использованные при строительстве этого храма, более грубые и лишь основания стол-

бов сделаны из необработанных плит мрамора. Вероятнее всего, существовала еще одна более древняя фаза развития святилища, оставившая лишь незначительные следы.

Приведенное описание ясно показывает, что новые открытия весьма интересны, поскольку они позволяют точнее определить эволюцию, приведшую к рождению греческой монументальной архитектуры, в особенности это касается кикладской архитектуры, о развитии которой известно немного. Как мы увидим, эта школа, судя по всему, развила ряд чрезвычайно важных архитектурных черт, которые, смешавшись с другими, в конечном итоге привели к созданию греческой архитектуры классической эпохи.

Первая интересная для нас черта — это столь раннее использование мрамора. Как мы видели, использование, хотя и ограниченное, этого ценного строительного материала засвидетельствовано уже в храме 700 г. до н.э. и даже в храме VIII в. до н.э. Однако в храме 570 г. до н.э. мрамор использован более значительно. Несмотря на то что само здание храма построено еще из гранита, именно мрамор позволяет уяснить артикуляцию монументальной структуры и подчеркнуть наиболее существенные формы строительного искусства, составляющие интерьер храма — колонны и портал, ведущий в адитон, так же как и связь храма с окружающим пространством: мрамор использовался, чтобы подчеркнуть значение фасада и входа в здание и, следовательно, увеличить их воздействие на приближающегося зрителя.

Другая интересующая нас черта — это размер здания. Архаическое здание является самым большим на Кикладах храмом — не только в длину (это общая характеристика для первых больших зданий Греции), но и в ширину. Внутренняя ширина храма 700 г. до н.э. примерно 8,80 м. Она достигала 11 м в сменившем его храме. Для сравнения упомяну первый Герайон на Самосе и храм Аполлона в Терме, где размеры соответственно 5,50 и 4,70 м⁵. Это широкое пространство наксосских храмов с самого начала подчеркивается рядами колонн, разделяющих его на три просторных нефа. Итак, при отсутствии птерона, мы наблюдаем здесь очевидную монументализацию простого ойкоса, структуру, переходную между священным и профанным, которая составляет основную форму культового здания геометрической эпохи⁶.

Третья интересная черта — это прослеживаемый в храме этап экспериментирования в том, что касается формулирования характеристик ионийского ордера с тенденцией интерпретации основных функциональных элементов посредством органических форм. Чрезвычайно интересным показателем, бросающим свет на это развитие, является манера обрабатывать на месте детали ионийских колонн, причем они трактуются с предельной свободой. Как кажется, тот же метод использовался и позднее, на протяжении многих веков, хотя, конечно, представление о форме менялось в течение каждого периода.

Среди всех этих черт наиболее важной является, пожалуй, тот факт, что на Кикладах имелась тенденция (и вновь открытые последовательно существовавшие здания подтверждают это) к монументализации простого ойкоса, в частности, в том, что касается внутреннего пространства ойкоса с самого начала, тогда как в Балканской Греции и Малой Азии эта тенденция проявляется прежде всего в трактовке внешнего вида древнейших зданий, которые здесь к тому же более сложные по структуре. Кроме вновь обнаруженных наксосских храмов, на островах Эгеиды и на Крите уже известна целая серия архаических памятников, в которых прослеживается монументализация квадратного ойкоса, причем эти основные черты проявляются в трактовке и интерьера, и фасада. Храм VII в. до н.э. в Дреросе на Крите демонстрирует значительное сходство с наксосским храмом⁷. Он имеет такую же ширину, те же толстые стены, два ряда внутренних колонн и эсхару. Пифион в Гортине демон-

⁵ Kalpaxis A. Früharchaische Baukunst in Griechenland und Kleinasien. 1976. S. 17—26, 47—50.

⁶ Drerup H. Griechische Baukunst in Geometrischer Zeit // Archaeologia Homerica. 1969. V. III. P. 91.

⁷ Kalpaxis. Op. cit. S. 72—73.

стрирует пример широкого ойкоса с гораздо более значительным внутренним пространством⁸. На самих Кикладах, храм Аполлона Карнейского на Фере, храм в Загоре на Андросе или храм в Апровату на том же острове (не опубликован), хотя и меньше по размеру, однако также демонстрирует широкое внутреннее развитие ойкоса⁹. В течение V в. до н.э. Летоон на Делосе продолжает ту же традицию¹⁰; в Артемисии на Делосе мы видим тот же феномен, что и в храме в Ирии, — добавление в VI в. до н.э. портика к маленькому, но просторному ойкосу VII в. до н.э.¹¹ Тот же феномен еще более ярко прослеживается в «Ойкосе наксосцев» на Делосе. Размеры ойкоса VII в. до н.э. очень близки размерам архаического храма в Ирии. Разным образом констатируется наличие аналогичных рядов внутренних колонн, и уже имеет место выделение основных архитектурных элементов с помощью мрамора, как о том свидетельствуют остатки портала с северной стороны. Здание было перестроено около 580 г. до н.э., причем к нему были добавлены монументальные мраморные двери, аналогичные дверям храма в Ирии. Примерно двадцатью годами позже у его восточного фасада был построен монументальный портик из четырех колонн¹². Два подобных портика имелись также в большом амфипростильном храме VI в. до н.э. Афины на Паросе (ширина храма 15,46 м, имеется двойная внутренняя колоннада)¹³, тогда как известняковый храм Аполлона на Делосе также, вероятно, был скорее ойкосом с простилом, чем храмом в антах¹⁴.

Устойчивость в этом регионе традиции, касающейся организации внутреннего пространства и портиков, проявляется также в серии памятников с колоннами в антах по фасаду, связанных обычно с ойкосом¹⁵. Речь идет о памятниках, у которых между антами имеется больше двух колонн, как, например, храм в Сангри на Наксосе (пять колонн) или храм Аполлона в Карфеи на Кеосе (шесть колонн)¹⁶.

В континентальной Греции и Малой Азии очень мало памятников этого типа, да и в них основные характеристики развиты не полностью. Например, храм в Неандрии представляет собой широкий гипостильный ойкос¹⁷; храм в Калаполи, относящийся к VII в. до н.э., является тетрастильным храмом с простилом (с внутренними колоннами, но более узкими нефами), тогда как храм Артемиды Кнакеатиды в Тегее VI в. до н.э. является правильным простильным храмом, но малого размера¹⁸. Первый храм Афаи на Эгине похож на него, однако Эгина принадлежит скорее островному, чем континентальному миру¹⁹.

В континентальной Греции стремление к монументальности проявляется в первую очередь в зданиях с периптером. Такие здания полностью отсутствуют на Кикладах архаической эпохи, за исключением немногих построек, созданных тиранами, таких, как храм Аполлона в Палатии на Наксосе²⁰. Впрочем, здесь также, кроме характерных для Киклад монументальных порталов, приняты и внутренние портики,

⁸ Ibid. S. 79.

⁹ Ibid. S. 75, 80.

¹⁰ Gallet de Santerre H. // Delos. 1959. XXIV; Bruneau Ph., Ducat J. Guide de Delos. 1983. P. 169—170; Gruben. Op. cit. S. 340—341.

¹¹ Kalpaxis. Op. cit. S. 76—77; Bruneau, Ducat. Op. cit. P. 155—156.

¹² Courbin P. // Delos. 1980. XXXIII. Pl. 42, 4—5; 68—69; 70—71; idem // BCH. 1987. III. P. 63—78. Fig. 3, 6—12; Bruneau, Ducat. Op. cit. P. 119—123; Gruben. Op. cit. S. 341.

¹³ AA. 1970. S. 146; 1972. S. 366—369; 1982. S. 197—229. Fig. 1, 15, 16.

¹⁴ Bruneau, Ducat. Op. cit. P. 128; Gruben. Op. cit. S. 340. Fig. 283, 4; AA. 1982. S. 222—223.

¹⁵ Ср.: Drerup. Op. cit. P. 90—92.

¹⁶ Gruben. Op. cit. S. 342—344; Schuler M. // Jdl. 1985. 100. P. 368—371; Fig. 52, 2. Ср. «ойкос Кариста» и два здания в Алики на Фасосе: Schuler. Op. cit. S. 348—349, 358—361.

¹⁷ Dinsmoor W.B. The Architecture of Ancient Greece. 4th ed. 1976. P. 61—62; AA. 1987. S. 14—19. Fig. 3.

¹⁸ Schwandner E.L. Die Altere Porostempel der Aphaia auf Aigina. 1985. S. 102—111, 128—129.

¹⁹ Ibid.

²⁰ AA. 1970. S. 135—143; 1972. S. 319—360. Fig. 12—13; 1982. S. 160—164, 222—223; Gruben. Op. cit. S. 344—348.

которые еще более развивают кикладскую традиционную схему ойкоса с простилем или амфипростилем. Как и многие другие ионийские элементы, эти внутренние портики служили позже объектом для подражания в аттической классической архитектуре²¹.

Большинство специалистов считает, что, поскольку ширина здания всегда определяется техническими возможностями эпохи, здание в антах, по сравнению с приземистым ойкосом было ранней архитектурной формой, наиболее подходящей для развития монументальности — с одной стороны, в связи с его более декоративным фасадом, а с другой — с удлинением здания, как следствием его формы²². Кроме того, считается, что хотя тенденция к монументализации была первоначально реализована в греческих зданиях благодаря птерону, который в принципе поглотил форму в антах, традиция квадратного ойкоса или ойкоса с широким фасадом и очагом все же продолжалась, особенно в зданиях, связанных с мистериальными культами²³. Лишь в V в. до н.э., в эпоху строительства Парфенона и современных ему зданий (храма Аполлона Эпикурия, Пропилеи, храм Афины Ники на Акрополе или храм афинян в Дельфах) монументальный интерьер зданий окончательно развился, имитируя их экстерьер²⁴.

Развитие архитектуры на Кикладах свидетельствует, однако, о том, что это представление не совсем верно. На островах именно интерьер здания сохранял свою важность и был первой его частью, которая более монументальна. В то же время в этих усилиях по монументализации совершенно особое внимание обращалось и на фасад, украшавшийся порталами, а на следующем этапе добавлением портиков. Здесь было реализовано и гораздо раньше, чем принято думать, нечто прямо противоположное тому, что происходило с периптерными храмами V в. до н.э. Оформление именно интерьера храма было перенесено на его экстерьер, чтобы обогатить слишком простой фасад.

Итак, представляется, что на островах с самого начала господствовал более субъективный архитектурный опыт. Этот опыт, тесно связанный с личностью, благоприятствовал развитию четко определенного замкнутого пространства, а также заставлял ценить оформление фасада, представляемого взгляду приближающегося посетителя. Эта архитектурная концепция развивалась параллельно с другой, более объективной, уравновешенной и завершенной, которая воплощалась в периптерных храмах. Весьма вероятно, что первая из этих концепций проникла в Афины в V в. до н.э., в результате чего обе тенденции слились в классической архитектуре*.

TEMPLE IN IRIA ON THE NAXOS

V. Lambrinouidakis

The article outlines the results of the excavations of the ancient temple of Dionysos in Irea on the Naxos undertaken in the 80ies. The Naxos excavations make it possible to more clearly determine the evolution which led to the birth of Greek monumental architecture.

²¹ AA. 1982. S. 222—223; *Gruben G.* // *Müncher Jahrbücher der bildenden Kunst.* 1972. 23. S. 15—16, 28—29.

²² *Drerup.* Op. cit. S. 90—91; *Kalpaxis.* Op. cit. S. 103—104; *Gruben.* Die Tempel der Griechen. S. 318.

²³ Ср. поразительное сходство первого телестерия в Элевсине (*Gruben.* Die Tempel der Griechen. S. 224—225. Fig. 181) с архаическим храмом в Ирри. Оно показывает, что связь между типом здания и его мистическим или обычным культовым использованием не была в античности очень жесткой.

²⁴ *Gruben.* Die Tempel der Griechen. S. 123, 151, 171, 170f., 191f.

* Перевод А.И. Иванчика.

© 1994 г.

Н.Ф. Федосеев

МАТРИЦА С ИЗОБРАЖЕНИЕМ ГРИФОНА ИЗ НИМФЕЯ

Современные исследования по археологии базируются, как правило, на данных, полученных во время археологических раскопок или хранящихся в музейных собраниях. Вместе с тем остаются практически вне поля зрения памятники из частных коллекций, исследование которых возможно вести в двух направлениях: учет и статистический анализ массового археологического материала (клейма, монеты, посуда и т.д.) и публикация уникальных вещей.

К последним следует отнести каменную матрицу из частной коллекции Н.И. Балакшева (г. Керчь), которая была найдена в 1972 г. на городище Нимфей (раскоп ABC)¹ и представляет собой каменную плитку прямоугольной формы с изображением самки грифона (высота 7,5, сохранившаяся ширина 10,2 и толщина 1,2 см). Фронтальное изображение вырезано на плотном, слоистом, сером мергеле местного происхождения (рис.). Лицевая сторона поверхности отполирована, боковые носят следы грубой обработки, причем на одной из них острым резцом проведены две полосы явно функционального значения. Обратная сторона формы не обработана вовсе. На поверхности камня сохранились следы розовой цемянки, что объясняется вторичным использованием его в кладке какого-то здания. К сожалению, форма сохранилась не полностью: значительно повреждена лицевая сторона и утрачено изображение передней части грифона. Некоторые отслоившиеся фрагменты приклеены владельцем матрицы.

Изображение представляет собой мифическое существо в характерной для нападения позе с поднятыми передними ногами. Отсутствие характерного для орлино-головых грифонов гребня заставляет предположить, что перед нами львиноголовый грифон-самка. В целом по сравнению с сюжетами на предметах торевтики анализируемое изображение отличается некоторая схематичность, так как проработка деталей практически отсутствует.

Уникальность находки заключается также в относительно хорошей ее сохранности: как правило, античные матрицы изготавливались из бронзы, в то время как каменных образцов известно лишь считанные единицы, из которых две найдены в Пантикапее². Особый интерес представляет бронзовая матрица из Керчи, изображающая голову львиноголового грифона³, которая служила для чеканки металлических птериг панци-

¹ См.: *Греч Н.Л.* Нимфейская археологическая экспедиция (Основные итоги исследований за 1973—1987 гг.) // *Итоги археологических экспедиций.* Л., 1989. Рис. 8.

² *Трейстер М.Ю.* Матрицы из Пантикапея (К вопросу о боспорской торевтике IV в. до н.э.) // *Кочевники евразийских степей и античный мир.* Новочеркасск, 1989. С. 90; *Марченко И.Д.* Литейная форма конца VI в. до н.э. из Пантикапея // *КСИА.* 1962. 89. С. 51—53; *Treister M.Ju.* A Matrik from Panticapaeum // *The Journal of the Walters Art Gallery.* 1990. 48. P. 29—35.

³ *Robinson D.M.* A State Seal-Matrik from Panticapaeum // *Classical Studies Presented to Edward Capps.* Princeton, 1936. P. 306—313; *Williams E.R.* A Bronze Matrik for a Cuirass Pteryx // *AJA.* 1977. V. 81. № 2. P. 233—235.

Каменная матрица из Нимфея

рей⁴. Она близка публикуемой по сюжету, времени и даже размерам. Все указанные аналогии — неоспоримое свидетельство развития торевтики на Боспоре этого времени.

Публикуемая матрица дает представление и о служившем, скорее всего, для изготовления бляшек шаблоне, в котором отливались восковые модели, по которым уже изготавливались глиняные формы, непосредственно предназначавшиеся для отливки изделий. Использование шаблона давало возможность тиражировать изделия и в то же время расширяло возможности изготовителя; восковая же модель позволяла оперативно устранять недостатки, дорабатывать само изображение и даже изготовлять двустороннее изделие⁵. К сожалению, изготовленные по данному шаблону бляшки пока неизвестны.

Вместе с тем находка матрицы с изображением грифона в греческом городе заставляет еще раз обратиться к этому образу. Грифоны были фантастическими крылатыми существами с телом льва, режее львицы и, как правило, с головой орла; иногда это крылатая рогатая львица. Представление о грифонах пришло из Месопотамии, где они были известны с древних времен⁶. У греков первое упоминание о них было встречено у Гесиода. Основное предназначение грифонов, по представлению древних, — охранять богатства.

В иконографии выделяются различные типы изображений грифонов: аламский, египетский, иранский, урартский, кипрский и крито-микенский; своеобразным развитием иранского типа стали скифский и греческий грифоны. Однако существует мнение, что скифский грифон представляет собой самобытное явление, уходящее корнями в далекое прошлое, в то время как боспорский львиноголовый грифон стал

⁴ *Трейстер*. Ук. соч. С. 95.

⁵ Я благодарен Р.С. Миносяну за консультацию по технике изготовления бляшек. Ср.: *Миносян Р.С.* Изображение свернувшегося хищника и лежащего оленя в творчестве скифо-сибирских племен // АСГЭ. 1990. 30. С. 67—76.

⁶ *Borker-Klöhn J. Greif* // *Reallexicon der Assyriologie*. 1971. Bd. 3. Lief. 8. S. 633—639.

дальнейшим развитием орлиноголового грифона переднеазиатского типа⁷. Не берусь здесь оспаривать это положение, отмечу лишь, что решение вопроса «этногенеза» боспорского грифона во многом зависит от объяснения парадоксально широкого распространения образа грифона именно на территории Боспорского царства. Более того, концентрация находок изображений грифона на Боспоре свидетельствует не только об особой популярности связанного с ним культа, но и о государственном его характере.

Вместе с тем несмотря на определенные различия между образами скифского и греческого грифонов оба они тесно связаны между собой. На скифских памятниках грифоны, как правило, терзают различных животных; к примеру, на обкладке золотого горита из Мелитопольского кургана изображена сцена терзания с участием двух грифонов — самца и самки⁸. Помещенные там грифоны имеют определенное сходство с описываемым нами изображением. Трактовка формы хвоста близка воспроизведению рогатой львицы на серебряном сосуде из кургана Солоха⁹. Близкие аналогии присутствуют и на стенке деревянного саркофага из Куль-Обы.

В меньшей степени изображения грифонов встречаются на памятниках из городов Северного Причерноморья, в основном с территории Боспорского царства (скульптурные изображения¹⁰, иконография боспорских монет¹¹). Определенное сходство грифон на нимфейской матрице имеет с изображением орлиноголового грифона на каменной плите, найденной в Фанагории¹².

Дата матрицы, судя по аналогиям из курганов и данным нумизматики, должна лежать в пределах IV в. до н.э., скорее всего во второй его половине — именно в это время получил широкое распространение мотив львиноголового грифона¹³.

A MATRIX WITH A GRIFFIN FROM NYMPHAEUM

N.F. Fedoseev

The article publishes a matrix with a representation of a griffin from a private collection. It is a tablet of local grey marl found accidentally in 1972 in the Bosporan city of Nymphaeum. The frontal representation of a female griffin fragmentarily preserved is cut on the obverse surface. The matrix was used as a mould for taking wax impressions from which clay forms were executed designed for casting plaques. Judging by the character of the representation and analogies the matrix should be dated to the second half of the IVth B.C. Describing various types of representations of griffins the author touches upon the reasons for the wide spread of this mythological image on the territory of the Bosporan kingdom and its religious and political significance.

⁷ Погребова Н.Н. Грифон в искусстве Северного Причерноморья в эпоху архаики // КСИА. 1948. 22. С. 67.

⁸ Тереножкин А.И., Мозолевский Б.Н. Мелитопольский курган. Киев, 1988. С. 126. Рис. 142.

⁹ Манцевич А.П. Курган Солоха. Л., 1987. С. 88. Рис. 61.

¹⁰ Веселов В.В. Плита из Керчи с изображением грифона // КСИА АН УССР. 1956. 6. С. 62 сл.

¹¹ Шелов Д.Б. К вопросу о взаимодействии греческих и местных культов в Северном Причерноморье // КСИИМК. 1950. 34. С. 62—69.

¹² Кобылина М.М. Античная скульптура Северного Причерноморья. М., 1972. Табл. XII.

¹³ Трейстер. Ук. соч. С. 89—101.

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Древний мир: проблемы экологии

МЕРВСКИЙ ОАЗИС: ДИНАМИКА СИСТЕМ РАССЕЛЕНИЯ И ИРРИГАЦИИ*

Задача предлагаемой статьи — попытаться определить изменения, происходившие в системе расселения и ирригации в Маргиане (Мервском оазисе, ныне Марыйский велаят Туркменистана) в древности и средневековье и на этой основе постараться решить вопрос о том, какие из них порождены изменениями в характере природной среды, а какие являются результатом деятельности человека. Основные результаты наших исследований, а также опубликованные материалы работ в Маргиане наших коллег — экспедиции Института археологии РАН под руководством В.И. Сарияниди и экспедиции Итальянского Института Среднего и Дальнего Востока (ИсМЕО) под руководством М. Този — мы попытались суммировать в предлагаемой читателю серии карт, характеризующих расположение и размеры территорий, освоенных человеком на разных этапах истории оазиса (с указанием некоторых важнейших памятников каждой из эпох) и, с той или иной степенью приближения, основные естественные водные потоки и элементы древней и средневековой искусственной ирригационной системы.

В этом исследовании огромную помощь оказала нам подготовленная профессором Бруно Марколонго (Институт прикладной геологии НЦНИ Италии, Падуя) палео-экологическая карта «Holocene paleoenvironmental evolution and ancient settlement patterns in the Merv oasis»¹. Карта основана прежде всего на геоморфологических и палеоклиматических данных, хотя учитывает и антропогенные воздействия. Благодаря исследованию Б. Марколонго и этой карте мы теперь в состоянии достаточно точно локализовать основные русла реки Мургаб в различные исторические эпохи; кроме того, впервые получено подтверждение высказывавшемуся ранее предположению о существовании, помимо современного русла реки, еще четырех более ранних русел, последовательно сменявших друг друга. Сопоставление данных палеоэкологической карты Марколонго с имеющимися в распоряжении нашей экспедиции материалами по археологической карте Маргианы с древности до монгольского завоевания дает замечательные совпадения и оказалось, в целом, исключительно плодотворным.

Как известно, Мервский оазис был освоен человеком в эпоху бронзы в начале II тыс. до н.э. Как сказал В.И. Сарияниди, основной исследователь памятников этого времени в оазисе, последние располагались не бессистемно, а были организованы в «несколько древних ирригационных оазисов», которые были вытянуты в направлении юго — север, как полагает В.И. Сарияниди, вдоль крупных водотоков, которые являлись частями «веера» древней дельты реки Мургаб.

* Публикация статьи осуществлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках проекта «Древний мир: проблемы экологии» (код проекта 93.06.10594).

¹ Карта выполнена в рамках совместного проекта Института археологии РАН (Москва), Турменского государственного университета (Ашгабат) и Итальянского Института Среднего и Дальнего Востока (ИсМЕО, Рим) по исследованию археологических памятников Маргианы. Карта и материалы к ней хранятся в архиве экспедиции в ИА РАН.

Суммируя свои наблюдения, а также наблюдения И. Масимова, В.И. Сариниди выделяет следующие оазисы, находившиеся в районе древней дельты Мургаба: Келлелийский, Таипский, Адам-Басанский, Аучинский, Гонурский, Тоголокский, Аджикуйинский, Тахирбайский. Кроме того, В.И. Сариниди указывает, что возможно, отдельным оазисом являлся также район Егри-Богаз, где в настоящее время обнаружено только три памятника².

Как уже отмечалось в литературе, исследования В.И. Сариниди характеризуются подчеркнутой историко-культурной направленностью, при малом внимании к проблемам экологической сферы³. Соответственно, им не приводилось специальное изучение ирригационной сети, существовавшей в то время на территории Мервского оазиса.

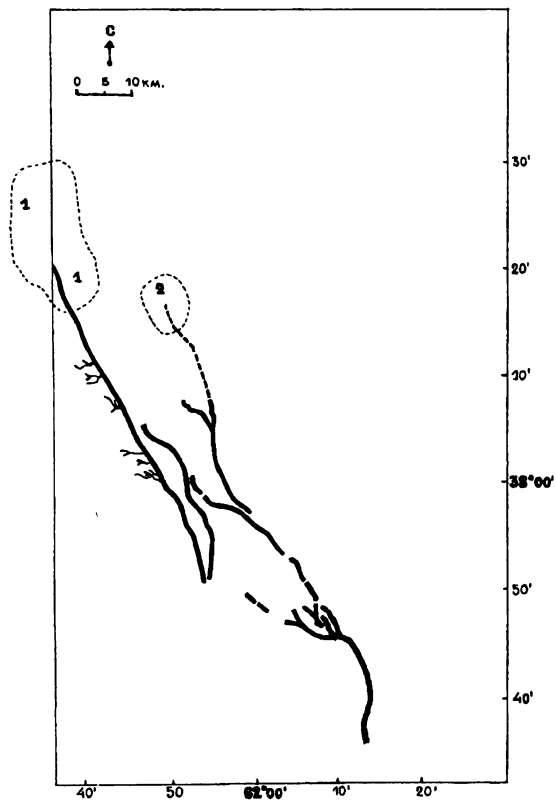
Наши собственные исследования применительно к бронзовому веку, в основном, ограничивались изучением аэрофото и космических снимков без сплошной верификации полученных результатов на местности (для более поздних периодов мы сумели за последние годы провести сплошное полевое исследование северной половины территории оазиса в сочетании с материалами космо- и аэрофотоснимков). В результате мы имеем до сих пор не так уж много точной информации о характере ирригационных систем, существовавших в районе дельты Мургаба в эпоху бронзы. Прежде всего, видимо, необходимо согласиться с В.И. Сариниди относительно того, что все важнейшие водотоки, использовавшиеся как основные источники воды для орошения, представляли собой в рассматриваемую эпоху не искусственные каналы, а протоки древней мургабской дельты. На поля вода подавалась с помощью арыков, по всей вероятности выводившихся непосредственно из этих протоков без сколь-нибудь крупных дополнительных ирригационных сооружений. Характер этих арыков и конфигурация ирригационной сети остаются пока неисследованными.

В связи с этим необходимо отметить, что трудно было бы ожидать высокого мастерства в создании ирригационных систем от жителей Мургабского оазиса в начале эпохи бронзы. Нет в настоящее время серьезных оснований оспаривать концепцию, согласно которой первоначальное население оазиса составляли переселенцы из подгорной полосы Копет-Дага, пришедшие в дельту Мургаба с теми знаниями и умениями в области строительства ирригационных систем, которые они приобрели на своей родине. Этот уровень не мог быть очень высок, ибо ирригация в предгорной полосе, как нам известно, базировалась на использовании воды из небольших горных рек и ручьев. Естественно, такая система коренным образом отличается от ирригации, основанной на использовании вод крупных рек. Подтверждением этому служит то, что первые поселенцы освоили районы, где основной поток реки Мургаб дробился на отдельные протоки дельты, которые напоминали хорошо знакомые переселенцам небольшие горные потоки, использовать которые для орошения они умели лучше всего.

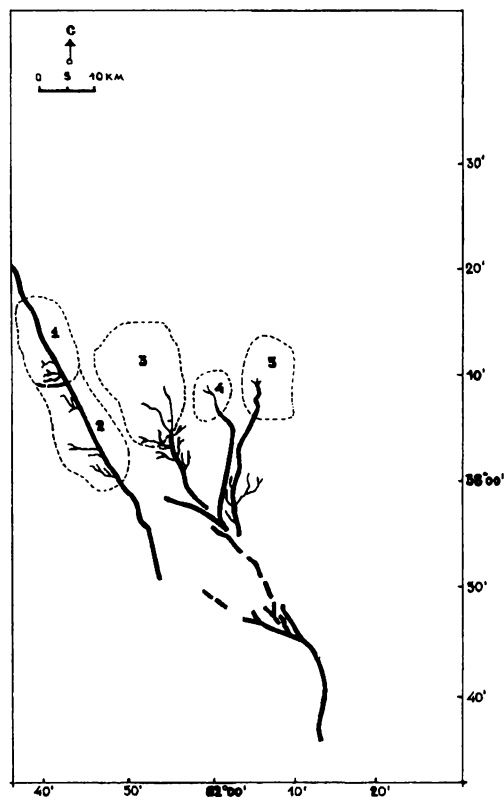
Можно предполагать, что все оазисы эпохи бронзы снабжались водой из того русла Мургаба, следы которого зафиксированы на территории к востоку от Гуяр-калы (см. карты I—VIII).

² Об исследованиях памятников эпохи бронзы в Мервском оазисе см. Сариниди В.И. Древности страны Маргуш. Ашхабад, 1990; *он же*. Печати-амулеты мургабского стиля // СА. 1976. № 1; *он же*. Культурный сосуд из Маргианы // СА. 1980. № 2; *он же*. Новый центр древневосточного искусства // Археология Старого и Нового света. М., 1982; *он же*. Бактрия и Месопотамия во II тыс. до н.э. // СА. 1986. № 2; *он же*. Южная Туркмения и Маргиана в эпоху бронзы // Информационный бюллетень МАИКЦА. 1984. Вып. 7. *idem*. Margiana in the Bronze Age // The Bronze Age Civilization of Central Asia. N.Y., 1981; *idem*. Margiana in the ancient Orient // International Association for the study of the cultures of Central Asia. Information Bulletin. Issu 19. 1993; Масимов И.С. Новые исследования памятников эпохи бронзы на Мургабе // Древние цивилизации Востока. Ташкент, 1986; *он же*. Изучение памятников эпохи бронзы низовьев Мургаба // СА. 1979. № 1; *idem*. The Study of Bronze Age Sites in the Lower Murgab // The Bronze Age Civilization of Central Asia. N.Y., 1981.

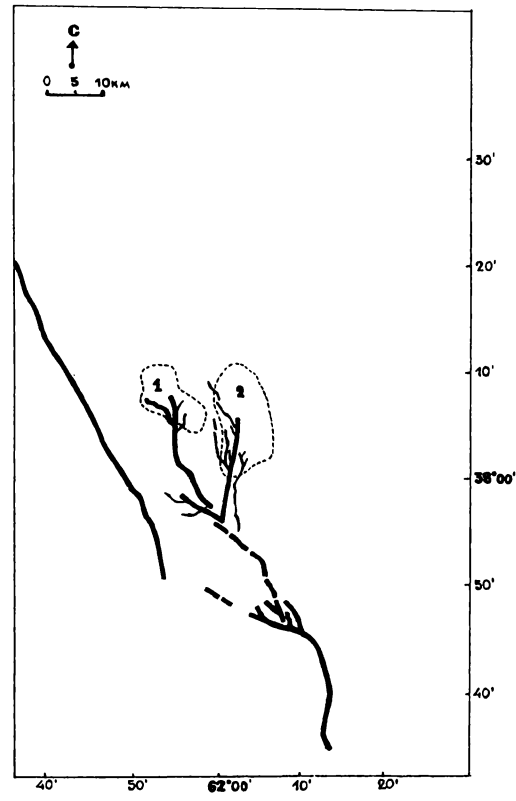
³ См. подробнее рецензию Г.А. Кошеленко на книгу В.И. Сариниди «Древности страны Маргуш» (Ашхабад, 1990): Mesopotamia. 1992. V. XXVII. P. 258—265.

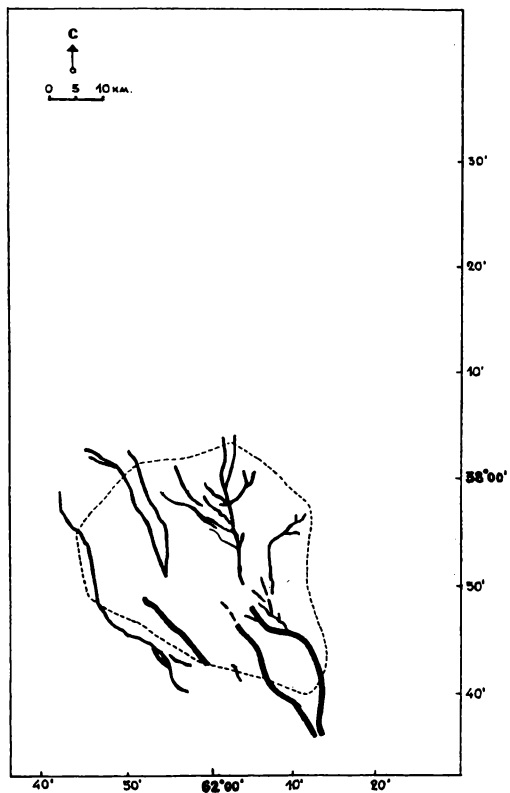
Карта I. Эпоха ранней бронзы. 1 — Келлелийский оазис, 2 — район Егри-Богаз

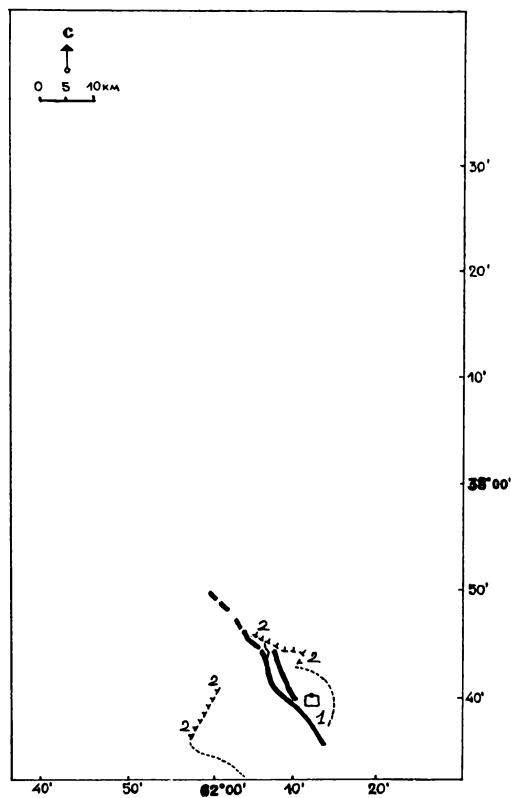
Карта II. Эпоха средней бронзы. 1 — Таипский оазис, 2 — Адам-Басанский оазис, 3 — Аджи-Куинский оазис, 4 — Гонурский оазис, 5 — Аучинский оазис

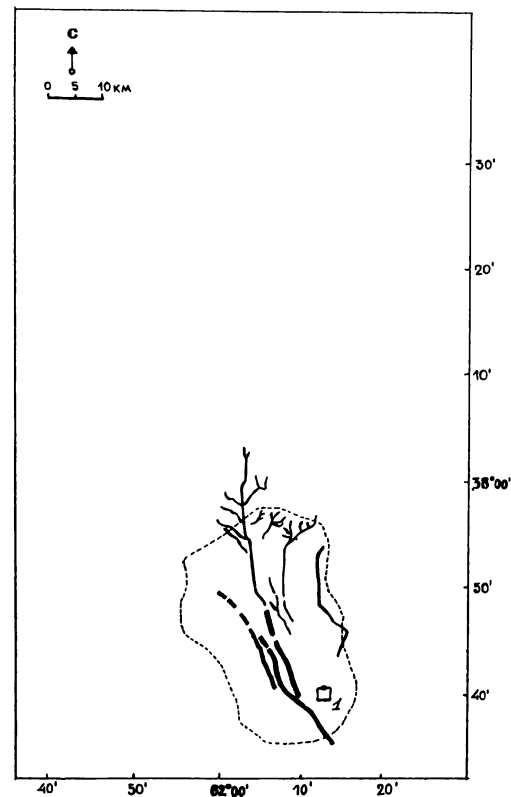
Карта III. Эпоха поздней бронзы. 1 — Тоголокский оазис, 2 — Тахирбайский оазис

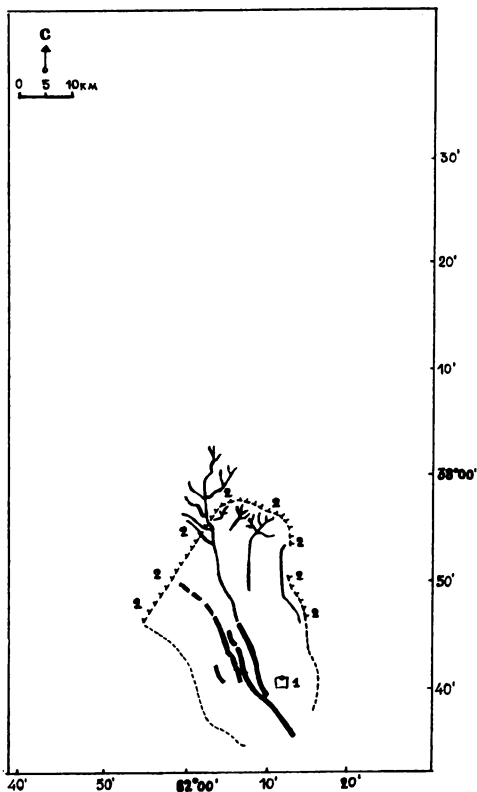
Карта IV. Ранний железный век

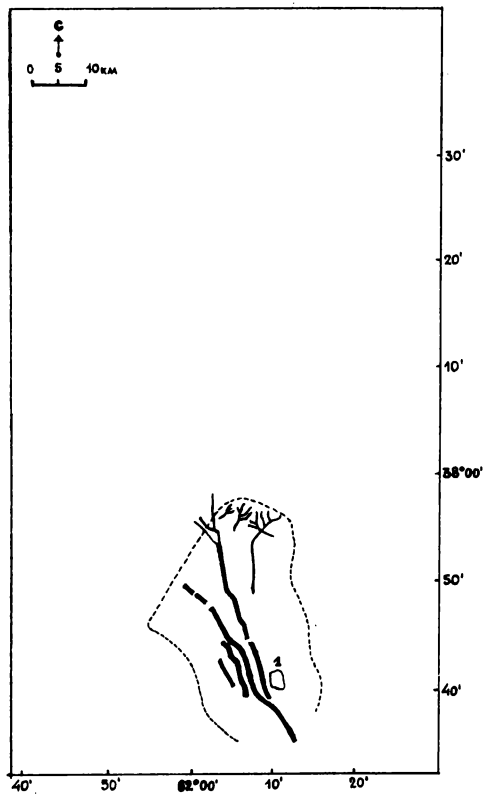
Карта V. Эллинистический период. 1 — Эрк-кала, 2 — участки, где границы оазиса были защищены стенами

Карта VI. Парфянский период. 1 — Гяур-кала

Карта VII. Сасанидский период. 1 — Гяур-кала, 2 — участки, где границы оазиса были защищены стенами

Карта VIII. Средневековье (до монгольского завоевания). 1 — Султан-кала

Необходимо обратить внимание на то обстоятельство, что на протяжении эпохи бронзы территория, освоенная человеком, постепенно сдвигалась на юг. Этому процессу соответствует принятая в настоящее время периодизация истории Мервского оазиса в эпоху бронзы, в соответствии с которой выделяются три основных этапа: 1) келлийский, 2) гонурский и 3) тоголокский⁴. Первый из этих этапов датируется началом II тыс. до н.э.; второй приходится на вторую четверть—сердину этого тысячелетия; наконец, третий период датируется второй половиной II тыс. до н.э.⁵ При этом В.И. Сарияниди указывает на возможность разделения этого последнего периода на два подпериода: собственно тоголокский и более поздний тахирбайский, который может относиться уже к раннежелезному веку.

Для нас важен следующий вывод: ранние памятники находятся на севере, более поздние расположены южнее. Так, к первому периоду относятся памятники Келеллийского и, возможно, Егри-Богазского оазисов. Ко второй относятся Гонурский, Аучинский, Адам-Басанский, Аджи-Куинский и Таипский оазисы. Наконец, к третьему периоду относятся памятники Тоголокского оазиса⁶. Что же касается Тахирбайского оазиса и, соответственно, тахирбайского этапа, то мы должны сослаться на

⁴ См. Сарияниди. Древности... С. 5.

⁵ Другие точки зрения относительно датировки различных периодов см. Пьянкова Л.Т. Керамические комплексы Маргианы эпохи бронзы // Информационный бюллетень МАИКЦА. 1990. Вып. 16. С. 22—44; Masimov. The Study... P. 194—220; Hiebert F. Chronology of Margiana and Radiocarbon Dates // International Association for the study of the cultures of Central Asia. Information Bulletin. Issue 19. 1993. P. 136—148; Kohl Ph. Central Asia. Palaeolithic Beginnings to the Iron Age. P., 1984. P. 143—150.

⁶ См. Сарияниди. Древности... С. 5.

раскопки Итальянской экспедиции, показавшие, что само поселение Тахирбай-1 возникло еще в эпоху поздней бронзы⁷. Таким образом, можно предполагать, что этот оазис возник в эпоху поздней бронзы и продолжал существовать в раннем железном веке.

Можно достаточно уверенно утверждать, что на протяжении II тысячелетия происходит постоянное смещение освоенной территории на юг. Нам сейчас трудно сказать с уверенностью, являлся ли этот процесс результатом природных явлений или результатом деятельности человека. В любом случае мобильность гидрографической среды аридных районов неоднократно фиксировалась исследователями. Она вызывала в свою очередь перемещения зон расселения человека. Причины этого явления могли быть самыми различными⁸. По всей видимости, процесс может быть в общей форме объяснен следующим образом: постоянный рост населения приводил к тому, что увеличивались потребности в продуктах питания, а следовательно, расширялись и орошаемые площади. Поскольку, нам кажется, никаких принципиальных изменений в агротехнике в это время не происходило, предполагать увеличение урожаев без роста освоенной территории нет оснований. Результатом такого развития, естественно, могла стать нехватка воды для орошения прежде всего тех полей, что снабжались концевыми участками арыков. Поэтому новые оросительные каналы стали выводиться выше по течению и, соответственно, вся ирригационная система имела тенденцию к «дрейфу» в сторону истоков, в Мервском оазисе — на юг или юго-восток.

Конечно, эта закономерность может действовать только в том случае, если ирригационные системы потребляют основную часть воды. Ведь если в реке или протоке реки имеются значительные объемы неиспользуемых вод, то совсем не обязательно выводить канал выше по течению, достаточно развивать уже имеющиеся концевые части ирригационной сети.

Другое возможное объяснение заключается в изменении климата Средней Азии в голоцене вообще и, в частности, уже в историческую эпоху. Как известно, ранний бронзовый век, т.е. тот период, когда началось освоение Мервского оазиса, пришелся в Маргиане на конец плювиального климатического режима, а аридизация началась позднее⁹.

Следующий большой исторический период — ранний железный век, начало которого в Маргиане традиционно датировали рубежом II и I тыс. до н.э.¹⁰ Сейчас, однако, существует тенденция к удревнению начала РЖВ в Мервском оазисе (в частности, Ф. Коль склонен датировать это начало XV веком до н.э.¹¹). Окончание РЖВ, по-видимому, приблизительно совпало со временем начала походов Александра Македонского¹².

В этот период на территории Мервского оазиса существует несколько групп памятников, которые также обычно называются оазисами. Основная часть их была открыта В.М. Массоном в начале 1950-х годов¹³; некоторое количество было обнаружено в ходе работ нашей экспедиции. Детальное изучение группы памятников было предпринято в последние три года Итальянской археологической экспедицией

⁷ См. отчет экспедиции: *Archaeological Map of the Murghab Delta. Preliminary Report, September 1993*. P. 13.

⁸ См. *Лисицына Г.Н.* Становление и развитие орошаемого земледелия в Южной Туркмении. М., 1978. С. 191.

⁹ См. *Долуханов П.М.* Палеоэкологические условия на территории Средней Азии в позднем плейстоцене и голоцене // Информационный бюллетень МАИКЦА. 1987. Вып. 12. С. 8—19.

¹⁰ Датировки основаны прежде всего на работах В.М. Массона. См. *Массон В.М.* Древнеземледельческая культура Маргианы // МИА. 1959. № 73.

¹¹ *Kohl Ph.* Central Asia. Palaeolithic Beginnings to the Iron Age. P., 1984. P. 193 f., 225—229; Pl. 2 Более подробно дискуссию о датировке начала РЖВ см. *Koshelenko G.* L'Asie Centrale au début de l'Age du Fer // L'Asie Centrale et ses rapports avec les civilisations orientales des origines à l'Age du Fer. P., 1988.

¹² Подробнее о дискуссии относительно конца эпохи Яз III и последнего периода РЖВ см. *Сарианиди В.И., Кошеленко Г.А.* Средняя Азия в раннем железном веке // Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. Серия «Археология СССР». М., 1985. С. 181.

¹³ См. *Массон.* Древнеземледельческая культура Маргианы.

ИсМЕО¹⁴. Необходимо отметить также, что еще в ходе работ ЮТАКЭ было установлено, что слои раннежелезного века имеются также на городищах Эрк-кала и Гяур-кала¹⁵.

Благодаря этим работам сейчас появилась возможность более точно представить всю территорию оазиса как единое целое, уточнив первоначальные схемы, которые в свое время составил В.М. Массон. Согласно его гипотезе, территория оазиса раннежелезного века (эпохи Яз I—III) располагалась к северу от современного оазиса. Позднейшие работы ЮТАКЭ (раскопки З.И. Усмановой и М.И. Филанович) и наши исследования показали, что в периоды Яз-II и Яз-III территория оазиса распространялась далеко на юг и частично совпала с территорией современного оазиса. Во всяком случае, слои этого времени зафиксированы на таких памятниках, как Мунон-депе, Лючек-депе и, наконец, Эрк-кала и Гяур-кала.

В период раннежелезного века на территории Мервского оазиса зафиксировано три основных группы памятников, которые, как мы отмечали, определяются исследователями как оазисы¹⁶.

Западный оазис В.М. Массон назвал Арвали-депинским по имени крупнейшего памятника этого оазиса. Арвали-депинская группа памятников находится на западном берегу современного русла реки Мургаб¹⁷. Памятники расположены вдоль русла канала, ныне носящего название Гуни-Яб. Древнее русло его послужило основой современного оросительного канала. В.М. Массон полагал, что нынешнее место вывода этого канала из русла Мургаба примерно соответствует месту вывода древнего канала. В таком случае общая длина древнего канала по подсчетам В.М. Массона должна была быть равна примерно 36 км. Сам Арвали-депинский оазис, по мнению этого исследователя, представлял узкую полосу (шириной 2—3 км), вытянутую с юга на север и расположенную по обе стороны русла канала. От главного канала (глубиной 1,5—2 м при ширине 5—6 м) отходили более мелкие арыки, орошавшие поля. Арыки в основном отходили под острыми углами. В конце своего исследования В.М. Массон делает очень ответственное заключение, основанное на анализе ситуации в Мервском оазисе в целом — направление главного русла реки Мургаб в эпоху раннежелезного века, по его мнению, соответствовало в основном современному руслу этой реки.

К востоку от Арвали-депинской располагалась вторая группа памятников, наиболее значительная по числу и величине входящих в нее поселений. Эта группа, также образующая оазис, носит название Яз-депинской по имени самого крупного из входящих в нее памятников. Яз-депе, по мнению В.М. Массона, являлось не только центром данной группы памятников, но и «столицей» всего Мервского оазиса эпохи раннего железного века.

Основной артерией орошения этого оазиса являлся крупный магистральный канал, русло которого, по мнению В.М. Массона, прослеживается в ряде мест довольно отчетливо. Местное население называет его Гати-Акар. Канал имеет общее направление с юга на север, как практически все магистральные каналы в Мервском оазисе¹⁸. Ширина канала местами достигает 5—8 м, а глубина — 2—3 м. По обе стороны от

¹⁴ Archaeological Map...

¹⁵ См. Усманова З.И. Разрез крепостной стены Эрк-калы Старого Мерва // Древний Мерв. Тр. ЮТАКЭ. 1989. Т. XIX. С. 21—61; она же. Эрк-кала // Тр. ЮТАКЭ. 1963. Т. XII; она же. Новые данные к археологической стратиграфии Эрк-калы // Тр. ЮТАКЭ. 1969. Т. XIV; Филанович М.И. Историко-культурные археологические таблицы по городищу Гяур-кала в Старом Мерве // Древний Мерв. Тр. ЮТАКЭ. 1989. Т. XIX. С. 62—121; она же. Гяур-кала // Тр. ЮТАКЭ. 1974. Т. XV.

¹⁶ См. Массон. Древнеземледельческая культура Маргианы. С. 63—92; однако в другой работе этот автор почему-то говорит только о двух оазисах: она же. Земледелие и аграрный строй Туркменистана в эпоху развития рабовладельческих отношений // Очерки истории земледелия и аграрных отношений в Туркменистане. Ашхабад, 1971. С. 51.

¹⁷ В.М. Массон неверно указывает, что она располагалась на правом, т.е. восточном берегу реки (Древнеземледельческая культура Маргианы. С. 87).

¹⁸ У В.М. Массона — явная ошибка, в его публикации «канал имеет общее направление в основном с севера на юг», что абсолютно невозможно по условиям местности.

магистрального канала были отведены арыки, орошавшие поля. В отличие от Арвалидепинского оазиса, эти арыки отходят как под острым, так и под прямым углом к руслу основного канала. В нескольких случаях от магистрального канала отведены и более крупные арыки, несущие воду к поселениям, расположенным в стороне от основного русла. По мнению В.М. Массона, длина канала, снабжавшего водой весь Яздепинский оазис, была равна 55 км.

Наконец, третья, самая восточная группа памятников носит название Тахирбайской по имени самого крупного памятника этого оазиса. Памятники этой группы занимали пространство около 11 км с севера на юг и около 6 км с запада на восток. Тахирбайский оазис эпохи РЖВ частично перекрывает территорию оазиса эпохи поздней бронзы. В.М. Массон не обнаружил здесь следов древних каналов. По его мнению, их оплывшие русла скрыты песком, полностью покрывающим территорию древнего оазиса.

В целом, в эпоху РЖВ мы видим продолжение процесса, который был нами зафиксирован уже для бронзового века — процесса неуклонного смещения оазиса на юг. Мервский оазис раннежелезного века продвинулся существенно дальше на юг по сравнению с оазисом эпохи бронзы. Вполне возможно, что в дальнейшем удастся выявить и внутреннюю динамику в пределах самого РЖВ — уже сейчас для этого имеются определенные данные. В частности, установлено, что на Эрк-кале слоев времени Яз-I нет, а имеются только слои времени Яз-II и Яз-III, а на Гяур-кале вообще зафиксированы пока только слои времени Яз-III, что позволяет и здесь предполагать постепенное смещение оазиса на юг. Вполне вероятно, что причина этого движения оставалась той же самой, что и в предшествующую эпоху.

К сожалению, не выдерживают сопоставления с действительностью рассуждения В.М. Массона относительно каналов. Это определяется тем, что он избрал неверную исходную позицию. Современное русло реки Мургаб не может совпадать ни с одним из древних русел, во всяком случае с руслом раннежелезного века. В то время основное русло проходило много восточнее. Точно так же, ни в коей мере нельзя согласиться с его определением тех двух магистральных каналов, о которых он пишет. В настоящее время после проведенных геоморфологических и топографических исследований стало ясно, что это были не каналы, а протоки древней дельты Мургаба, как и в предшествующую эпоху. Конечно, вполне возможно, что они подвергались жителями оазиса определенному обустройству, но естественное происхождение основных их русел не вызывает сомнений. На аэрофото- и космических снимках, с которыми мы работали, хорошо видно, что все те водотоки, которые В.М. Массон называет каналами, имеют вполне характерную конфигурацию, с несомненностью указывающую на их естественное происхождение. Особенно спорны взгляды В.М. Массона относительно канала Гати-Акар. Этот канал вообще не является древним, а те цифровые данные, которые приводит В.М. Массон, — явная ошибка. Когда после строительства Каракумского канала ирригационная сеть в этом районе Мервского оазиса была перепланирована и вышеуказанный канал был засыпан, на аэрофото- и космических снимках исчезли практически все его следы, что абсолютно невозможно при длительном функционировании канала сколько-нибудь существенных размеров. Что же касается тахирбайской группы памятников, то снимки показывают здесь очень густую сеть древних протоков, приспособленных под каналы, и наряду с ними собственно каналов, хорошо узнаваемых по их конфигурации. Если опираться на аэрофотоснимки, эти каналы достаточно хорошо фиксируются и при наземном обследовании.

Следующий исторический период в жизни Мервского оазиса — эллинистический. Мы уже посвятили этому периоду специальную статью (пока не опубликована), в которой попытались выявить некоторые основные проблемы этого периода¹⁹. Очень важно то, что в эллинистический период резко сокращается освоенная человеком тер-

¹⁹ Bader A., Gaibov V., Koshelenko G. Walls of Margiana // Mesopotamia (в печати).

ритория. Она ограничивается, в целом, лишь той небольшой областью, которая была окружена знаменитой стеной, построенной по приказу Антиоха Сотера. При этом, как мы попытались показать²⁰, истинная стена Антиоха — это не та стена, которая располагалась в северной части оазиса приблизительно вдоль его современной границы, и которая обычно (еще со времен ЮТАКЭ²¹) определяется исследователями как «стена Антиоха», а другая, более скромных размеров стена, известная местному населению под названием Гилякин-Чильбурдж. Эта стена находится много ближе к городищу Гяур-кала и охватывает, в сущности, лишь ближайшую округу этого некогда крупного города. В эллинистический период из относительно небольшого городка, скрываемого ныне руинами Эрк-калы, возник огромный столичный центр — Антиохия Маргианская, включивший нынешние Гяур-калу и Эрк-калу.

Необходимо отметить, что уменьшение освоенной для земледелия территории в эллинистическую эпоху снова сопровождалось «скольжением» возделанной территории оазиса на юг, как это уже неоднократно фиксировалось нами в истории Маргианы.

К сожалению, на нынешнем уровне изученности проблемы мы не в состоянии достаточно твердо датировать конец эпохи Яз-III и, таким образом, не можем определить точно время тех изменений, о которых только что говорили. Отсутствие точной даты затрудняет и само историческое объяснение феномена внезапного запустения значительной части ранее освоенной земли в конце РЖВ.

Однако у нас имеются две возможности: логично было бы связывать эти катастрофические по масштабам изменения в ирригационной сети Мервского оазиса и системе расселения в нем либо с известными по Бехистунской надписи событиями, связанными с подавлением восстания Фрады в первый год царствования ахеменидского царя Дария I, либо с событиями времени азиатского похода Александра Македонского. Как нам кажется, первое объяснение обладает приоритетом по сравнению со вторым: мы пытались показать в специальной публикации о Бехистунской надписи²², что во время подавления восстания Фрады погибло огромное число жителей Маргианы. По надписи хорошо видно, что восстание в Мервском оазисе резко отличалось от всех других одновременных с ним восстаний начала царствования Дария Великого, во-первых, исключительно широким участием в нем населения, благодаря чему движение под руководством Фрады стало действительно «народным» (в отличие от в значительной степени «верхушечных» сепаратистских восстаний в других областях ахеменидской державы), и во-вторых, огромными масштабами людских потерь при подавлении восстания. Все это должно было привести к обезлюдению оазиса.

Некоторое подтверждение этому, как кажется, можно найти и у Курция Руфа — единственного автора, сообщающего о пребывании Александра Македонского в Мервском оазисе (Curt. Ruf. VII, 10.15). Дело в том, что Курций Руф говорит не о стране Маргиане, а лишь о городе Маргианы (*urbs Margiana*), что позволяет предполагать, что уже в это время основная часть населения сконцентрировалась на ограниченной территории.

Вполне вероятно, что в эллинистическое время происходит и другое важнейшее изменение в Мервском оазисе — изменение основного русла реки Мургаб. Ранее основное русло проходило восточнее городища Гяур-кала, теперь же оно стало располагаться к западу от него. У нас имеется два доказательства этого. Во-первых, стена Гилякин-Чильбурдж была построена таким образом, что пересекала старое русло Мургаба, располагавшееся восточнее Гяур-калы, что предполагает ее создание после того, как русло перестало функционировать. Второй аргумент состоит в том, что и текст Птолемея, и созданные на основе этого текста карты не-

²⁰ Ibid.

²¹ См. Вязигин С.А. Стена Антиоха Сотера вокруг древней Маргианы // Тр. ЮТАКЭ. 1949. Т. I.

²² Кошеченко Г.А., Бадер А.Н., Гаибов В.А. Маргиана в ахеменидской официальной письменной традиции // Проблемы истории, филологии и культуры. Вып. 2 (в печати).

двусмысленно показывают, что город Антиохия Маргианская находился восточнее реки²³.

Необходимо, наконец, обратить внимание и еще на одно обстоятельство. Современные исследователи показали, что распространенная точка зрения, которую в свое время столь активно защищал С.П. Толстов и согласно которой в античную эпоху Узбой уже не функционировал как один из протоков Амударьи²⁴, не верна. Исследования Х. Юсупова показали, что Узбой был в это время обводнен и на нем располагались поселения²⁵. В таком случае находят свое объяснение некоторые данные античной традиции, касающиеся Маргианы, которые ранее были непонятны. Мы имеем в виду свидетельство Плиния относительно озера Зотал (Plin. NH. VI. 46—47)²⁶ и свидетельство Птолемея о том, что река Марг впадала в реку Окс. Если Узбой продолжал функционировать в рассматриваемое время, все эти свидетельства находят ясные и вполне логичные объяснения: впадение Марга в Окс у Птолемея означает лишь то, что река Мургаб какой-то частью своей дельты достигала Узбоя: озеро Зотал может быть без особых натяжек идентифицировано с нынешней Саракамышской впадиной на Узбое.

Констатация этих фактов, однако, ставит и ряд проблем. Самая главная состоит в том, что в таком случае приходится признать, что часть вод реки Мургаб оставалась неиспользованной и не только не разбиралась на орошение, но и была столь велика, что даже могла достигать Узбоя. Этому возможны два объяснения: первое — абсолютное увеличение количества воды в реке, второе — резкое уменьшение количества воды, потребляемой жителями оазиса на орошение. Нам кажется, что более вероятно второе объяснение. Никакими данными о сколько-нибудь резком изменении водного режима Мургаба в рассматриваемое время мы не располагаем. С другой стороны, как уже было сказано выше, именно в эллинистическую эпоху в Маргиане происходит существенное уменьшение освоенной территории, и соответственно, забора воды для ее орошения.

Следующая историческая эпоха — парфянская. Для этой эпохи характерно уже возвратное движение — на север. Начиная примерно с I в. н.э. мы видим постепенное, но достаточно быстрое распространение новых населенных пунктов в северной части оазиса. Насколько мы можем представить, если не все, то по крайней мере большинство этих новых населенных пунктов имели те или иные укрепления и строго геометрический план, что говорит о том, что они строились по заранее намеченному плану и, несомненно, по инициативе центральной власти. Видимо, можно говорить о существовании некоей «государственной программы» целенаправленного освоения новых земель²⁷.

Мы также хотели бы обратить внимание на то обстоятельство, что в парфянское время впервые был прерван процесс, который мы зафиксировали на всех этапах эпохи бронзы и раннего железа — процесс освоения новых территорий в районах, расположенных все выше по течению Мургаба или его дельтовых проток. Для парфянского периода мы ясно видим процесс расширения освоенных территорий за счет

²³ *Plot. Geogr. 6. 9—21 // Ostiran und Zentralasien. Teil 1. Griechischen Texten, neu herausgegeben und in deutsches übertragen von Italo Ronca. Rom, 1971.*

²⁴ См.: Низовья Амударьи. Сарыкамыш. Узбой // Материалы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Вып. 3. М., 1960.

²⁵ См. подробнее: *Юсупов Х. Древности Узбоя. Ашхабад, 1986.*

²⁶ Совершенно непонятно, на каком основании В.М. Массон в свое время сделал вывод о том, что воды Мургаба «отводились» в это озеро и, тем самым, считал последнее одним из элементов ирригационной системы Мервского оазиса (*Массон. Земледелие и аграрный строй Туркменистана... С. 55*). В тексте Плиния нет ни малейшего намека на возможность подобного истолкования сообщения.

²⁷ См. *Губаев А., Кошеленко Г., Новиков С. Археологические исследования в Мервском оазисе // ВДИ. 1990. № 3; Gubaev A., Koshelenko G., Novikov S. Archaeological Exploration of the Merv Oasis // Mesopotamia. 1990. XXV; Bader A., Gaibov V., Koshelenko G. Materials for an Archaeological Map of Margiana: the Changly region // Mesopotamia. 1991. XXVI; Bader A., Gaibov V., Koshelenko G. Materials for an Archaeological Map of the Merv oasis: Köne Kishman // Mesopotamia. 1992. XXVII.*

удлинения каналов. Естественно предположить, что если ранее господствующими были естественные природные факторы, а ирригационные системы целиком от них зависели и их создатели лишь использовали изменяющуюся климатическую обстановку, то начиная с парфянской эпохи мы видим все более решительные действия обитателей оазиса, впервые попытавшихся освободиться от зависимости от природных факторов. Мы имеем основания связывать эти кардинальные изменения с возведением (впервые в Мервском оазисе) более или менее крупной плотины, которая позволила регулировать сток или, по крайней мере, часть стока реки Мургаб. Результатом этого стало значительное расширение освоенной для земледелия территории. Можно думать, что именно в это время границы оазиса достигли наибольшего размера²⁸.

Следующий крупный исторический этап — сасанидский. В этот период мы видим некоторые (в основном незначительные) изменения в конфигурации и размерах оазиса. В одном месте заметно некоторое отступление назад от границ оазиса, достигнутых в парфянское время. Мы имеем в виду район Гебеклы. Этот памятник достиг расцвета в парфянское время (а возник, по всей вероятности, уже в конце РЖВ) и просуществовал вплоть до IV в. н.э.)²⁹. Однако, насколько мы можем судить, данный район — единственное исключение. Судя по накопленным до сих пор данным, во всех других случаях имела место относительная стабильность границ оазиса.

Эта стабильность, берущая начало уже в парфянскую эпоху, была в позднесасанидское время усилена возведением внешней обводной стены, которая защищала весь оазис с западной, северной и восточной сторон. Авторы настоящей работы занимались исследованием этой стены и посвятили ей специальную работу, в которой попытались доказать, что так называемая «стена Антиоха» была построена не в селевкидское, как это обычно считается, а в сасанидское время³⁰.

Другое важное наблюдение касается системы расселения. Мы уже говорили, что в парфянское время основная часть оазиса была занята значительным числом укрепленных населенных пунктов. В раннесасанидское время такая схема расселения в основном сохранялась. Однако к концу этого периода ситуация существенно изменилась. В это время начинают появляться замки, которые по своим размерам были значительно меньше, нежели старые парфянские укрепленные населенные пункты. Но взамен вокруг этих замков начинают появляться достаточно большие по размерам неукрепленные деревни, а при некоторых небольших крепостях появляются пригороды³¹.

В целом можно предполагать, что при старых (в основном) границах оазиса число жителей в нем увеличилось по сравнению с парфянским временем. Соответственно, должна была увеличиться и возделанная (и орошенная) территория. Если же в этих условиях границы оазиса остались стабильными, то это может свидетельствовать о том, что доосваивались территории внутри оазиса, которые ранее не были возделаны, а также о прогрессе в агротехнике. Думается, что первое предположение более вероятно, чем второе. Однако это в свою очередь заставляет думать об определенном прогрессе в ирригационном строительстве.

Следующий исторический период можно условно назвать арабским. Он охватывает время от арабского завоевания вплоть до монгольского нашествия. Насколько мы можем судить, Мервский оазис в средневековое время сохранял размеры,

²⁸ С точки зрения гидротехники древнейшая плотина на Мургабе — правобережная, или Султан-ябская. См. *Ляпина А.* Каушутбент // Памятники Туркменистана. 1986. № 1 (41). По мнению А. Ляпина, «ее возраст равен возрасту города [Мерва. — *Авт.*] (конец V—начало IV в. до н.э.) или немного моложе» (Уж. соч. С. 15.). В свете приведенных нами выше соображений второе из предположений А. Ляпина выглядит более предпочтительным.

²⁹ См. *Косшеленко Г.А., Никитин А.Б.* Монетные находки и проблемы стратиграфии Гебеклы // Информационный Бюллетень МАИКЦА. Вып. 18. 1991.

³⁰ *Bader, Gaibov, Koshelenko.* Walls of Margiana.

³¹ Наиболее яркий пример — Чильбурдж. См. *Koshelenko G., Gaibov V., Novikov S.* Chilburj // Bulletin of the Asia Institute. V. 4. Pt I. 1990.

которые он приобрел в сасанидский период³². Изменения коснулись только внутренней организации пространства в оазисе: наши исследования показали, что в это время увеличились число населенных пунктов и их размеры. Кроме того, целый ряд существовавших в сасанидское время замков с деревьями вокруг них превратились в небольшие городки. В арабское время произошли небольшие изменения и в системе ирригации. Насколько мы можем судить, при сохранении основной структуры ирригационной сети увеличилось число малых каналов и их густота.

Арабский период интересен еще и тем, что для него мы впервые имеем свидетельства письменных источников, содержащих информацию собственно об ирригационных системах, а также об устройстве плотины на Мургабе, об организации работ по ее поддержанию в порядке и ремонту, и т.д.³³ Для нас наиболее важны свидетельства о том, что на Мургабе существовала большая плотина, перегораживавшая реку, а выше по течению — специальный водоем, из которого брали начало каналы, орошавшие поля оазиса (известно, что Мервский оазис всегда был замечателен большим числом высоколежащих земель). Очень важна и информация источников об организации специальной государственной службы, обеспечивавшей функционирование плотины. Заслуживают внимания и свидетельства о том, что орошение осуществлялось не только с помощью самотечных каналов, но также и с применением водоподъемных устройств³⁴. Важнейшая проблема в связи с этими сведениями — насколько в глубь времен мы можем проецировать данные источников арабской эпохи — остается до сих пор недостаточно разработанной.

Монгольское завоевание стало подлинной катастрофой для Мервского оазиса, поскольку была разрушена плотина на Мургабе. Результатом этого (может быть, даже в большей степени, чем самого нашествия) стало резкое уменьшение населения в оазисе и числа населенных пунктов, сокращение их размеров и, в целом, сильное уменьшение возделанной территории. Эти факты показывают, до какой степени вся жизнь Мервского оазиса зависела от плотины на Мургабе. Думается, что эта зависимость существовала уже с парфянского периода, т.е. с того времени, когда мы впервые засвидетельствовали стабилизацию размеров оазиса.

Позволим себе подвести некоторые итоги. Мервский оазис, как вообще все оазисы, представляет собой весьма хрупкий организм, существование которого всегда зависело от целого ряда факторов как природного, так и социального характера. Выяснение механизма их взаимодействия — одна из важных и достаточно актуальных задач науки. В конечном счете, задача состоит в том, чтобы попытаться создать своего рода модель, которая смогла бы объяснить динамику развития изолированных оазисов типа Мервского в различные исторические периоды под воздействием возможно большего комплекса факторов. Наука еще достаточно далека от решения этой проблемы, и пока, видимо, можно предлагать только частные решения. Наше исследование дает ответ лишь на некоторые из возникающих вопросов. Однако, как нам кажется, особую ценность в нынешней ситуации имеет накопление фактов и конкретные наблюдения, сделанные на их основе.

Основной из наших выводов состоит в том, что историю Мервского оазиса с точки зрения ирригации и систем расселения можно разделить на два основных периода.

1. Период от возникновения ирригационной сети в оазисе вплоть до парфянской эпохи. В это время существуют достаточно примитивные ирригационные системы, базирующиеся на отдельных протоках дельты Мургаба. Следствием этого является

³² Если и происходили некоторые изменения (например, вследствие военных действий), то они имели локальный и скоропреходящий характер, так как арабы специально ирригационные системы не разрушали. См. *Большаков О.Г.* Земледелие и аграрные отношения в Туркменистане в VIII—X вв. // *Очерки истории земледелия и аграрных отношений в Туркменистане (С древнейших времен до присоединения к России)*. Ашхабад, 1971. С. 110.

³³ Этому сюжету посвящена значительная литература. См. указанную выше статью О.Г. Большакова (прим. 32), а также: *Агаджанов С.Г.* Земледелие и аграрные отношения в Туркменистане в XI—начале XIII вв. // *Очерки истории земледелия... в Туркменистане*.

³⁴ См. *Агаджанов*. Ук. соч. С. 157.

«разбросанность» поселений и фактическое отсутствие единого оазиса. Население Маргианы в очень большой степени зависит от природных условий. Изменение климата, его аридизация приводят к тому, что все мини-оазисы «дрейфуют» на юг, в сторону истоков реки.

2. Второй период начинается с парфянского времени, когда, видимо, была построена первая крупная плотина на Мургабе. Именно этот момент стал поворотным — общество Маргианы оказалось в гораздо меньшей зависимости от природных условий, чем раньше. Начиная с этого момента прекратилось смещение оазиса на юг и даже началось возвратное распространение возделанных территорий на север. Изменения климатических условий уже не сказывались существенно на размерах и очертаниях оазиса. К концу парфянского периода оазис, в сущности, достиг своего оптимума. Все дальнейшие изменения его границ имели лишь локальный характер, а изменения в системе расселения происходили только внутри уже стабилизировавшихся границ. Эта большая независимость от природных условий, однако, имела и свою обратную сторону, а именно возросшую зависимость от условий антропогенного характера. При простых ирригационных системах повредить их достаточно трудно, а восстановить повреждения легко. Совсем иная картина при существовании сложной системы. Повредить и даже полностью уничтожить плотину на Мургабе было легко, но ее восстановление, в сущности, так же сложно, как и строительство заново. В случае разрушения плотины население Маргианы ставилось перед реальной угрозой тотальной гибели³⁵.

Второй важный вывод, к которому мы пришли, касается методической стороны исследования. До настоящего времени лучше всего изучена в Средней Азии история ирригации и (отчасти) систем расселения Хорезма. В результате этого исследователи очень часто механически переносят выводы, полученные при изучении хорезмского феномена, на другие регионы Средней Азии. Такова, в частности, природа ошибок В.М. Массона, много сделавшего для изучения ирригации в Маргиане, но ошибавшегося относительно характера каналов в Мервском оазисе эпохи раннежелезного века. Поскольку для Хорезма этого времени были наиболее типичны очень длинные каналы, В.М. Массон увидел их и в Маргиане. Между тем необходимо помнить, что существовала огромная разница между ирригационными системами Хорезма и Мерва: ирригация Мервского оазиса базировалась на плотине, в Хорезме же это было вне технических возможностей общества того времени. При сравнениях нельзя забывать это фундаментальное различие.

Г.А. Кошеленко, А.Г. Губаев, В.А. Гаибов, А.Н. Бадер

THE MERV OASIS: EVOLUTION OF SETTLEMENT PATTERNS AND IRRIGATION SYSTEMS

G.A. Koshelenko, A.G. Gubaev, V.A. Gaihov, A.N. Bader

The aim of the article is to describe the evolution of settlement patterns and irrigation systems of the Merv oasis (Margiana of the classical authors) from the Bronze Age down to the Mongol invasion in terms of the natural as well as social factors.

The Merv oasis, a typical agricultural one, depending solely on a single water source (the Murgab river), has been a very fragile organism. The authors' research in the oasis (since 1980) together with the findings of other archaeological expeditions in Margiana allowed them to trace the evolution of this complex organism through the interaction of a number of factors. The main results of their work are summarized in a series of maps based on demographic, paleoclimatic and archaeological data. The authors deemed it important to compare ground observations throughout the territory of the oasis with topographic and other maps, aerial photos and space images.

³⁵ Об уязвимости мервских плотин см., в частности: *Ляпин А.* Султан-бент // Памятники Туркменистана. 1975. № 2. (20).

A detailed periodization of the history of the Merv oasis worked out on the basis of historical and paleoecological data has made it possible to single out two main epochs in its existence:

1. From the construction of the earliest irrigation structures till the Parthian period: primitive irrigation systems dependent on various branches of the Murgab delta made agriculture and life of the oasis hostage to the climatic conditions; the subsequent aridization of the climate and shift of the centre of the oasis to the south are characteristic of this period.

2. From the Parthian times to the end of the Arab period: the first important dam built on the Murgab made agriculture far less dependent on the natural factors and more reliable, but the complexity of the system and its wide use made it much more fragile; the centre of the oasis moved back to the north. The second half of the Parthian epoch was, probably, the time of Margiana's maximum prosperity.

In the Sassanian and Arab epochs the borders of the oasis changed a little, but important modifications of settlement patterns took place within these borders.

Finally after the Mongol invasion in the XIIIth century the destruction of the Murgab dam meant a real disaster for the Merv oasis which led to its long decline.

Великая греческая колонизация: итоги и перспективы

© 1994 г.

«СТИХИЙНАЯ ЛИНИЯ» ГРЕЧЕСКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ ИЛИ К ВОПРОСУ О ХАРАКТЕРЕ И ПУТЯХ ФОРМИРОВАНИЯ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ ПОЗДНЕАРХАИЧЕСКОГО ПЕРИОДА

Середина—вторая половина VI в. до н.э. стала поворотным этапом в истории Северо-Западного Причерноморья. Именно в это время здесь возникает целый ряд новых колоний греков — Томы в Северной Добрудже, Тира и Никоний в Нижнем Приднестровье, Керкитида на побережье Северо-Западного Крыма; практически тогда же окрестности Истрии, берега Днестровского и Днепро-Бугского лиманов покрываются сетью сельскохозяйственных поселений.

Несмотря на все еще весьма значительные пробелы в наших знаниях, можно думать, что к рубежу VI—V вв. до н.э. в основных зонах греческой колонизации Северо-Западного Причерноморья уже функционировало несколько десятков относительно небольших аграрных селищ. Следует напомнить также, что если к настоящему времени в окрестностях Истрии археологическим путем зафиксировано не более чем 10—15 объектов такого рода, а в Нижнем Поднестровье лишь 11, то в Нижнем Побужье, где сохранность памятников несколько лучше, их насчитывается ныне уже более 100¹. Нет никакого сомнения и в том, что в действительности количество таких поселений было еще большим, поскольку часть наиболее ранних комплексов полностью погибла в процессе береговой абразии или, как в Добрудже, оказалась затопленной водами лагун. Как бы то ни было, можно предполагать, что речь шла о весьма заметном хозяйственном, культурном и демографическом явлении в античной истории северо-западной части Понта.

Какими же путями шло формирование сельского населения в основных зонах греческой колонизации этого региона древнего «пограничья»? Кто населял аграрные поселки, расположенные в окрестностях эллинских апойкий Северо-Западного Причерноморья? И наконец, какими могли быть отношения жителей этих поселений с местными греческими центрами?

На все эти и аналогичные вопросы в современной историографии даются весьма различные ответы. Впрочем, все они могут быть сведены к двум основным точкам зрения. Приверженцы первой наиболее распространенной из них убеждены, что жителями всех этих многочисленных аграрных поселков являлись прежде всего, или почти исключительно, сами греческие колонисты и в силу этого культурная, экономическая и политическая роли варварского компонента были ничтожными. Странники второй точки зрения, признавая примат греческого воздействия на демографическую и экономическую ситуацию в районах колонизационного процесса, одновременно предполагают значительное участие туземцев в формировании культурного облика и этнического состава сельского населения Нижнего Побужья, Нижнего Поднестровья и Северной Добруджи.

Вполне естественно, что в соответствии с этими различными представлениями об

¹ Виноградов Ю.Г., Доманский Я.В., Марченко К.К. Сопоставительный анализ письменных и археологических источников по проблеме ранней истории Северо-Западного Причерноморья // Причерноморье в VII—V вв. до н.э. Письменные источники и археология. Тбилиси, 1990. С. 75—98. Крыжицкий С.Д., Буйских С.Б., Отрешко В.М. Античные поселения Нижнего Побужья (Археологическая карта). Киев, 1990. С. 10 сл.

этническом составе сельского населения по-разному решаются и другие вопросы, например, о взаимоотношениях жителей аграрных селищ Северо-Западного Причерноморья с греческими городскими центрами этого региона. В первом случае они со всей очевидностью предстают перед нами как чисто внутренние, т.е. протекавшие в рамках эллинской общины переселенцев; во втором же центр тяжести заметно смещается в основном к отношениям греческих колонистов с местными варварами. Таким образом в настоящее время можно констатировать наличие весьма существенного и принципиального расхождения по интересующей нас проблеме.

Перейдем к рассмотрению первой, т.е. наиболее распространенной и обоснованной точки зрения.

Основным отправным путем признания эллинской принадлежности сельского населения приморских территорий северо-западной части Понта стал в недавнем прошлом тезис о сугубо аграрной форме греческой колонизации Северного Причерноморья. Важнейшие положения именно такого понимания мотивов переселения эллинов в столь отдаленный край античной ойкумены были впервые последовательно сформулированы В.В. Лапиным. По его мнению, заселение берегов Северного Понта было одновременным процессом², носившим массовый характер как продолжение более древней стихийной миграции догосударственного периода³. Как полагал В.В. Лапин: «Города уже на этом (т.е. раннем. — К.М.) этапе колонизации не были единственными и изолированными поселениями греков. Одновременно с их возникновением основывались и поселения хоры. Именно эти-то сельские поселения и являлись основным продуктом и главным содержанием имманентного колонизационного процесса»⁴. А коль скоро это так, то вполне логично, что создателями и жителями аграрных поселков архаического времени Северного Причерноморья в целом были сами греческие переселенцы.

Этот принципиально важный вывод, казалось, совершенно естественно вытекал не только из беспристрастного анализа движущих сил и социально-экономических основ колонизационной практики эллинов, но и хорошо подтверждался конкретными историческими фактами из истории Северного и особенно Северо-Западного Причерноморья.

С тех пор в обосновании рассматриваемой точки зрения на характер и пути образования сельского населения в районах греческой колонизации не произошло существенных изменений. Все усилия сторонников эллинской принадлежности жителей аграрных поселков были направлены, главным образом, на подбор дополнительных конкретных аргументов и фактов, детализирующих и подкрепляющих вышеизложенную позицию В.В. Лапина.

Лишь в самое последнее время была предпринята серьезная попытка существенно модифицировать устоявшуюся картину формирования сельского населения. Весьма примечательно, что радикальные изменения в ее облик попытались внести сами приверженцы эллинской принадлежности рядовых поселений, расположенных в окрестностях греческих центров⁵. Основанием для столь неожиданного поворота стали результаты изучения планировки наиболее крупных памятников Нижнего Побужья — так называемых агломераций. При этом было обращено особое внимание на отсутствие в их пространственной структуре сколь-либо отчетливых признаков регулярности, выраженной сети улиц и комплексов общественно-административного, культового и торгового назначения⁶. Более того, замечено, что буквально все сельские поселения окрестностей Борисфена и Ольвии имели очень примитивный тип застройки в виде отдельных более или менее стандартных и к тому же весьма скромных по своему облику хозяйств или усадеб, состоявших, как правило, из пяти-шести однокамерных жилых землянок и полуземлянок, целого ряда зерновых ям и хозяйственных сооружений⁷. Совершенно естественно, что все это вместе

² *Копейкина Л.В.* Особенности развития Березанского поселения в связи с ходом колонизационного процесса // Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. Тбилиси, 1979. С. 106—113; *Лапин В.В.* Греческая колонизация Северного Причерноморья. Киев, 1966. С. 175, 183.

³ *Кошеленко Г.А., Кузнецов В.Д.* Греческая колонизация Боспора // Причерноморье в VII—V вв. до н.э. С. 30—47.

⁴ *Крыжицкий С.Д., Буйских С.Б.* Структура архаичного поселения Нижнего Побужья // Археология. 1988. 63. С. 1—8.

⁵ *Крыжицкий С.Д., Буйских С.Б., Бураков А.В., Отрешко В.М.* Сельская округа Ольвии. Киев, 1989.

⁶ *Крыжицкий С.Д., Буйских С.Б., Отрешко В.М.* соч.

⁷ *Крыжицкий С.Д., Бураков А.В., Буйских С.Б., Отрешко В.М., Рубан В.В.* К истории Ольвийской сельской округа // Исследования по античной археологии Северного Причерноморья. Киев, 1980. С. 3—18.

взятое никак не соответствовало существующим представлениям об античной строительной традиции⁸. Требовалось срочно найти объяснение этого странного обстоятельства. И оно было найдено, причем в рамках все тех же воззрений В.В. Лапина.

Как предположили исследователи, своеобразие архитектурно-планировочного решения наиболее крупных рядовых поселений Нижнего Побужья является прямым следствием относительной имущественной бедности, а также правовой и социально-экономической однородности их жителей, прибывших на берега Северо-Западного Понта из сельских районов Малой Азии и в силу этого, по-видимому, плохо знакомых с требованиями городского строительства⁹.

То же своеобразие аморфной кустовой застройки «агломераций» и остальных селищ Нижнего Побужья послужило для этих исследователей источником еще одного знаменательного вывода. Они истолковали его как прямое указание на стихийность перемещения греков-крестьян в Северное Причерноморье. При этом, учитывая весьма значительные размеры самих агломераций, занимавших территорию до 50—80 га, такое перемещение, по их мнению, должно было иметь массовый характер¹⁰. Таким образом, в потоке греческой колонизации Северного Причерноморья VI в. до н.э. специалисты выделяют не одну, как считалось до сих пор, а две основные линии: «Первая — организованная, целенаправленная колонизация полисного характера, в результате которой возникают такие апойки, как Березань и Пантикапей; другая — стихийная, сугубо аграрного свойства, в ходе которой и возникли большие нерегламентированные специальной организацией поселенческие структуры типа исследованных в Нижнем Побужье агломераций. В массовости колонизации второй линии были заложены предпосылки для возникновения Ольвии»¹¹.

Вот, пожалуй, и все, что необходимо отметить в связи с наиболее распространенной точкой зрения на характер и пути формирования сельского населения в районах колонизации как Северного Причерноморья в целом, так и его северо-западной части в особенности.

Перейдем теперь к определению степени достоверности данной позиции. Начать анализ следует с главного — с подтверждения надежности ее исходного пункта, декларирующего преимущественно аграрный характер греческой колонизации на интересующей нас территории. Как представляется, такое понимание процесса переселения эллинов на берега Северного Причерноморья не может вызывать серьезных возражений. Помимо общих соображений о социально-экономическом и политическом значении стенохории, вызывавшей в архаической Греции разного рода стасисы и отток лишних людей в колонии, имеются и вполне конкретные данные, указывающие на особую хронологическую и, весьма вероятно, причинно-следственную связь переселения греков в Причерноморье с разорением сельской территории эллинских городов Малой Азии в результате опустошительных войн ионийцев с Лидийским царством и Мидией¹². «Все это, — отмечают, в частности, Г.А. Кошеленко и В.Д. Кузнецов, — породило своего рода кризис в Ионии. Он выражался в нехватке средств существования, прежде всего земли» (ук. соч., с. 381). Поэтому аграрный характер греческой колонизации Северного Причерноморья в целом не вызывает сомнений.

Вместе с тем признание данного обстоятельства не снимает вопрос об особой роли торговли в колонизационном движении на раннем этапе. В этой связи достаточно напомнить о существовании многочисленных и весьма красноречивых археологических, нумизматических и эпиграфических памятников позднеархаического времени, прямо свидетельствующих о значительном удельном весе торговцев в экономической деятельности древнейшей апойки региона — поселения на острове Березань. Впрочем, с учетом

⁸ Крыжицкий С.Д., Отрешко В.М. К проблеме формирования Ольвийского полиса // Ольвия и ее округа. Киев, 1986. С. 3—17.

⁹ Лапин. Греческая колонизация...

¹⁰ Он же. Проблемы генезиса античной северопричерноморской цивилизации // 150 лет Одесскому археологическому музею АН УССР. Тез. докл. юбилейной конф. Киев, 1975. С. 100—102.

¹¹ Марченко К.К. Модель греческой колонизации Нижнего Побужья // ВДИ. 1980. № 1. С. 131—143; Крыжицкий, Буйських. Ук. соч. С. 6; Крыжицкий, Отрешко. Ук. соч. С. 12.

¹² Копейкина. Ук. соч. С. 107 сл.; Яйленко В.П. Греческая колонизация VII—VI вв. до н.э. М., 1982; Виноградов, Доманский, Марченко. Ук. соч.; Марченко К.К. Сравнительная характеристика двух поселений Нижнего Побужья позднеархаического периода — Старая Богдановка 2 и Куцуруб 1 // Проблемы исследования Ольвии. Тез. докл. и сообщ. семинара. Парутино, 1985. С. 50—51.

определенного корректива мотивов переселения наиболее ранней волны ионийцев ее аграрная сущность в районе северо-западной части Понта по крайней мере с середины VI в. до н.э. представляется более чем вероятной. Замечу, что с этих позиций искусственным кажется и прямое противопоставление двух линий колонизации, которые якобы имели место в северопонтийском регионе в VI в. до н.э. В таком противопоставлении нет необходимости, поскольку совершенно очевидно, что и в первом и во втором случаях, т.е. безотносительно, будь то город или маленькая деревенька, основным видом экономической деятельности подавляющего большинства переселенцев теоретически должно было стать сельское хозяйство. Другое дело, конечно, как это происходило в действительности.

Прежде чем ответить на этот вопрос, необходимо обратиться к так называемой стихийной линии переселений ионийцев в VI в. до н.э. Нельзя не заметить, что жизнеспособность этой модели имеет для нашей темы первостепенное значение; ведь речь идет как раз о вполне конкретном и, как полагают ее сторонники, едва ли не единственно возможном пути формирования сельского населения в зонах колонизации Северного Причерноморья или по крайней мере Нижнего Побужья¹³.

Начать анализ следует с термина «стихийность». Несмотря на лапидарность сопровождающего это определение пояснительного текста, создается вполне отчетливое впечатление, что он мыслится как полное отрицание какого-либо организованного или, говоря словами С.Д. Крыжицкого и С.Б. Буйских, «регламентированного специальной организацией» начала в массовом переселении греческих земледельцев. Все остальные важнейшие свойства этой стихийности устанавливаются только в сопоставлении с другой линией колонизационного движения — так называемой «полисной». Правда, выше уже отмечалась определенная близость этих двух «линий» переселения, во всяком случае в той мере, в какой это касается их социально-экономической основы. Однако нельзя не заметить, что во всем остальном они явно различны.

Таким образом, перед нами совершенно особая форма колонизационной модели позднеархаического времени. Следует подчеркнуть, что в данном виде она представляет собой нечто большее, чем просто развитие ранней идеи В.В. Лапина о генетической связи процесса заселения эллинами северного побережья Понта в VI в. до н.э. с более древней стихийной миграцией греков догосударственного периода. По существу это и есть миграция в чистом, вполне современном облике, когда за море в поисках лучшей доли отправляются не отдельные организационно сплоченные коллективы единомышленников, а изначально изолированные друг от друга обездоленные крестьянские семьи, неизбежно вступающие в политические контакты и объединения только по прибытии на место нового расселения¹⁴.

Нет нужды распространяться по поводу больших сомнений, которые сразу возникают относительно миграции хотя бы части ионийцев. Мало того, что она по сути дела никак не фиксируется письменными источниками. Она еще и противоречит всей совокупности жестко регламентированных социально-политических, общественных и экономических связей и структур эллинского мира архаической эпохи. Но дело не только в этом. В конце концов дошедшие до наших дней отдельные свидетельства античной традиции вряд ли способны полностью отразить реально действовавший механизм организации греческих апоекий в различных частях древней ойкумены. Гораздо важнее, что наибольшие сомнения в существовании сугубо стихийного варианта переселения земледельцев Ионии в Северное Причерноморье возникают как раз при его конкретно-историческом обосновании.

Нетрудно заметить, что в основе этой идеи лежит попытка выявить социально-политическую специфику архитектурно-планировочного облика одного из типов археологических памятников Нижнего Побужья второй половины VI—начала V в. до н.э. — так называемых агломераций. Следует сразу же сказать, что сама по себе постановка такой проблемы вполне закономерна и методически оправдана. Однако очевидно и другое — исключительная сложность ее однозначного решения, связанная прежде всего с принципиальным различием сопоставляемых при этом исторических источников — архитектурно-планировочных структур древних поселений, представленных разрозненными данными археологии, с одной стороны, и социально-политической сферой греческой культуры архаического времени, приблизительно реконструируемой на основе эпиграфи-

¹³ Марченко К.К., Доманский Я.В. Античное поселение Старая Богдановка 2 // АСГЭ. 1981. 22. С. 62—74. Крыжицкий, Буйских. Ук. соч. С. 7; Крыжицкий, Буйских, Бураков, Отрешко. Ук. соч. С. 41.

¹⁴ Отрешко В.М. Демографический потенциал архаических крупных поселений ольвийской округи // Проблемы археологии Северного Причерноморья. Тез. докл. юбилейной конф. Херсон, 1990. Ч. II. С. 83—84. Ср. Крыжицкий, Буйских, Бураков, Отрешко. Ук. соч. С. 40.

ческих и литературных материалов, главным образом, позднейшего периода — с другой.

В данном конкретном случае положение усугубляется еще и тем, что накопленная к настоящему времени информация об облике выбранного для такого сопоставления типа памятников крайне отрывочна и не позволяет делать далеко идущие выводы о характере и структуре их застройки. Именно последнее обстоятельство серьезно затрудняет проверку некоторых конкретных замечаний и выводов.

Не подлежит сомнению, впрочем, что даже в таких сложных условиях С.Д. Крыжицкому и С.Б. Буйских удалось сделать ряд интересных и, по всей видимости, правильных наблюдений о культурно-историческом облике «агломераций». В их числе следующие: неслучайность или, точнее, закономерность появления таких поселений в Нижнем Побужье, отсутствие видимой регулярности в их планировке, невозможность функционального дифференцирования строительных комплексов этих памятников, имущественная и, вероятно, во многом социальная однородность их населения¹⁵.

Вместе с тем, оценивая эту попытку в целом, следует признать ее крайне дискуссионный характер. В данной связи следует отметить ошибочность мнения авторов о тождественности планировочных структур всех сельских поселений Нижнего Побужья. Накопленная информация явно противоречит такому суждению. Как установлено, среди рядовых памятников этого района позднерхаического времени имелись поселения, явно отличавшиеся от тех, которые имели кустовую организацию застройки. В их числе, к примеру, поселение Старая Богдановка 2, где, помимо явных элементов регламентации пространства, требующей от обитателей неуклонно возобновлять строительство новых жилых и хозяйственных домов в пределах ограниченной территории, хорошо прослеживается и деление площади поселения на районы, застроенные отдельно стоящими жилыми и общественными сооружениями¹⁶.

Наибольшие возражения вызывает теоретическая сторона исследования. Полностью отвлекаясь от весьма спорного мнения о безусловной принадлежности всех рядовых памятников греческому населению, хотя и с примесью какого-то варварского компонента¹⁷, и становясь в данном случае на позицию его авторов, я все же не могу согласиться с тенденцией ставить знак равенства между существенно разными структурообразующими явлениями — древнегреческим государством и городом. Нетрудно заметить, что прямое совмещение этих явлений дает в распоряжение исследователей столь же прямой по сути и явно несбалансированный подход к решению стоящей перед ними задачи.

Анализируя под таким углом зрения архитектурно-планировочную составляющую нижнебугских «агломераций», а отчасти и других сельских поселений этого района, и не обнаруживая в ней всего того, что, по их мнению, должно быть присуще античному городу, т.е. регулярную планировку, застройку кварталами, систему улиц, агору, священный участок и т.д., авторы приходят к выводу и об отсутствии здесь какой-либо государственной организации, в рамках которой могли бы возникнуть все эти поселения и «агломерации». Их не обнаруживается и за пределами этих поселений, т.е. на всей остальной территории Нижнего Побужья. При этом в рассматриваемом исследовании не приводится каких-либо специальных объяснений столь странного суждения. И совершенно напрасно...

Оставляя за рамками общей оценки «стихийной линии» колонизации вопрос о наличии или отсутствии каких-то политических организаций внутри населения самих «агломераций», — здесь я готов согласиться с С.Д. Крыжицким и С.Б. Буйских в том, что у нас нет и не будет весомых оснований видеть в такого рода аграрных селищах отдельные полисы, — должен напомнить, что в архаической Греции были достаточно распространены политические образования, не имевшие собственных городских центров, не воспринимавшиеся их гражданами и прочими эллинами как государства (Thuc. I. 5. 4; I. 10. 2; Paus. X. 4). Таким образом, само по себе отсутствие крупного и в архитектурно-планировочных отношениях очевидного городского центра в Нижнем Побужье при появлении здесь «агломерации» или иных аграрных выселков еще не дает права отрицать существование в древнейшем районе греческой колонизации Северного Причерноморья какой-то формы

¹⁵ Крыжицкий, Буйских. Ук. соч. С. 6—7; Русяева А.С. Милет—Дидимы—Борисфен—Ольвия. Проблемы колонизации Нижнего Побужья // ВДИ. 1986. № 2. С. 25—64.

¹⁶ Марченко, Доманский. Ук. соч.; Марченко. Сравнительная характеристика...

¹⁷ Крыжицкий, Буйских. Ук. соч. С. 7.

государственной организации, под контролем и при непосредственном участии которой могло протекать основание и развитие этих поселений.

Впрочем, если продолжать рассматривать этот район в целом, то среди наиболее ранних памятников архаического времени можно отыскать и другие поселения, которые могут претендовать на роль политического центра. При этом я хотел бы обратить внимание, что С.Д. Крыжицкий и С.Б. Буйских в стремлении доказать жизнеспособность стихийной модели колонизации невольно предъявляют к облику такого рода центров слишком уж завышенные требования: тут и регулярность застройки и наличие агоры, теменоса и т.д. Конечно же, никто не будет возражать, что для более или менее надежного определения поселения городского типа желательна фиксация хотя бы части из вышеобозначенных элементов застройки памятника. Однако на практике археологам, к сожалению, приходится довольствоваться значительно меньшим — одним или двумя признаками¹⁸. И дело здесь, естественно, не только в том, что речь идет о наиболее ранних, наименее сохранившихся и, как правило, недостаточно исследованных следах жизнедеятельности апойкий, но и в том, что даже основные выселки греков архаического времени далеко не всегда могли обладать всем набором признаков, характеризующих их как городские центры, тем более надежно закрепленных в их архитектуре.

Исходя из указанных соображений, к числу основных политических центров Нижнего Побужья периода колонизации следует, прежде всего, отнести апойкию на о-ве Березань. Как представляется ныне, для такого решения имеется более чем достаточно оснований. Среди них в первую очередь следует упомянуть свидетельство Евсевия в передаче Иеронима, поместившего дату основания Борисфена (или города Борисфена, как в сирийской версии), на второй год 33-й олимпиады (Euseb. Chron. Cap. P. 950 Helm), т.е. задолго до появления здесь самых ранних «агломераций». Не менее показательны в этом плане и материалы археологии, заставляющие, к примеру, предполагать, весьма значительную степень имущественной и профессиональной неоднородности уже самых ранних обитателей Березани, что находится в явном противоречии с соответствующими характеристиками, данными С.Д. Крыжицким и С.Б. Буйских населению сугубо аграрных селищ¹⁹. Весьма примечателен для определения политической значимости Березани, наконец, и факт бурного расцвета строительной деятельности, приведший к появлению здесь регулярной городской застройки на рубеже третьей—четвертой четвертей VI в. до н.э., т.е. тогда, когда в Нижнем Побужье как раз и стали возникать наиболее крупные сельские «агломерации».

Впрочем, как представляется в настоящее время, никто из исследователей и не сомневается в возможности причислять березанскую колонию к категории полисов. Сказанное в равной мере касается и авторов «стихийной линии» колонизации, по мнению которых эта апойкия возникла в результате совершенно иной, нежели обычные сельские поселения — полисной модели колонизации²⁰. Однако именно в силу этого обстоятельства кажется особенно странным и необъяснимым столь внезапный отказ ученых от еще недавно настойчиво проводимой в жизнь вполне плодотворной идеи принадлежности части наиболее ранних аграрных селищ округи Березани данному государству²¹. И уж совсем загадочной представляется их позиция относительно другой древнейшей колонии Северо-Западного Причерноморья — Ольвии, причисленной ими, судя по всему, к роду обычных сельских деревенок, с которой никак нельзя связывать существование какой бы то ни было политической организации ионийцев вплоть до последней трети VI в. до н.э. во всяком случае²².

Такое мнение явно противоречит имеющейся в нашем распоряжении информации — как данным литературной традиции, относящей основание Ольвии ко времени мидийского владычества в Азии (Ps. — Scymn., 809, Müller) и тем самым как бы косвенно указывающей на вполне организованный характер вывода этой колонии, так и материалам археологии, прямо свидетельствующим в пользу существования на территории этого памятника так называемого второго теменоса, возникшего буквально в момент основания самой апойкии, т.е. где-то во второй четверти VI в. до н.э.²³, когда в Нижнем Побужье еще не

¹⁸ Яйленко. Ук. соч. С. 135.

¹⁹ Крыжицкий, Буйских. Ук. соч. С. 6.

²⁰ Там же.

²¹ Крыжицкий, Бураков, Буйских, Отрешко, Рубан. Ук. соч. С. 7.

²² Крыжицкий, Отрешко. Ук. соч. С. 6—7; Крыжицкий, Буйских, Бураков, Отрешко. Ук. соч. С. 39—40.

²³ Русаева. Милет—Дидимы... С. 42.

функционировало ни одной мало-мальски заметной «агломерации». Впрочем, если даже эти соображения неверны²⁴, то уже сам факт существования Ольвийского полиса с конца третьей четверти VI в. до н.э., в чем, как уже отмечалось, не сомневаются и выше-названные исследователи, вполне достаточен для того, чтобы поставить под серьезное сомнение совершенно независимый и стихийный характер формирования сельского населения во второй половине этого столетия в ближайших окрестностях города.

Вот, пожалуй, и все, что хотелось бы отметить в ходе проведенной полемики с С.Д. Крыжицким и С.Б. Буйских. Подводя итог сказанному, мы, по всей видимости, можем констатировать отсутствие надежных историко-археологических критериев для признания права на существование идеи о «стихийной линии» развития аграрной греческой колонизации северо-западной части побережья Понта.

Последнее, на что необходимо обратить внимание в связи с рассматриваемой версией формирования сельского населения в интересующем нас регионе античного «пограничья», — это его количественная оценка в период максимального расцвета оседлости. Сразу отметим, что в современной историографии до недавнего времени господствовало определение В.В. Лапина, совершенно убежденного в том, что речь должна идти о «массовом» заселении берегов Черного моря²⁵.

Пытаясь раскрыть содержание этого термина применительно к одному из районов «массовой миграции» крестьян из Ионии, сторонники «стихийной линии» колонизации и соответственно эллинской принадлежности аграрных селищ позднеархаического времени пришли к заключению, согласно которому «суммарный потенциал античного населения, переместившегося в Нижнее Побужье в период греческой колонизации составит от 10 000—12 000 до 12 000—16 000 человек»²⁶.

Основой столь впечатляющей цифры, судя по всему, являлись подсчеты числа возможных обитателей все тех же «агломераций» Нижнего Побужья. Как полагают исследователи, на территории таких больших поселений одновременно могли проживать по 1000—1800 и даже более человек²⁷. При этом ход рассуждений специалистов на первый взгляд просто безупречен: поскольку на 1 га площади «агломерации» приходится примерно по 2,2 домохозяйства с 4—6 полуземлянками в каждом²⁸, а одна полуземлянка в среднем могла вмещать 2—3 жителя²⁹, то в результате вполне обычных арифметических действий возникает вполне определенное количественное выражение массовости «стихийной линии» колонизации.

Должен заметить, однако, что при всей кажущейся логичности и достоверности данного построения с таким решением весьма деликатной демографической проблемы согласиться все-таки невозможно. Оно явно не принимает в расчет весьма вероятные искажения в исходных данных. Назову лишь наиболее очевидные из них. Это, во-первых, отсутствие надежных гарантий единообразия застройки жилых кустов «агломераций», проистекающее из недостаточной изученности этого типа поселений, и, во-вторых, невозможность отнесения решительно всех строительных комплексов отдельных домохозяйств к категории жилищ. Большие сомнения, наконец, вызывает и четко улавливаемая тенденция исследователей рассматривать все сооружения усадеб, да и сами усадьбы как практически одновременные памятники. Нетрудно заметить, таким образом, что все эти и подобные им соображения³⁰ ведут к необходимости пересмотра предложенной ими оценки количества сельского населения и заставляют понимать под массовостью заселения окрестностей Ольвии и Березани нечто гораздо более скромное — несколько сотен, в лучшем случае 1—2 тысячи переселенцев, весьма заметную часть которых к тому же явно составляли выходцы из глубинных областей Северного Причерноморья и Карпато-Дунайского бассейна³¹. Равным образом совершенно очевидно и то, что масштабы «массового» заселения сельских территорий Северной Добруджи и Нижнего Поднестровья позднеархаического времени были, по всей видимости, еще менее значительны.

К.К. Марченко

²⁴ См. Крыжицкий, Буйских, Бураков, Отрешко. Ук. соч. С. 40—41.

²⁵ Лапин. Проблемы генезиса... С. 102; Крыжицкий, Буйских. Ук. соч. С. 6.

²⁶ Крыжицкий, Буйских, Бураков, Отрешко. Ук. соч. С. 36.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же. С. 32—33.

²⁹ Там же. С. 36.

³⁰ Отрешко. Ук. соч.

³¹ Марченко. Модель ... С. 141.

The author considers in detail different points of view on the ways and means of colonizing the agrarian territory of the Lower Bug area and the Lower Dnieper basin in the archaic period. The article stresses the legitimacy of the thesis on the predominantly agrarian character of Greek colonization of the region and its close connection with the events in Asia Minor when as a result of the wars of the Ionians against Lydia and Midia the rural population of the Hellenic cities was deprived of land and forced to settle on the remote shores of the Euxine. At the same time the author does not deny the importance of the trade factor in the colonization of the region, though in his opinion it did not play the predominant role. A number of new agreements in favour of the spontaneous character of the Greek colonization of the North-Western Black Sea area are put forward.

ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ И ОСОБЕННОСТИ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ НИЖНЕГО ПОБУЖЬЯ В ПЕРИОД КОЛОНИЗАЦИИ

Ионийские греки заселили Нижнее Побужье на последних этапах Великой греческой колонизации, но, как и жители метрополии, вели отчет своей истории с так называемого героического века и Троянской войны. Эта апелляция к далеким временам, обращение к странствиям героев-богов и мифологическое превращение их в сакральных колонистов, создание легенд о тех или иных варварских племенах, в окружении которых находится античный мир, было вообще характерно для процесса колонизации. В легендах, созданных нижебугскими греками, нередко говорилось о полной незаселенности в те далекие времена территорий, впоследствии занятых греками, что противоречит исторической и демографической ситуации в данном регионе в эпоху бронзы¹. В более позднее время (IX—первая половина VII в.) оседлое население в Нижнем Побужье исчезает из-за резкого изменения климата и перехода к кочевому образу жизни. Не обнаружены памятники земледельческой культуры и в последующую эпоху, когда здесь происходило повсеместное расселение колонистов². Тем самым подтверждается точка зрения об определенном хронологическом разрыве (*interregnum*) между памятниками аборигенов эпохи поздней бронзы и наиболее ранними греческими апоикиями³. Таким образом в легендах об Ахилле и Геракле [милетско-]ионийские переселенцы использовали информацию о незаселенности этой области, полученную непосредственно в предколониционный период, распространив ее на более далекие времена соответственно своим идеологическим представлениям.

В античной традиции сохранились незначительные и неподтвержденные пока археологическими источниками свидетельства о более раннем проникновении эллинов в Северное Причерноморье. В последние десятилетия зафиксированы отдельные находки расписной керамики на Березани первой половины VII в. до н.э.⁴ Между тем данные коринфского поэта Евмела о Колхиде и музе Аполлона Борисфениде, милетского поэта Арктина о перенесении Ахилла на остров Левку в сочетании с раннеархаическими мотивами в мифах об Артемиде и Ифигении, а также аргонавтах указывают, хотя

¹ См., например: *Березанская С.С., Отроченко В.В., Чередниченко Н.Н., Шарфутдинова И.Н.* Культуры эпохи бронзы на территории Украины. Киев, 1986. С. 86, 115 сл., 120—152.

² *Мурзин В.Ю.* Скифская архаика Северного Причерноморья. Киев, 1984. С. 12.

³ *Лалин В.В.* Греческая колонизация Северного Причерноморья (Критический очерк отечественных теорий колонизации). Киев, 1966. С. 35—59.

⁴ *Копейкина Л.В.* Самый ранний образец расписной древнегреческой керамики из раскопок на о. Березань // *СА.* 1973. № 2. С. 240—244.

и опосредованно, на первые разведочные плавания эллинов во второй половине VIII—первой половине VII в.⁵

К началу колонизации Нижнего Побужья милетяне накопили разнообразный опыт по освоению новых земель с различными демографическими ситуациями и географическими условиями, которые во многом определяли тип колоний и формы взаимоотношений с иноэтничными объединениями. Своеобразная модель колонизации сложилась в Нижнем Побужье. Относительно ее причин, характере и периодизации существуют разные точки зрения⁶. Подробный их разбор не входит в задачу данной статьи. Следует только отметить, что отличительной особенностью колонизации явилось отсутствие местного оседло-земледельческого населения не только на прибрежных землях, но и в ближайших пограничных районах Степи, что способствовало беспрепятственной эксплуатации обширной зоны, самостоятельному выбору политического, экономического и культурного пути развития нижнебугских апоекий, свободному поиску места для их основания, а также довольно раннему проникновению эллинов в Лесостепь, где действительно обитали близкие им по укладу ведения хозяйства племена.

Именно данный регион в Северном Причерноморье раньше всех был избран для заселения и весьма рационально. Его преимущества перед другими областями заключались не только в сложившейся к моменту колонизации демографической ситуации, но и в благоприятных природных условиях: плодородные равнинные степи и пойменные леса, населенные дикими животными, в том числе лошадьми, богатые промысловой рыбой реки, обильные источники питьевой воды, обрывистые берега и мысы с небольшими бухтами для устройства гаваней, защищенные природой места для поселений, большие водные артерии для развития торговли с аборигенами Лесостепи, срединное расположение между главными из них и т.п.

Период колонизации в истории эллинов Нижнего Побужья охватывает время от основания Борисфена (647/646 г. — Euseb. Chron. cap. 95b) до конца переселения сюда ионийцев непосредственно сразу после разгрома Милета персами в 494 г. до н.э. По существу это уже период поздней (высокой) архаики. В данном регионе он ассоциируется прежде всего с последовательным его освоением ионийцами, первоначальным формированием Борисфенского, а затем Ольвийского полисов, установлением связей с различными городами Эгеиды, лесостепными племенами и скифами — номадами, становлением основных форм духовной культуры. В этом периоде можно выделить два основных хронологических этапа с характерными для каждого из них чертами и особенностями в культурно-историческом развитии Нижнего Побужья.

Первый этап (647/6 г.—середина VI в.). Основание Борисфена на полуострове — это своего рода традиция милетских колонистов, закреплявшихся сначала на островах, полуостровах, мысах как наиболее защищенных местах от неприятельских нападений с суши и быстрого выхода в море. После упорочения начиналось поэтапное освоение нового пространства и знакомство с аборигенами⁷. Проникновение эллинов в Лесостепь, где в то время обитали единственно близкие им соседи — земледельческие племена — способствовало не только торговым связям и ознакомлению с достижениями друг друга, но и самообеспечению гражданской общины, а также, видимо, заключению смешанных браков. Однако необходимо иметь в виду, что начальный период колонизации Нижнего Побужья сравнительно скудно освещен археологическими источниками, немногочисленны находки греческой керамики в Лесостепи и курганах номадов. Они ни в коей мере не могут свидетельствовать о значительных и регулярных взаимоотношениях с этническими

⁵ Блаватский В.Д. Βορυσθένης // ВДИ. 1968. № 4. С. 120; Лордкипанидзе О.Д., Микеладзе Т.К. Колхида в VII—IV вв. до н.э. // Местные этно-политические объединения Причерноморья в VII—IV вв. до н.э. Тбилиси, 1989. С. 112.

⁶ Лапин. Ук. соч. С. 5 сл.; Waşowicz A. Olbia Pontique et son territoire. Paris—Besançon, 1975. P. 23—25. Марченко К.К. Модель греческой колонизации Нижнего Побужья // ВДИ. 1980. № 1. С. 131—143. Виноградов Ю.Г. Полис в Северном Причерноморье // Античная Греция. М., 1983. С. 378 сл.; он же. Политическая история Ольвийского полиса. М., 1989. С. 32 сл.; Русьева А.С. Деякі риси культурно-історичного розвитку Північно-Західного Причорномор'я в VII—V ст. до н.э. // Археологія. 1979. № 30. С. 3—6; она же. Милет-Дидимы—Борисфен-Ольвия. Проблемы колонизации Нижнего Побужья // ВДИ. 1986. № 2; Erhardt N. Milet und seine Kolonien. Frankfurt am Mein—New York, 1983. S. 74. ff.; Крыжицкий С.Д., Отрешко В.М. К проблеме формирования Ольвийского полиса // Ольвия и ее округа. Киев, 1986. С. 3. сл.; Крыжицкий С.Д. До історії колонізації Нижнього Побужжя // Археологія. 1989. № 3. С. 40—50.

⁷ Виноградов. Политическая история... С. 41 сл.

образованиями Восточной Европы. Тем не менее стремление эллинов расширить свой географический кругозор, получить сведения о самых отдаленных и доступных для них местностях свидетельствует о мужестве и высоком духовном потенциале первых колонистов.

С самого начала Борисфен представлял большой интерес не только для своей метрополии Милета, но и для других полисов Средиземноморья. В последнем десятилетии VII—первой половине VI в. здесь количественно возрастает поступление керамических изделий из Ионии, Родоса, Коринфа и Аттики⁸. Такая активность средиземноморских купцов обусловлена тем, что колонисты не только твердо обосновались, но имели в определенном количестве те продукты и сырье, которые были крайне необходимы для древнегреческих полисов и приносили немалые прибыли торговцам, если они, пренебрегая опасностями, преодолевали столь огромные расстояния, поставляя сюда посуду, в том числе и высокохудожественные образцы.

За многие годы археологического изучения Ольвии накопился относительно значительный комплекс восточногреческой, хиосской, аттической, коринфской расписной керамики, требующей отдельного обобщающего исследования на современном научном уровне ее хронологии с привлечением широких аналогий из производящих эту посуду центров, а также других синхронных изделий. В настоящее время пока можно говорить о нарастающем количестве керамики, характерной в основном для второй четверти VI в.⁹, что не исключает освоения данной территории небольшой группой поселенцев и в первой четверти этого столетия.

Посвятительные надписи Аполлону Врачу (Спасителю) — главному покровителю Борисфена и Ольвии на первом этапе колонизации — на обломках родосско-ионийской посуды и фрагмент терракотовой статуэтки бога, найденные в слоях культовых площадок Западного теменоса, где производилось сжигание жертвоприношений, а также в небольшом ботросе с комплексом керамики не позднее второй четверти VI в., представляют надежное свидетельство существования уже в это время сакрального участка как главного религиозного центра Ольвийского поселения. Этой дате не противоречат и данные, полученные в ходе исследования некрополя¹⁰, если учитывать, что в колонизационной деятельности основное участие принимала молодежь. Сравнительно большое количество открытых в Ольвии погребений относится к третьей четверти VI в.

Ряд исследователей полагает, что на первом этапе был сформирован полис Борисфен, в состав которого входило и Ольвийское поселение. Между тем нельзя не отметить, что высказаны мнения и о первоначальном эмпориальном развитии Борисфена¹¹. Существуют расхождения относительно понимания дефиниций «полис» и «эмпорий» в применении к Березанскому поселению, времени и характера объединения в единое государство, а также названия первой апойкии¹².

Многообразие взглядов на политический статус Борисфена, его экономическое развитие и взаимоотношения с Ольвией порождено отсутствием достоверных литературных и эпиграфических источников, которые помогли бы раскрыть эти вопросы. Тем не менее интенсивное освоение Борисфеном окружающей территории, создание аграрной зоны и производственно-ремесленных комплексов в Нижнем Поднепровье, расширение торговли с крупными центрами Средиземноморья и автохтонами Лесостепи, наконец, выпуск собственной монеты в виде стрелы — символа и атрибута главного полисного покровителя Аполлона Врача — указывает на то, что эта апойкия по крайней мере с начала VI в. была

⁸ *Копейкина Л.В.* Особенности развития Березанского поселения в связи с ходом колонизационного процесса // Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. Тбилиси, 1979. С. 106 сл.

⁹ *Она же.* Некоторые итоги исследования архаической Ольвии // Художественная культура и археология античного мира. М.—Л., 1976. С. 131; *Русяева А.С.* Новые данные о культе Аполлона Врача в Ольвии // Античные древности Северного Причерноморья. Киев, 1988. С. 166 сл. К этому следует добавить новые материалы из раскопок последних лет на юго-восточной оконечности Ольвии В.В. Крапивинной.

¹⁰ *Скуднова В.М.* Архаический некрополь Ольвии. Л., 1988.

¹¹ См. литературу: *Копейкина.* Особенности... С. 192 сл.; *Виноградов.* Политическая история... С. 60 сл.

¹² *Лацин.* Ук. соч. С. 146—147; *Bravo B.* Une lettre sur plomb de Beresan // Dialogues d'histoire ancienne. 1971. V. 1. P. 168—174; *Виноградов.* Полис... С. 383, 398; *он же.* Политическая история... С. 60—68; *Яйленко В.П.* Архаическая Греция // Античная Греция. 1983. С. 136, 147 сл.; *Русяева.* Деякі риси... С. 3—5; *она же.* Борисфен (Березанское поселение) // Археология Украинской ССР. Т. 2. Киев, 1986. С. 301; *она же.* Милет-Дидимы... С. 51; *Крыжицкий, Отрешко* Ук. соч. С. 12—14.

независимым полисом со всеми элементами экономического самообеспечения. Традиция создания в процессе понтийской колонизации изначально небольших самостоятельных полисов как в территориальном, так и в демографическом отношении — этих своего рода микрополисов, если сравнивать их с более поздними, — наиболее ярко прослеживается на Боспоре Киммерийском, где на небольшом расстоянии друг от друга были основаны независимые полисы¹³. Сходная ситуация для несколько более позднего периода проявилась со всей наглядностью и в Нижнем Поднепровье, где были основаны Никоний и Тира¹⁴.

Колонисты переносили в Нижнее Побужье традиционную и наиболее привычную им материальную и духовную культуру в метрополии: язык, письменность, обычаи, обряды, культы богов, различные верования, культурные и этические навыки и т.д. Уже на этом этапе население Борисфена и Ольвии в отличие от других апойкий Северного и Западного Понта пользовалось письменностью, в частности на посвященных сосудах и в быту. Кроме многочисленных и разнообразных сосудов, украшенных высокохудожественными сюжетными и декоративно-орнаментальными росписями, жители нижнебугских апойкий были знакомы и с достижениями своих соотечественников в области других видов искусства — монументальной скульптуры, коропластики, графического рисунка на керамике. Не исключено, что в результате первых знакомств с аборигенами Лесостепи нижнебугские греки переняли у них некоторые элементы быта, чтобы быстрее приспособиться к новым климатическим условиям, например, заглубленные в землю жилища и лепную керамику. Это относится и к погребальному обряду. Применение деревянных брусьев при устройстве погребальных камер, образующих сооружение в виде сруба, позволяет полагать, что в Нижнем Побужье, особенно в архаическое время, строились подобным образом и жилые дома.

Скорее всего, уже к первому этапу относится появление этнонима «борисфенит», ставшего впоследствии в понимании эллинов Средиземноморья общим для всего населения Ольвийского полиса вне зависимости от конкретного места его проживания. Точная дата основания Борисфена, сохранившаяся в античной литературной традиции на протяжении многих веков, весьма показательна. Проникновение милетян на далекие окраины Понта Евксинского, захват территорий для постоянного проживания, открытие новых этносов являлось одним из важных событий не только в истории Ионии, но и всей Эллады, стимулировало дальнейший ход колонизации Северного Понта и развитие экономических связей, внесло своеобразный колорит в художественное творчество.

Второй этап (546 г. до н.э.—первое десятилетие V в. до н.э.). Подчинение персами Ионии в 546 г. до н.э. повлекло за собой установление тиранических режимов в малоазиатских городах, уплату дани и повинность военной службы в персидской армии. Это вызвало новую массовую эмиграцию греков, в том числе в понтийский регион. Именно в это время греки заселили обширные территории северного побережья Понта, значительно пополнив население Нижнего Побужья. Отличительной чертой этого этапа колонизации была ее массовость, причем основное количество переселенцев составляли обедневшие прослойки населения.

В третьей четверти VI в., видимо, в результате какой-то социально-политической борьбы между группировками первооселенцев и эпойков колонисты обратились к дидимейскому оракулу Аполлона, по предсказанию которого новый полис на правом берегу Гипаниса получил свое постоянное название — Ὀλβίη πόλις, ставший отныне политическим, экономическим и культурно-религиозным центром Нижнего Побужья. С этих пор они обрели и нового сакрального патрона — Аполлона Дельфиния¹⁵. Освященное оракулом наименование города — не просто Ольвия, подобно многим другим топонимам, а с добавлением слова «полис», которое было понято буквально, как обязательное дополнение к названию, вошло навечно и в его этникон — ольвиополиты (Ὀλβιοπολίται), а не ольвийцы. Любопытно, что именно такая двухсоставная форма его образования на Понте Евксинском присуща именно ольвиополитам. В соответствии с введением культа Аполлона Дельфиния меняется и полисная монета. Бывшие до этого в употреблении монеты-стрелки постепенно вытесняются литой монетой в виде дельфина — его символа и атрибута, содействуя в значительной степени политическому

¹³ Шелов-Коведяев Ф.В. История Боспора в VI—IV вв. до н.э. М., 1985. С. 56 сл.

¹⁴ Карышковский П.О., Клейман И.Б. Древний город Тира. Киев, 1985. С. 40 сл.

¹⁵ Русаева А.С. Религия и культы античной Ольвии. Киев, 1992. С. 41 сл.

обособлению полиса, но вместе с тем и культурной близости с метрополией. Именно в Нижнем Побужье была основана колония, наиболее полно копировавшая институты метрополии. Возможно, что первопоселенцы в данном регионе сами регулировали дальнейшее расселение, принимая в свою общину преимущественно выходцев из Милета и его области. Ко времени массового переселения они уже успели основательно устроиться на новом месте и даже разбогатеть, традиционно считая себя местными аристократами, что подтверждается самыми богатыми погребениями ольвиополитов второй половины VI в. до н.э.

На основании изучения колонизации Северного Причерноморья в целом и Нижнего Побужья в частности В.В. Лапин первым пытался реконструировать начальные формы государственности в колонизационный период. Он предпочитал говорить о прямом переносе политического устройства из метрополии в колонию, где власть ойкиста, наделенного большими полномочиями во всех сферах жизни, приближалась по своему характеру к власти раннегреческих тиранов¹⁶. Несколькo глубже этот вопрос исследован Ю.Г. Виноградовым, относящим «диктатуру ойкиста» только к самому раннему времени освоения края до образования единой борисфенитской гражданской общины в первой половине VI в. до н.э., когда власть перешла к олигархам¹⁷. Аристократический образ правления в Ольвийском полисе подтверждается данными эпиграфики и раскопками некрополя. Аналогичные политические режимы были установлены и в соседних городах — Тире и Истрии.

После завершения колонизации уже в связи с разгромом Милета персами в 494 г., когда в нем, по свидетельству Геродота (VI. 22), не осталось милетян, а в истории и культуре Ольвии в это время произошли значительные изменения, можно полагать, что какая-то часть жителей метрополии, игравших определенную роль в ее государственной и религиозной жизни, переселилась не только в Афины и в колонию Великой Греции, но и в Ольвию.

Длительный и поэтапный процесс колонизации Нижнего Побужья вряд ли был беспорядочным и стихийным¹⁸. При наличии здесь с самого начала социально-политического, экономического и культурного центра — полиса, каким был сначала Борисфен, а затем Ольвия, каждая прибывавшая сюда группа новых колонистов подчинялась уже установленным правилам и законам согласно колонизационной практике и политике формирующихся полисов, заинтересованных в симполитии всех граждан, обороноспособности и экономическом процветании. Например, Аристотель так понимал этот процесс: «Сообщество вполне законченное, состоящее из нескольких селений, образует полис. Назначение его вполне самодовлеющее: полис возникает ради потребностей жизни, но существует он ради благой жизни» (Polit. I.1.8, 1252b). На множестве примеров из ранней милетской колонизационной практики Н. Эрхардт показал, что поселения на побережьях Пропонтиды и Понта основывались с уже готовыми, сложившимися в метрополии политическими институтами и заранее определенным пантеоном божеств; в момент возникновения они являлись независимыми от метрополии и соседних полисов¹⁹, а дальнейшее развитие их автономии всецело зависело от единства гражданского коллектива. В полисе такого типа не могло существовать противопоставления личности обществу, земледелие считалось наиболее достойным занятием, уровень благосостояния граждан регулировался, а важнейшее место в гражданской общине занимало сохранение традиционных обычаев²⁰.

Бесспорно, что содержание письма на стенке амфоры стиля Фикеллур третьей четверти VI в. из Ольвии дает наглядное представление о существовании контроля за деятельностью не только пограничных святилищ, но и за вывозом леса из Гилеи для общественных нужд, ловлей диких лошадей, поведением рабов и т.п.²¹ Систематическое освоение сравнительно обширной, в основном сельскохозяйственной округи, расширение торговли с племенами Лесостепи и номадами вело к постепенному усовершенствованию государственной структуры Ольвийского полиса.

Ни во время основания, ни в дальнейшем греческие полисы на Понте, в том числе

¹⁶ Лапин. Ук. соч. С. 146 сл., 236.

¹⁷ Виноградов. Политическая история... С. 73—74.

¹⁸ Крыжицкий, Отрешко. Ук. соч. С. 11 сл.; Крыжицкий. До історії колонізації... С. 48—49.

¹⁹ Erhardt. Op. cit. S. 70.

²⁰ Кошеленко Г.А. Полис и проблемы развития экономики // Античная Греция. Т. I. М., 1983. С. 31.

²¹ См. литературу: Русяева А.С., Виноградов Ю.Г. «Лист жерця» з Гілеї // Золото Степу. Археологія України. Шлезвіг, 1991. С. 202.

Борисфен и Ольвия, не стремились к созданию одного огромного государственного объединения. Автономия каждого из них была основой политического и этнического самосознания. Тем не менее склонность к религиозно-культурному единству, заимствованная из метрополии, проявилась уже в период колонизации как Северо-Восточного, так и Северо-Западного Причерноморья²². Единовременное обращение одинакового денежного знака (литая монета-стрелка) на обширной территории Западного и Северо-Западного Причерноморья от Аполлонии до Ольвии, а возможно, и Керкинитиды, почитание в каждой из них Аполлона в ипостаси Спасителя подтверждает не только духовно-культурное сходство и единообразие политического развития, но и стремление первых ионийских колонистов объединиться под эгидой одного божества. Видимо, находясь в окружении варварского мира, эллины понимали значение своего этнического единства.

В Нижнем Побужье обосновалась в основном однородная общность греков-ионийцев; ее главное ядро состояло из милетян, на что указывает «совокупность культурологических признаков»²³, среди которых значительное место занимают практика рационального основания колоний, диалектные особенности языка и шрифта, памятники скульптуры, коропластики, изделий прикладного искусства, архитектурный декор храмов и алтарей, календарь, пантеон божеств и др. Превалирующий состав милетян в гражданской общине подтверждается и установлением первой исополитии между метрополией и Ольвией, скорее всего, еще во второй половине VI в., которая была вторично подтверждена и переписана в последней трети IV в. с добавлением соответствующих новому времени изменений (Milet I. 3. 136).

Отдельные выходцы из других этнических общностей не сыграли в духовной жизни ольвиополитов какой-то особой роли в архаический период. Они постепенно растворились в основной массе переселенцев с их высокой культурой и устойчивыми традициями. Если бы взаимодействие даже двух-трех этнических групп (в данном случае греческой, лесостепной и фракийской) было на самом деле сильным, что возможно при относительно большом процентном соотношении варварских элементов, оно непременно должно было бы хоть как-то проявиться в языке и духовной культуре населения Нижнего Побужья, что обычно находит выражение в синкретизме верований, погребальном культе, антропонимии и языке. Никаких варварских диалектов, лексических новообразований и заимствований из языка номадов, фракийцев или автохтонного населения Лесостепи в эпиграфике этого региона пока не прослеживается.

Изучение многих греческих колоний показало, что эллины допускали определенный контингент местного населения в свою среду, практикуя смешанные браки²⁴. В Ольвии они были характерны, главным образом, для элитарной части варваров (отцы Анахарсиса и Скила, сам Скил имели жен-гречанок). В свою очередь отдельные погребальные комплексы с золотыми украшениями, каменными блюдами и зеркалами, по всей вероятности, показывают, что некоторые ольвиополиты брали в жены дочерей из семейств лесостепной знати²⁵. Явное сходство одного из элементов погребального культа ольвийской элиты (точнее, только женщин из аристократических родов) и знати лесостепных племен едва ли относится к случайным совпадениям. Бесспорно, в них следует искать определенные связи, установление которых возможно при более широком и детальном изучении многих сходных материалов. Однако а priori можно сказать, что между Борисфеном, Ольвией и Лесостепью существовали не просто торговые, а более глубокие взаимоотношения, хотя такое предположение и может показаться малоаргументированным из-за отсутствия прямых данных в источниках. По-видимому, немаловажную роль в налаживании и укреплении всесторонних контактов с земледельцами отдаленных северных регионов должен был сыграть введенный специально в Ольвию культ Аполлона Борея и созданный на его основе сакральный союз бореиков²⁶.

Исходя из совокупности всех данных, первые полтора года жизни эллинов в Нижнем Побужье следует рассматривать как важную фазу их политического развития, становления мировоззрения и основных форм культуры. Немногочисленные, но конкретные данные свидетельствуют о том, что уже на втором этапе колонизации у них существовали обучение

²² Толстикова В.П. К проблеме образования Боспорского государства // ВДИ. 1984. № 3. С. 46—47; Анохин В.А. Монетное дело Боспора. Киев, 1986. С. 24—27; Русяева. Религия и культы... С. 40—41.

²³ Виноградов. Политическая история... С. 37—39.

²⁴ Graham A.I. Colony and Mother City in Ancient Greece. Manchester, 1971. P. 220—226.

²⁵ Русяева. Религия и культы... С. 178—180.

²⁶ Русяева. Религия и культы... С. 18—20, 48—49, 196 сл.

письму, грамматике, чтению, арифметике, изучение литературных произведений и сочинение местными поэтами эпиграмм и эпитафий²⁷. Жители Борисфена, Ольвии, сельских поселений нередко подписывали принадлежащие им сосуды, грамотно писали посвященные надписи богествам или дарственные своим друзьям, исполняли на черепках школьные упражнения, записывали отрывки из эпических поэм Гомера, сочиняли религиозно-философские изречения, ставили цифровые метки и т.д. Им принадлежат наиболее интересные и вообще уникальные не только для городов Северного Понта, но и всего античного мира письма на свинцовых пластинах и черепках, сакральные надписи на костяных пластинках.

Колонизация Нижнего Побужья и формирование здесь первых полисов происходили в тот выдающийся период жизни Эллады, который определяется «греческим чудом», духовной революцией или культурным переворотом. Одновременно колонизационный процесс и географические открытия эллинов стимулировали их общественную и экономическую активность, этническое самосознание и веру в жизненный успех, быстрое продвижение по пути культурного прогресса, что не могло не сказаться и на многих элементах культурного развития в рассматриваемом регионе. Согласно античной литературной традиции, колонисты, лидеры которых представляли собой образованных и активных граждан полисов, несли в себе тот духовно-культурный заряд, который они почерпнули на своей родине. Именно в метрополии нижнебугских эллинов в VII—VI вв. начали развиваться разнообразные научные знания, нашедшие в той или иной мере свое проявление и в наиболее отдаленной колонии. Передовая в то время ионийско-милетская культура имела ярко выраженные черты гуманности и своеобразной открытости при контактах с другими этносами. Политика, мифология и религия были тесно взаимосвязаны с рациональным теоретическим мышлением, поэтическим творчеством и искусством.

Архаическое время было периодом формирования Ольвийского полиса, складывания его идеологии, оформления полисной религиозной системы и связанного с ней художественного творчества. Происходили интенсивные процессы заимствования не только важнейших элементов культурного наследия, но и специфики образования, рационального устройства городской жизни, основных художественных приемов в развитии искусства. Очевидно, во второй половине VI—начале V в. до н.э. в Ольвии работали приглашенные или переселившиеся из метрополии архитекторы и скульпторы.

Столь большое сравнительно с другими понтийскими колониями наличие здесь скульптуры и разнообразной архитектурной полихромной терракоты, главным образом милетского производства, может свидетельствовать, что в формирующемся полисе поселился определенный контингент выходцев из Милета, стремившихся к развитию в Ольвии тех компонентов культуры, которые были свойственны их родному городу²⁸. Возможно, поэтому здесь нашли наиболее яркое выражение и религиозно-философские знания, и стремление к самостоятельному теоретическому мышлению.

Ни один из полисов на Понте не обладает пока столь богатым комплексом эпиграфических документов и памятников изобразительного искусства, а также такой уникальной и самобытной монетой, как дельфин. Погребальные архаические комплексы ольвийского некрополя по своей художественной ценности и разнообразию предметов, а также наличию в них золотых украшений не имеют себе равных в Северном Причерноморье и вообще на Понте²⁹. Это касается архитектурного декора ольвийских храмов и алтарей, а также общей площади, отведенной в центре города для святилищ многих божеств. Нижнебугским эллинам принадлежит установление постоянного религиозно-политического протектората над островом Левка, создание сакральных зон культа Ахилла в различных периферийных

²⁷ Толстой И.И. Греческие граффити древних городов Северного Причерноморья. М., 1953. С. 10, 13, 20, 54; Виноградов Ю.Г. Киклические поэмы в Ольвии // ВДИ. 1969. № 3. С. 142—150; *он же*. Древнейшее греческое письмо с острова Березань // ВДИ. 1971. № 4. С. 74—100; Яйленко В.П. Граффити Левки, Березани и Ольвии // ВДИ. 1980. № 2. С. 89—99; *он же*. Греческая колонизация VII—III вв. до н.э. М., 1982. С. 258 сл.; Русяева. Милет-Дидимы... С. 25 сл.; *она же*. Эпиграфические памятники // Культура населения Ольвии и ее окружи в архаическое время. Киев, 1987. С. 134—154.

²⁸ Русяева А.С. Скульптура // Культура населения Ольвии и ее окружи в архаическое время. Киев, 1987. С. 154—160; *она же*. Архаическая архитектурная терракота из Ольвии // Античные древности Северного Причерноморья. Киев, 1988. С. 33—50; *она же*. Новые данные о культе Аполлона Врача в Ольвии // Там же. С. 171—174.

²⁹ Скуднава. Ук. соч. С. 8 сл.

частях полиса. В Северо-Западном Причерноморье, где находились самые большие реки поразившие колонистов своими размерами и богатствами, были популярны локальные речные божества с соответствующими названиями — Борисфен, Гипанис, Тирас, Истр.

Под влиянием традиций метрополии особое внимание при становлении полиса уделялось единству гражданской общины, без которого, собственно, немислим и сам полис как социально-политический организм. Влияние и авторитет приверженцев религиозных обычаев Милета в Ольвии были столь велики, что в итоге это привело к смене главного покровителя колонистов Аполлона Врача Аполлоном Дельфинием — патроном метрополии — и появлению в связи с этим одинакового в обоих городах священного союза мольпов. Очевидно, по представлениям ольвиополитов потеря или пренебрежение традициями своих предков в окружении варварского мира привели бы к утрате основных полисных и духовных ценностей. Их сохранение становилось долгом каждого гражданина. Сооружение памятника одному из них — Леоксу, сыну Мольпагора³⁰, погибшему «вдали от родины» и за ее интересы уже в начале V в. до н.э., служит своеобразной иллюстрацией продолжения или начала предоставления почестей и посмертной славы тем гражданам, бескорыстные служения которых на благо всего полиса вызывало всеобщее уважение и благодарность. Это ярко отражает этические идеалы ольвиополитов.

А.С. Русяева

THE MAIN FEATURES AND PECULIARITIES OF THE CULTURAL-HISTORICAL DEVELOPMENT OF THE LOWER BUG AREA IN THE PERIOD OF COLONIZATION

A.S. Rusyaeva

The article points out that in the late VIIIth—first half of the VIIth B.C. Greeks made only reconnaissance voyages to the banks of the Borysthenes and the Hypanis, and later in the second half of the VIIth—VIth B.C. the process of settling this region by Greek colonists began. The conditions for this were favourable, since there was no settled farming population there, which helped the Greeks to start making the area habitable and using the resources of the chora. As for the settlement on the island of Berezan (ancient Borysthenes) the author notes that since the early VIth B.C. it may have been an independent polis with elements of economic self-sufficiency. The strengthening of Olbia is connected with the second stage of the colonization of the Lower Bug area which began after 546 B.C.

³⁰ IOΣPE.1².270; литературу см.: Русяева. Эпиграфические памятники. Скульптура. с. 137 сл., 158 сл.; Виноградов. Политическая история... С. 87—89.

Минойский Крит и микенский мир во II тыс. до н.э. (У истоков европейской цивилизации)

КРИТСКИЕ ПИСЬМЕННОСТИ II ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ ДО Н.Э.

I. ВВЕДЕНИЕ

Под «критскими письменностями» мы понимаем:

А) минойские письменности:

- 1) критскую иероглифическую письменность;
- 2) линейное письмо А;

В) микенскую письменность: линейное письмо В;

С) кипрские письменности:

- 1) кипро-минойское письмо «1», «2» и «3»;
- 2) кипрский силлабарий I тыс. до н.э.

Мы имеем дело в генетическом отношении с одной и той же семьей; в самом деле, даже если критская иероглифика и линейное письмо А представляют собой две различные письменности, они несомненно родственны, а линейное письмо В, так же как и кипрские письменности, восходит к линейному письму А. Более того, речь идет о семье, включающей в себя только простые силлабарии, которые занимают совершенно особое место в истории графических систем. Ее создание, которое восходит к концу III тыс. до н.э., является чисто критским (но ее общие понятия происходят, вероятно, из другого места). Ее распространение (рис. 1) ограничивается Критом, островами Эгейского моря, континентальной Грецией, а также островом Кипр и соседним сирийским побережьем; наконец, она исчезает бесследно в Греции в самом конце XIII в. до н.э. и лишь на тысячу лет позже — на Кипре, где она еще будет сосуществовать с греческим алфавитом (финикийского происхождения).

NB. Необходимо обратить внимание на крайнюю скудость материала: менее 300 документов критской иероглифической письменности содержат около 1500 знаков, менее 1500 документов линейного письма А представляют около 7500 знаков и около 5000 документов линейного письма В — 60 000 знаков; учитывая современное состояние изданий, невозможно дать точное число надписей для всех разновидностей кипрских письменностей; тем не менее можно насчитать около 200 кипро-минойских надписей «1» (с менее чем 1000 знаков?), три кипро-минойских таблички «2» (всего около 1500 знаков), две кипро-минойских таблички «3» (с менее чем 300 знаками) и 1000 документов, написанных кипрским силлабарием I тыс. до н.э. (13 000 знаков). Для сравнения — страница стандартного журнала дает примерно 2000 знаков.

Это настоящее «состояние дефицита» (кроме двух письменностей, которые были расшифрованы, и, конечно, не случайно — кипрского слогового письма и линейного письма В) объясняет, почему целый ряд вопросов, возникающих в отношении этих письменностей, остается (и рискует остаться еще надолго) без ответа.

II. ИСТОРИЯ И ХРОНОЛОГИЯ

МИНОЙСКИЕ ПИСЬМЕННОСТИ

Первое свидетельство о критской иероглифической письменности (которая не имеет ничего общего ни в форме знаков, ни по своей структуре с египетской иероглифической письменностью)¹ восходит к концу III тыс. до н.э.: менее одного десятка знаков, которые позже войдут в «обиходный» силлабарий, появляются тогда на поверхности дюжины

¹ Но она была так названа ее первооткрывателем Артуром Эвансом, раскопавшим «дворец Миноса» в Кноссе (столица минойского Крита, ныне предместье города Ираклион), потому что ему представлялось, что эти две письменности связаны отношением филиации. Место раскопок в Кноссе находится в настоящее время в ведении Британской археологической школы в Афинах.

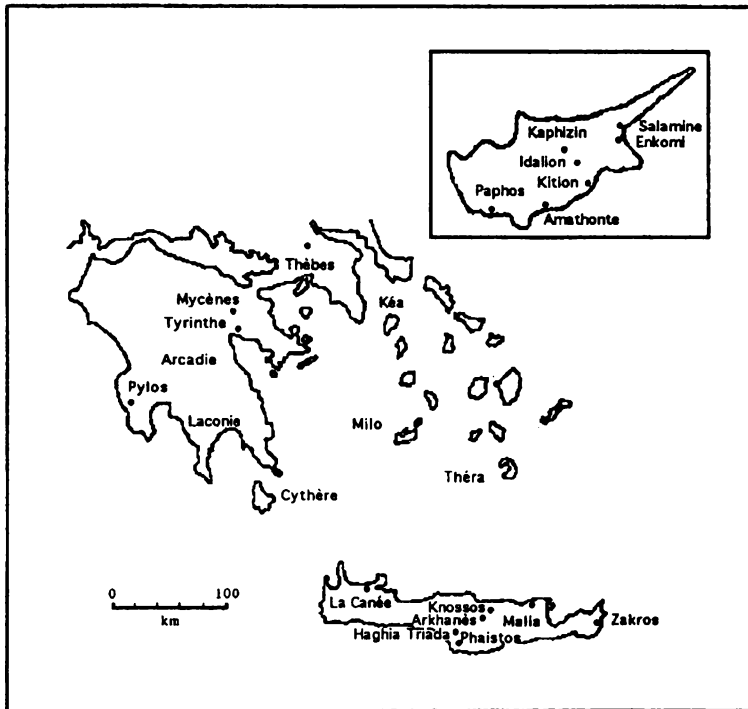

Рис. 1. Карта Греции, Крита и Кипра

печатей из слоновой кости, происходящих из некрополя в Арханесе, расположенного в 7 км к югу от Кносса. Количество знаков невелико, и возможно даже, что это еще не письменность в строгом смысле, т.е. система знаков, передающих сообщение, весьма определенное и однозначное. Речь идет, однако, больше чем о следах, предвещающих определенность, и несмотря на в высшей степени специфический характер материала, а возможно также и сообщения, можно предположить, что графическая система уже сложилась и функционировала в общих чертах в том виде, в каком мы ее находим позже.

Сложность заключается в том, что для критского иероглифического письма существует разрыв в 400 лет до следующего хорошо датированного свидетельства, сохраненного на другом материале, а именно в документах из учетных архивов на глине из Квартала Мй в Малии² и из Кносского дворца. Вне всякого сомнения, между 2100 и 1700 гг. до н.э. минойцы надписали не одну только сотню печатей (из которых менее 10 датированы более или менее удовлетворительно), но, как это ни печально, раскопки не выявили ничего другого.

И, по иронии судьбы, первый засвидетельствованный памятник линейного письма А принадлежит к несколько более раннему времени, нежели иероглифика из Малии и Кносса: он происходит из дворца в Фесте³, и если некоторые документы кажутся нам памятниками «долинейного письма А», то другие, происходящие из того же хранилища, выполнены линейным письмом А, может быть, немного архаическим, но они превосходно вписываются в рамки наших представлений о путях развития этой письменности.

Поэтому оценка соотношения критской иероглифики и линейного письма А (даже если четверть или треть репертуара их знаков демонстрирует очевидное сходство) оказывается в высшей степени затруднительной по причине исключительной редкости свидетельств, предшествующих 1700 г. до н.э., времени, когда мы находим обе системы окончательно оформившимися и в действии. Тот факт, что столетия спустя опять же в Малии (но на этот

² Речь идет о жилом квартале (где ведутся раскопки начиная с 1965 г. Французской археологической школой в Афинах), который находится примерно в 140 м к западу от минойского дворца в Малии (на северном берегу Крита, в 30 км к востоку от Ираклиона).

³ Этот третий дворец расположен к югу от Кносса, недалеко от Ливийского моря; раскопки в нем с начала века (как и в Кноссе) ведет Итальянская археологическая школа в Афинах.

раз во дворце) обе письменности обнаружены вместе в недрах одного и того же хранилища, не позволяет определенно прояснить ситуацию, даже если это сосуществование можно было бы рассматривать как подкрепление гипотезы о том, что эти две письменности не передавали один и тот же язык. Это, видимо, третье и последнее (по крайней мере, до настоящего времени) появление критской иероглифической письменности за пределами изолированных документов или оттисков печатей.

Что касается линейного письма *A*, то оно довольно широко засвидетельствовано повсюду на Крите. Его следы находят также на островах Кифера, Кеос, Мелос и Фера и даже на материке — в Агиос-Стефанос (Лакония) и Тиринфе (Арголида), правда, в «гомеопатических дозах» (два знака в каждом случае!) и приблизительно до 1450 г. до н.э.

МИКЕНСКАЯ ПИСЬМЕННОСТЬ

В это время на сцену приходит линейное письмо *B*, несомненно созданное несколькими поколениями ранее. Но оно отражает другой язык — греческий язык микенского населения (как это стало известно из дешифровки, осуществленной в 1952 г. Майклом Вентрисом)⁴. Оно было обнаружено на Крите, на глиняных архивных табличках главным образом в Кносском дворце (более трех тысяч табличек), а также в Хании⁵ (только четыре таблички, найденные в 1989 и 1990 годах) — и дворец, и поселение были разрушены во второй половине XIII в. до н.э.⁶; на нескольких глиняных сосудах (написано краской), датированных той же эпохой. В континентальной Греции, во дворцах Пилоса (в Мессении), Микен и Тиринфа (в Арголиде) и Фив (в Беотии) обнаружены таблички линейного письма *B* в разных количествах (более тысячи в Пилосе, но менее ста во многих других местах). Пожар, уничтоживший эти дворцы (благодаря которому таблички из сырой глины были обожжены и таким образом сохранились), приходится по времени на конец XIII в.; что же касается большей части десятков расписных сосудов с надписями линейным *B* (большинство которых происходит из Фив), то исследование их текстов, подкрепленное анализом глины, показало, что речь идет об импорте из Западного Крита.

После 1200 г. минойские письменности (микенская является лишь их преобразованием), судя по всему, исчезли с греческой земли.

КИПРСКИЕ ПИСЬМЕННОСТИ

Именно на острове Кипр вплоть до расцвета эллинизма (в Кафизине, конец III в. до н.э.) сохранилась минойская письменность. Она была там введена с XVI в. до н.э. в форме линейного письма *A*, которое претерпело различные трансформации, чтобы постепенно дать образцы кипро-минойских письменностей: архаической (известной, к сожалению, лишь по одной-единственной табличке из Энкоми, датированной около 1500 г. до н.э.), кипро-минойской «1» (наиболее распространенной и хорошо засвидетельствованной, особенно в XIII и XII вв. до н.э.), «2» (которая встречается лишь на трех табличках из Энкоми, датированных не позже 1225 г.) и «3» (обнаружена только в Угарите, на Сирийском побережье, ее относят к XIII в.) и, наконец, кипрский силлабарий, усвоенный одной из волн микенских колонистов, — следовательно, говоривших по-гречески, которые проникали на Кипр начиная с XIII в. Этот силлабарий, дешифрованный в начале 1870-х годов, представлен в Пафосе с XI в. до н.э. (эпоха, когда исчезает кипро-минойское письмо «1»), но затем выходит из употребления (это, видимо, соотносится с лакуной в 400 лет между письменностью из Арханеса и иероглификой из квартала Мү в Маллии) до VII в. до н.э., когда он сосуществует, вплоть до полного угасания, с греческим алфавитом, явно более практическим, но обладающим куда меньшим «местным колоритом».

⁴ См. об этом: *Chadwick J. The Decipherment of Linear B. Cambr., 1958; 2nd ed. Cambr., 1967; Молчанов А.А., Нерознак В.П., Шарыпкин С.Я. Памятники древнейшей греческой письменности. М., 1988. С. 16—18* (литературу по всем вопросам микенологии см. там же, с. 177—183).

⁵ *Ku-do-ni-ja* табличек из Кносса: на северном берегу Крита, в 100 км на запад от Ираклиона.

⁶ До открытия табличек из Хании я был сторонником верхней хронологии в вопросе об уничтожении табличек из Кносса (около 1375 г. до н.э.), но тот факт, что две из новых табличек с Западного Крита были почти несомненно написаны писцом, который является тем же самым лицом, что и один из писцов Кносса (писец № 115; *Olivier J.-P. Les scribes de Knossos. Rome, 1967*), заставляет меня принять — во всяком случае, что касается окончательно разрушенного дворца, — нижнюю хронологию, предположенную К. Блегеном (*Blegen C.W. A Chronological Problem // Minoica. B., 1958. P. 61—66*).

III. ОПИСАНИЕ

Минойские, микенская и кипрские письменности, представленные как единое целое, содержат в себе от немногим более 50 до немногим менее 90 знаков, используемых для передачи звуков тех языков, которые ими записаны. Другими словами, это силлабарии (а не лого-силлабические системы, как месопотамская клинопись или египетская иероглифика и иератика, которые насчитывают многие сотни знаков). Мы далее увидим, как они функционируют, по крайней мере, на примере двух дешифрованных письменностей — линейного письма *B* и кипрского силлабария.

Но прежде надо отметить, что наряду со слоговыми знаками критская иероглифическая письменность, линейное письмо *A* и линейное *B* располагали целой серией знаков, которую мы находим только в остаточном состоянии в кипрских документах.

АДМИНИСТРАТИВНАЯ СТЕНОГРАФИЯ

В действительности речь идет о знаках не строго фонетических, а необходимых для содержания в порядке учетных архивов, которые составляют пока что немногим более половины наших иероглифических текстов, около 97% текстов линейного письма *A*, более 99% текстов линейного письма *B* (и менее одного процента текстов, составленных на кипрских письменностях).

Разумеется, это прежде всего цифры: поскольку в основе лежит десятиричное исчисление, они сходны во всех трех системах, где они составляют единственный элемент письменности, в котором видна эволюция в сторону большей ясности и простоты (рис. 2). Далее, что касается иероглифики и линейного письма *A*, то там имелись дроби (следующие за числами), принцип которых кажется очевидным, но детали функционирования далеко еще не ясны. Что же касается линейного письма *B*, то там применялись единицы мер и их производные (предшествующие числам), системы которых — для весов, как и для объемов сыпучих и жидких тел — была выяснена еще до дешифровки.

Цифры как таковые, за некоторым исключением, никогда не следуют непосредственно за группой знаков с фонетическим значением, т.е. за словами, но лишь за теми знаками, которые довольно неудачно были названы «идеограммами». Они являются стенографическими знаками для обозначения существ и предметов, перечисленных в счетах (лучше было бы назвать их «логограммами», потому что они обладают значимостью слов):

— одни из них являются знаками силлабария и используются как акронимические сокращения; но мы понимаем их только в линейном письме *B*, когда решение дано нам в тексте: так, *KO* для «кориандра» (ko-ri-ja-do-no), *KU* для тмина (ku-mi-no) и т.д.;

— другие являются лигатурами знаков силлабария и можно тем самым говорить о монограммах; они особенно часты в линейном письме *A*, где их нередко удается проанализировать, но не прочесть; в линейном письме *B* их употребление намного более ограничено, однако их понимание обычно не представляет собой проблемы: ME + RI = μέλι «мед»; A + RE + PA = αἴμα «мазь», TU + RO₂ = τυρός «сыр»;

— некоторые являются пиктографическими знаками; в трех системах есть, бесспорно, несколько общих знаков; это такие, как ВИНО, ОЛИВЫ и ФИГИ, интерпретация которых потребовала времени; другие пока что обнаружены только в линейном *A* и линейном *B*, и их идентификация все еще не очевидна: таковы пиктограммы СВИНЬЯ, БАРАН и БЫЧЬЯ ШКУРА; напротив, большая часть изображений, свойственных линейному письму *B*, таких, как ЛОШАДЬ, КОЛЕСНИЦА, РАЗЛИЧНЫЕ ВИДЫ ВООРУЖЕНИЯ или СОСУДОВ (рис. 3) нам вполне понятны;

— некоторые нам представляются знаками для абстрактных понятий, например, знаки, обозначающие такие металлы, как БРОНЗА или ЗОЛОТО.

Большая часть логограмм пиктографического характера может связываться в лигатуры с одной или несколькими силлабограммами (которые уточняют само их название или особое качество), со знаками для абстрактных понятий, которые не употребляются самостоятельно никогда (но, например, уточняют пол животных) или лишь изредка для обозначения вещества (например металла), либо при передаче дробей.

Таким образом, мы можем выделить настоящий логограмматический синтаксис, который позволяет нам немного проникнуть в содержание документов архивов, хотя мы не читаем их фонограмматическую часть.

	1	10	100	1000	10000
Н		•	/ ○	◇	
А		• / —	○	⊕	
В		—	○	⊕	⊕

Рис. 2. Цифры в трех критских письменностях

100 VIR	130 OLE	230 HAS	201 VAS
102 MUL	131 VIN	231 SAG	202 VAS
106 OVIS	159 TELA	233 PUG	204 VAS
108 SUS	182 TUN	240 BIG	218 VAS
120 GRA	186	200 VAS	221 VAS

Рис. 3. Идеогаммы линейного В с их условной нумерацией и латинской транскрипцией

Отношения между стенографической стороной письменности и ее фонетической стороной в линейном письме В хорошо разграничиваются. Определенные проблемы возникают в линейном письме А, где есть еще «промежуточная» категория, «знаки бухгалтерской операции» (обычно эти знаки силлабария, но не всегда), которые могут проникать в группы знаков, вероятно, для того, чтобы показать, «по какому случаю» состоялась учетная операция или «в каком смысле» или еще «под чью ответственность»...

В иероглифике система выглядит менее застывшей и непроницаемой, где числа иногда следуют сразу же за группами знаков (но встречаются, как это иногда происходит в линейном письме В, логограммы, подразумеваемые или имплицитные, например, такие, как ЧЕЛОВЕК) и где логограммы встречаются на печатях (таковы ВИНО и ФИГИ), хотя нет уверенности в их действительном значении: так как оно едва ли фонетическое, оно может быть эмблематическим или просто декоративным.

Эта стенографическая система, следовательно, была в употреблении почти исключительно для учетных целей, и не удивительно, что она не встречается в наших кипрских текстах, совершенно других по характеру, или обнаруживается только в виде следов: две логограммы и цифры, начертанные на черепке из Энкоми, современные кипро-минойской письменности «1»; может быть, одна цифра на десять строчек на табличках кипро-минойского письма «2»; что касается кипрского силлабария, более подробно о нем пойдет речь в связи с табличкой из Идалиона.

Наряду с этой системой административной стенографии, — которая, разумеется, не представляет ничего уникального в истории письменности (известны ее предшественники, а именно, в шумерских табличках из Урука III и в протоэламских табличках из Суз и из других мест)⁷, но которая, по крайней мере в линейном письме В, достигла совершенства с точки зрения простоты и эффективности — имеется, конечно, письменность в собственном смысле слова, та, которая передает звуки и — посредством их сочетания — слова языка.

ПРОСТЫЕ СИЛЛАБАРИИ

Как уже об этом было сказано, минойские, микенские и кипрские письменности (вполне определено для линейного письма В (рис. 4) и кипрского силлабария, которые дешифрованы, и более чем вероятно для других) являются простыми силлабариями со знаками открытого типа, т.е. передающими группы «согласный + гласный» (согласная может сводиться к нулю, в этом случае слог образуется только одной гласной). По всей вероятности, в самых древних системах (тех, которые не дешифрованы) существовали некоторые знаки, которые передавали сложные слоги (возможно, типа «согласный + полусоглас-

⁷ Первые датированы 3200—3000 гг. до н.э., вторые примерно 3000 г. до н.э.

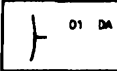

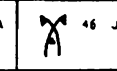

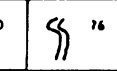
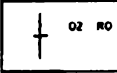
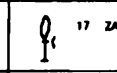
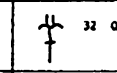

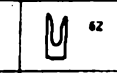
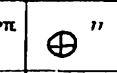
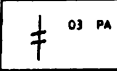

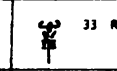
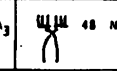

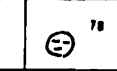
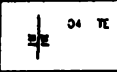

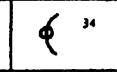
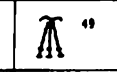

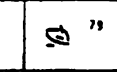

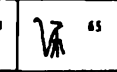

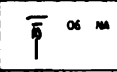
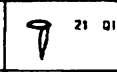
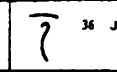
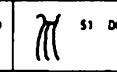

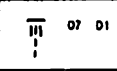
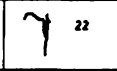

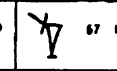
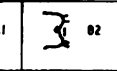
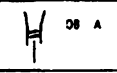
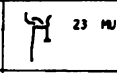
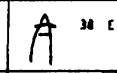
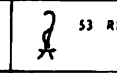
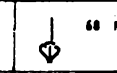

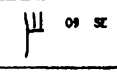
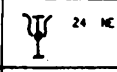
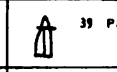
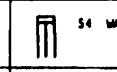
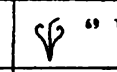
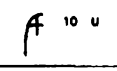
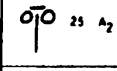
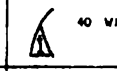
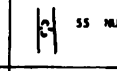
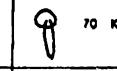
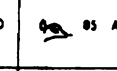
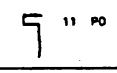
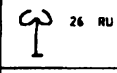
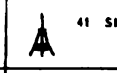
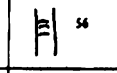
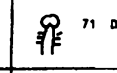
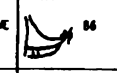
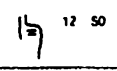
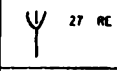
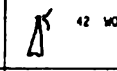
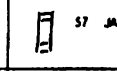
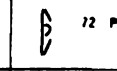
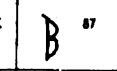
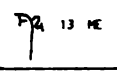

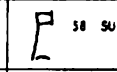
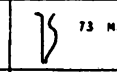
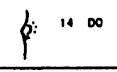
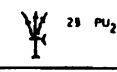
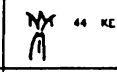
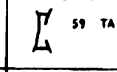
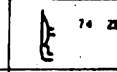
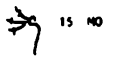
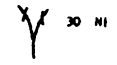
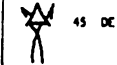
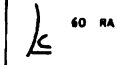
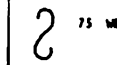
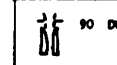
					
					
					
					
					
					
					
					
					(84)
					
					
					
					(88)
					(89)
					

Рис. 4. Силлабарий линейного В с условной нумерацией знаков и их транскрипцией

ный + гласный», может быть даже «согласный + согласный + гласный»): примеры минойского «наследия» в микенском, dwo, pwa или pte, не говоря уже о других, позволяют предполагать такой феномен. Но число знаков этих силлабариев, которое колеблется вокруг цифры 90, не оставляет достаточно места ни для серий слогов такого рода, ни практически для слогов типа «гласный + согласный (-ие)» или «согласный + гласный + согласный», а также полностью исключает знаки с полисиллабическим значением. Еще не существует никакого представления о системе вокализма критской иероглифики, но похоже, что линейное письмо А обладало системой из пяти гласных (a, e, i, o, u), так же как и линейное письмо В и кипрский силлабарий. Если имелось 11–12 согласных, как в микенском (d, j, k, m, n, p, r, s, t, w, z) или в кипрском (j, k, l, m, n, p, r, s, t, v, x, z), и все комбинаторные возможности были бы реализованы на практике, потребовалось бы 65 знаков, что оставило бы около 30 знаков «серий» для согласных, позволяющих легко передавать группы согласных, часть которых относится к «минойскому наследию» (но как различить заимствования или субстратные явления? и к тому же, что мы называем минойским языком/ами?), таких, как Knossos, Amnissos, λαβύρινθος или σμίλινθος (не говоря уже о κνώφ или φόρμιγξ); все это может дать нам представление о возможной фонетической сложности.

Безусловно, простой силлабарий открытого типа оптимально функционирует в языках, в которых преобладают группы «согласный + гласный» (как японский силлабарий катакана, содержащий в себе 48 знаков); однако посредством ограниченного числа условностей — да и всякая письменность не является ли условностью? — такой силлабарий оказывается вполне пригодным для языков, в которых существуют сложные слоговые группы. При этом происходит следующее:

— разложение сложных слогов на простые слоги посредством присоединения подставной гласной (например, ko-no-so для *Knossos*, a-mi-ni:-so для *Amnisos*);

— пропуск одной из двух согласных в группе (ср. pa-i-to для *Phaistos*; это упразднение само собой разумеется в случаях двойных согласных);

— конечные согласные (напомним, что греческий язык знает только три: -п, -г и -s) ставят проблему, которую микенский и кипрский языки решали по-разному: в первом они просто-напросто опускались (это решение проблемы возможно было уже в микенском письме *A?*), ср. три примера с топонимами на -os выше; второй же сопровождал конечный согласный «мертвым» гласным, в данном случае -e (здесь можно думать об «инновации», эффективно способствующей большей ясности): ср. e-ta-li-o-ne=*Idalion*.

Детали, которые остаются, едва ли более трудны, чем проблемы, обнаруживаемые в любой графической системе. Это: 1) неразличение между краткими и долгими гласными; 2) опущение (в микенском, но не в кипрском) гласного *i* — второго элемента дифтонга (регулярно в конечной позиции, факультативно — в срединной); 3) необозначение аспирации (как перед гласными, так и после согласных); 4) отсутствие различия между обозначением *г* и *l* в микенском (где недифференцируемый согласный произвольно транслитерируется как *г*), в то время как эти согласные различаются в кипрском; 5) отсутствие различия в написании глухих и звонких согласных: так в нашей транслитерации — произвольно — *k* покрывает *k* и *g*; *p* — *p* и *b*, *t* — *t* и *d* (последнее только в кипрском: в микенском ряду с серией *ta, te, ti, to, tu* находим серию *da, de, di, do, du*).

Все это не представляет больших трудностей и не может никоим образом отрицать теоретическую возможность того, что микенцы использовали письменность не только для учета; хотя она весьма далека от сложности лого-силлабических систем, однако киприоты широко использовали подобную систему как во II, так и в I тыс.

Хорошо все взвесив, нет причин полагать, что критская иероглифика и линейное *A*, с одной стороны, и кипро-минойские письменности, с другой, существенно различались в том, что касается их функционирования, от линейного письма *B* и кипрского силлабария, каждый из которых, хотя и различными путями, происходит от линейного *A*. Хотя, будучи созданным рядом с иероглификой — и, следовательно, определенным образом как реакция против нее, — линейное *A* не могло быть функционально очень от нее отдаленным, потому что оно возникло и развивалось в лоне одного и того же общества, управляемого относительно сильной центральной властью, в пределах острова, площадь которого составляет всего лишь 8336 кв. км. «Дополнительные» или «факультативные» знаки линейного письма *B* (их название хорошо показывает, что можно написать любое слово, обходясь без них), кажется, могут быть в одинаковой степени как инновациями (потому что форма некоторых из них не встречается в двух других критских письменностях), так и наследием (так, *au, ga₂, ta₂* являются морфологическими эквивалентами в линейном письме *A*; но интересно, что предки *pa* или *pe* могут быть найдены в иероглифике): история семьи минойских письменностей, следовательно, далеко не простая, во всяком случае линейных письменностей. Связано ли это с нехваткой материала? Бесспорно, в большей части, но не единственно из-за этого: ситуация и взаимодействие могли быть в самом деле сложными, может быть, значительно более сложными, чем мы предполагаем. Единственный пример, слишком длинный, чтобы развить его здесь, хорошо показывает это. Имеется в виду направление письма — безразличное, как в критской иероглифике; чаще слева направо — в линейном *A*, где написание справа налево и бустрофедон также засвидетельствованы; полностью слева направо — в линейном *B* и в кипро-минойском — с одним исключением в Угарите? В древнем кипрском силлабарии вновь отмечаются колебания, но в классическом силлабарии написание идет полностью справа налево, что являет собой, может быть, возрождение старого, связанное с подчеркиванием коренного отличия этого слогового письма от греческого алфавита...

Не дешифровав минойские письменности (иероглифику и линейное А), мы не знаем, какие языки ими записаны; но то, что известно об истории населения Крита, заставляет нас склоняться к мысли об анатолийском происхождении. Однако в данный момент наших знаний, конечно, недостаточно, чтобы быть абсолютно уверенными, что иероглифика и линейное А не скрывают один и тот же язык или две относительно близких формы одного и того же языка. Однако тот факт, что две системы служили для того, чтобы вести учетные архивы и, сверх того, были, по крайней мере один раз, найдены вместе в одном хранилище архивов, свидетельствует в пользу версии о двух различных языках.

Но почему две письменности? Для того, чтобы писать на двух языках, достаточно и одной письменности (в крайнем случае, произведя некоторые изменения; именно так и объясняется переход от линейного письма А к линейному письму В). И, как бы то ни было, речь идет о двух разных письменностях, не происходящих одна из другой, даже если по меньшей мере четверть их знаков являются для них общими. В настоящий момент вопрос остается без ответа.

Что же касается линейного А, взятого отдельно, проблема оказалась противоположной: мы не в состоянии утверждать, что эта письменность служила для передачи одного из нескольких языков, по меньшей мере двух: языка архивов глиняных табличек, которые, вероятно, были составлены на каком-то койне, распространенном от Хании на западе до Закроса на востоке, и языка предполагаемых «религиозных» документов на камне (сорок образцов из 1500, которыми мы располагаем; если языковое различие имело место и оно не было большим, чем, например, между латинским и итальянским языками, мы будем не в состоянии обнаружить это, принимая во внимание условности письменности и скудость нашего материала).

Линейным В писали по-гречески, на языке микенского населения, точнее, их правящего класса. Это греческий язык, который, по крайней мере, на 400 лет предшествовал языку Гомера, но в своих основных чертах это тот греческий, который специалисты-языковеды допускают для той эпохи. Этим объясняется более быстрое принятие дешифровки филологами, нежели археологами и историками.

У нас еще меньше ясности относительно языков, которые соотносятся с кипро-минойским письмом «1» и кипро-минойским письмом «2». История заселения Кипра гораздо сложнее, чем история заселения Крита, а влияния намного более разнообразны, поэтому ни одна гипотеза, более или менее правдоподобная (язык анатолийский — индоевропейский или же нет, семитский — с Запада или Востока или даже более дальнего происхождения), не может быть априорно отклонена. Языки, записанные этими двумя силлабариями, по-видимому, отличаются один от другого, хотя различия и в материале, на котором выполнены надписи, и в сфере применения (кипро-минойское письмо «2» читается только на трех глиняных табличках из Энкоми, кипро-минойское «1» на двухстах предметах различного происхождения, обнаруженных во всех частях острова) не позволяют нам быть в этом полностью уверенными. Кипро-минойское письмо «3», будучи обнаруженным только в Угарите, на сирийском побережье, могло передавать семитский язык.

Кипрский силлабарий, со своей стороны, передает на письме греческий язык, являющийся «внуком» микенского греческого языка, принесенного колонистами, пришедшими из материковой Греции или с островов Эгейского моря начиная с конца XIII в., несколькими последовательными волнами. Принесли они язык, но не письменность: кипрский силлабарий, через кипро-минойский «1», восходит к линейному А, которое прекратило свое существование к середине XV в. до н.э., а не к линейному В. И небезынтересно отметить, что надписи, выполненные кипрским силлабарием, до самого конца его существования составлялись на местном диалекте, тогда как койне постепенно охватило множество алфавитных текстов⁸.

⁸ Следует отдельно рассматривать несколько надписей кипрским силлабарием, происходящих из Амафунта. Все они датируются IV в. до н.э. и передают язык, который окрестили этеокипрским — его читают, но не понимают (весьма вероятно, что речь идет о пережитках одного из языков, на котором говорили на Кипре во II тыс. до н.э., однако нет подтверждений, что это язык, записанный одним из кипрско-минойских силлабариев).

V. ОБЛАСТИ ПРИМЕНЕНИЯ

Не следует забывать, что все органические материалы (дерево, ткань, кожа, папирус и т.д.), на которых могли сохраниться рассматриваемые письменности, исчезали, и даже если у нас есть доказательство, что они должны были существовать в значительных количествах, по крайней мере для линейного письма А и кипрского силлабария, мы все же вынуждены признать, что области применения этих письменностей были весьма ограниченными, особенно на Крите.

Критское иероглифическое письмо, известное нам по печатям (рис. 5) (где оно служило, может быть, «талисманным» или «религиозным» целям), вероятно, употреблялось очень рано при необходимости личного засвидетельствования экономической деятельности. Исключительно важными свидетельствами, которые оно нам оставило, являются все-таки документы хозяйственных архивов на глине; лишь эпизодически оно использовалось на камне (отличаясь от того, что на печатях) и на керамике. Когда же его употребление прекратилось (мы не знаем, почему), оно исчезло также с печатей, и линейное письмо А, его современник, не приняло у него эстафету, и это можно объяснить единственно тем, что эти надписи уже не имели утилитарного значения, другими словами, их больше не читали, возможно, в течение некоторого времени.

Линейное письмо А, поскольку оно никогда не использовалось на печатях (которые могут рассматриваться как «маленькие памятники» — их эстетический аспект нередко заслоняет текстовую часть), еще меньше связано с экономической и административной сферами (следовательно, с документами на глине, см. рис. 6): только 3% надписей этой письменности могут быть квалифицированы как владельческие (например на ювелирных изделиях) или религиозные (в частности, на посуде из камня, происходящей чаще всего из культового места). Даже если «большая» надпись на кувшине из Закроса была тщательно выписана и скомпонована, к ней нельзя будет приложить эпитеты «монументальная» или «каллиграфическая», как впрочем, и ни к какому другому документу линейного А.

Эта тенденция к ограничению сферы применения письменности достигает своего пика с появлением линейного письма В; установлено, что примерно из 5000 надписей максимум 9 (все на керамике), возможно, избежали контроля микенской дворцовой бюрократии. Если сотня грамотных чиновников (речь не идет о простых писцах), которые писали на глине счетоводческих табличек, происходящих из дворца в Кноссе (рис. 7), и сорок их коллег из дворца в Пилосе явно владели техникой письменности, ничто не позволяет нам

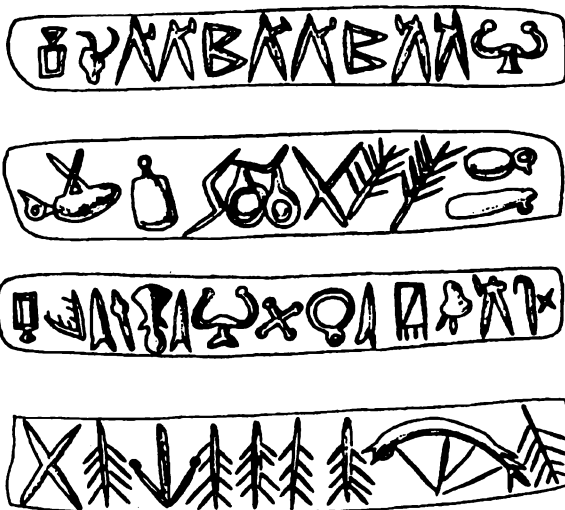

Рис. 5.

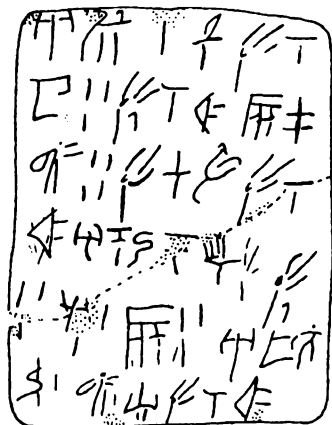

Рис. 6.

Рис. 5. Четыре стороны печати из белого стеатита с критскими иероглифическими письменами (длина 3,95 см; Национальный музей в Афинах, № 8915; рис. Л. Годара)

Рис. 6. Глиняная табличка линейного А из Хании (ширина 8,2 см; Музей Хании, № 11; рис. Л. Годара)

предположить, что они использовали ее в других целях, кроме строго профессиональных, и, по-видимому, эта идея не пришла в голову ни одному из тысячи их предшественников, которые в течение более чем 300 лет писали линейным письмом В. Вне всякого сомнения, мы оказываемся здесь перед лицом феномена цивилизации, так как теоретически ничто не препятствует тому, чтобы эти люди хотя бы немного писали на камне, металле, фрагментах керамики, кости. Таким образом, на Крите на протяжении середины II тыс. имело место трагическое и продолжительное ограничение употребления письменности, что позволяет объяснить, почему она не пережила разрушения микенских дворцов, которые, вероятно, стали последним местом, где еще ее практиковали, причем только в административных целях.

Рис. 7. Глиняная табличка линейного В из Кносса (ширина 12,2 см; Археологический музей Ираклиона, № 50; рис. Л. Годара)

На Кипре ситуация представляется во многих отношениях заметно отличной. Прежде всего, учетные документы почти отсутствуют (но это не значит, что их там совсем не было: просто они не записывались на глиняных табличках, которые были обожжены при пожарах). Далее, хотя здешняя письменность минойского происхождения, на ее использование повлияли очень рано, может быть с самого начала, клинописные системы, использовавшиеся на Сирийском побережье, с которым остров поддерживал постоянные контакты. Доказательством этому являются не только три обожженные глиняные таблички кипро-минойского «2», содержащие тексты, которые можно квалифицировать только как литературные, но еще «цилиндры закладки фундамента», выполненные кипро-минойским письмом «1» (также из обожженной глины), самый значительный из которых содержит 179 знаков, свидетельствуя о чрезвычайно высоком владении техникой письма, весьма далеко от явной неуклюжести их предка — таблички архаического кипро-минойского письма из Энкоми. Относительно небольшое число предметов с надписями на кипро-минойском «1» не должно создавать у нас слишком неблагоприятного впечатления: разнообразие материала, по-видимому, указывает на общественное использование письменности, определенно более распространенной, чем на Крите.

Кипрский силлабарий представляет собой во всех отношениях особый случай: мы встречаем его главным образом в середине I тыс. до н.э., и современный ему пример греческого алфавита постоянно побуждал к использованию кипрской письменности, главным образом на камне (посвящения, эпитафии, граффити — последние, например, на стенах храмов Абидоса и Карнака, оставленные кипрскими наемниками), — монументальность, по крайней мере в письменности, по-видимому, в большей мере чуждая минойскому менталитету, усиленно прокладывала себе дорогу (более половины надписей, выполненных кипрским силлабарием, являются лапидарными). Мы находим эту письменность и на материале, ранее немыслимом; монеты являются лучшим тому примером.

VI. ЭСТЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Представление о том, что письменность можно рассматривать с точки зрения ее красоты, т.е. как «произведение искусства» (так происходило во многих цивилизациях), никогда не было распространено на двух больших островах Восточного Средиземноморья. Разумеется, на Крите благодаря нескольким гравированным печатям, покрытым полностью или частично иероглифами и представляющими собой маленькие чудеса глиптики, нельзя сказать, что этот аспект письменности отсутствует полностью. Однако речь идет скорее о средстве, чем о цели, скорее об украшении, чем об искусстве. И ничто из того, что сохранил нам Кипр, не относится к этой категории, за исключением (вероятно, невольным) уникального образца, каковым является бронзовая табличка из Идалиона — прекрасная вещь, на которой представлены 16 строк и 562 знака кипрского классического силлабария

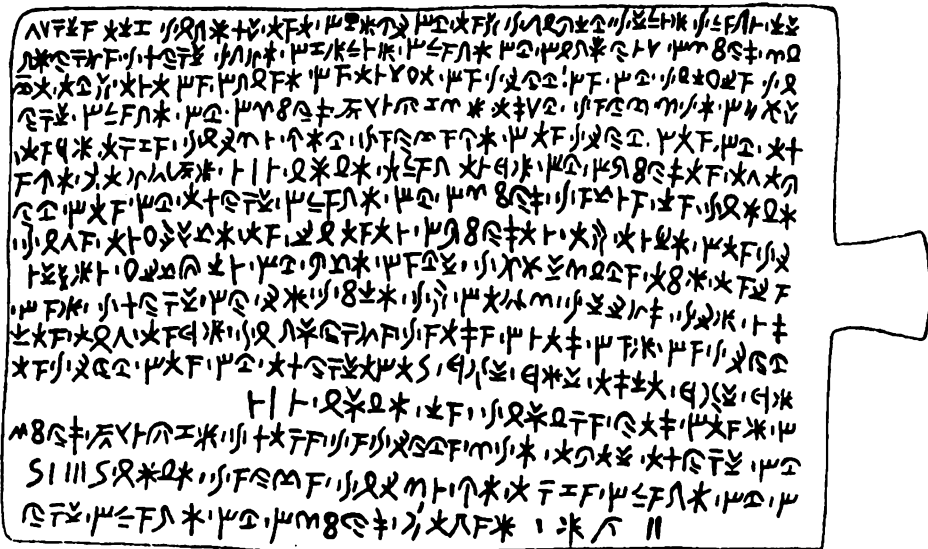

Рис. 8. Бронзовая табличка с надписью кипрским силлабарием из Идалиона (ширина 21,4 см; Париж, Национальная библиотека, Кабинет медалей, № 2297; рис. Э. Сален)

на стороне А (рис. 8), 15 строк и 466 знаков на стороне В (это самый пространный документ для всех письменностей, которые рассматривались в этой статье), все тщательно исполнено и выгравировано. Этот текст договора, заключенного между царем и городом Идалион, с одной стороны, и врачами, с другой, о вознаграждении последних — им передавались в дар земли за то, что они бесплатно ухаживали за ранеными при осаде, выдержанной против «мидийцев» (т.е. персов. — *Прим. переводчика*) и людей из города Китион ок. 475 г. до н.э., позволяет нам определенно «закрыть дело» с линейным письмом А, отдаленным предком кипрского силлабария, исчезнувшим примерно за тысячу лет до этого: он содержит сокращения (а именно та для τάλαντων «талант»), сопровождаемые цифрами, иначе говоря, пережиток⁹ системы административной стенографии, которая была детально описана выше.

VII. ВЫВОДЫ

Критские письменности II тыс. до н.э. (с их ответвлением в I тыс. до н.э. на Кипре) представляют собой феномен, довольно редкий в истории письменности: неизвестны их предки и они не оставили потомков.

Не следует, быть может, усматривать в причине их зарождения (необходимости управления экономической деятельностью, слишком обширной для того, чтобы удержать ее в памяти) обязательную причину их упадка (когда эта экономическая деятельность исчезла, то уже не было больше потребности в письме). Все первые письменности начинались именно так, но использовались в цивилизациях, интеллектуальные потребности которых, связанные с письменностью, быстро стали разнообразными (религия, литература, науки, международные отношения и т.д.). Видимо, по-иному обстояло дело сначала в минойской, а затем — как кажется, в гораздо большей степени — и в микенской цивилизации (Кипр в области письменности, так же как и в других, представляет собой несколько особый случай).

Разумеется, ограниченность и относительная географическая изолированность территорий, на которых эти письменности применялись — в некотором роде их «провинциальный» характер¹⁰ — дают этому частичное объяснение. Конкуренция «великих» письменностей

⁹ Некое воссоздание, хотя и менее вероятно, все-таки не представляется полностью невозможным.

¹⁰ На Кипре снова можно говорить об определенном «открытии внешнему миру» (и все же не об «интернационализме»), границы которого обнаруживают признаки консерватизма и даже реакционности, отмечаемые в кипрском силлабарии I тыс. до н.э.

(египетских, но особенно клинописных), по крайней мере в международном плане, является другим объяснением¹¹. Однако отсутствие разнообразия употребления и последующее исчезновение критских письменностей следует объяснять главным образом определенным недостатком интеллектуального любопытства. Собственно исторические факторы, которые нам известны¹² (ассимиляция, а затем разрушение минойской цивилизации микенской, конец «дворцового» периода последней — а следовательно, и линейного письма *B* являются лишь отдельными элементами, вызвавшими умирание письменностей, недолговечных, потому что слишком специализированных; в действительности глубинные причины этого процесса кроются не в них, ведь клинописные и египетские письменности прошли через тысячелетия, а греческая и латинская письменности, использовавшиеся еще в древности, еще и сегодня живут в городах и государствах*.

Ж.-П. Оливье

CRETAN SCRIPTS OF THE IInd MILLENIUM B.C.

J.-P. Olivier

The author presents a short essay on the history of the evolution of the genetically connected systems of writing in the Aegean world since the end of the IIIrd millennium B.C. The essay considers the Cretan hieroglyphic script, the linear script *A* and the linear script *B* which played the role of the predominantly administrative shorthand. The content of the existing monuments of the Cypriot-Minoan script (several varieties) from Enkomi and Ugarit is quite different. The question of the languages recorded by the syllabic scripts of the Cretan range is touched upon.

ДРЕВНЕГРЕЧЕСКАЯ ЭТИМОЛОГИЯ В СВЕТЕ ДАННЫХ КРИТО-МИКЕНСКИХ НАДПИСЕЙ

Дешифровка письменности, тексты которой отражают намного более архаичное состояние, чем то, которое ранее считалось древнейшим, имеет не только огромное значение для исследований в области древнегреческой грамматики, но и для изучения лексики и этимологии древнегреческого языка. Значимость текстов линейного письма *B* для этимологических штудий заключается в том, что многие слова засвидетельствованы в них в облике, ранее неизвестном по данным языка I тыс. до н.э. В одних случаях это дает возможность подтвердить ранее выдвигавшиеся гипотезы, либо, напротив, отвергнуть их как несостоятельные. В других случаях микенские тексты являют нам более архаичную форму слова, однако, и она не дает подчас возможности этимологизировать его.

Микенологический материал в разной степени использовался составителями этимологических словарей. К сожалению, полностью игнорируются микенские данные в индоевропейском этимологическом словаре Ю. Покорного¹. Составитель древнегреческого этимологического словаря Я. Фриск², первые выпуски которого вышли в свет в 1954 г., вначале отнесся к микенским данным с большим недоверием. В предисловии к первому

¹¹ Добавляя к этому для кипрского силлабария конкуренцию *in situ* финикийского и греческого алфавитов.

¹² Мы все еще не знаем, почему критская иероглифика перестала употребляться, в то время как линейное письмо *A* продолжало существовать, и все это без какого-то разрыва, оставившего бы материальные следы в критской цивилизации.

* Перевод с французского В.П. Нерознака.

¹ Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. I. Bern, 1951—1959; II. Bern, 1962—1969.

² Frisk H. Griechisches etymologisches Wörterbuch. Bd 1—4. Heidelberg, 1954—1970.

выпуску он утверждал, что из-за несовершенства микенской графики и вытекающей отсюда неопределенности многих интерпретаций микенских слов, микенский материал может привлекаться лишь в исключительных случаях. В первом томе своего словаря он использовал лишь несколько микенских слов (со знаком вопроса), обозначая их как «эгейские». По мере выхода последующих томов его осторожность по отношению к микенскому материалу значительно уменьшалась, однако не исчезла вообще, поскольку даже в последнем томе использованы далеко не все возможности, представляемые микенскими формами.

Иное отношение к данным текстов линейного письма В проявил выдающийся французский лингвист П. Шантрэн. Он включился в микенологические исследования сразу же после дешифровки и по праву может считаться одним из основоположников микенологии. Поэтому неудивительно, что в его этимологическом словаре³ микенологический материал использован с максимальной полнотой. Указатель в пятом томе словаря включает свыше 900 слов, засвидетельствованных в крито-микенских текстах.

Архаичность микенской лексики определяется в первую очередь фонетическими и в определенной мере семантическими факторами. В древнегреческом языке II тыс. до н.э. еще не наступили существенные фонетические изменения, поэтому многие слова выступают здесь в более древней форме, чем та, которая была известна нам до дешифровки М. Вентриса.

Не претендуя на полный охват всех данных текстов линейного письма В, релевантных для этимологических исследований, приведем наиболее важные в этом отношении формы микенских слов.

Сохранение лабиовелярных фонем ([q^u], [g^u], [g^uh]), представленных в микенской графике серий знаков qa, qí, qe, qo⁴, является, пожалуй, наиболее значимым для древнегреческой этимологии. Следует особо подчеркнуть, что все работы, посвященные этим фонемам в микенском диалекте, неизбежно затрагивают и проблемы этимологии.

Микенские формы e-qe-te = heq^uetās (и производные прилагательные e-qe-si-ja, e-qe-si-jo) подтвердили принятую этимологию глагола ἔλασσι (и.-е. *seq^u-). То же относится и к слову βοῦς которое традиционно возводилось к и.-е. *g^u-ou-s (через *βωυς). Лабиовелярная фонема теперь налицо в микенском qo-o.

Форма a-to-ro-qo = anthroq^uos, ἀνθρωπος дает возможность трактовать вторую часть этого слова как -oq^u- «лицо», «вид» (П. Шантрэн), то же, по-видимому, относится и к следующим примерам: ai-ti-jo-qo = Aithioq^us, Αἰθίοψ; ka-ro-qo = Khar-oq^us; po-ki-ro-qo = Poikil-oq^us.

Союз τε выступает в крито-микенских надписях в форме qe, идентичной латинскому -que, с которым он традиционно сопоставляется. В то же время микенское o-te = hote, ὅτε показывает, что элемент τε здесь имеет иное, нелабиовелярное происхождение, что предполагалось задолго до дешифровки М. Вентриса (см., например, В. Прелльвиц)⁵.

Форма a-to-ro-qo соответствующая классическому ἀρτοκόπος «пекарь», указывает на древнюю метатезу согласных arto-roq^uos > *arto-pokos > arto-kopos.

С другой стороны, микенские формы, содержащие фонему [p] вместо ожидаемой, согласно прежним представлениям, [q^u] опровергают традиционные этимологии слов πᾶς «весь» и παλαιός «древний»⁶. В микенском эти слова передаются как -pa = -pan, pa-te = pantes, pa-ra-jo / pa-ra-ja — palaios.

Для наречий πᾶλαι микенское прилагательное pa-ra-ja / pa-ra-jo указывает на более

³ Chantraine P. Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Histoire des mots. T. 1—5. P., 1968—1980; *idem*. Le déchiffrement des tablettes mycéniennes et l'étymologie grecque // LB. 1963. VI. P. 7—8; *idem*. Vues sur l'étymologie et l'histoire du vocabulaire grec // LB. VI. P. 9—17; Bartoněk A. On the Mycenaean Etymologies // Actes de la XIIe Conférence Internationale d'études classiques «Eirene». București, 1975. P. 703—707.

⁴ Bartoněk A. Labiovelary v mykenské řečtině // SPFFBU, řada jazykovedna (A). 1979. 27. S. 113—123; Lejeune M. La phonologie: l'exemple des labiovélares // SMEA. 1979. 20. P. 53—68.

⁵ Ссылка на в значительной мере устаревший словарь В. Прелльвица (Prellwitz W. Etymologisches Wörterbuch der griechischen Sprache. Göttingen, 1905) дается с целью выявления традиционности многих этимологий, сохраняющих свою правомерность и в наши дни.

⁶ Lejeune. Op. cit. P. 63.

древнее значение этого слова «прежде», «недавно», (лат. *purer*). Отметим, что подобное значение неоднократно встречается и в классическую эпоху (трагики, Платон).

Для слов $\pi\acute{\iota}\theta\omicron\varsigma$, $\tau\rho\acute{\epsilon}\lambda\omega$, $\sigma\rho\acute{\epsilon}\rho\omega$ микенские формы $qe-to$, $to-ro-qe-jo-me-po$, $ku-su-to-ro-qa$, напротив, указывают на древние лабиовелярные фонемы вместо ранее предполагавшихся губных: $\pi\acute{\iota}\theta\omicron\varsigma$ < * q^u ethos, $\tau\rho\acute{\epsilon}\lambda\omega$ < * $treq^u$ -o, $\sigma\rho\acute{\epsilon}\rho\omega$ < * $streq^u$ ho.

Неожиданно обнаружилось, что $\beta\alpha\sigma\iota\lambda\epsilon\upsilon\varsigma$ восходит к более древней форме g^u asileus⁷ (мик. $qa-si-re-u$). Однако и этот факт по-прежнему не дает возможности этимологизировать это слово.

По-видимому, оно, как и $\acute{\alpha}\nu\alpha\xi$ и $\tau\acute{\upsilon}\rho\alpha\nu\nu\omicron\varsigma$, вообще не имеет индоевропейской этимологии. То же относится к $\xi\acute{\iota}\phi\omicron\varsigma$: микенская форма $qi-si-re-e = q^u$ sipe he⁸ указывает на начальный лабиовелярный. Но происхождение слова по-прежнему необъяснимо.

Сохранение неслогового сонанта w (F) на первый взгляд, не столь значимо для древнегреческой этимологии, поскольку эта фонема сохранена в ряде диалектов классического времени. Правда, на этих диалектах не сохранились литературные памятники. В нашем распоряжении имеется лишь эпиграфический материал. Поэтому здесь, естественно, не могут быть представлены все слова с этимологическим F .

В некоторых диалектах, в том числе в аттическом, F исчезло после $[n]$, $[r]$, $[l]$ бесследно, в других же оно оставило след в виде компенсаторного удлинения гласного, предшествующего группе: * $\epsilon\nu\acute{\alpha}\tau\omicron\varsigma$ > атт. $\acute{\epsilon}\nu\alpha\tau\omicron\varsigma$, ион. $\acute{\epsilon}\lambda\alpha\tau\omicron\varsigma$, дорич. $\eta\nu\alpha\tau\omicron\varsigma$. Кроме того, начальное F у Гомера восстанавливается на основании метрических данных в тех случаях, когда группа из конечного согласного одного слова и начального + Γ следующего слова создает долготу по положению: $F\acute{\epsilon}\lambda\alpha\varsigma$, $F\epsilon\lambda\alpha\varsigma$, $\acute{\epsilon}\lambda\alpha\varsigma$, $\acute{\epsilon}\lambda\omicron\varsigma$ (- - - -).

Вместе с тем следует отметить, что косвенные данные сами по себе далеко не всегда достаточно надежны, а прямые свидетельства диалектов, сохранивших F , охватывают незначительную часть лексем с этой фонемой. Кроме того, как и предполагалось ранее, и подтвердилось крито-микенскими надписями, в ряде случаев мы можем иметь дело с неэтимологическим F (см. ниже).

В свете сказанного выше можно было бы надеяться, что микенские данные позволяют верифицировать многие этимологические гипотезы, основанные на реконструкции фонемы $[w]$. И действительно, в этимологическом плане сохранение этой фонемы в микенских текстах имеет не меньшее значение, чем сохранение лабиовелярных⁹.

Целый ряд микенских форм с $[w]$ соответствует прямым, либо косвенным свидетельствам диалектов классического времени.

$ke-se-nu-wo$ — $ksenwos$; ср. коринфск.-коркирск. $\xi\acute{\epsilon}\nu\phi\omicron\varsigma$, ион. $\xi\acute{\epsilon}\nu\omicron\varsigma$, эол. $\xi\acute{\epsilon}\nu\nu\omicron\varsigma$;

$ne-wo = newos$, ср. кипр. $\nu\epsilon\phi\omicron-$, атт $\nu\acute{\epsilon}\omicron\varsigma$;

$wa-na-ka = wanak$; дигамма подтверждается метрикой у Гомера и диалектными формами $F\acute{\alpha}\nu\alpha\xi$, $F\acute{\alpha}\nu\alpha\sigma\sigma\alpha$; ср. также палеобалк. фриг. $wanaka$, $wanaktei$ ¹⁰;

$wa-tu$ — $wastu$, $\acute{\alpha}\sigma\tau\upsilon$; ср. беот. $F\acute{\alpha}\sigma\tau\iota\omicron\varsigma$, $F\alpha\sigma\tau\upsilon\omicron\chi\alpha$;

$we-to = wetos$, $\acute{\epsilon}\tau\omicron\varsigma$; ср. $F\acute{\epsilon}\tau\omicron\varsigma$ (Гераклея, Олимпия, Кипр).

Ср. также фриг. $otuwoi$ $wetei$ ¹¹.

В то же время формы с $[w]$ засвидетельствованы в микенском в таких словах, в которых дигамма в языке I тыс. до н.э. непосредственно не засвидетельствована и не восстанавливается методом внутренней реконструкции. Лишь для части этих слов ранее существовала возможность этимологизации на основании индоевропейских данных, теперь эти этимологии подтверждаются микенскими данными.

$ai-wo-to = aiwolos$, $\alpha\acute{\iota}\omicron\lambda\omicron\varsigma$. Микенская форма подтверждает этимологию, предложенную

⁷ Heubeck A. Griechisches $\beta\alpha\delta\iota\lambda\epsilon\upsilon\varsigma$ und das Zeichen Nr. 16 in linear B // Indogermanische Forschungen. 1958. Bd. 63. S. 113—138.

⁸ Idem. Mykenisch * qu -si-po = $\xi\acute{\iota}\phi\omicron\varsigma$ // Minos. 1958. 6. S. 55—80.

⁹ Подробнее см. idem. «Digamma». Probleme des mykenischen Dialekts; Panagl O. Die sprachwissenschaftliche Erforschung der Linear B — Texte. Ergebnisse und Probleme // Orbis. XX. № 1. S. 211.

¹⁰ Diakonoff I.M., Neroznak V.P. Phrygian. N.Y., 1985. P. 140.

¹¹ Ibid. P. 128.

Э. Бенвенистом, который сравнил это прилагательное с санскритск. āyu «жизненная сила» и древнегреч. $\alpha\iota/\omega\nu$. de-ki- si-wo-deksiwos, δεξιός подтверждает ранее предлагавшуюся на основании сравнения с галльским Dextiva этимологию δεξιFός; dwo = dwō указывает на то, что гомеровское δώδεχα восходит к *δFώ-δεξα.

e-ne-wo = ennewo < ennewn, ἐννέα подтверждает индоевропейскую этимологию *newn- / *e₁-ewp-.

Микенские формы e-газ-wo / e-га-wo = elaiwon; e-га-wa = elaiwā подтверждают теперь этимологию ἐλαίFα; основывающуюся до сих пор на лат. oliva.

ka-га-wi-ro-го = klāwi-phoros содержит [w] предполагавшееся для κλέις, дор. κλάις ранее на основе лат. clavis (Прелльвиц).

ko-wi-ro-wo-ko = kowilo-worgoi; традиционная этимология прилагательного κοίλος / κóιλος / κοF-ίλος, основанная на сравнении с лат. savus «полый», теперь подтверждается микенской формой ko-wi-lo-.

pa-ja-wo-ne = Paīawonei (dat. -loc. sg.), в классическую эпоху только формы без F: Παίαν / Παίηων.

pa-we-a / pa-we-a₂ = pharweha, *φαρFεσ-(*φαρFος) этимология предполагалась ранее на основании внутренних данных: ион. φάρος; атт. φάρος (Прелльвиц).

po-gi-wo / po-ro-wa = polios etc. указывают теперь на то, что полиός восходит к основе πολιFо-.

pe-te-re-wa / pe-te-re-wa = ptelewās (gen. sg.) подтверждает считавшуюся ранее гипотетической этимологию *πτελέFα, ср. древне-верхне-нем. felawa (Прелльвиц).

re-wo-pi = lewontphi (instr. pl.) и прилагательное re-wo-te-jo = lewont-eios указывают на правильность выдвигавшейся ранее этимологии *леFων, ср. латыш. launs «злой», лит. liūtas «лев», слав. лютый «очень злой» (Прелльвиц).

wo-po = woinos, οἶνος и wo-na-si = wonassi подтверждают предлагавшуюся на основе сопоставления с лат. vīnum, алб. vënë < *vainā, арм. gini < *vini этимологию *Fοινο-. Добавим сюда также фриг. woines, woineios¹².

Микенские данные позволяют также выявить в отдельных случаях неэтимологическое F:

ἔνεκα: предлагавшаяся ранее этимология ἔν-Fεκα поколеблена микенск. e-ne-ka = heneka (вместо ожидаемого *e-we-ka). Поскольку у Гомера очень часто встречается ἔνεκα, то вариант εἴνεκα следует объяснить не как результат фонетической компенсации, а рассматривать как метрическое удлинение.

Ἐρμῆς: микенская форма e-ma-a₂ = Hermahāi (dat.-loc. sg. опровергает традиционную этимологию с начальным F-;

“Нрα предлагавшаяся ранее этимология” НрFᾱ теперь оказывается несостоятельной ввиду микенской формы этого имени божества e-га = Hērāi (dat.-loc. sg.);

Ποσειδῶν: коринфская форма на -ᾱFων является вторичной, дигамма здесь должна объясняться аналогией к теониму *ΠαῑᾱFων. Это в настоящее время явствует из микенской формы этого имени божества po-se-da-o = Poseidāhōn, засвидетельствованного также в род.-дат.-местном падежах¹³.

Примечательно также, что в микенском имеет место чередование e:i, отмечаемое и в классическом языке, ср. субстантив Ποσειδῶν (мик. po-se-da-o) с образованным от него прилагательным Ποσιδῶιος (мик. po-si-da-i-jo).

В то же время сохранение в микенском фонемы [j] практически не оказало никакого влияния на исследование в области древнегреческой этимологии. Как уже отмечалось вы-

¹² Diakonoff, *Neroznak*. Op. cit. P. 143.

¹³ Подробнее см. Heubeck A. Poseidon // *Indogermanische Forschungen*. 1959. Bd. 64. Ht. 3. S. 225—240; Trumpy C. *Vergleich des Mykenischen mit der Sprache der Chorlyrik*. Bern, 1986. S. 66—68.

ше, в микенском индоевроп. [i] сохранено лишь в тех случаях, когда оно не перешло в [j].

Единственной лексемой, для этимологии которой факт сохранения [j] имеет значимость, является относительное местоимение. Реконструкция его основы *jo-, исходя из древнеиндийских и балтославянских, а также фригийских форм подтверждается теперь и микенским jo.

Сохранение аффрикаты [ts] (либо палатализованного [k']) представленной в написании za-we-te = tsawetes (k'awetes?), подтверждает традиционную этимологию κῖᾱ-Γετες (Прелльвиц); в языке I тыс. до н.э. это слово представлено формами σᾶτες (дор.), τῆτες (атт.), σῆτες (ион.).

В меньшей степени значимы для этимологических исследований архаические особенности вокализма микенского диалекта. Определенное значение здесь имеет сохранение групп гласных, не подвергающихся слиянию.

Выше уже приводились нестяженные формы типа ro-se-da-o, e-ma-a₂ и др. Однако для этих и других слов имеются соответствия в виде неслитных форм. Единственными словами, неслитная форма которых оказалась полной неожиданностью, были δοῦλος, δουλή; в микенском им соответствуют формы do-e-ro = doelos и do-e-ra = doela.

Поскольку зияние (хиатус), как правило, должно объясняться наличием [h], возникшего из интервокального [s], корень этих слов может реконструироваться как dos-, и тогда его можно сопоставлять с хотанск. daha «мужчина» и санскр. dāsaḥ «раб», dāsī «рабыня»¹⁴.

Микенские формы ge-wo-te-re-jo = lewotreios и ge-wo-to-ro-ko-wo = lewotro-khowoi свидетельствуют о том, что гомеровские λοῦμαι и λοετρόν (и соответственно, более поздние λούω, λούομαι' и λουτρόν) восходят к формам с основой *λεFo-. Наличие F в этой основе подтверждает правильность сопоставления с лат. lavo, древнеисландск. lða, галльск. lautro.

Густое придыхание факультативно передавалось в микенской графике знаком a₂. Кроме того, оно косвенно обнаруживается по отсутствию элизии конечного гласного приставки либо по форме отрицательной приставки (a- вместо an-) перед h, с которого начинается корень слова.

Класс. ἔφ-αλος указывает на наличие h- в корне слова и тем самым подтверждает традиционную этимологию слова ἄλς < *σαλ-.

В то же время написание a-na-mo-ta = αναμοτα (ном. pl. neutri) указывает на отсутствие h- в корне слова, в противном случае это слово передавалось бы как *a-a-mo-ta. Таким образом, микенская форма подтверждает предположение о вторичности густого придыхания в слове ἄρμα¹⁵.

Данные крито-микенских текстов позволяют реконструировать не только более древние формы греческих слов, они в ряде случаев дают нам возможность проследить эволюцию их значений. Семантические особенности существительных ἄναξ (wa-na-ka), βασιλεύς (qa-si-re-u), ἄρμα (a-mo), παλαιός (pa-ra-jo), φάσγανον (pa-ka-na) и др. в языке линейного письма B рассматривались и в работах, посвященных эволюции их фонетической структуры, ссылки на которые проводились выше.

Надеемся, что наш краткий очерк дает достаточное представление о той значимости, которую имеют тексты линейного письма B не только для древнегреческой, но и для индоевропейской этимологии¹⁶.

В.П. Нерознак, С.Я. Шарыткин

¹⁴ Chadwick J. A newly discovered Greek Dialect // Transactions of the Philological Society. 1954. 14. P. 1—17; Pisani V. Die Entzifferung der ägäischen Linear B Schrift und die griechischen Dialekte // Reinisches Museum für Philologie. 1955. 98. S. 1—18.

¹⁵ Ruijgh C.J. Chars et roues dans les tablettes mycéniennes; la méthode de la mycénologie. Amsterdam, 1976.

¹⁶ О значении микенских данных для этимологии неиндоевропейских языков см.: Francis E.D. The impact of non-Indo-European languages on Greek and Mycenaean // Trends in Linguistics. Reconstructing Languages and Cultures. Mouton — de Gruyter. B. — N.Y., 1992.

ANCIENT GREEK ETYMOLOGY IN THE LIGHT OF THE DATA OF CRETAN-MYCENAEAN INSCRIPTIONS

V.P. Neroznak, S.Yu. Sharypkin

The deciphering of texts written in the script which reflects a far more archaic state than the one previously considered the most ancient is of great importance not only to research in the field of the ancient Greek grammar, but also to studies of the vocabulary and etymology of ancient Greek. The significance of texts written in the linear script *B* for etymological studies lies in the fact that many words in them occur in the form not known from the language of the 1st millennium B.C.

In some cases it provides the opportunity for substantiating the earlier hypotheses or rejecting them as untenable. Cretan-Mycenaean texts make it possible to reconstruct more archaic forms of Greek words and occasionally trace the evolution of the meanings thereof.

The essay points out the importance of texts written in the linear script *B* not only for ancient Greek, but also for Indo-European etymology.

К ВОПРОСУ О ДАТИРОВКЕ ЛАТИНСКИХ НАДПИСЕЙ ИЗ КАРА-КАМАРА

Открытие латинских наскальных надписей в Узбекистане¹ имеет весьма важное значение для решения вопросов, связанных с проникновением римлян на Восток, взаимодействием римской и кушанской культур, распространением митраизма в римской армии. Однако и сами надписи в свою очередь ставят перед учеными новые вопросы. Одним из них является вопрос их датировки. Первая исследовательница надписей из Кара-Камара Ю.Б. Устинова выстраивает свои рассуждения следующим образом: во второй надписи упоминается *legio XV Apollinaris*. «Этот легион... в 62 г. н.э. был направлен из Паннонии в Армению (Тас. Апп. XV. 25) и оставался там до 66 г. В начале осени этого года [какого? — А.Б.] римляне потерпели сокрушительное поражение от парфян в борьбе за Армению; парфяне тогда захватили множество пленных, некоторых из них судьбы могли забросить даже в Кара-Камар... Все эти соображения дают возможность датировать надпись последней третью I в. н.э.»².

К сожалению, Ю.Б. Устинова допустила досадную ошибку, которая состоит в следующем. Действительно, согласно Тациту, осенью 62 г. н.э. легат Нерона Цезенний Пет попал со своей армией в окружение под Рандеей и был вынужден капитулировать. Но в войска Пета входили только два легиона: IV *Scythica* и XII *Fulminata* (Тас. Апп. XV. 6–10). XV Аполлонов легион находился в этот момент в Паннонии и был переброшен на восток только весной 63 г. н.э. (Тас. Апп. XV. 25)³. Следует заметить, что переброска войск из Европы и Египта, а также назначение командующим римской армией на Востоке Гнея Домиция Корбулона сразу же охладили воинственный пыл парфян и способствовали началу мирных переговоров.

Таким образом, XV Аполлонов легион никакого участия в боевых действиях не принимал, следовательно, почти с полной уверенностью можно утверждать, что ни один солдат из *legio XV Apollinaris* в плен тогда не попадал и латинские надписи из Кара-Камара следует отнести к другой эпохе. К какой же? Для ответа на этот вопрос обратимся к тексту второй латинской надписи, фотография которой публикуется впервые (рис.)⁴.

Прежде всего следует отметить, что Ю.Б. Устинова неверно прочитала в стк. 1 этой надписи *Pan(ponici)*. В действительности же на скале высечено *Paḡav(it)*, что довольно отчетливо видно на фотографии. Таким образом, вся надпись приобретает следующий вид:

¹ Ртвеладзе Э.В. Из недавних открытий Узбекстанской искусствоведческой экспедиции в Северной Бактрии-Тохаристане // ВДИ. 1990. № 4. С. 135—145.

² Устинова Ю.Б. Наскальные латинские и греческая надписи из Кара-Камара // ВДИ. 1990. № 4. С. 145—147.

³ Ritterling E. *Legio* // RE. XII, 2. 1925. Sp. 1750.

⁴ Пользуясь случаем, автор выражает глубокую благодарность Ю.Г. Виноградову за предоставленную для публикации фотографию второй латинской надписи из Кара-Камара; ему же принадлежит исправленное чтение строки 1.

Латинская надпись из Кара-Камара

Из текста надписи ясно, что ее высек Гай Рекс из XV Аполлонова легиона. Каким путем он мог попасть в Северную Бактрию? Римские легионы никогда не доходили до берегов Окса. Дезертир вряд ли определил бы себя через принадлежность к «ненавистному» для него легиону. Скорее всего перед нами — легионер, попавший в парфянский плен в ходе одной из войн Рима с Парфией. Третья строка надписи, содержащая название легиона, дает нам *terminus ante quem* этого события. Известно, что в 175 г. н.э. во время восстания Авидия Кассия XV Аполлонов легион сохранил верность императору Марку Аврелию и получил за это почетное прозвище *pia fidelis*⁵. Маловероятно, чтобы Гай Рекс, принадлежавший к XV Аполлонову легиону, не упомянул его полное название. Ведь для этого к надписи надо добавить только две буквы «р. f.» Следовательно, надпись высечена между 63 и 175 гг.

Что же известно нам о XV Аполлоновом легионе в этот период? В начале 70-х годов н.э. он вернулся с Востока в Паннонию, где и оставался приблизительно до 115 г. н.э.⁶ Начиная с 118 г. легион был расквартирован в Сатале, в Малой Армении, где находился и в 175 г.⁷ На этот период приходится две войны Рима с Парфией, в которых участвовал XV Аполлонов легион: одна из них — Парфянская кампания Траяна 114—117 гг., другая — Луция Вера в 161—165 гг. Остается определить, в ходе какой именно войны попал в плен Гай Рекс.

Для правильного ответа на этот вопрос необходимо учитывать тот факт, что римляне, вступая в мирные переговоры с противником, всегда требовали у него возвращения своих пленных⁸. Так, в 36 г. до н.э. триумвир Марк Антоний поставил условием заключения мира возвращение знамен и военнопленных, захваченных парфянами у Красса (*Plut. Ant. 40*). Антоний настаивал (хотя и безуспешно) на своих требованиях даже тогда, когда сам был окружен парфянами под Фраатами (*Plut. Ant. 40*). В 23 г. до н.э. Август, уже император, соглашался заключить мир с Фраатом IV при условии возвращения знамен и военнопленных Красса и Антония (*Dio. 53.33.2*). Именно на этих условиях и был заключен мир в 20 г. до н.э. (*Dio. 54.8.1*). В 18—17 гг. до н.э. в честь этого события были даже выпущены монеты с легендой: «*Civib(us) et sign(is) milit(arius) a Part(his) recup(eratis)*»⁹. Принципы римской дипломатии были хорошо известны восточным соседям империи. В 194 г. до н.э. цари Адиабены, Осроэны и Хатры предложили императору Септимию Северу заключить мир, обещая вернуть военнопленных и компенсировать материальные издержки (*Dio. 75.1*).

Из всего вышесказанного ясно, что Гай Рекс не вернулся на родину и оказался так далеко на Востоке по той причине, что между воюющими сторонами не был заключен мир. Следовательно, более вероятным является предположение, что Гай Рекс попал в плен к парфянам в 115—117, а не в 161—165 годах. Действительно, несмотря на первоначальные неудачи (в том числе и поражение у Элегеи в 161 г.) римские войска в 163—165 гг. вновь захватили Армению, продвинулись до Селевкии и Ктесифонта и вторгались в Мидию (*SHA. Marcus. 9. 1; Verus. 7.1*). И хотя из-за чумы римляне были вынуждены отступить из Центрального Двуречья (*Dio. 71*), в 166 г. был заключен выгодный для империи мир, по которому к ней отходила северо-западная часть Месопотамии с городами Эдесса, Карры, Нисибис, Дура Эвропос.

⁵ *Ritterling. Op. cit. Sp. 1754—1755.*

⁶ САН. V. XI. P. 169, 187, 235; *Кудряцев О.В.* Провинция Каппадония в системе римской восточной политики (17—72 гг.) // ВДИ. 1955. № 2. С. 70. Прим. 3.

⁷ *Ritterling. Op. cit. Sp. 1754; САН. V. XI. P. 141.*

⁸ Это еще один дополнительный аргумент против предположения Ю.Б. Устиновой о том, что автор надписи попал в плен в 63 г. н.э. Все пленные, если они у парфян и были, должны были быть возвращены Риму по мирному договору 63 г. н.э. (*Tac. Ann. XV. 28—29*).

⁹ САН. V. X. P. 263.

В ходе Парфянской кампании Траяна в 114—117 гг. ситуация развивалась «с точностью до наоборот». Хотя в начале войны римская армия завоевала Армению и всю Месопотамию, постепенно ее положение становилось все более сложным. В 116—117 гг. н.э. вспыхнуло восстание на только что покоренных территориях и в восточных провинциях Рима (Dio. 68. 29; 32) В 116 г. в битве с парфянами потерпел поражение и погиб Аппий Максим Сантра — консуляр и полководец в Месопотамии (Dio. 68. 30. 1—2). Затем последовала неудачная для римлян осада крепости Хатры (Dio. 68. 31), после чего летом 117 г. н.э. начался общий отход римлян из Месопотамии. Вероятно, что именно в это время группа солдат (вряд ли Гай Рекс был один) из *legio XV Apollinaris* попала в парфянский плен и была отправлена в восточные области державы Аршакидов.

Ситуация, сложившаяся в римско-парфянских отношениях после 117 г., коренным образом отличалась от ситуации 63 или 166 г. н.э., но весьма напоминала обстановку 33—20 годов до н.э.: война была фактически прекращена, но мирного договора враждующие стороны не подписали. Император Адриан, хотя и отказался от всех завоеваний Траяна на Востоке, возвратил царю Хосрою его дочь и обещал вернуть царский трон, захваченный Траяном в Ктесифонте, но своего последнего обещания не сдержал (SHA. *Nadr.* 13. 8). При Антонине Пие отношения между двумя державами еще более обострились (SHA. *Pius.* 9. 6—7). Естественно, что при таком положении дел не могло быть и речи о возвращении римских военнопленных. Таким образом, группа римлян и оказалась на восточных границах Парфии, откуда им, видимо, удалось бежать к кушанам¹⁰. О дальнейшей судьбе Гая Рекса и его товарищей нельзя сказать ничего определенного.

Итак, из всего вышеизложенного можно сделать вывод, что латинские надписи из Кара-Камара датируются временем вскоре после 117 г. н.э.

А.С. Балахванцев

ON DATING LATIN INSCRIPTIONS FROM KARA-KAMAR

A.S. Balakhvantsev

The article is devoted to the chronological attribution of the Latin inscriptions recently discovered in Uzbekistan. On the basis of the data of Tacitus (*Ann.* XV. 25) the author comes to a conclusion that *XV Apollinaris legio* was transferred to the East in the spring of 63 A.D. and did not take part in the battles. Therefore the capture of a group of legionnaires of the XVth legion by Parthians should be dated to a later period, to the Parthian campaign of Trajan of 114—117 A.D. Even after the end of the war Roman-Parthian relations remained tense, which made the return of the prisoners home impossible. In the author's opinion the appearance of the Latin inscriptions in Kara-Kamar should be dated to the time shortly after 117 A.D.

¹⁰ Нечто подобное проделала группа легионеров Красса ок. 36 г. до н.э. См. Дебс Г.Г.: Военное сотрудничество между римлянами и китайцами в античное время // ВДИ. 1946. № 2. С. 45—50.

СВЯТИЛИЩА СРЕДНЕЙ АЗИИ В ЭПОХУ ЭЛЛИНИЗМА

(Состояние вопроса)

Раскопки греко-бактрийского храма в Тахт-и Сангине показали, что это один из замечательнейших религиозных памятников в иранском мире. Его архитектура принадлежит восточной традиции, которая стала известной благодаря своему развитию в эллинистический период. Новые традиции религиозной архитектуры появились в конце ахеменидского или в начале эллинистического периода, тогда как первоначально в Иране существовали только святилища под открытым небом. Влияние Месопотамии на формирование архитектурных решений закрытых храмов в иранском и среднеазиатском регионах проявилось в ином расположении храмовых сокровищниц по отношению к целле. Часто конструкции с четырехколонной квадратной целлой и с обводными коридорами ошибочно считают храмами огня¹. Однако не всегда подобные сооружения можно связать с зороастрийским культом, поскольку этот тип плана существовал как в культовой, так и в гражданской архитектуре², а зороастрийский культ начинает проявляться в архитектуре с конца парфянского периода.

В недавно опубликованном третьем томе истории зороастризма Мэри Бойс и Франц Грене³ предлагают рассматривать постахеменидскую религию Ирана и Средней Азии в свете письменных источников и данных археологических открытий в Бактрии. Среди этих открытий — святилище Тахт-и Сангин в Таджикистане, последнее по времени исследования среди памятников религиозного типа на территории «эллинистического» Востока после святилищ Дильберджина и Ай Ханум (Бактрия)⁴.

Святилище Тахт-и Сангин (рис. 4)⁵ наряду с «храмом с уступчатыми нишами» на городище Ай Ханум (рис. 1)⁶ по количеству и ценности находок представляет собой один из богатейших ансамблей культового значения в восточноиранском мире. В результате раскопок городища Тахт-и Сангин, как и при раскопках Ай Ханум, собственно архитектурный материал обогатился остатками храмовых сокровищ и разнообразной утвари⁷. Эти находки полнее и ярче отразили культы, существовавшие в

¹ Monneret de Villard U. The Fire Temples // Bulletin of the American Institute for Persian Art and Archaeology. 1936. V. 5. № 4; Erdmann K. Das Iranische Feuerheiligtum. Lpz. 1941.; Кошеленко Г.А. Культура Парфии. М., 1966.

² Пугаченкова Г.А. Архитектурные памятники Нисы // Тр. ЮТАКЭ. 1949. 1. С. 201—251; она же. Реконструкция «Квадратного зала» парфянского ансамбля Старой Нисы // Тр. ЮТАКЭ. 1951. 2. С. 143—146; она же. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма. М., 1958; она же. К архитектурной типологии в зодчестве Бактрии и Восточной Парфии // ВДИ. 1973. № 1; она же. К интерпретации и типологии некоторых архитектурных памятников Мерва и Нисы // Тр. ЮТАКЭ. 1976. 16. С. 16—29; Пугаченкова Г.А., Ртвеладзе Э.В. Северная Бактрия — Тохаристан. Очерки истории и культуры. Древность и средневековье. Ташкент, 1990. С. 85—91.

³ Boyce M., Grenet F. A History of Zoroastrianism. III. Zoroastrianism under Macedonian and Roman Rule // Handbuch der Orientalistik. 1. Abt. Der nahe und der mittlere Osten. 8/1/2/2. Leiden — New York, 1991. Я выражаю благодарность Е.Ю. Полонской за перевод на русский язык этой статьи, первоначальная версия которой была опубликована в более краткой форме в «Études de Lettres» (1992. V. 4. P. 101—124), а также Францу Грене, Ги Лекьюю, Маргарите Филанович за помощь в настоящем исследовании.

⁴ О греко-бактрийском святилище Джига-тепе (рядом с Дильберджином) мы не располагаем достаточной информацией, см. Boyce, Grenet. Op. cit. P. 183—184.

⁵ Pitschikjan I.R. Oxos-Schatz und Oxos-Tempel: Achämenidische Kunst in Mittelasien // Antike und Moderne. В., 1992. Общую информацию по Бактрии и Тахти-Сангину см. Пичикян И.Р. Культура Бактрии: ахеменидский и эллинистический периоды. М., 1991. См. также прим. 9.

⁶ О находках в Ай Ханум см. Francfort H.-P. Fouilles d'Ai Khanoum III. Le sanctuaire du temple à niches indentées. 2. Les trouvailles // MDAFA. 1984. 27.

⁷ Архитектура уже рассматривалась в двух работах И. Пичикяна: The Oxus Temple composition in the context of the architectural comparison // The International Association for the study of the cultures of Central Asia. Information Bulletin. 12. М., 1987. P. 42—55; The Graeco-Bactrian altars in the Temple of the Oxus (Northern Bactria) // Ibid. P. 56—65. См. также Litvinskij B.A., Pitschikjan I.R. Découvertes dans un sanctuaire au dieu Oxus de la Bactriane septentrionale // Revue archéologique. 1981. 2. P. 195—216; idem. Monuments of art from the

Бактрии, и важны не только для данного региона, но также для Ирана в целом, включая его восточную часть — Среднюю Азию, и для Месопотамии.

Городища Ай Ханум и Тахт-и Сангин расположены по берегам Окса-Амударьи. Ай Ханум (территория современного Афганистана) находится на левом берегу реки, в месте слияния ее с р. Кокча; Тахт-и Сангин (территория современного Таджикистана) — на берегу Вахша, одного из правых притоков Амударьи (впадает в сотне километров ниже по течению от Ай Ханум). Хотя пока нам неизвестны первоначальные названия этих городов, уровень их урбанизации доказывает, что эти два города стали важнейшими центрами греко-бактрийского государства со времени греческого завоевания или несколькими десятилетиями позже. Ай Ханум имел очень важное стратегическое и экономическое положение, поскольку, находясь на восточной окраине равнины в среднем течении Амударьи, он защищал ее от набегов кочевников, коренных жителей среднеазиатских степей. Городище Тахт-и Сангин, напротив, было расположено непосредственно у места слияния двух рек: согласно античным источникам и сведениям географов IX—X вв., здесь брал свое начало Окс. Святилище занимает главное место в городской структуре, будучи ядром города. Доказательством тому явились обнаруженные при раскопках votивный постамент с посвяительной надписью на древнегреческом языке богу реки Окс, а на нем сам бог реки, воплощенный в бронзовой статуэтке Марсия. Здесь очевидна аналогия с названием одноименной реки, притока Меандра, протекающей по территории современной Турции, что свидетельствует о связях, которые древнегреческие колонисты, завоевавшие эту территорию в III в. до н.э., сохранили со своими родными городами, в особенности с Магнесией на Меандре. Надо отметить, что аналогия между богом реки Окс и Марсием относится к более позднему периоду (середина II в. до н.э.), изображение речного божества до возникновения этой аналогии неизвестно⁸.

Большая часть находок в Тахт-и Сангине — всего около 5000 предметов — происходит из мест, прилегающих к целле храма, и представлена votивными предметами и храмовым сокровищем в основном ахеменидского облика. Среди них разнообразные приношения, миниатюрные алтари, курильницы, глиняные статуи, изделия из слоновой кости, золотые и бронзовые пластины с изображением донаторов и посвященных в храм животных (верблюдов и лошадей), миниатюрные копии оружия. Открытие святилища Окса и находки в нем подтверждают предположения о происхождении знаменитого «Амударьинского клада», обнаруженного в этом районе в 70-е годы прошлого столетия, большая часть которого находится в Британском музее, из храма Окса, предшествующего тахтисангинскому⁹.

Приношения, найденные в святилище Тахт-и Сангина, по-видимому, связаны с традиционным культом изображений. Однако структура храма, план храма и обнаруженные при раскопках остатки комнат для хранения вечного огня (*атешгаху*), кажется, отвечают архитектурной традиции храмов огня иранского мира.

ПЕРЕЧЕНЬ СВЯТИЛИЩ

Недостаток данных по истории архитектуры культовых зданий не позволяет составить типологию святилищ и идентифицировать прототипы зданий ахеменидского периода и производные от них как в Бактрии, так и в Иране. Характерным признаком этих зданий является наличие очага. Большая часть этих памятников либо была

sanctuary of Oxus / Northern Bactria // Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae. Budapest, 1983. XXVIII. P. 25—83; Литвинский Б.А., Виноградов Ю.Г., Пичикян И.Р. Вотив Атросока из храма Окса в Северной Бактрии // ВДИ. 1985. № 4. С. 84—110; Древности Таджикистана. Каталог выставки. Душанбе, 1985; Oxus. 2000 Jahre Kunst am Oxus-Fluss in Mittelasiien. Zürich, Museum Rietberg, 1989; Oxus. Tesori dell'Asia Centrale. Roma, Palazzo Venezia, 1993.

⁸ Bernard P. Le Marsyas d'Apamée, l'Oxus et la colonisation séleucide en Bactriane // Studia Iranica. 1987. XVI. P. 103—115.

⁹ Dalton O.M. The Treasure of the Oxus: with other objects from ancient Persia and India. L., 1905. Комментарий к вопросу о соотношении святилища Тахт-и Сангин и Амударьинского клада см. Bernard P. Le temple de Takht-i Sangin en Bactriane: temple du feu ou pas? // Studia Iranica. 1994. 23. С. 85—114.

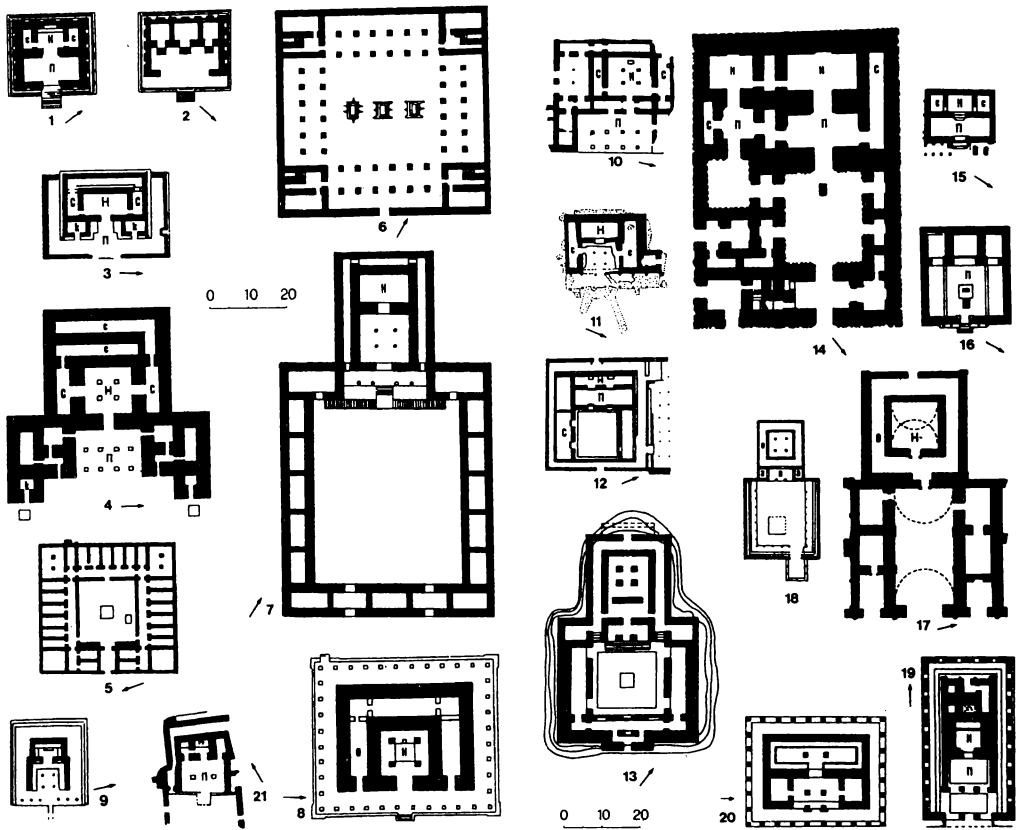

Рис. 1—9, 21.

Рис. 10—20.

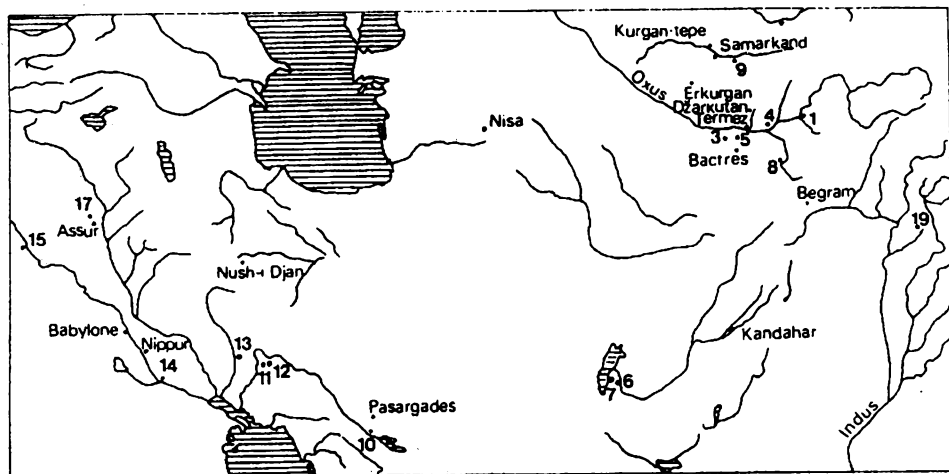
Рис. 1—9, 21. 1 — Ай Ханум, храм с уступчатыми нишами; 2 — Ай Ханум, храм за стенами города, первоначальный вид; 3 — Дильберджин; 4 — Тахт-и Сингин; 5 — Алтын 10, здание 2 (кладовые или сокровищница); 6 — Дахан-и Гуламан, здание 3 (открытое святилище); 7 — Кух-и Ходжа; 8 — Сурх-Котал, храм А; 9 — Пенджикент, храм 1; 21 — Джартепе, последний период здания

Рис. 10—20. 10 — Персеполь, «храм Фратарака»; 11 — Бард-и Нишанде; 12 — Масджид-и Солайман; 13 — Сузы, Аядана (памятник нерелигиозного значения); 14 — Урук, святилище Ану-Ангум, Бит Реш; 15 — Дура Европос, храм Артемиды; 16 — Дура Европос, храм Зевса Мегистоса; 17 — Хатра, храм огня; 18 — Сахр, набатейский храм; 19 — Джандиал (Таксила); 20 — Мохра Малиаран (Таксила); 21 — Джартепе, последний период здания

расчищена лишь частично, либо не была датирована с достаточной точностью. Письменные источники о них, во-первых, разновременны, а во-вторых, содержат лишь фрагментарные свидетельства.

Недостаточность археологических данных заставляет нас рассматривать все памятники в соответствии с текстами, относящимися к восточным религиям, в частности к зороастризму. Первый перечень храмов, составленный 20 лет назад Клаусом Шипманом, включает большую часть памятников культового значения в Иране¹⁰. Новые находки в Бактрии вызвали необходимость заново пересмотреть перечень памятников, этому посвящены многие недавние публикации. Некоторые из них касаются

¹⁰ Schippmann K. Die Iranischen Feuerheiligtümer // Religionsgeschichtliche Versuche und Vorarbeiten. 31. B.-N.Y., 1971. Автор иногда слишком легко принимает допущения других археологов в определении религиозной функции памятников. См. также отчет Boyce M. On the Zoroastrian Temple cult of fire // Journal of the American Oriental Society. 1975. XCIV. P. 454—465.

Карта расположения описываемых памятников храмовой архитектуры

храмов огня, в особенности в Иране, включая Сузиану и Элимаиду¹¹, другие освещают архитектуру Месопотамии и ее производные — бактрийские святилища Дильберджина (рис. 3) и Ай Ханум (рис. 1, 2). В последних исследованиях прослеживается тенденция рассматривать в совокупности все архитектурные традиции Ирана и Месопотамии¹². Этот подход отвечает проблеме сопоставления архитектуры Бактрии и Западного Ирана, с одной стороны, Ирана и Месопотамии — с другой, в течение всего периода от Ахеменидов до нашей эры. Однако подобный подход ставит под вопрос датировку многих святилищ в Иране, а также существование ранних храмов огня и иранских и месопотамских традиций, которые обнаружили в бактрийской архитектуре эллинистической эпохи.

Сатрапии Ахеменидской империи охватывают такие различные культурные регионы, как Восточный и Западный Иран, включая Дрангиану (Сеистан) и Бактрию, а также Южную Месопотамию вместе с прилегающими территориями Сузианы и Элимаиды. Среди наиболее изученных памятников выделяются: в Иране — Пасаргады (священное укрепление) и Персеполь («храм Фратарака», рис. 10), в Сеистане — Кух-и Ходжа (рис. 7) и Дахан-и Гуламан (рис. 6); в Бактрии — Дильберджин (рис. 3), Ай Ханум (рис. 1, 2) и Тахт-и Сангин (рис. 4); в Месопотамии — Урук (рис. 14), Дур-Европос (рис. 15, 16), а также Сузы (Аядана, рис. 13), Масджид-и Сулейман (рис. 12), Бард-и Нишанде (рис. 11) в Иране.

¹¹ Boucharlat R. *Monuments religieux de la Perse achéménide, état des questions* // *Temples et sanctuaires. Travaux de la Maison de l'Orient*. Lyon, 1984. 7. P. 119—135; Stronach D. *On the Evolution of the early Iranian fire temple* // *Papers in honour of Professor Mary Boyce. Acta Iranica*. 15. *Hommages et Opera Minora*. 11. Leiden, 1985. P. 605—627.

¹² Stronach. *Op. cit.*; Hannestad L., Potts D. *Temple architecture in the Seleucid kingdom* // *Studies in Hellenistic civilization*. Aarhus, 1990. 1. P. 91—123; Bernard P. *L'Architecture religieuse de l'Asie Centrale à l'époque hellénistique* // *Akten des XIII. Internationalen Kongresses für klassische Archäologie*, Berlin, 1988. Mainz a. Rhein, 1990. P. 51—59; Boyce, Grenet. *Op. cit.* Археология религиозных памятников рассматривается в сборнике статей: *Cultes et monuments religieux dans l'Asie Centrale préislamique* / Ed. F. Grenet // *Publications de l'UA*. 1222 / Ex. U.R.A. 29/2. P., 1987, публикации материалов международного симпозиума: *Histoire et cultes de l'Asie centrale préislamique. Sources écrites et documents archéologiques (Actes du Colloque international du CNRS. Paris, UNESCO 22—28 novembre 1988)*. P., 1991.

Святыни иранского мира схематично можно разделить на две категории: 1) святыни или культовые места под открытым небом; 2) закрытые святыни.

Первая категория (святыни под открытым небом, огороженный священный участок, теменос) включает ансамбли ахеменидского происхождения, отвечающие зороастрийским традициям, о которых Геродот писал (I, 131—132): «[...] Воздвигать статуи, храмы (*νῆρυς*¹³) и алтари [богам] у персов не принято. [...] Так, Зевс (Ахурамазде) они обычно приносят жертвы на вершинах гор [...] Совершают они жертвоприношения также солнцу, луне, огню, воде и ветрам. Первоначально они приносили жертвы только этим одним божествам, затем от ассирийцев и арабов персы научились почитать Уранию (Афродиту). [...] Персы не воздвигают алтарей и не возжигают огня. Нет у них ни возлияний, ни игры на флейте, как нет и венков, и жертвенного ячменя. [...]»¹⁴ (пер: Г.А. Стратановского).

Для святынь, культовая функция которых четко определена, характерно наличие одного или нескольких постаментов на огороженном участке (храм в Пасаргадах)¹⁵ или во внутреннем дворике здания (строение третьего ахеменидского комплекса Дахан-и Гуламан (рис. 6)¹⁶. Если следовать Геродоту, указывавшему, что иранские святыни находились на возвышенностях, то можно утверждать, что одним из них мог быть подиум, открытый в юго-восточном крыле акрополя Ай Ханум¹⁷. То же может касаться и Нимруд-Дага. Два других святыни с террасой доэллинистического периода, Масджид-и Сулейман и Бард-и Нишанде¹⁸, но без поздних храмовых построек часто относят к той же традиции. Однако, несмотря на общие черты с открытыми ахеменидскими святынями, их принадлежность к культу иранского происхождения весьма сомнительна. Эти памятники сейчас принято относить к вавилонскому культу, имевшему распространение в Элимаиде и Сузиане¹⁹.

Вторая категория святынь — закрытые храмы — включает ряд наиболее важных памятников, среди которых можно выделить два вида культа: культ изображений иранских божеств (Ахурамазда, Митра и Анахита) и культ огня²⁰. По Мэри Бойс, культ огня, как и в зороастризме, возможно, был официальной религией ахеменидских

¹³ В аналогичном описании (География XI, 8, 4) Страбон употребляет слово *hieron*: речь идет о понятии святыни, священного участка; это слово не означает непосредственно «храм» (закрытый: *naos*). Значение этого слова — то же, что у Геродота.

¹⁴ В этом тексте содержатся определенные неясности: двусмысленность понятий «алтарь», «святыня»; также неясно, имеется ли в виду Иран или ахеменидская Малая Азия и т.д.; см. *Boucharlat*. Op. cit. P. 121—122.

¹⁵ *Ibid.* P. 126—127; *Stronach*. Op. cit. P. 606, 608—609: постаменты, возможно, посвящены культу огня, о чем можно заключить на основе сравнения с ахеменидскими рельефами, изображающими царя, молящегося перед платформой с огнем.

¹⁶ Во дворе находились три постаменты. *Scerrato U.* Excavations at Dahan-i Ghulaman (Seistan, Iran). First preliminary report (1962—1963) // *East and West*. NS. 1966. XVI. P. 9—30; *idem.* L'Edificio sacro di Dahan-i Ghulaman (Sistan) // *Atti del convegno sul tema «La Persia e il mondo greco-romano»*, Roma, 11—14 aprile 1965. Roma, 1966. P. 457—470; *Genito B.* Dahan-i Ghulaman: una città achemenide tra centro e periferia dell'Impero // *Oriens Antiquus*. 1986. XV. P. 287—317, sp. 293—295, 309. Определение этих алтарей как посвященных Ахурамазде, Митре и Анахите не основано, таким образом, на достоверных данных: *Boucharlat*. Op. cit. P. 132—133; *Boyce*. On the Zoroastrian Temple cult of fire. P. 458; *Stronach*. Op. cit. P. 608, 610. Дэвид Стронах (*ibid.* P. 610—612) указывает на сходство здания 2 в Дахан-и Гуламан со зданием 2 в Алтын 10 в бактрийском оазисе, объясняя его историческими связями между Сеистаном и Бактрией. Это здание обращено на запад и не имеет алтарей; согласно схеме, которая также обнаруживается в плане здания 2 Дахан-и Гуламан, его назначение — хранилище или сокровищница: *Genito*. Op. cit. P. 296, 310; *Кругликова И.Т., Сарияниди В.И.* Пять лет работы Советско-афганской археологической экспедиции // *Древняя Бактрия. Материалы Советско-афганской экспедиции, 1969—1973 гг.* М., 1976. С. 9. Рис. 6—8; *Rapin C.* Fouilles d'Ai Khanoum VIII. La trésorerie du palais hellénistique d'Ai Khanoum // *MDAFA*. 1992. 33. P. 275—276.

¹⁷ *Boyce, Grenet*. Op. cit. P. 181—183 (см. также прим. 36).

¹⁸ *Ghirshman R.* Terrasses sacrées de Bard-e Néchandeh et Masjid-i Solaiman: l'Iran du Sud-Ouest du VIIIe s. av. n. ère au Ve s. de n. ère // *MDAI*. 1976. 45.

¹⁹ *Boyce, Grenet*. Op. cit. P. 44—48.

²⁰ О закрытых храмах см. *ibid.* P. 165 suiv.

монархов. Одновременно существовало — или появилось заново в более поздний период — поклонение вотивным изображениям, о существовании которого говорит борьба с ним Ксеркса I, а также свидетельства Геродота. Согласно Беросу, Артаксеркс II (404—357 гг. до н.э.) установил статуи Анахиты в главных городах своей империи. «Берос в третьей книге "Халдеика" пишет, что в этих городах по приказу Артаксеркса, сына Дария Оха, поклонялись человеческой статуе. Артаксеркс первым ввел поклонение статуе Афродиты-Анаитиды в Вавилоне, Сузах, Экбатанах и распространил этот культ на персов, бактрийцев, в Дамаске и Сардах» (Clem. Alex. Protrep. V. 65).

Археологические данные не подтверждают этот текст. В ахеменидский период едва ли можно найти примеры подобных храмов или статуй. Среди зданий, наиболее часто используемых в качестве примеров при исследовании храмов, можно выделить «храм Фратарака» в Персеполе (рис. 10)²¹; Аядана в Сузах (рис. 13)²² и комплекс Кух-и Ходжа (рис. 7)²³. Все три объединяет наличие четырехколонного зала, окруженного с трех или четырех сторон продольными помещениями или коридорами. Зал имеет вход через портик. В памятниках Суз и Кух-и Ходжа перед входом имеется дворик, а также две комнаты небольших размеров, симметрично расположенные перед целлой²⁴ по обеим сторонам портика. Первоначально эти памятники были отнесены к ахеменидскому периоду на основании их исторического контекста и по архитектурным признакам. Находящийся в центре четырехколонный зал рассматривался в данном случае как признак храма огня, поскольку его считали прототипом чахар-так. К этой же традиции нередко относят святилище Сурх-Котал (рис. 8)²⁵ в Афганистане, а также два других ансамбля с залом подобного типа: парфянский храм Бард-и Нишанде (рис. 11) и греко-бактрийский храм огня Тахт-и Сангин (рис. 4).

Это предположение, основанное на очевидном на первый взгляд сходстве, спорно. Среди святилищ ахеменидского периода нам неизвестно ни одного храма огня. Памятники в Персеполе, Сузах, Кух-и Ходжа являются более поздними постройками. Аядана в Сузах (рис. 13), возможно, не храм, а богатое жилое здание типа дворцов Ай Ханум²⁶. Также сомнительна идентификация «храма Фратарака»²⁷. С другой стороны,

²¹ Schmidt E.F. Persepolis I. Structures, Reliefs, Inscriptions // Oriental Institute Publications. LXVIII. Chicago, 1953. P. 56; Schippmann. Op. cit. S. 177—185; Boyce. On the Zoroastrian Temple cult of fire. P. 460—461; Boucharlat. Op. cit. P. 130—132; Stronach. Op. cit. P. 612—617, о северо-западном комплексе см. с. 616—617; Bernard. L'Architecture religieuse. P. 58; Hannestad, Potts. Op. cit. P. 111—113. Д. Стронах, Л. Ганнестад и Д. Поттс не ставят под вопрос религиозную функцию северо-западного комплекса, первый из авторов определяет его как храм Анахиты; Boyce, Grenet. Op. cit. P. 116—118.

²² Dieulafoy M. L'Acropole de Suse, d'après les fouilles exécutées en 1884—86. P., 1893; Schippmann. Op. cit. S. 266—274. Fig. 38, 83; Boucharlat. Op. cit. P. 126, 128—130; Stronach. Op. cit. P. 611, 619—622 (II в. до н.э.); Bernard. L'Architecture religieuse... P. 58; Hannestad, Potts. Op. cit. P. 114—115; Boyce, Grenet. Op. cit. P. 38—39.

²³ Gullini G. Architettura iranica dagli Achemenidi ai Sasanidi: il «palazzo» di Kuh-i Khwagia, Seistan. Torino, 1964; Schippmann. Op. cit. S. 56—70. Fig. 83; Boyce. On the Zoroastrian Temple cult of fire. P. 458; Boucharlat. Op. cit. P. 129—130; Stronach. Op. cit. P. 618—619; Bernard. L'Architecture religieuse... P. 58; Hannestad, Potts. Op. cit. P. 112—113. П. Бернар и Д. Стронах ставят под сомнение принадлежность данного памятника к ахеменидскому периоду (Op. cit. P. 149—151).

²⁴ Они имеют прямое сходство с набатейским храмом огня (Сахр, рис. 18); Schippmann. Op. cit. S. 481—483; Boucharlat. Op. cit. P. 128—129. Fig. 18. Однако необходимо уточнить, что культ огня, отправлявшийся в этом храме, отличался от иранского культа.

²⁵ Schippmann. Op. cit. S. 492—496. Fig. 81, 83; Schlumberger D., Le Berre M., Fussman G. Surkh Kotal en Bactriane // MDAFA. 1983. 25. См. также Boucharlat R. Chahar Taq et temple du feu sasanide: quelques remarques // De l'Indus aux Balkans. Recueil à la mémoire de Jean Deshayes. P., 1985. 461—478.

²⁶ Francfort H.-P. Le Plan des maisons gréco-bactriennes et le problème des structures de «type megaron» en Asie Centrale et en Iran // La Plateau Iranien et l'Asie Centrale des origines à la conquête islamique. Leurs relations à la lumière des documents archéologiques, Paris, 22—24 mars 1976 // Colloques internationaux du CNRS. 567. P., 1977. P. 267—280; Лекуюю Г. Ай Ханум. Жилищное строительство // Городская культура Бактрии-Тохаристана и Согда, античность, раннее средневековье. Материалы Советско-французского коллоквиума, Самарканд, 1986. Ташкент, 1987. С. 59—67; Boucharlat. Monuments religieux... P. 126, 128—130; Bernard. L'Architecture religieuse... P. 58; Boyce, Grenet. Op. cit. P. 38—39. Д. Стронах, Л. Ганнестад и Д. Поттс не ставят под вопрос религиозную функцию памятника.

²⁷ Bernard. L'Architecture religieuse... P. 58; Boyce, Grenet. Op. cit. P. 116—118.

каждый из этих памятников иллюстрирует различные культурные пласты и каждому из них присуща своя архитектурная форма. От Сирии до Ирана, от Сузианы до Бактрии наличие четырехколонного зала не является обязательным основанием для определения культовой функции. Доказательством могут служить гражданские постройки парфянских дворцов в Ашшуре²⁸ и, вероятно, в Ниппуре²⁹. В досасанидский период четырехколонный зал указывает на религиозную функцию только в Бактрии, в первую очередь в Тахт-и Сангине (эллинистическая эпоха) (рис. 4) и Сурх-Котале (кушанская эпоха) (рис. 8).

В Иране только культовые места под открытым небом, например Дахан-и Гуламан (рис. 6), вероятно, датируются ахеменидским периодом. Несмотря на свидетельства письменных источников, в настоящее время не сохранилось ни одного закрытого здания этого периода, связанного с культом огня или божественных изображений. Несомненно, что святилища-храмы существовали в ахеменидскую эпоху, хотя не имеется никаких сведений о том, какие архитектурные формы они имели в III—II вв. до н.э., поскольку они были разрушены Антиохом III и Антиохом IV³⁰.

Сведения, на которых основывается изучение архитектурных религиозных традиций в Бактрии, очень фрагментарны. Несомненно, в Иране имелись прототипы греко-бактрийских памятников, о чем свидетельствуют дома и сокровищница Ай Ханум³¹. Однако дворец этого города является примером строения, не характерного для иранских ансамблей типа, но являющегося синтезом многочисленных различных традиций. Действительно, в иранских столицах Персеполе и Пасаргадах, в ахеменидских городах Средней Азии Дахан-и Гуламан и Алтын 10, а также в парфянской столице Ниса дворцы представляют собой отдельные независимые строения, расположенные рядом друг с другом. Дворец Ай Ханум, напротив, состоит из тесно прилегающих друг к другу зданий, связанных между собой сложной системой коридоров, которая заимствована, вероятнее всего, из традиций строительства месопотамских дворцов (например, дворец в Сузах³²).

В архитектурном плане пять памятников религиозного типа, обнаруженных в Ай Ханум, относятся к трем различным культурным традициям³³. Храм с уступчатыми нишами (рис. 1)³⁴ и храм за стенами города (рис. 2)³⁵ имеют аналоги в месопотамском регионе; подиум акрополя принадлежит иранской традиции³⁶; мавзолеи отвечают

²⁸ *Stronach*. Op. cit. P. 626.

²⁹ *Fisher C.S.* The Mycenaean Palace at Nippur // *AJA*. 1904. VIII. P. 403—432; в данном случае наличие колонн в зале — только предположение; *Marquand A.* The Palace et Nippur, not Mycenaean but Hellenistic // *AJA*. 1905. IX. P. 7—10.

³⁰ О разграблении храма бога Бэла (Бард-и Нишанде?) Антиохом III в 187 г. и храма Нанайи (Шами?) Антиохом IV в 164 г. см. *Boyce, Grenet*. Op. cit. P. 40—41.

³¹ *Bernard P.* Les Traditions orientales dans l'architecture gréco-bactrienne // *Journal Asiatique*. 1976. P. 245—275; *Francfort*. Le plan des maisons gréco-bactriennes.

³² *Perrot J. L'Architecture militaire et palatiale des Achéménides à Suse* // 150 Jahre. Deutsches Archäologisches Institut. 1829—1979. Festveranstaltungen und Internationales Kolloquium 17—22. April 1979 in Berlin. Mainz, 1981. S. 79—94.

³³ *Downey S.B.* Regional Variation in Parthian Religious Architecture // *Mesopotamia*. 1987. XXII. P. 29—55; *eadem*. Mesopotamian Religious Architecture. Alexander through the Parthian. Princeton. 1988.

³⁴ *Bernard P.* Quatrième Campagne de fouilles à Ai Khanoum (Bactriane) // *GRAI*. 1969. P. 327—354; *idem*. Campagne de fouilles 1969 à Ai Khanoum en Afganistan // *CRAI*. 1970. P. 317—347; *idem*. La Campagne de fouilles de 1970 à Ai Khanoum (Afghanistan) // *GRAI*. 1971. P. 414—431; *idem*. Fouilles de Ai Khanoum (Afghanistan), campagnes de 1972 et 1973 // *CRAI*. 1974. P. 294—298; *idem*. L'Architecture religieuse... P. 51—53; *Boyce, Grenet*. Op. cit. P. 165—171.

³⁵ *Bernard*. Fouilles de Ai Khanoum... P. 287—289; *idem*. Campagne de fouilles 1975 à Ai Khanoum (Afghanistan) // *CRAI*. 1976. P. 303—307; *idem*. L'Architecture religieuse... P. 53—54; *Boyce, Grenet*. Op. cit. P. 165—171.

³⁶ *Bernard* // *CRAI*. 1976. P. 306—307; *idem*. L'Architecture religieuse... P. 54. Ср. также трехступенчатый подиум со стороны приблизительно 21 м в Джандалат-теле (Сурхандарья): *Пудаев Ш.П.* Материалы к изучению древних памятников Северной Бактрии // *Древняя Бактрия*. Л., 1974. С. 32—42 (рис. 2).

греческим классическим канонам, принятым в официальном культе Селевкидов³⁷. Не останавливаясь на деталях плана зданий первой группы, рассмотрим их внутреннее строение, а именно расположение сокровищниц по отношению к целле. Наличие в храмах сокровища и предметов культа играло немаловажную роль в функционировании святилища. Поэтому нельзя отрицать, что местонахождение священного сокровища в храме отражало «собственнические» отношения между божеством и служителями культа.

В Ай Ханум в центре храма с уступчатыми нишами находится целла, а перед ней — большой пронаос (рис. 1). По обеим сторонам от целлы находятся две сокровищницы, которые, вероятно, служили местом хранения части или всех предметов культа и храмовых сокровищ. Первоначальный план здания Дильберджина (Бактрия) аналогичен по структуре (рис. 3): в целле имеются две боковые двери, ведущие в узкий обводной коридор, который, возможно, являлся местом хранения храмового сокровища³⁸. Прямой выход коридора в целлу, следовательно, исключает возможность наличия здесь культа, основанного на ритуале *circumambulatio*. Целла имеет прямой выход во двор храма в соответствии с традицией, которую в равной степени можно наблюдать в храме за стенами город Ай Ханум. Два боковых помещения, сходных с помещениями в Тахт-и Сангине, выступают по обеим сторонам входа в целлу³⁹.

Несмотря на сложный подковообразный план, похожий на план здания в Дильберджине, существенная часть внутреннего строения здания в Тахт-и Сангине идентична двум предыдущим (рис. 4). Центральный зал (Н) имеет выход в двор через крытый вход и сообщается напрямую с двумя боковыми сокровищницами. С задней стороны последние выходят в два продольных хранилища, где находилось храмовое сокровище. Крылья здания, идущие с двух сторон от входа, образуют вместе с основным корпусом единый ансамбль, что, несомненно, и было замыслом архитектора. Каждая из этих двух пристроек является уменьшенной копией центрального корпуса памятника и располагается под углом 90 градусов к основному корпусу. Главный зал и два дополнительных помещения в левом крыле повторяют в плане левую часть основного центрального корпуса с целлой, вместе с левой частью сокровищницы и расположенным с задней стороны хранилищем. Правое крыло, симметричное левому, аналогично по планировке. Таким образом, план храма не имеет принципиальных отличий от других греко-бактрийских памятников, за исключением боковых пристроек, которые были необходимы для отправления дополнительных церемоний (культов). Надо отметить, что схема, которая, как в храме Тахт-и Сангин, возможно, отражает многосложный культ, отличается от храма за стенами города Ай Ханум и от Джартепе (см. прим. 37 и рис. 21), в которых имеются три целлы, расположенные рядом. Согласно И. Пичикяну, в этих крыльях в Тахт-и Сангине размещались *атешгахи* (А) — помещения, где сохранялся вечный огонь, который вносили в целлу только во время религиозных церемоний. Следовательно, как видно из предположений П. Бернара (см. прим. 7), остается неясным, можно ли считать культ огня современным греческой эпохе. Если же он являлся таковым, то, без сомнения, он не был главным

³⁷ Bernard P., *Le Berre M., Stucki R. Architecture. Le téménos de Kinéas // Fouilles d'Ai Khanoum I. MDAFA. 1973. 21. P. 85—102; Bernard P. Deuxième campagne de fouilles d'Ai Khanoum en Bactriane // CRAI. 1967. P. 310—312; idem. Campagne de fouilles 1974 à Ai Khanoum (Afghanistan) // CRAI. 1975. P. 180—189; Francfort H.-P., Liger J.-C. L'hérôon au caveau de pierre // BEFEO. 1976. LXIII. P. 25—39. Pl. 3—5, 11—14; Boyce, Grenet. Op. cit. P. 189; Hannestad, Potts. Op. cit. P. 98—101.*

³⁸ Kruglikova I.T. Les Fouilles de la mission archéologique soviéto-afghane sur le site gréco-kushan de Dilberdjin en Bactriane // CRAI. 1977, P. 407—427; Kruglikova I.T. Дильберджин. Храм Диоскуров // Материалы Советско-афганской археологической экспедиции. М., 1986. С. 6—34. (Rez.: Bernard P. // Abstracta Iranica. 1987. X. № 189); Bernard. L'Architecture religieuse... P. 55—56; Boyce, Grenet. Op. cit. P. 172—173.

³⁹ Существование двух ниш по обеим сторонам целлы в храмах Пенджикента, вероятно, пережиток в измененной форме этой архитектурной схемы (рис. 9). Наличие множественных культов не является исключением: ср. поздний период храма, более поздний, чем Джар-тепе (рис. 21); см. Бердимуратов А.Э., Самбаев М.К. Результаты раскопок храма на Джартепе II // ИМКУ. 1992. 26. С. 77—92 (рис. 1, с. 78).

культом, как в зороастризме. Поэтому нет оснований предполагать, что план здания в целом определялся наличием второстепенного культа, а не главного (т.е. культа речного божества).

Прямое сообщение между целлой и сокровищницами повторяет традиции Ай Ханум, но продольные помещения, закрывающие целлу с трех сторон, напоминают в большей степени структуру Дильберджина. Эта структура встречается только в Бактрии. Памятник Кух-и Ходжа (рис. 7) — неудачный пример для сравнения (в данном случае коридоры и продольные помещения, обрамляющие центральный зал, не соединяются с ним⁴⁰), как и памятник в Сузах, который, вероятнее всего, не относится к зданиям религиозного типа. Среди иранских памятников один только «храм Фрата-рака» в Персеполе (рис. 10), который, вероятно, первоначально не предназначался для религиозного культа, имеет квадратный зал (Н), окруженный подобным же образом помещениями. Таким образом, ни одно из зданий с обводными коридорами, имеющими выход наружу, не является храмом.

МЕСОПОТАМСКИЙ РЕГИОН

Как отмечают большинство исследователей, наиболее вероятно, что происхождение плана греко-бактрийского храма заимствовано из месопотамского региона. Об этом свидетельствуют святилища Ану Антум в храме Бит Реш Урука (рис. 14); парфянские храмы II в. до н.э. Бард-и Нишанде (рис. 11) и Масджид-и Сулейман (рис. 12); а также поздние храмы Дура-Европос (рис. 15, 16). Все они построены по одной схеме: целла (Н), перед ней пронаос (П) и боковые кладовые (С). Расположение последних, однако, может быть различным. В святилище Ану Антум в Уруке (середина III в. до н.э., рис. 14)⁴¹ две целлы (Н) соединены между собой посредством залы или сокровищницы, оба имеют выход в передней части в пронаос (П), и только из него существует выход в боковые помещения (С). Парфянский храм Бард-и Нишанде⁴² имеет четырехколонный зал с выходами в три комнаты: одну с задней стороны и две по бокам (рис. 11). Р. Гиршман определил этот зал как целлу, но анализ плана ставит эту гипотезу под сомнение. Несущие стены здания определяют скорее заднее помещение (Н), предположительно наос. Передний зал с колоннами (П) мог бы быть пронаосом, или крытым входом, если допустить, что стена со стороны двора не является более поздней пристройкой. В этом случае сокровищницы (С) соединялись бы не с целлой, а с передним залом. Хотя план храма Масджид-и Сулейман отличается — наос и пронаос в нем разделены на две части, сокровищницы или дополнительные помещения соединяются только с двором храма (рис. 12)⁴³.

Если для первых примеров в основном характерно отсутствие прямого сообщения между сокровищницами и целлами, то планировка серии храмов в Дура-Европос поражает своим сходством с греко-бактрийскими храмами, особенно с Ай Ханум. Хотя храмы Артемиды (рис. 15)⁴⁴ и Зевса Мегистоса (рис. 16)⁴⁵ относятся к более позднему периоду, их сходство с «храмом с уступчатыми нишами» в первом случае (рис. 1) и храмом за стенами города (рис. 2) во втором — не случайно: в системе *наос* — *пронаос* храма Артемиды расположение сокровищниц отно-

⁴⁰ Если предположить, что памятник Кух-и Ходжа — храм, то можно отметить, что первоначальная целла — не четырехколонный зал, а продолговатое заднее помещение, которое в эпоху Сасанидов было преобразовано в *атеиугах*.

⁴¹ Downey. *Mesopotamian Religious Architecture*. P. 20 suiv. Fig. 5; *Hannestad, Potts*. Op. cit. P. 106—108.

⁴² Schippmann. Op. cit. S. 251—258. Fig. 37; Bernard. *L'Architecture religieuse...* P. 58; Downey. Op. cit. P. 134—136. Fig. 58; *Hannestad, Potts*. Op. cit. P. 113—115.

⁴³ Downey. Op. cit. P. 131—134. Fig. 56.

⁴⁴ Ibid. P. 76—130. Fig. 39; Bernard. *L'Architecture religieuse...* P. 51—52.

⁴⁵ Downey. Op. cit. P. 81; Bernard. *L'Architecture religieuse...* P. 51—52; *Hannestad, Potts*. Op. cit. P. 104—105. Надо отметить, что план здания, восстановленный археологами, имеет предположительный характер.

сительно целлы идентично внутренней структуре греко-бактрийских храмов⁴⁶.

Сходство культов, святилищ Месопотамии и Бактрии также иллюстрируют найденные в Ай Ханум, в храме с уступчатыми нишами, и в Тахт-и Сангине серебряные пластины с изображением Кибелы, иконография которой во многом происходит из культа Иштар в Месопотамии⁴⁷. Не известно, когда и как это влияние распространилось в Средней Азии. Но, насколько нам известно, архитектура Бактрии и Дрангианы в эпоху Ахеменидов отражает исключительно иранскую традицию, совсем не известную в Месопотамии. Дворец Ай Ханум и греко-бактрийские святилища, напротив, показывают, что в какой-то момент Бактрия пережила глубокие изменения в области архитектуры. Сейчас у нас нет возможности узнать, произошло ли это при Селевкидах или изменения начались еще ранее, при Ахеменидах. Введение при Артаксерксе II культа Анахиты в Бактрии, возможно, дает ключ к ответу на этот вопрос, хотя памятники, которые могли бы стать доказательством изменений, происходящих до Александра, отсутствуют. Промежуток времени, отделяющий правление Артаксеркса II от пожара в Персеполе, был, видимо, слишком коротким для того, чтобы новые архитектурные традиции могли проявиться в Иране и в Средней Азии. Вопрос о религиозном синкретизме в Средней Азии после греческого завоевания будет еще долго оставаться открытым, до тех пор пока существует еще много неясного в иранских материалах IV в. до н.э.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

С начала эпохи эллинизма на Востоке греческая власть использовала синкретизм греческого пантеона и восточных божеств. Собственно средиземноморский культ проявляется в утверждении официальной религии, распространяемой посредством изображений на монетах⁴⁸ и строительства ряда памятников (например, мавзолей городища Ай Ханум). Классический план мавзолеев объясняет их первоначальное назначение: здесь не было необходимости привносить восточный стиль, так как это было место захоронения лиц греческого происхождения, представителей официальной греческой власти.

Буддизм не играл важной роли до конца эпохи эллинизма. Распространение буддизма на греческих территориях с южной стороны Гиндукуша началось к середине III в. до н.э., о чем свидетельствуют обнаруженные в Кандагаре знаменитые эдикты индийского царя Ашоки на греческом языке⁴⁹. Индийское влияние распространилось на этих территориях очень широко в течение II в., особенно во время правления индогреческого правителя Менандра (155—130 гг. до н.э.). Но индийское религиозное влияние достигло района Окса только в период консолидации Кушанской империи, возможно, когда началось, как результат греческого влияния, распространение антропоморфного изображения Будды. В этот период в Средней Азии появилось множество святилищ, сильно отличающихся от греко-иранских. Это было проявлением синкретизма, объединившего индийские, иранские и греческие традиции⁵⁰.

⁴⁶ Формальное сходство с месопотамскими зданиями не является единичным случаем. Здание позднепарфянского периода, обнаруженное в Абу-Кубур (Ирак), в плане идентично южному дому Ай Ханум (Х. Гаше и Г. Лекуюй готовят по этому вопросу специальные статьи). Эти два здания разделяют три столетия, что исключает прямую связь между ними, но не исключено, что Парфия сыграла роль в распространении в Месопотамии архитектурной традиции, которая существовала во всем иранском мире (хотя археологически это еще не подтверждено).

⁴⁷ *Francfort*. Fouilles d'Ai Khanoum III. P. 93—104. Pl. XLI; *Пичикян*. Культура Бактрии. С. 103—104, рис. 19; с. 256—259, рис. 52 (датирует экземпляры разным временем).

⁴⁸ *Boyce, Grenet*. Op. cit. P. 160.

⁴⁹ *Ibid.* P. 125—149. Обычно предметы индийского происхождения из эллинистической Бактрии — это отдельные находки, не связанные с культурным контекстом; о «трофее Евкратиды» и индийских и индогреческих монетах из Ай Ханум см.: *Rapin*. Fouilles d'Ai Khanoum VIII. P. 281—294.

⁵⁰ Например, в последних периодах существования Дильберджинского храма. См. также *Schlumberger, Le Berre, Fussman*. Surkh Kotal en Bactriane. P. 148—152; *Staviskij B.Ja.* Le Problème des liens entre le bouddhisme bactrien, le zoroastrisme et les cultes mazdéens locaux à la lumière des fouilles de Kara-tepe sur le site de l'antique Termez (Ouzbékistan) // *Cultes et monuments religieux*. P. 47—51. Pl. 26—28.

Появление в иранском мире в эллинистический период (а возможно, и ранее — к концу ахеменидского периода) закрытых храмов отражает фундаментальные изменения в культе, а именно наряду с официальной религией поздних Ахеменидов⁵¹, которая не предполагала использования культовых изображений, вводится поклонение идолам. С этого момента появляется необходимость хранить статуи божеств в помещениях⁵². За исключением мест домашнего культа, в Иране не было, возможно, закрытых культовых зданий. Поэтому не исключено, что строительство первых храмов шло под влиянием месопотамских традиций юга ахеменидской империи. Эти традиции, вероятно, появились с культом Анахиты, который заимствовал в свою очередь многое из культа великой вавилонской богини.

Хотя планировка закрытых храмов — результат месопотамского влияния, непосредственная связь между сокровищницами и целлой отвечает типично бактрийским требованиям⁵³, что, по всей видимости, не обнаруживается в допарфянской Месопотамии. Исходя из этого, можно с уверенностью сказать, что прямая непосредственная связь между «ризницей» и целлой не является непременным условием для интерпретации здания как зороастрийского храма огня. Мы согласны с мнением, что четырехколонный зал не обязательно отождествлять с целлой храма, а тем более с целлой храма огня. Таким же образом, система *circumambulatio*, даже если ее реконструкция неоспорима, требует осторожной интерпретации, поскольку она не встречается в религиозной архитектуре Месопотамии⁵⁴. В раннем периоде ее можно встретить только в западных регионах, в набатейском храме Сахр (рис. 18, см. выше прим. 22), храме огня Хатры (рис. 17)⁵⁵ и в индийском (или индианизированном) районе в Таксиле (храм Джандиал, рис. 19)⁵⁶, в Дильберджине (третий период, когда храм подвергся влиянию индийского культа), в Сурх-Котале (храм А, рис. 8)⁵⁷ и в Пёнджикенте (рис. 9). Подобная планировка, при которой помещение, предназначенное для хранения храмового со-

⁵¹ Что касается периода от бронзового века до парфяно-кушанского периода, надо подчеркнуть, что в Иране и в Средней Азии, в отличие от Месопотамии, найдено немного вотивных статуэток из терракоты и кости (женские образы или всадники). По мнению Г.А. Пугаченковой и Ф. Грене, редкость статуэток, особенно в ахеменидскую эпоху, объясняется, возможно, аниконическими тенденциями древнего зороастризма. В эллинистическую эпоху терракотовые статуэтки почти не использовались, в отличие от каменных или серебряных изображений. Надо также отметить, что в эту эпоху большинство скульптур представляет собой портреты донаторов из необожженной глины (сырца). В Ай Ханум сосуществование иранского подиума в акрополе наряду с храмами в нижнем городе ярко свидетельствует о продолжении древнеиранских культов.

⁵² Греко-бактрийская скульптура широко использует хрупкие материалы: глина-сырец или дерево (дерево, покрытое серебряным листом).

⁵³ И может быть, также иранскому, если допустить, что здание в Персеполе — храм.

⁵⁴ В святилищах в Уруке (Бит Реш) и в Масджид-и Сулейман коридоры-помещения, используемые для прохода или прогулок, иногда оснащенные суфами; эти коридоры не были предназначены для ритуала *circumambulatio* вокруг целлы.

⁵⁵ *Schippmann J.H.* Op. cit. S. 489—491. Fig. 79, 83.

⁵⁶ *Marshall J.H.* Taxila. An illustrated account of archaeological excavations [...] between the years 1913 and 1934. Camb., 1951. P. 222—229. Pl. 44; *Schippmann.* Op. cit. S. 487—489. Fig. 78 et 83. Однако ничто не подтверждает существования зороастрийского культа в этом храме. Ориентация здания точно на юг не относится к традиции иранского мира, где все храмы обращены входом на восток, северо-восток или юго-восток, за исключением позднего храма Джартеле (см. рис. 21). Может встать вопрос, не был ли культ, отправлявшийся в храме Джандиал, индуистским (например, посвященным Вишну или Кришне), так как эта религия была распространена в индо-греческом мире. Ср. колонну Гелиодора в Беснагаре и индо-греческие монеты Агафокла и Панталеопа, обнаруженные в Ай Ханум. Можно указать также на находку в Тахт-и Сангине костяной рукоятки, украшенной сценой из индийской мифологии. И.Р. Пичикян датирует предмет ассирским периодом (Культура Бактрии. С. 91—94). Другой памятник из окрестности Таксилы храм Мохра Малиаран (рис. 20) имеет общий план, близкий Бард-и Нишанде (рис. 11): он лишен обводного коридора, но был, однако, окружен портиком, который придавал ему эллинистический облик. Этот храм вполне мог бы быть именно тем храмом, что увидел Аполлоний Тианский (*Philostr.* II. 20) во время его пребывания в этом городе: *Dar S.R.* A fresh study of four unique temples at Takshasila (Taxila) // *Journal of Central Asia.* 1980. 3/1. P. 91—137. Pl. I—XII.

⁵⁷ Коридор вокруг целлы не долго сохранял первоначальную функцию, так как вскоре после постройки храма он был превращен в ряд кладовых посредством перегородок, что исключает возможность ассимиляции с зороастрийским культом: *Schlumberger, Le Berre, Fussman.* Surkh Kotal en Bactriane. P. 26; *Sronach.* Op. cit. P. 611.

кровища, или склад ритуальных или вотивных вещей, удалено от наоса, придает бо- жеству абстрактные и символические свойства, нехарактерные для классического мира.

Сооружения, предназначенные для поклонения огню, к концу парфянской эпохи имелись, за исключением доахеменидских святилищ⁵⁸, только в святилищах Сурх-Котала (Бактрия) и, возможно, Тахт-и Сангина, а также в иранских храмах Лидии, описа- ния которых мы находим у Павсания (V. 27, 5—6). Однако в этом случае культ огня не был центральным культом. В Тахт-и Сангине, если действительно здесь имелся культ в докушанский период, и в храме 1 на городище Пенджикент вечный огонь под- держивался в боковых помещениях, так как в целле он находился бы рядом с вотив- ными изображениями⁵⁹. Лишь в Иране в сасанидский период огонь был перемещен в целлу храма, где он занял место культовой статуи⁶⁰. Собственно культ огня, вероятно, появился при парфянах в I в. н.э.⁶¹, но не распространился в Средней Азии⁶². Храм В в Сурх-Котале⁶³ является исключением, ибо этот храм, пристроенный к старинному заброшенному династическому храму, относится к кушано-сасанидской эпохе.

В заключение надо отметить, что в античных храмах огонь не всегда является предметом поклонения и не всегда выступает в контексте зороастрийских традиций. В действительности в большинстве случаев огонь сосуществовал рядом с вотивными изображениями, например в каждом из исследованных среднеазиатских святилищ были обнаружены разные божества: божество Окса в Тахт-и Сангине, Афина-Арштат в Дильберджине⁶⁴, Зевс-Митра в Ай Ханум. Родственные черты этих святилищ выра- жаются в иконическом характере культов и в общем происхождении архитектурной схемы⁶⁵.

К. Рапен

⁵⁸ Культовый комплекс в Нуш-и Джане (Мидия) датируется VIII в. до н.э.: *Boucharlat*. Op. cit. P. 122—124. О Бактрии (Джаркутан) см. *Askarov A., Shirinov T.* Le Temple du feu de Dzarkutan, le plus ancien centre cultuel de la Bactriane septentrionale // *Histoire et cultes de l'Asie centrale préislamique*. 1991. P. 129—136. Pl. 52—57; *Аскарлов А., Абдуллаев Б.Н.* Джаркутан. Ташкент, 1983.

⁵⁹ О памятниках в Согде, признанных храмами огня, — Курган-тепе, Еркурган, Самарканд и т.д. — см. *Pugachenkova G.A.* Un Temple du feu dans le «grand Soghd» // *Cultes et monuments religieux*. P. 53—61. Pl. 29—31; *Филанович М.И.* К типологии раннесредневековых святилищ огня Согда и Чача // *Городская культура Бактрии-Тохаристана и Согда*. С. 148—156. О редкости храмов огня в Средней Азии см. *Pugachenkova*. Loc. cit. Кроме того, определение храма Курган-тепе как храма огня ненадежно: см. *Škoda V.* Le culte du feu dans les sanctuaires de Pendzikent // *Cultes et monuments religieux*. P. 63. В Самарканде на городище Афрасиаб Х. Ахунбабаевым и Ф. Грене (узбекско-французская археологическая экспедиция в Самарканде) были проведены исследования остатков, возможно принадлежащих главному храму исламского города, под соборной мечетью: *Bernard P., Grenet F., Isamidinov M. et alii.* Fouilles de la mission franco-ouzbègue à l'ancienne Samarkand (Afrasiab): Deuxième et troisième campagnes (1990—1991) // *CRAI*. 1992. P. 300—308.

⁶⁰ См. *Boyce M.* Iconoclasm among the Zoroastrians // *Christianity, Judaism and Other Greco-Roman Cults. Studies in Judaism in Late Antiquity*. 2 ed. Leiden, 1975. T. 4. P. 94—111; *eadem.* On the Zoroastrian Temple cult of fire. P. 454—465. Следуя теории П.Г. Креенбрюка, иранский культ огня в той форме, в которой он существовал в сасанидскую эпоху, сложился вследствие перемещения общественного огня из дворца вождя в храм (On the shaping of Zoroastrian theology // *Cultes et monuments religieux*. P. 140—141).

⁶¹ На монетах парфянского царя Вологеза алтарь огня заменяет культовую статую греческого образца.

⁶² *Škoda*. La culte du feu... P. 63—72. Pl. 32—39; *Škoda B.* К реконструкции ритуала в согдийском храме // *Archív Orientální*. 1990. LVIII. P. 147—151.

⁶³ *Schlumberger, Le Berre, Fussman.* Surkh Kotal en Bactriane. P. 46—47, 144—147. Pl. XXXVI.

⁶⁴ Во второстепенной «капелле»: главный культ в недатированный период был посвящен Оэша (т.е. Шива-Вайу): *Grenet F.* L'Athéna de Dilberdjin // *Cultes et monuments religieux*. P. 41—45; *idem.* Mithra au temple principal d'Ai Khanoum? // *Histoire et cultes de l'Asie centrale préislamique*. 1991. P. 147—151. Pl. 58—60.

⁶⁵ Ориентация храмов также связана с типом культа: в Ай Ханум представляется, что храм с уступчатыми нишами обращен к восходящему солнцу (в тот момент, когда солнце появляется из-за акрополя, вероятно, во время зимнего солнцестояния), храм за пределами города, возможно, обращен к восходящему солнцу во время летнего солнцестояния. Но иранский подиум в акрополе, так же как и храм в Сурх-Котале, ориентирован по сторонам света: *Погосова И.Э.* Сакральная информация в ориентации храмовых сооружений // *Архитектура и строительство Узбекистана*. Ташкент, 1993. С. 4—9.

C. Rapin

The Graeco-Bactrian temple of Takht-i Sangin appears to be one of the most remarkable religious Hellenistic monuments of the Iranian World, as proved by the richness of the findings of the excavations. This temple belongs to an oriental tradition, the development of which is only known through the Hellenistic period. While in Iran the oldest sanctuaries were presented as the open, new religious architectural traditions characterized by the construction of covered temples appear between the end of the Achaemenid period and the beginning of the Hellenistic rule. The position of the «sacristies» and the study of their various connections with the cella show that Mesopotamia played an important role in the genesis of this new kind of monument in the Iranian and Central Asian area. Moreover, the scheme comprising four columns in a square room surrounded by a peripheric corridor has often been considered erroneously sufficient proof of the identification as a Fire temple. Whether a cult function is effectively recognized, it is not necessary an indication of the Zoroastrian religion, for the manifestation of its cults does not appear in an architectural form before the end of the Parthian period.

© 1994 г.

ЕПИСКОП ПРОТИВ КЕСАРЯ

(Истоки одного византийского идеологического мотива)

Имена св. Василия, известного митрополита Кесарии Каппадокийской, и императора Флавия Клавдия Юлиана как нельзя лучше знаменуют собою эпоху яркую и значительную. Время между правлениями императоров Констанция и Иовиана не обойдено молчанием ни в одной византийской хронике. Впрочем, у историков и хронистов это интересующее нас время отражается довольно различно. Нельзя отрицать лишь известного дидактического (может быть даже идеологического) подтекста всей историографии царствования императора-отступника. Мы хотели бы предложить рассмотреть с точки зрения формирования отношений Церкви и государства один мотив из биографической традиции св. Василия, связывающий его с Юлианом. Из дальнейшего станет ясно, что речь наша пойдет не об агиологических тонкостях, а о деятельном участии житийных мотивов в самоосмыслении Церкви в ее отношениях с императорской властью. Историческая же подоплека ситуации сама по себе достаточно интересна. Когда св. Василий вместе со своим другом и будущим соратником св. Григорием Богословом слушал в 351 г. риторику у Проэресия в Афинах, где и повстречал молодого Юлиана, в те поры приверженца Ливания, ему вряд ли мнилось продолжение этого знакомства. В Афинах два друга вовсе не были близки с будущим императором, и даже красочные сцены, нарисованные Ибсеном в его «Kaiser og Galilaer», навряд ли суть более, нежели плод воображения норвежского драматурга. После Парижской узурпации, смерти Констанция и знаменитого «школьного» указа Василия, разумеется, встал в оппозицию политике новоявленного «язычника на троне», что не означало, впрочем, каких либо прямых действий с его стороны. С другой стороны, если согласиться с соображениями Н. Уилсона (370-е годы), придется признать, что полемика святителя с Юлианом и его единомышленниками продолжалась и после смерти Юлиана. Речь идет о датировке знаменитого произведения св. Василия «К юношам о пользе чтения греческих книг», которое может быть трактовано как ответ на «школьный» эдикт Юлиана¹. В отличие от своего друга св. Григория Назианзина св. Василий не

¹ Saint Basil on Greek Literature / Ed. by N.G. Wilson. L., 1975. P. 9; Wilson N. Tradizione classica e autori cristiani nel IV-V secolo // Civiltà classica e cristiana. 1985. 6. P. 143: «io sono disposto a datarla negli anni settanta, cioè alcuni anni dopo la morte dell'apostata».

писал инвектив, более того, сама личность Отступника, кажется, вовсе не занимала его². И тем не менее историческое предание представляет нам его как активного борца и с самим Юлианом, и с его политикой. В чем причина такого расхождения в источниках? Для того чтобы ответить на этот вопрос, надо обратиться к самим текстам. Возможным путем решения нашей проблемы могли бы стать некоторые документы из эпистолярного наследия обоих деятелей. Речь идет о так называемой «переписке Юлиана с Василием», т.е. письмах № 39–41 по принятой нумерации писем св. Василия³. Первое письмо представляет собою дружеское послание (φίλος παρὰ φίλον – 39.4): Юлиан, уже облеченный порфирой и утомленный тяготами власти, зовет к своему двору Василия, говоря, что присутствие человека «здравомыслящего» (ἀνὴρ ἔμφρων – 39.23) будет всем на пользу (προὔργου τι μᾶλλον ἡμῖν τὴν σὴν παρουσίαν – *ibid.*). Вполне соглашаясь с ученым комментатором И. Куртонном («Ce Basile...n'est pas S. Basile»⁴), мы можем заметить следующее: если это письмо написано уже после смерти Констанция, как недвусмысленно явствует из текста, т.е. после начала юлиановских реформ, св. Василий никак не мог быть приглашен в столицу в качестве ἀνὴρ ἔμφρων. Христианин Василий, ничем особенным себя еще не зарекомендовавший, вряд ли мог рассчитывать на титул более почетный, чем ἀσεβῆς Γαλιλαῖος. И уж подавно его бы не стали звать ко двору, когда всех прочих христиан оттуда изгоняли. Вывод, к которому нас подталкивают Куртонн и другие исследователи, казалось бы, вполне естествен: признать, что письмо это адресовано другому Василию. Однако, хотя мы довольно хорошо представляем себе окружение кесаря и вообще интеллектуальную элиту того времени, там не находится никакого другого Василия. Туманные намеки на какие-то размолвки в начале письма (πόλεμος) отнюдь не добавляют ясности в наш вопрос⁵. По всей очевидности, вводя фигуру «другого Василия», мы просто «multiplicamus entia ultra necessitatem». Другой вариант решения проблемы состоит в сопоставлении XXXIX письма с последующими двумя (соотв. XL и XLI). Сороковое письмо (от Юлиана Василию) разительно отличается по тону от XXXIX. Оно имеет отчетливую композицию: 1) рассуждение о величии царя и царства (βασιλείας); 2) негодование на клевету, оправдание и воспоминания о юности; 3) требование уплаты побора; 4) угроза разрушить τὴν Καίσαρος πόλιν; 5) финальная фраза ἃ γὰρ ἔργων, κατέργων⁶.

Текстологический анализ письма навел Куртонна на мысль о том, что это письмо есть литературная продукция не слишком одаренного ученика византийской риторической школы, т.е., попросту говоря, подделка или стилизация⁷. Однако даже признание неподлинности письма не позволяет нам сбрасывать его со счетов: правила стилизации в риторических школах были весьма строги и от стилизатора требовалось соблюдение, по крайней мере, основных исторических деталей. Констатировав такую зависимость, мы придем к мысли, что сочинитель письма использовал некую письменную или устную традицию, содержащую упоминания (топосы?) о контактах Василия с Юлианом в послеафинский период и о требовании последним побора.

² Courtonne Y. Un témoin du IV siècle oriental. Saint Basile et son temps d'après sa correspondance. P., 1973. P. 45 suiv.

³ *Saint Basile*. Lettres. T. I / Ed. par Y. Courtonne P., 1957. P. 93.

⁴ *Ibid.*

⁵ Единственный Василий, попадающий в поле нашего зрения, – это знаменитый богослов Василий Анкирский, который едва ли мог лично знать Юлиана. Пс.-Амфилохий сообщает, что в 359 г. Василий Великий, Василий Анкирский и Евстафий Севастийский «вели большое прение» против аномеов в Константинополе. Однако надо ли понимать это в смысле диспута или более общо – неясно. В любом случае Юлиан находился в то время с войском в Галлии.

⁶ *Saint Basile*. Op. cit. P. 94–96 (XL 1–29). Любопытно, что эта последняя фраза и связанная с ней история о переписке Юлиана с антиохийскими епископами имела широкое хождение и в житийной литературе, и в историографии.

⁷ Большое количество разночтений в сохранившихся трех рукописях письма для Куртонна есть довод в пользу подделки. Допуская такую вероятность вообще, мы не считаем количество разночтений доводом ни за, ни против подделки.

Ответное письмо Василия выдержано в духе первого и, очевидно, создано тем же лицом, что и XL, ровно с той же долей приблизительности и с тем же старанием «привязать» содержание к известным фактам. Василий в этом письме выражает в весьма резкой форме крайне отрицательное отношение к Юлиану и его царствованию и отказывает царю в требуемой сумме (*χιλιάρδα λίτρων χρυσίου*)⁸.

В целом нам нечего возразить против разумного объяснения французского исследователя. Действительно, сочинение воображаемой переписки между различными мифологическими и историческими персонажами было весьма распространенной практикой в риторических школах⁹. Неизбежен лишь вопрос об источниках незатейливого школяра-компилятора.

В качестве ближайшего источника естественно обратиться к житийной традиции св. Василия. Его житие (практически единственное) было написано неизвестным автором и приписано св. Амфилохию Иконийскому, другу и соратнику Василия. Время создания этого жития определить весьма затруднительно: можно предположить, что первоначальный вариант был написан вскоре после кончины св. Василия¹⁰. Впоследствии житие (в этом сходится большинство ученых) подверглось значительной переработке, в него были интерполированы многие фрагменты; эта переработка могла происходить во время иконоборческих споров и вплоть до начала IX в. В 858–867 гг. Урсом Дяконом был сделан перевод на латинский язык, который есть для нас своего рода *terminus ante quem*¹¹. При этом сам латинский клирик выбрасывал целые куски текста, очевидно, считая их интерполированными в первоначальный текст жития и не имеющими исторической ценности. Однако именно эти фрагменты и интересуют нас в первую очередь.

Таким образом, суммируя, можно сказать, что так называемое Псевдо-Амфилохиево житие претерпело по меньшей мере две переработки: первую совершил безвестный интерполятор VIII–IX вв., а вторую – латинский переводчик, произвольно выбросив из текста жития «неаутентичные» фрагменты. Для того чтобы решить вопрос о присутствии в первоначальном тексте жития «юлиановских» мотивов, т.е. мотивов оппозиции святителя императору, нам придется более подробно остановиться на интересующих нас фрагментах жития.

Вот, что мы читаем: «В то время ненавистный император Юлиан выступил войной на персов и прибыл в пределы Кесарийские. Василий со спутниками своими вышел навстречу ему. Увидев святого, император промолвил: "Я победил тебя в философии, Василий!", на что святой ответствовал: "Хотел бы я, чтобы ты был философом!"... Затем святитель предложил ему три листа из той снеди, что была с ним. Император, оскорбленный малостью дара, приказал своим приспешникам принять его, но в ответ предложить сена. Василий принял его и сказал: "Мы, государь, предложили тебе от того, что составляет нашу пищу, ты же подал нам то, чем ты кормишь вьючных скотов. Поистине, ты сделал это, дабы посмеяться над нами, но невольно ты тем самым поручил нам пасти овец луга сего". Услышав сие, император взгневался пуще прежнего, но не вправе как царь отозвать свой дар, он сказал: "Это так, ты получил в дар от моего величества этот луг, но лишь только я вернусь, покорив персиян, я велю сравнять с землею град сей и перепахать самое место его, чтобы здесь родилось довольно овощей, а людям стало бы невозможно ни родиться, ни возрастать. Ибо я не пребываю в неведении относительно бесстыдства людей, которых ты совратил с пути, и того, как они в слепой ненависти оскорбляли деву Фортуны, кою я почитаю

⁸ *Saint Basile*. Op. cit. P. 97 (XLI. 23).

⁹ Такую деятельность практиковали еще в античности: в Греции сочинялись целые эпистолярные циклы переписки между собой исторических и литературных персонажей, а в Риме Овидий писал, к примеру, свои «Героиды».

¹⁰ Разумеется подобное допущение можно сделать лишь крайне осторожно. До известной степени роль церковного жития могла выполнять знаменитая эпитафия св. Григория Богослова, но последняя не исключает существования обособленного жития, написанного в кругах каппадокийского монашества.

¹¹ *Acta Sanctorum*. XXIII 1867. P. 416 ff.; *Patrologiae cursus completus Series Latina*. LXXIII. Col. 293 ff.

как богиню и которой я совершил должное возлияние". Посем он и отбыл в Персию. Василий же созвал народ и уведомил всех о словах императора». Далее житие повествует о сборе Василием добровольных пожертвований (sic!), призванных умиротворить императора по его возвращении. Василий велит надписать на каждой вещи имя ее владельца: «Может случиться так, – говорит он, что Господь Судьбы погубит его и возвратит вам имущество ваше». Далее св. Василий призывает весь народ даже с детьми подняться на гору Дидимскую, где был весьма почитаемый храм Пречистой Богоматери, и провести там в молитве и посте три дня, моля Бога, дабы Он разрушил замысел нечестивого императора. «И се молится народ сокрушенным сердцем, Василий же видит божественное видение: предстоит множество воинства небесного той горе и посреди них на державном престоле восседает женщина в великолепном одеянии, которая, обращаясь к тем царственным людям, говорит: "Позовите мне Меркурия, и он пойдет поразить Юлиана". И сей же час предстает перед нею святой Меркурий в полном вооружении и, изъявив себя готовым выполнить ее волю, отправляется в путь... Тогда же и Ливаний Софист получил такое же видение в ту же ночь, пребывая вместе с Юлианом в Персии и исполняя должность квестора... Подивившись чудесному видению, св. Василий разбудил одного лишь Еввула, спустился вместе с ним в город и направился прямо к храму блаженного мученика Меркурия, где сохранялись мощи святого и его оружие. И когда они стали искать там, то не нашли ничего... Сторож с клятвою заверил их, что еще вечером все пребывало в сохранности... Василий же, убежденный в истинности видения, возблагодарив Бога, который воздаст тем, кто полагает в Нем надежду свою, поспешил со всею возможною быстротою на гору, где все еще спали. Пробуждая тех, кого он оставил там, и призывая их к молитве, он объявил радостно о дарованной ему ночью в чудесном видении вести о гибели тирана». Далее житие повествует, как семь дней спустя приезжает Ливаний и рассказывает о смерти Юлиана, падает в ноги св. Василию и принимается в Церковь, более того – становится *contubernalis* Василия и Еввула (что полностью противоречит фактам). Святитель созвал всех людей, которые отдали свои жертвования для умиротворения Юлиана, и все единогласно решили отдать это достояние Церкви¹².

Можно отметить неслучайное, на наш взгляд, присутствие в житии тех же мотивов, которые мы встречали в переписке Василия и Юлиана: угроза разрушить Кесарию и мотив дара (побора). Это может свидетельствовать о едином (может быть устно-народном) источнике рассмотренных документов¹³. Примерно тот же первоначальный смысл угадывается и в чисто фольклорных источниках более позднего времени: народной легенде, записанной в XIX в. в Индже-Су, селении в нескольких верстах от древней Кесарии, фольклористами Карнуа и Николаидисом, а также одной новогодней коляде, опубликованной Пападопуло-Керамевсом по рукописи *Cod. 116* из собрания Монастыря Честного Креста библиотеки Иерусалимского Патриархата. В устной версии из Индже-Су мы находим повествование, совпадающее в основных своих пунктах с Пс.-Амфилохиевым житием. Разница в изложении интересующего нас эпизода состоит в том, что ценности и деньги (откуп, дань) заменены здесь богатым угощением, приготовленным для Юлиана к его возвращению¹⁴. С небольшими вариациями этот же рассказ повторяется в коляде, опубликованной Пападопуло-Керамевсом¹⁵. Здесь также Юлиан угрожает разрушить, но не город, а «τὴν ποίμνην σου καὶ τὰ εὐαγγή

¹² Acta Sanctorum. P. 425.

¹³ Разумеется, в ближайшую задачу историка входит именно попытка реконструкции этого источника.

¹⁴ Carnoy et Nicolaidis, Traditions populaires de l'Asie Mineure. P., 1886. P. 187–190 (цит. по: Halliday W. St. Basil and Julian the Apostate: A Fragment of Legendary History. Annals of Archaeology and Anthropology. 1914–1916. 7. P. 100).

¹⁵ Παπαδόπουλος Κεραμεύς Α. Δύο Βυζαντινά κάλανδα. Λαογραφία Ι σελ. 564 επ. Присутствие св. Василия Великого в новогодних колядах неслучайно. В греческой церкви Новый год совпадает с днем памяти святителя, а сам он под именем Ай-Василиса выполняет функции русского Деда Мороза. На Новый год греки традиционно пели коляды (κάλανδαζ) Ай-Василису, вроде «Ο ἄγι ' <ο>ζ Βασίλειος έρχεται από την Καισαρίαν» и др.

μοναστήρια». Мотива побора в коляде нет, по крайней мере, в тексте, опубликованном Пападопуло-Керамевсом¹⁶. Итак, во всех трех версиях присутствует мотив участия св. Василия в драме смерти Юлиана, главная роль в которой отведена св. Меркурию.

Версию, несколько отличную от версии А (обозначим так для краткости Пс.-Амфилохия, устную традицию из Индже-Су и коляду), мы находим в сочинении церковного историка Созомена, писавшего свой труд в Константинополе ок. 443–450 гг. Созомен, вообще говоря, стоит особняком в ранневизантийской историографии раннего периода, ибо он наравне с трудами вполне авторитетных историков широко употреблял устные предания и житийный материал. В его труде по интересующему нас вопросу мы находим два эпизода, вполне независимые. Изложению этих историй Созомен предпосылает следующие слова: ἐγὼ δέ, ὅστις μὲν τῇ σφαγῇ ταύτῃ διηκονήσατο, πλὴν τῶν εἰρημένων οὐδὲν ἀκριβῶς, ὡς δὲ οἱ συμφωνοῦντες οἱ λέγοντες ἰσχυρίζονται, ἀψευδῆς λόγος εἰς ἡμᾶς ἦλθε κατὰ θεομηνίαν αὐτὸν ἀναιρηθῆναι. καὶ τοῦτω ἀπόδειξις θεῖα ὄψις. ἦν τινα τῶν ἐπιτηδείων αὐτῷ ἰδεῖν ἐπιθυμῆν¹⁷ – «Что касается меня, то я не буду уточнять, кто совершил это убийство: сказанного уже достаточно. А как согласно утверждают все, кто об этом говорит, дошло до нас неложное слово, что он был убит гневом Божиим. И тому доказательством божественное видение, которое мне поведал один из его (sc. Юлиана) подручных». Эти слова указывают, с одной стороны, на особенное отношение Созомена к своим источникам (ἀψευδῆς λόγος), а с другой – на его историософскую концепцию (θεομηνία). В первом эпизоде один друг (οἰκεῖος) Юлиана ехал в Персию, чтобы присоединиться к свите императора. Заночевав в некоем храме по пути, он видит θεῖον ὄψιν – множество апостолов и пророков, сокрушающихся о беззакониях, творимых Юлианом над Церковью, и совещающихся, что предпринять. Двое же из них убеждают прочих бодриться и разрушить власть Юлиана (θαρρεῖν... καὶ ὡς ἐπὶ καθαρῆσει τῆς Ἰουλιανοῦ ἀρχῆς ὀρμῶντες¹⁸) – «Подбадривали... и как бы устремляясь на свержение власти Юлиана». Испуганный видением, путник просыпается, но после снова засыпает и опять видит собрание святых, в которое входят прежние двое, свидетельствующие о смерти Юлиана.

Вторая история, излагаемая Созоменом, повествует о «церковном философе» (т.е. монахе) Дидиме, который, печалуясь о грехах Юлиана, непрерывно постился, горевал и молился о душе преступника. Наконец, утомленный постом, он засыпает, впадает в транс (εἰς ὕπνον κατενέχθη καὶ ὡς ἐν ἔκστασει γεγινώς), видит во сне белых всадников (sic!) и слышит голос, говорящий «Возвестите Дидиму, что Юлиан днес в сей час убит, а также накажите пусть принесут эту весть епископу Афанасию...». Два повествования завершаются фразой о том, что «никто из них в том, что увидел, не погрешил против истины»¹⁹. Обе истории очень примечательны: первая – полным отсутствием упоминания св. Меркурия, Василия и Богородицы, а во второй можно углядеть проалександрийскую тенденцию. Центр духовного напряжения помещается в Египте, чему свидетельством имена Дидима Слепого и святителя Афанасия Великого.

Для того чтобы оценить распространенность версии В (Созомен), можно попытаться предпринять контрапробу и посмотреть, что осталось в местном предании Александрийской церкви и в каком отношении к этому преданию находится версия В. Первую аналогию мы находим в знаменитом «Лавсаике» Палладия, епископа Еллено-

¹⁶ Halliday. St. Basil... P. 89–106. У.Р. Халлидэй не без основания указывает на незамеченную российским филологом лакуну между созывом «собора» Василием и сценой поражения тирана. По всей очевидности, именно там и находилось первое упоминание о Меркурии (introductio personae) и требование Юлианом побора.

¹⁷ Sozomen. HE. VI. 2.1.

¹⁹ Ibid. VI. 2.6.

польского, написанном в 419–420 гг. по просьбе императора Феодосия II²⁰. Он повествует о Дидиме Слепом и между прочим сообщает записанную со слов самого Дидима историю с видением всадников на белых конях. Изложение этого эпизода дословно совпадает с версией В²¹. Очевидно, что Созомен использовал это «новое» произведение, хорошо вписывающееся в его источниковедческую концепцию. Так или иначе, нам вполне ясен источник «александрийской тенденциозности» константинопольского историка. Отметим, что в устах елленопольского епископа подобный египетский «патриотизм» более уместен, чем у достаточно нейтрального Созомена. В нашем распоряжении есть также еще два документа: так называемые «Gesta Mercurii»²² и написанная в VII в. (предположительно епископом Севером-ибн-аль-Мукаффой) «История патриархов коптской александрийской Церкви»²³. Два эти памятника тесно связаны между собою: возможно, посредующим звеном служила историографическая традиция Александрийской Церкви на коптском языке, от которой мы имеем лишь обрывки²⁴. Сама хроника на арабском представляет собою довольно интересный и неоднородный памятник: с одной стороны, это своеобразный Liber Pontificalis александрийских пап, а с другой – образец полемической монофизитской антихалкидонской и антимиелкитской историографии. В деяниях св. Меркурия мы находим практически полное сюжетное соответствие версии Пс.-Амфилохия²⁵. Никаких следов ни Дидима, ни св. Афанасия там не содержится. В «Хронике» мы находим также вполне каноничную историю, в основном соответствующую версии Пс.-Амфилохия, но с некоторыми нюансами. Диалог Василия с Юлианом содержит упрек Василия Юлиану в потере веры (din) в ответ на заявление второго о превосходстве в любомудрии (falsafa). Эпизод со смертью Юлиана также излагается довольно своеобразно. Сперва хронист повествует о ночном видении Юлиану легиона св. мучеников, один из которых пронзил его копьем, после чего император поднес к ране пригоршню и, наполнив ее кровью, выплеснул вверх, крича «Упейся, Иисус!». В то время св. Василий, пребывая в *нетях*, видит во сне св. Меркурия, берущего копье и говорящего, что он не потерпит более Юлиановых богохульств. В ту же ночь двое товарищей (sic!) Василия видели тот же сон и, придя с утра к часовне св. мученика, не нашли там его копья. Далее хронист говорит: «А скоро и вести о кончине нечестивого царя прибыли в *Антиохию*»²⁶. Мы можем вполне согласиться с Н. Байнесом, что название знаменитого сирийского города здесь стоит не случайно, т.е. это не просто оговорка хрониста или ошибка переписчика²⁷. Это первое «несогласование», которое, как мы попытаемся показать в дальнейшем, выдает принадлежность к определенной традиции. По крайней мере этот краткий экскурс в египетскую традицию дает нам право предполагать, что «александринизм» вполне определенно восходит к Палладию, но не представляет органического «общего места» александрийской традиции.

В конце V в. (?) была создана «История Армении» Фавста Византийского (Фавстос Бузандаци), являющаяся важным и во многих случаях незаменимым источником по истории Армении IV века. Однако в этом сочинении есть и сведения, касающиеся гибели Юлиана. Фавст повествует, что «некий софист», имевший задачу написать опровержение христианского вероучения, останавливается на ночлег в базилике, посвященной св. мученице Фекле (sic!). Ночью он видит собор святых и мучеников,

²⁰ Παλλαδίου Λαυσαϊκή ἱστορία. μέτρος α' πα.раск. υό Ν.Θ.Μπουγάτσου – Δ.Μ. Μπατιστάτου. Αθήναι, 1970.

²¹ Παλλασίου Λαυσαϊκή ἱστορία. σελ. 50 (Butlerii Didymus IV. 9).

²² Gesta S. Mercurii. A cura di T. Orlandi. Milano, 1975.

²³ Также называемая «Хроника Александрийских патриархов» – History of the Patriarchs of the Holy Church of Alexandria / Ed. B. Evetts. Patrologia Orientalis. I (4). 1907.

²⁴ См. Orlandi T. Studi copti 2. Le fonti copte della storia dei Patriarci di Alessandria // Testi e Documenti per lo studio dell'Antichità 22. Milano, 1968; Storia della Chiesa di Alessandria / Ed. T. Orlandi (Testi e documenti 30). 1970.

²⁵ Gesta Mercurii. P. 35.

²⁶ History... P. 419–420.

²⁷ Baynes N.H. The Death of Julian the Apostate in a Christian Legend // JRS. 1937. V. 27. Pt 1. P. 27.

обсуждающих преступления нечестивого императора. Оставшись в храме на вторую ночь, софист видит, как входят святые столпники *Саргис* (Σέργιος) и *Феодор*, говоря, что они покарали *Валента* (!!!)²⁸. Здесь мы видим почти совершенно иной набор персонажей и иную мизансцену. В «софисте» несложно узнать Ливания, но в остальном повествование Фавста содержит ряд неизвестных черт: об истории со св. Василием не упоминается, вместо Богородицы (как у Пс.-Амфилохия) присутствует св. мученица Фекла, вместо ученика Меркурия (о котором нет и помину) присутствуют Сергей и Феодор. Нам трудно сразу дать объяснение и присутствию имени Валента. Словом, здесь мы встречаемся либо с искажением первоначальной традиции, допускаемым самим Фавстом, либо же с отражением у армянского историка иной традиции. Пятый век был в истории армянской Церкви временем активной переводческой деятельности – прежде всего с сирийского, но и с греческого. Труд самого Фавста, долго считавшийся переводом с греческого и лишь недавно «восстановленный в правах» оригинального армянского текста²⁹, совпадает по времени с этим периодом. Вполне возможно, что Фавст лишь передает нам одну из частичек древней традиции.

Вероятно, отзвук этой же традиции мы находим у византийского церковного историка XIV в. Никифора Каллиста Ксанфопула. Его академическая карьера была связана с так называемой патриаршей школой в Константинополе, где в свое время подвизались и Мануил Олово, и Иосиф Вриенний. Сам Никифор постоянно работал в богатейшей библиотеке св. Софии, откуда, по всей вероятности, и происходит значительная часть его патрологических и историко-церковных познаний³⁰. обстоятельные разыскания об источниках Никифора, показывают, что основными его источниками по церковной и светской истории IV в. служили труды Сократа, Созомена, Филосторгия и Феодорита³¹. Несмотря на заключение Гентца о преимущественной опоре Никифора в VIII–XIV кн. на Сократа Схоластика, мы отмечаем у этого автора любопытную (и явно не сократовскую, более документальную) деталь в изложении известного нам эпизода. Вместо Сергия и Феодора мы находим у него другую пару: Меркурия (нам уже известного) и Артемия³². Присутствие непременно двоих святых мучеников (т.е. собственно пары) вряд ли можно считать случайным. Заметим также, что Артемий был довольно известным антиохийским мучеником, по всей видимости арианом (пострадавшим именно при Юлиане), мученичество которого описано арианствующим историком IV в. Филосторгием. Однако у самого Филосторгия в «Церковной истории» нет никакого упоминания о роли Артемия в драме смерти императора, каковую смерть он вообще описывает весьма сдержанно и сухо, упоминая лишь «некоего сарацина» из наемников, бросившего копье в Юлиана³³. Присутствие в «Истории александрийских патриархов» упоминания Антиохии («несоответствие») и упоминание у Фавста Сергия и Феодора, а у Никифора Каллиста Ксанфопула Артемия навело Н. Бэйна на мысль об изначально антиохийском происхождении этого мотива. Бэйнс считает, что легенда о смерти Юлиана, первоначально существовавшая в антиохийской традиции, попав в Кесарию вместо Артемия и антиохийского исповедника Макария получила фигуру одного лишь Макария, который стал называться Меркурием, ибо Макарий был арианом³⁴. Нетрудно заметить искусственность этого

²⁸ Ps. P'awstos, *Buzandaran Patmowt'iwnk'* (The Epic Histories), also known as *Patmowt'iwn Hayoc'* (History of Armenia) attributed to P'awstos Buzandac'i... N.Y., 1984 (перепечатка с изд. СПб., 1883); см. также *Геворгян М.А.* История Армении Фавстоса Бузанда. Памятники древнеармянской литературы. I. Ереван, 1953.

²⁹ См. Sever J.Voicu *La patristica nella letteratura armena (V–X sec.)* // *Complimenti interdisciplinari di patrologia*. Roma, 1989. P. 680.

³⁰ Browning R. *A Young Man in a Hurry – Two Unpublished letters of Nicephorus Callistos Xanthopoulos* // *Byzantia*. 1985. V. 13. P. 142–153.

³¹ Gentz G., Winkelmann F. *Die Kirchengeschichte des Nicephoras Kallistus Xanthopulus und ihre Quellen*. B., 1966. S. 184.

³² *Nicéphoras Callistus Xanthopulos*. *Historia Ecclesiastica*. X. 35 (Patrologiae cursus completus, Series graeca T. 175).

³³ *Philost.* VII. 15.

³⁴ Baynes. *Op. cit.* P. 25, 29.

построения, имеющую задачей лишь устранить противоречия между источниками и ради этого прибегающего к сомнительным реконструкциям типа Макарий – Меркурий. На наш взгляд, гипотеза Бэйнса также не учитывает значения св. Василия и не объясняет его отсутствия в некоторых источниках.

Однако, признавая ценность догадки Бэйнса о связях этого мотива с антиохийской традицией, мы попытаемся рассмотреть ее в свете еще одного источника. Этим источником является так называемое «Сказание о Юлиане» – произведение написанное неизвестным автором (авторами?) на сирийском языке³⁵. Относительно времени его написания среди специалистов не сложилось установившегося мнения. Считается, что текст «Сказания» подвергался многочисленным переработкам, а для первоначальной версии называются временные рамки 502–532 гг.³⁶ Однако датировка этого произведения весьма затруднена вследствие результатов переработки. Если же «Сказание» можно будет датировать V или даже концом IV в., то ценность содержащегося там материала возрастет в несколько раз. Для обоснования возможности столь ранней датировки мы позволим себе сослаться на мнение С. Брока, высказанное им в личном письме автору настоящей статьи: ученый пишет, что присутствие в «Сказании» фигуры Евсевия Римского, а также самый строй языка, которым написано «Сказание», заставляют его сдвинуть датировку минимум на одно столетие³⁷. Разумеется, мы не должны забывать, что имеем дело с произведением художественным, принимая, однако, во внимание вообще особенный характер сирийской традиции по отношению к греческой. Ее отличает большая чуткость к деталям, нюансам и в целом сравнительно больший консерватизм. Здесь можно говорить прежде всего о непосредственном влиянии иудейской историографии Ветхого завета и об отсутствии обычной для грекоязычных авторов оглядки на классические образцы. Для предмета нашего исследования это исторический источник первостепенной важности. Текст «Сказания» довольно четко делится на три части: в первой повествуется о юности Юлиана, о его восшествии на трон и о первых преследованиях христиан на примере Евсевия, епископа Римского³⁸, во второй Аполорис (таково самоименование автора «Сказания»³⁹) излагает историю персидского похода, в центре которого «святой и великий град» Урха-Эдесса и Иовиан. Третья часть («вторая рукопись») – текст явно более поздний и совсем фольклорного характера. Он повествует о контракте Юлиана с дьяволом и прежнем еще афинском периоде жизни императора-отступника.

Чрезвычайно интересно сопоставление прения Василия с Юлианом у Пс.-Амфилохия с аналогичным эпизодом между Евсевием и Юлианом в тексте «Сказания». Однако оно в конечном счете мало что дает, ибо литературная топика двух фрагментов оказывается на поверку весьма различной. На наш взгляд, прение Юлиана и Евсевия есть развернутый диалог – преамбула к мученичеству, какие мы встречаем во множестве в древних актах, речь собеседников крайне патетична, полна взаимных оскорблений и угроз, в то время как эпизод в версии А есть классический *prodigium*. Впрочем, для всего исследуемого нами круга литературы это единственное (кроме эпизода версии А) описание прямого противостояния епископа с кесарем (Юлианом).

³⁵ Hoffmann J.G.E. Julianos der Abtrünnige. Syrische Erzählungen. Leiden, 1880; см. Ortiz de Urbina. I. Patrologia Syriaca. Roma, 1965². P. 205.

³⁶ Ibid.

³⁷ Письмо от 7 апреля 1993. Несмотря на несколько субъективный характер оснований этой датировки, мы склоняемся к ее принятию. В распоряжении науки не имеется иных данных, которые бы позволили более точно датировать текст. В применении к сирийским памятникам этого времени важным критерием является наличие гречизмов. В языке ранних частей «Сказания» их сравнительно немного.

³⁸ Красочное описание противостояния Евсевия и Юлиана многими исследователями считается вполне анекдотичным, однако надо отметить важность самого эпизода прения епископа и царя, а с другой стороны, присутствие фигуры Евсевия, а не Сильвестра Римского, почти обязательного для сирийских писателей VI в. Кто мог быть прототипом этого Евсевия – отдельный вопрос, позволим себе лишь отметить характерную для житийной литературы условность наименования «Рим», под которым мог скрываться, например, Константинополь, как в случае со св. Алексием.

³⁹ Hofmann. Op. cit. S. 3.

Это не означает признания а priori общего источника двух эпизодов, однако не исключает возможности его существования, по крайней мере, в устном виде.

Более всего нас интересует описание смерти Юлиана и предшествующих ей событий. Прежде всего центральное место в повествовании (обозначим его как версия С) отведено, как мы уже говорили выше, военачальнику Иовиану, *будущему императору*. Его роль в структуре этого произведения настолько велика, что в некоторых рукописях название памятника звучит как «Сказание об Иовиане», и ученый сиролог Хофманн даже сомневался, как ему озаглавить свое издание, решив, наконец, в пользу Юлиана. Характерной чертой повествования Аполориса является также его эдесский патриотизм. Эта черта объяснима и понятна для всякого, знакомого с историей христианской Сирии. На протяжении веков «святой град Эдесса» был Меккой сирийцев-христиан, настоящим символом самобытной и оригинальной сирийской христианской культуры. До известной степени можно даже говорить об оппозиции «эллинская Антиохия – сирийская Эдесса». В V–VII (а это есть как раз время сложения и переработок более ранних версий «Сказания о Юлиане») веках эта оппозиция оформляется и закрепляется⁴⁰. Как показывают некоторые исследования последних лет, всплеск переводческой активности, падающий на это время, не был однозначной эллинизацией⁴¹. Параллельно с процессом эллинизации сирийцев (в основном западных) шел процесс обособления восточных, оказавшихся на территории Сасанидского государства. Не в последнюю очередь этому обособлению способствовала восточная политика константинопольских императоров, однако несравненно большее влияние оказала сдача семи затигрских городов персам (т.е. иноверцам!) в результате неудачного персидского похода Юлиана. Таким образом, сирийцы имели свой особый счет к Юлиану, возможно нашедший отражение в позиции Аполориса. Эпизоду смерти и связанных с нею событий предшествует рассказ о гневе Юлиана на эдессян: несколько офицеров-ромеев, находясь на императорской военной службе, исповедовали христианство, прознав о святом граде и его стойкости в вере, решили самовольно покинуть службу и остаться в Эдессе, жители которой согласились принять их. Эти христиане, как пишет автор, «очистили город от скверны иудейства и язычества». Юлиан, которому совсем не понравился такой поворот событий, послал письмо гражданам Эдессы с требованием выдать ему бунтовщиков, на что получил исполненный дерзости отказ эдессян. Разъярившись, Юлиан «загорелся мыслью разрушить до основания непокорный город» (sic!). Задачу сообщить о своем решении эдессянам он возлагает на военачальника Иовиана. Тот, будучи христианином, поспешает тайно на обычное место молитвы в вертепную часовню, близ Нисивина. Там он встречается с епископом Вологешем и, заливаясь слезами, пересказывает ему письмо Юлиана, содержащее приказ Иовиану собственноручно уничтожить Эдессу. В страхе за собратьев христиане Нисивина обращают горячие молитвы к Богу о спасении Эдессы. При этом любопытно, что фактическим предстоятелем их является Иовиан, чья молитва приводится дословно. Погруженный в тяжелые раздумья, Иовиан возвращается в лагерь. Бог, видя утомление и страдания этого человека, посылает ему сон,

дабы утешить его. Во сне (который описывается словом

παράβολη

иносказание, *παράβολη*) ему является мученик максимилианова времени Маркур (markur), в котором нетрудно узнать уже памятного нам св. Меркурия. Иовиан в своем «аллегорическом» сне видит святого в полном вооружении с луком и стрелами в руках. Тот спрашивает Иовиана о причинах его печали, как будто не зная о них. Иовиан объясняет ее своей заботой о Церкви Эдесской. Маркур утешает его, говоря, что Господь дал нечестивому императору двенадцать недель, дабы исполнилась мера его

⁴⁰ Martin J.P. Les origines de l'Eglise d'Édesse et des Eglises Syriennes. P., 1889; Gutschmidt A. von. Untersuchungen ueber die Geschichte des Königsreiches Osrhoene // Mémoires de l'Acad. de Saint-Petersbourg, 1887.

⁴¹ Brock S. Syriac Perspectives on Late Antiquity. L., 1984. Ch. 5.

нечестия⁴². По исполнении этого срока спасение воссияет над Церковью руками тех, кому это было дано Господом. Три стрелы в его руках предназначены для заклания самого Юлиана и двух самых свирепых гонителей из его окружения. Относительно Эдессы Маркур говорит, что Бог отвратит от нее злобное намерение Юлиана руками самих главных приспешников его нечестия – магов и звездочетов⁴³. Восстав от сна, Иовиан получает письмо от Юлиана, отменяющее его прежние распоряжения и торопящее в поход на персов. «Мы должны отложить наказание виновных в этом деле до нашего возвращения из похода», – говорит Юлиан, приводя тем самым нам на память соответственные посулы из Пс.-Амфилохия и коляды. Иовиан посылает оповестить о сем Вологеша и верных, а те, узнав об этом, собирают *добровольные пожертвования* и служат молебен о избавлении христианской твердыни. После этого рассказчик переходит к несколько другим сюжетам и лишь через несколько страниц описывает весьма любопытный разговор между Вологешем и Иовианом. Епископ говорит царю: «Бог поставил тебя во главе Церквей Его, что же до нас, то нам надлежит бдеть... что согласно воле Божией и что приятно взору его, то мы делаем и будем делать»⁴⁴. Следующий эпизод, смерть Юлиана-Отступника предваряется небесным гласом «Стрела избавления в стане римлян! Нечестивый будет похищен! Мир воцарится среди царств!». Несмотря на это Юлиан продолжает говорить дерзкие речи. Неожиданно стрела, пролетев от того места, где стал слышен глас, поразила его в подбрюшье.

Как мы видим, повествование, несмотря на фольклорность, несет на себе следы весьма древней и вполне аутентичной традиции. Оно представляет нам качественно иное видение ситуации. В середину интриги помещен отнюдь не епископ, а царь, причем Истинный царь, царь-избранник, царь-защитник и покровитель, христианский император, достойный своего звания и соответствующий высоким стандартам Евсевиевой схемы⁴⁵. Соотношения Царства и Церкви принимают здесь вполне конкретные очертания.

Надо, впрочем, оговориться, что и «кесарийская» традиция, какой мы ее видим в версии А, достаточно концептуальна в этом отношении. О причинах, возможно повлиявших на такую трактовку, мы скажем чуть позже. Сейчас надобно сказать о возникающей в эллинизированной сирийской традиции фигуре стороннего наблюдателя, получающего свыше уведомление о близком конце Юлиана. Мы видели, что у проалександрийски настроенного Палладия эта роль отводится Дидиму Слепому. Безусловно, для такой фигуры требовалась определенная харизматичность.

Фигура святого-провидца, которому даруется по посту и подвигам благочестия знание о имеющем быть погублении Юлиана, также присутствует в версии В; нам кажется, что она вполне органична для «эллинизированной традиции». Мы видели, как этот мотив выражается в аскетической литературе (у Палладия) и в историографии, находящейся под ее влиянием (Созомен). С другой стороны, объяснить появление в некоторых источниках фигуры «софиста», за исключением общих соображений о показательном смысле ее, достаточно сложно.

Нам кажется возможным рассматривать в качестве посредующего источника этой традиции труд знаменитого антиохийца Феодорита Кирского «Церковная история»,

⁴² Этот мотив (по всей вероятности идущий из Откровения: ὁ ἀδικῶν ἀδικήσάτω ἔτι, καὶ ὁ ῥυπαρὸς ῥυπανθήτω ἔτι, καὶ ὁ δίκαιος δικαιοσύνην ποιήσάτω ἔτι, καὶ ὁ ἅγιος ἁγιασθήτω ἔτι (Аpocal. 22.11) встречается также в сочинении св. Иоанна Златоуста «О св. Вавиле», написанном ок. 379 г. и специально направленном против Юлиана (*Iohan, Chrys. De S. Babyla et contra Paganos*. 28.1–4).

⁴³ Здесь содержится отсылка к астрологическим и прочим гаданиям, до которых Юлиан был большой охотник. Вспомним, что для сирийской традиции именно альянс *ромейского* императора с *персидскими* магами и звездочетами был одним из самых ужасных грехов. Подобные обвинения мы находим, например, в мадраше преп. Ефрема Сирина на Юлиана (*Des heiligen Ephraem des Syrens Hymnen de Paradiso et Contra Julianum / Hrsg. von E. Beck [CSChO. V. 179 / Scriptores Syri T. 78]. Louvain, 1957. S. 78–79*). Ефрем порицает царя-отступника за сговор с халдеями и магами, противопоставляя его при этом «веротерпимому» Шапуру II.

⁴⁴ Hofmann. Op. cit. S. 143. Not. 11.

⁴⁵ Farina R. L'impero e l'imperatore cristiano in Eusebio di Cesarea. Zurich, 1966.

написанный ок. 449–450 гг. В нем начисто отсутствуют следы версий А и С в истории смерти Юлиана, но по смыслу он обнаруживает некоторую близость к версии В. В третьей книге своего труда блаж. Феодорит повествует о некоем учителе детей (гл. 23), знакомом с софистом Ливанием, главой антиохийских преподавателей. Ливаний «быв язычником, ожидая победы над персами и исполнения угроз юлиановых, насмешливо расспрашивал этого детского учителя о наших (sc. христианских. – А. М.) делах и сказал: «Что-то делает теперь сын плотника?». При сих словах учитель исполнился божественной благодати и *предрек скоро последовавшее за тем событие*. «Содетель всяческих, которого ты, софист, в насмешку называешь сыном плотника, делает теперь гроб», – отвечал он. По прошествии нескольких дней в самом деле разнесся слух о смерти Юлиана, и он привезен был в гробу. Не имея нигде аналогов этой истории, по сопоставлению «учителя» Феодорита с «софистом» версии В, мы склонны считать истории Созомена (более явно) и Палладия (менее очевидно, но вполне правдоподобно) ее модификациями. Достаточно показательна и другая история, изложенная в главе 24. Там идет речь о святом отшельнике Юлиане, прозываемом Савва (сир. «старец»). Предаваясь неустанной молитве, этот святой получил откровение о смерти Юлиана. «Говорят, что когда он молился и просил милости у человеколюбца Господа, вдруг поток его слез прекратился, лицо засияло радостью, воодушевилось, просветлело и таким образом обнаружило веселие духовное. Заметив эту перемену, люди, к нему приближенные, умоляли его открыть им причину своей радости, и он сказал им, что за свои неправды наказан дикий вепрь, опустошитель вертограда Божия, что он теперь мертв и злоумышления его прекратились. Узнав о том, все возвеселились, вознесли Богу благодарственную песнь и после, узнав от вестников о смерти Юлиана, удостоверились, что он был убит в тот самый день и час, когда провидел и предсказал это святой старец»⁴⁶. В этом фрагменте (а точнее в той традиции, которую он представляет) мы склонны видеть прототип истории о Дидиме. Таким образом, нам кажется логичным связать «антиохийскую» версию с фигурами «софиста» и «отшельника-провидца».

Имея в виду явно восточное происхождение самого предания о смерти Юлиана, мы можем постулировать два направления его развития: «эллинизированное» (Антиохия > Кесария) и «ориентализированное» (Нисивин/Эдесса). В рамках «эллинизированного» мы встречаемся с аскетом (Дидим – у Палладия, Юлиан-Старец – у Феодорита). В рамках «ориентализированного» направления мы видим, как эти функции возлагаются на православного царя. Взаимоотношения культурных сред часто запутаны и сложны. При анализе традиции складывается впечатление, что именно «неэллинизированная» среда Эдессы и Нисивина, как нам кажется, породила то видение смерти Юлиана, которое мы встречаем в «Сказании». Восточное (конкретно сирийское) мышление с его особой разработкой сюжета, своеобразной «библейскостью», значением фигуры царя (вспомним, например, легенду об Авгаре Черном⁴⁷) и дидактизмом выявляется в версии С. Безусловно, «неэллинизированные восточные» – культура для IV в. далеко не маргинальная и даже потерявшая в большой мере черты пограничности. Оппозиция «эллинизированный восточный» – «негреческий восточный» уже весьма четко наметилась в IV–V вв., когда преп. Ефрем мог вовсе не знать греческого языка, а приехавшему в Сирию св. Иоанну Златоусту приходилось проповедовать по-сирийски, ибо паства его на окраинах Антиохии не разумела по-гречески. В конечном счете негреческая часть зла ориентироваться на сасанидскую Персию, а потом и на арабов, эллинизированная же составила органическую, но и весьма оригинальную часть Византии⁴⁸. Разграничения, которые наметились первоначально на уровне культурной

⁴⁶ Феодорит, епископ Кирский. Церковная история. М., 1992; *Theodoret. Kirchengeschichte* // GCS 44. В., 1954. S. 201–203.

⁴⁷ Меццерская Е. М. Легенда об Авгаре – раннесирийский литературный памятник (Исторические корни в эволюции апокрифических легенды). М., 1984.

⁴⁸ Аверинцев С. С. На границе цивилизаций и эпох: вклад восточных окраин римско-византийского мира в подготовку духовной культуры европейского средневековья // Восток–Запад. М., 1985. С. 5–20; *The Roman*

ориентации, впоследствии приняли политический (в эпоху арабских походов) и религиозный (во время великих христологических споров V–VI вв.) характер⁴⁹.

Итак, фигура «свидетеля» требовала определенной харизматичности. В «Сказании» этот потенциал харизматичности почти безраздельно уделен «благому царю» Иовиану. Ему вверено попечение о Церквах Божиих. У писателей версии В эта харизматичность уделена стороннему наблюдателю, «церковному философу» Дидиму. В версии А эта роль принадлежит св. Василию.

Зная наверное, что Юлиан не проходил через Кесарию по пути в Персию, и, следовательно, не встречался с Василием⁵⁰, мы можем предположить, что весь «кесарийский» мотив – вторичен. Таким образом, мы можем предположить, что первоначальная версия содержала в себе три действующих лица: Юлиана (царь-тиран), Иовиана (праведный царь) и Вологеша (епископ, предстоятель Церкви). Насколько можно судить, монашеский мотив – достояние более позднее. Юлиан, находясь в Сирии, оставил по себе определенного рода память, которая трансформировалась в нарративную традицию, продолжая нести на себе отпечаток первоначального видения «неэллинистическим» сирийским миром соотношения духовной и светской власти в конце IV в.

Версия В (Созомен и Палладий) есть, собственно говоря, отражение сирийской «эллинизированной» версии, не включающей мотива противостояния царя-тирана и праведного царя, но зато содержащей мотива монаха-провидца и «неверующего софиста». Можно предполагать, что из Антиохии этот мотив попадает в Палестину (Палладий), Египет (?), а затем и в Константинополь (Созомен).

Если приведенные объяснения более или менее объясняют версию В, то каково значение и происхождение версии А, где главная роль отведена св. Василию? Нельзя отрицать тот факт, что IV–V века стали поворотным пунктом в истории взаимоотношений Церкви и государства. Именно в IV в. стал временем роста авторитета и власти епископов⁵¹. С другой стороны, V–VI вв. стали временем, когда монашество и анахоретическое мышление стало претендовать на определенную «идеологическую нишу». В результате епископы «заняли место» народных защитников и ходатаев перед светской властью – с одной стороны, и откровенных, не обинующихся философов – с другой. Монашество же получило идеологическую позицию «старцев». Будучи законодателем монашеской жизни и одновременно епископом, св. Василий Великий принадлежал к обеим группам, поэтому его появление в истории с Юлианом – одной из центральных политико-теоретических коллизий IV в. – было обусловлено во всех смыслах.

Ответ на вопрос, когда и в каких обстоятельствах произошла трансформация предания сирийской церкви и вместо Иовиана и Вологеша там появился св. Василий, весьма затруднителен. Когда в фокус исторического исследования попадает такая деликатная материя, как народное сознание, исследователю часто приходится предъявлять свое *testimonium paupertatis*. Однако в нашем случае мы можем указать на одно любопытное сопоставление, могущее хотя бы отчасти пролить свет на проблему появления «кесарийского» цикла. Еще У. Халлидэй заметил необычайную схожесть повествования о Василии и Юлиане у Псевдо-Амфилохия с изложением знаменитого конфликта Василия с императором Валентом. В самом деле арианствующий Валент был, мягко скажем, непопулярной фигурой в православной историографии. Годы его правления выпадали как раз на время епископства св. Василия (вспомним, что житие вопреки исторической правде представляет нам Василия еще в 362 г. епископом!). Пытаясь несколько раз склонить Василия к принятию арианских формул, Валент неизменно терпел неудачу. История его взаимоотношений со своенравным митрополитом

Eastern Frontier and the Persian Wars AD 226–363. A Documentary History / Ed. by M.H. Dodgeon, S.N.C. Lieu.

⁴⁹ Пигулевская Н.В. Культура сирийцев в средние века. М., 1979. С. 9–12.

⁵⁰ На пути в Антиохию Юлиан прошел так называемыми Киликийскими вратами (см. Halliday. Op. cit. P. 105).

⁵¹ Brown P. Power, Persuasion in Late Antiquity. Madisson, 1991. P. 35–42.

отличалась неровностью: император прислушивался к нашептываниям придворных-ариан и как-то решился сместить непокорного Василия, за чем последовали болезнь его сына, собственное его раскаяние и исцеление ребенка. Конец их противостояния был победным для Василия: император оставил ему исповедовать никейскую веру и уступил участок земли под Кесарией, где усилиями св. Василия была воздвигнута лечебница⁵². Эти события довольно подробно излагаются св. Григорием Богословом в его «Надгробном слове на Василия»⁵³, и у нас нет оснований сомневаться в исторической добросовестности высокоученого епископа из Назианза. В повествовании св. Григория приводится и прение Василия, правда не с самим Валентом, а с прямолинейным и скудоумным ипархом, угрожающим святителю конфискацией имущества и заключением. Именно переосмысление этой позднейшей истории в категориях епископско-царского противостояния и могло дать курьезную оговорку у Фавста.

Можно также попытаться объяснить появление в версии А мотива «побора». Юлиан, пытаясь воздействовать на «слишком христианское» население Кесарии, лишил ее статуса самоуправляющейся общины и царского имени⁵⁴. С другой стороны, не исключено и косвенное влияние на традицию истории конфликта в Селевкио-Ктесифонской митрополии, когда Шапур II потребовал от католика Симеона бар Саббаз внести налоги (скорее всего чрезвычайные) за христианскую общину Персии. Его отказ послужил поводом к масштабному гонению на христиан⁵⁵. Рассказ об этом инциденте сохранен у того же Созомена. К сожалению, мы не можем точно сказать, насколько этот отдаленный мотив мог повлиять на сложение версии А. Гипотетически его можно принять на правах аллюзии. У Халлидэй полагал, что у коляды и у версии Псевдо-Амфилохия – один источник, гипотетическое житие Василия, написанное человеком, опиравшимся на Созомена. Нам кажется, что введение в оборот нового гипотетического источника не резонно и не доказано документарно. Однако участие созоменовских мотивов в процессе сложения версии А весьма вероятно.

Таков в общих чертах наш итог: в рассмотренных нами источниках мы выделяем три цикла – сирийский, антиохийский (эллинизированный) и кесарийский. Нам кажется правильной идея Бэйнаса о последовательной трансформации предания в различных культурных средах. Каждая из версий (циклов) несет на себе печать своеобразного видения отношений в обществе. Наша задача состояла в максимально возможной конкретизации этих культурных сред и способов их взаимодействия. Если в сирийском цикле отношения Церкви и светской власти видятся в «симфонической» перспективе, то идея епископа, противостоящего тирану характерна скорее для эллинизированной традиции. Если посмотреть в будущее, то мы увидим все эти «точки зрения» присутствующими в византийской политической теории. Однако нельзя забывать, что сама теория часто парадоксально глубоко коренится в комплексах представлений, которые и стали объектом настоящего исследования.

А.В. Муравьев

⁵² Халлидэй (Op. cit. P. 105) задается закономерным вопросом, не есть ли эпизод с дарованием Земли Юлианом оттолоском этой «экономической» победы?

⁵³ *Greg. Naz. Or XLIII. 30, 48–55 (Patrologiae cursus completus. Series graeca. V. 36).*

⁵⁴ *Sozomen. V. 4.*

⁵⁵ *Martyrium S. Symeonis bar Sabbae. Patrologia Syriaca 1(2). P., 1907.* Здесь мы опирается на реконструкцию Д.Е. Афиногенова, которому мы должны выразить благодарность за привлечение нашего внимания к этому памятнику.

BISHOP AGAINST Κοᾶσαρ

(To the backgrounds of one Byzantine ideological motive)

A.V. Muraviev

The article draws attention to the ancient Christian tradition about the death of Julian Apostate. The problem was formulated in 1915 by W. Halliday: what did St. Basil of Caesarea have to do with the death of the «enthroned pagan»? The written tradition that is traced back to the apocryphal *Vita* of Basil by Ps-Amphilochius makes Julian most unhistorically pass through Caesarea and threaten the metropolitan with the ruining of the city and confiscation of the Church estate. Two letters from the so-called «correspondence between Basil and Julian» not taken into consideration by Halliday, though being forgeries prove that there existed an oral tradition linking those two personalities. In order to locate this tradition a division into three narrative trends is proposed: the Ps-Amphilochius' version which goes along with two letters, a κᾶλανδα from a Ms of the Convent of the Holy Cross of Mount Sinai and a folk-lore narration from Indje-Su which contains the story of Julian and Basil(A); Sozomenus' tradition which has no mention of St. Basil, but compared with similar passages from P'awstos Buzandac'i and Nicephoras Callistos Xanyhopulos (who preserved a remote tradition) proves its origin in Antioch (B) and, finally, a Syriac tradition represented by the Syriac *Julian Romance* (C). The latter containing a totally different *mise en scène* with Jovian and bishop Vologeses seems to be the earliest version from which the later tradition is derived. The dating of the primary composition of the *Romance* back to the VIth A.D. could be shifted back to the beginning of the Vth A.D. on different grounds.

The variations and replacements in the body of the legend emerged as a result of different attitudes towards Christian Κοᾶσαρ and the role of the bishops in the Late Empire and Byzantium. The growth of episcopal power and the iconoclast controversy among others were the factors that influenced the development of the narration in different *milieux*.

© 1994 г.

У ИСТОКОВ ПЕРВОГО ПОЭТИЧЕСКОГО ЯЗЫКА ЕВРОПЫ

Дешифровка крито-микенского линейного письма В английским исследователем М. Вентрисом (1922–1956 гг.), справедливо приравниваемая к дешифровкам египетского иероглифического письма и ассиро-вавилонской клинописи¹, продолжает оказывать и по сей день значительное влияние на весь комплекс научных дисциплин антиковедения. Изучение крито-микенских текстов XIV–XII вв. до н.э. позволило не только расширить границы древнегреческой истории вглубь на несколько столетий, но и подойти по-новому к принципиальным вопросам становления и развития раннегреческого общества. Дешифровка оказалась весьма плодотворной как для греческого языкознания в целом, так и для античной диалектологии в особенности. Древнейшие памятники греческой письменности датируются теперь семью – пятью веками ранее гомеровских поэм. Перед исследователями встал ряд сложных вопросов: какова структура вновь обнаруженного «микенского» греческого диалекта и каков ареал его распространения, каковы характер и место других сопряженных с ним диалектов, есть ли основание предполагать наличие в микенском мире наряду с документальной письменностью еще и архаической словесности.

В ходе дискуссии исследователям удалось выяснить², что «микенский», на котором

¹ См. об этом: Furumark A. Ägäische Texte in griechischer Sprache // Eranos. 1953. V. 51. F. 3–4. P. 103.

² См. Гринбаум Н.С. Древнегреческая диалектология и проблема «микенского» // ВЯ. 1974. № 3. С. 116–123.

написаны крито-микенские тексты, не является самостоятельным диалектом. Его нельзя считать и предшественником какого-либо греческого диалекта. Это южная разновидность микенской койнэ, т.е. наддиалекта, охватившего во II тыс. до н.э. Центральную Грецию, Пелопоннес и Крит. В его основе лежат ахейско-эолийские и протоионийские элементы. Первые из них относятся главным образом к области фонетики и морфологии, вторые – больше к лексике. В «микенском» прослеживается и аркадско-кипрский диалектный слой.

Микенскую языковую ситуацию можно представить следующим образом. Жители Центральной и Южной Греции говорят на живых диалектах, к которым восходят позднейшие аркадско-кипрский, эолийский и аттико-ионийский. Эти диалекты, претерпев те или иные изменения, пережили микенскую эпоху и продолжили свое существование в послемикенское время. Наряду с живой речью, несомненно отличной в разных и удаленных друг от друга районах микенской Греции, образуется в период их длительного мирного развития деловой наддиалект, служащий целям общения и обеспечивающий широкую и сложную область общественной и хозяйственной жизни страны во II тыс. до н.э.

Этот наддиалект, охватывавший северный и южный ареалы греческого материка и островов, существовал, как нам представляется, в двух вариантах³. Первый из них, и основной, был устным, разговорным. Возможно, что он служил средством общения и для ахейских вождей во время их совместных военных походов, таких как осада Фив и Троянская война. Второй, образовавшийся на его основе, был письменным, документальным. Последний и представлен частично в хозяйственно-канцелярской подсистеме греческого языка, обслуживавшей нужды дворцовых хозяйств Кносса, Микен, Пилоса и других центров Греции. Эта подсистема исчезает вместе с гибелью микенской культуры. Что касается устного наддиалекта, более широко распространенного, более богатого лексически и с развитой структурой, то он продолжал свое существование, несмотря на резко изменившуюся обстановку. К тому же он сохранил свои прежние позиции в северной части Греции, где его развитие проходило в иных условиях, чем на юге материка.

Деловой язык не был единственным наддиалектом микенской Греции. И.М. Тронский постулирует наличие еще одного наддиалекта, а именно поэтического. «Додорийская Греция, – пишет он, – с ее "ахейскими" государствами была едина и в экономическом, и в культурном отношении, и единому наддиалекту хозяйственных записей Кносса и Пилоса, Микен и Фив соответствовал, вероятно, несколько особый, но столь же единый наддиалект устной поэзии»⁴. Отмечая, что поэтическая разновидность греческого языка микенской эпохи может быть восстанавливаема только в гипотетическом порядке, И.М. Тронский подчеркивает, что «гипотеза эта является основополагающей для истолкования всего последующего процесса развития греческих литературных языков начиная с гомеровского»⁵.

Хотя непосредственных сведений о поэтическом наддиалекте микенской эпохи не сохранилось, мы видим свою задачу в том, чтобы в настоящем сообщении попытаться определить его предполагаемые координаты.

Во-первых, как удалось выяснить, становление древнегреческого поэтического языка связано с северо-восточной частью материковой Греции, и прежде всего с Фессалией (точнее, с Пеласгиотидой) и островом Лесбос⁶. Фессалия и прилегающие к ней районы, судя по имеющимся у нас данным, относятся к местам древнейших поселений греков после их прибытия на Балканский полуостров в III–II тыс. до н.э., и с этим регионом связаны древнейшие религиозные представления и мифологические предания⁷. Лишь на этой территории нам удалось обнаружить в надписях в совокупности

³ См. *он же*. Ранние формы литературного языка (древнегреческий). М., 1984. С. 40–41.

⁴ См. Тронский И.М. Вопросы языкового развития в античном обществе. Л., 1973. С. 132.

⁵ Там же. С. 133.

⁶ Ср. West M.L. Greek poetry 2000–700 B.C. // The Classical Quarterly. 1973. V. 23. F. 2. P. 183.

⁷ Philippson P. Thessalische Mythologie. Zurich, 1944.

такие характерные для архаической поэзии языковые явления, как окончания родительного падежа единственного числа -οιο, -αο и множественного числа -αυ, -αων(-αουν), дательного падежа множественного числа на -εσσι, глагольные формы 3-го лица множественного числа на -οντι и -οισι, причастие женского рода на -οισα и перфектное причастие на -ων, атематические инфинитивы на -μεν, -εμεν, инфинитив ἔμμεναι, личное местоимение ἄμμε и другие⁸.

Во-вторых, древнейший поэтический язык архаической Греции был наддиалектным образованием и сформировался на базе двух преобладавших диалектов той эпохи – эолийского и протоионийского⁹. Дорийский диалект, как показали крито-микенские тексты, еще активно не участвовал в этом процессе. На участие в последнем эолийского указывают как гомеровские поэмы, в которых ощутимо просматривается эолийская прослойка¹⁰, так и лесбосская лирика VII–VI вв. до н.э., свидетельствующая о существовании на острове длительной поэтической традиции. Основываясь на традиции, зафиксированной у Геродота и Аполлодора, носителей протоионийского диалекта можно расположить в землях, примыкавших к Беотии при царе Кадме (XIV в. до н.э. – ср. Herod. V. 57–58), в Фессалии (генеалогический миф о Девкалионе и его потомках – ср. Apollod. I. 7.2–3), в Аттике и (до изгнания их ахейцами) на Пелопоннесе (ср. Herod. I.145).

В-третьих, поэтический наддиалект, в отличие от документального, не исчез бесследно, а продолжал свое существование на греческой территории на протяжении многих столетий. Его дальнейшее развитие связывается в настоящее время исследователями с эпической поэзией¹¹. «Вполне законен, – отмечает И.М. Тронский, – вопрос о сохранении в греческом эпосе особенностей, характеризовавших поэтический язык еще домикенской поры»¹². Лингвистическая система гомеровского эпоса характеризуется им как наддиалект, «далеко отходящий от территориальных греческих говоров VIII–VII вв. до н.э.». Приобретая новую фонетическую окраску (переход долгой α в η) в связи с переселением протоионийцев в конце II тыс. до н.э. в Малую Азию, язык архаического эпоса продолжал оставаться далеким от устного ионийского диалекта того времени¹³.

Однако от внимания исследователей ускользнуло то обстоятельство, что преемника древнейшего поэтического языка микенской эпохи следует искать не только в Ионии, но и прежде всего в языковом материале самой Греции. Непосредственным наследником архаической поэзии является, по нашему глубокому убеждению, второй по значимости жанр греческой литературы – хоровая лирика¹⁴. Конечно, пока язык хоровой лирики признавался учеными «дорийским»¹⁵ или «эпическим»¹⁶, к такому выводу нельзя было прийти. В настоящее время, когда в результате многолетних изыска-

⁸ См. Гринбаум Н.С. Крито-микенские тексты и древнегреческие диалекты // ВЯ. 1969. № 6. С. 84–86; Cowgill W. Ancient Greek dialectology in the light of Mycenaean // Ancient Indo-European Dialects. Los Angeles, 1966. P. 77–95.

⁹ Ср. Wilamowitz-Möllendorff U.V. Der Glaube der Hellenen. Bd 1. B., 1931. S. 63: «Ionisch-Äolisch darf also gegen die später auftretenden Sprachen als eine Einheit zusammengefasst werden – die Sprache der ersten Schicht».

¹⁰ См. Wathelet P. Les traits éoliens dans la langue de l'épopée grecque. Roma, 1970.

¹¹ Ср. Durante M. Sulla preistoria della tradizione poetica greca. Roma, 1971.

¹² Тронский И.М. Вопросы... С. 151.

¹³ Там же.

¹⁴ Вслед за рядом исследователей автор придерживается мнения, что, несмотря на определенные индивидуальные различия, язык хоровой лирики представлял собой единое целое. См. Mücke E. De dialectis Stesichori, Ibyci, Semonidis, Bacchylidis aliorumque poetarum choricorum cum Pindarica comparatis. Lipsiae, 1879; Wilamowitz-Möllendorff U.V. Pindaros. B., 1922. S. 96; Гринбаум Н.С. Язык древнегреческой хоровой лирики (Алкман, Стесихор, Симонид, Вакхилид). Тбилиси, 1986. С. 116–117.

¹⁵ См. Hermannus C. Opuscula V. 5. P. 1. Lipsiae, 1827. P. 247; Зайцев А.И. Культурный переворот в Древней Греции VIII–V вв. до н.э. Л., 1985. С. 168.

¹⁶ См. Ahrens H.L. De Graecae linguae dialectis. V. 2. Goettingae, 1843. P. 410; Радциг С.И. История древнегреческой литературы. М., 1977. С. 163.

ний¹⁷ удалось установить его «эолийско-протоионийскую» диалектную базу, такой вывод является вполне закономерным.

Не входя здесь в детали этого вопроса¹⁸, попытаемся привести доказательства изначальной древности языка греческой хоровой лирики VII–V вв. до н.э. (включая хоровые партии трагедии). Как известно, хоровые песни были теснейшим образом связаны с обрядом и культом, чьи потребности ими главным образом и обслуживались. Они исполнялись коллективно под аккомпанемент музыкального инструмента и сопровождалась ритуальной пляской. Хоровое пение упоминается нередко в гомеровских поэмах, в нем участвуют как ахейцы, так и троянцы. Дважды описывается Гомером коллективный «плач»: троянцы оплакивают смерть Гектора (Ил. 24.723), Музы – смерть Ахилла (Од. 24.60). Молодые ахейцы поют гимн Аполлону (Ил. 1.472–474), исполняют пеан после гибели Гектора (Ил. 22.391). На щите Ахилла изображена сцена исполнения гименей (Ил. 18.493).

К приведенным выше доводам общего порядка можно присоединить и доказательства лингвистического характера. Изучение языка Пиндара, видного представителя древнегреческой хоровой лирики, позволило выявить и у него и в крито-микенских текстах группу сложных имен с глагольной основой, не представленной в гомеровских поэмах:

ἄναξι-φόρμιγξ, ср. кр.-мик. Wa-na-si-ja-ke PY Vn 851.7, Φανασ(σ)ι-ἄγης (-ἄρχης);

ἄεξι-γυιός, ср. кр.-мик. A-we-ke-se-u PY Cn 285.5, Αἰεξεύς;

μνασι-στέφανος, ср. кр.-мик. Ma-na-si-we-ko PY Jn 431, Μνασίφεργος;

ἔρασι-μолλος, ср. кр.-мик. E-ra-/si-/ni-ja KN U 0478.13, Ἐρασινίας;

ἄγησι-χορος, ср. кр.-мик. A-ke-si-ja KN Ap 637.1, Ἀγησία;

φιλησι-μолλος, ср. кр.-мик. Pi-ra-si-ja KN X 974+5742, Φιλασία¹⁹.

В крито-микенских текстах обнаружен и ряд пиндаровских простых и сложных слов, равно как и собственных имен, отсутствующих у Гомера:

а) σχοινίον, ср. кр.-мик.

ἄνδριάς, ср. кр.-мик.

αἰγιβάτας, ср. кр.-мик.

βουβότας, ср. кр.-мик.

λαγέτας, ср. кр.-мик.

ἔργατις, ср. кр.-мик.

ἐπέτας, ср. кр.-мик.

ἐλάτειρα, ср. кр.-мик.

ἐπίλοιπος, ср. кр.-мик.

б) Ἀλκάθοος, ср. кр.-мик.

Μόψος, ср. кр.-мик.

Σιληνός, ср. кр.-мик.

Ἰφίων, ср. кр.-мик.

Ἐχίων, ср. кр.-мик.

Μινύας, ср. кр.-мик.

Ἀφαία, ср. кр.-мик.

Ἰαμος, ср. кр.-мик.

ko-ni-jo PY An 19;

a-zi-ri-ja-te PY Ta 707.2;

ai-ki-pa-ta PY 32;

qo-u-qo-ta-o PY Ea 305;

ra-wa-ke-ta PY An 724.7;

we-ka-ta KN C 59.1;

e-qe-ta PY An 519.15;

e-ra-ta-ra PY Eo 224.6;

o-pi-ro-qo PY Aa 777²⁰

A-ka-to-wa KN Vc 81;

Mo-qo-so KN X 1497;

Si-ra-no KN V 466.1;

Wi-pi-o KN X 5103;

E-ki-wo PY Jn 320.2;

Me-nu-wa PY An 724.2;

A-pa-ie-u PY Jn 845.5;

I-ja-me-i PY Fn 324.7²¹.

В лексике хоровой лирики представлено определенное число слов ахейского

¹⁷ См. Гринбаум Н.С. Язык древнегреческой хоровой лирики (к итогам исследования) // ВЯ. 1988. № 2. С. 109–115.

¹⁸ Этот вопрос рассмотрен нами в статье: Диалектная база языка Пиндара // Античное общество. М., 1967. С. 266–274.

¹⁹ См. Slater W.J. Lexicon to Pindar. B., 1969; Landau O. Mykensisch-Griechische Personennamen. Göteborg, 1958.

²⁰ См. Ventris M., Chadwick J. Documents in Mycenaean Greek. Camb., 1956.

²¹ См. Chadwick J., Baumbach L. The Mycenaean Greek Vocabulary // Glotta. 1963. V. 41. P. 157–271.

происхождения: ἄρουρα, κέλευθος, ἰατήρ, οἶος, ἄλυα, λεύσσω, ἴκω, ὀμφά αὐδά, αἶσα, ἄμαρ, ἐναρίζω, στυφελίζω, φεμίζω и т.д. Целая группа таких же слов отсутствует у Гомера: τύρσις, κίβισις, βατεία, φραδά, ἄγκυρα и др.²²

Предположение о существовании в архаической Греции языковой среды, послужившей основой для формирования языка хоровой лирики, привело нас к поискам ее следов не только в крито-микенском, но и в более позднем эпиграфическом материале. Удалось установить, что в прозаических надписях VI–III вв. до н.э. ряда древнейших центров материковой Греции, а также на окраинах греческого мира сохранились языковые элементы, характерные и для языка хоровой лирики, в том числе не встречающиеся у Гомера. Выяснилось, что общие языковые явления представлены, с одной стороны, в областях Греции, не подвергавшихся дорийскому вторжению (Пеласгиотида, Аттика, Аркадия – на материке, Малая Азия и Египет – на окраине), и, с другой – на территориях, оккупированных дорийцами (Фокида, Арголида, Крит): здесь они связаны с дорийским языковым слоем. Наиболее показательными являются в этом плане надписи городов Ларисы (Фессалия), Афин и Элевсина (Аттика), Дельф (Фокида), Лебадеи и Орхомена (Беотия), Тегеи и Мантиней (Аркадия), Аргоса и Эпидавра (Арголида), Гортины (Крит); Теоса, Милета и Эфеса (Малая Азия), Гераклеи (Великая Греция)²³.

Изучение нами²⁴ древнейшего типа греческих композитов с глагольной основой в первой составляющей, сохранившихся в языке хоровой лирики, позволило выявить его следы наряду с крито-микенскими текстами также и в эпиграфических памятниках: Фессалии (τλα-, фере-, ἄρχε-, ἄναξι-, μνασι-, пεισι-, ὄрси-, телеσι-, φιλο-), Аттики (ἄρχε-, тλη-, ἄναξι-, διωξι-, δαμασι-, мνηси-, ἐраσι-, ἄγησι-, φιληси-, ὄрси-, телеси-) и о-ва Эвбея (фере-, ἄρχε-, ἄναξι-, ἄλεξι-, μεληси-, φιληси-, пειси-, телеси-, φυγο-)²⁵.

В свою очередь, анализ именных и глагольных негомеровских нововведений ранней лирики, обнаруженных в надписях материковой Греции, показал, что из 474 слов (232 существительных и 242 глагола) наибольшее число представлено в эпиграфическом материале Аттики (134) и Арголиды (46).

Следует также отметить, что хоровая лирика сохранила подтвержденный крито-микенским силлабическим алфавитом и характерный естественный для архаического поэтического языка фонетический колорит (долгая α), утраченный впоследствии малоазиатской эпической поэзией.

Подводя итог вышесказанному, можно заключить, что благодаря дешифровке линейного письма В удалось пролить дополнительный свет на развитие архаического устного языка микенского времени и увидеть в нем родоначальника двух крупнейших греческих жанровых языков – эпической поэзии и хоровой лирики. Попытка определить его территориальный ареал и привела к заключению, что его складывание произошло во II тыс. до н.э. на территории Фессалии и Лесбоса²⁶, а его дальнейшее развитие – в Аттике и на Пелопоннесе (Арголида и Аркадия). Была определена также и его диалектная специфика: архаический поэтический язык сформировался как материковый наддиалект на базе эолийского и протоионийского с характерной для них долгой альфой. Непосредственным наследником этой первой поэтической койнэ является, однако, хоровая лирика²⁷, сохранившая на протяжении многих веков ее основные черты в культовых центрах, расположенных по всей Греции, и питавшаяся по-

²² См. Ruijgh C.J. L'element acheen dans la langue epique. Assen, 1957.

²³ Гринбаум Н.С. Язык древнегреческой хоровой лирики как исторический источник // ВДИ. 1974. № 4. С. 24–43.

²⁴ Он же. Крито-микенские тексты и язык Пиндара // Studia Mycenaea. Brno, 1968. P. 75–86.

²⁵ Bechtel F. Die historischen Personennamen. Halle, 1917.

²⁶ Ср. Pavese C.O. La lingua della poesia corale come lingua d'una tradizione poetica settentrionale // Glotta. 1967. V. 45. P. 164–185.

²⁷ См. Гринбаум Н.С. Микенская койнэ и проблема образования языка древнегреческой хоровой лирики // Atti e memorie del I Congresso Internazionale di Micenologia. V. 2. Roma, 1968. P. 869–874.

стоянно устной, народной традицией. К этой традиции обратились в VII–V вв. до н.э. хоровые лирики – выходцы из различных греческих областей: Алкман (Малая Азия), Арион (Лесбос), Стесихор (Сицилия), Ивик (Великая Греция), Пиндар (Беотия), Симонид и Вакхилид (о-в Кеос).

Следует при этом учитывать большой консерватизм в сохранении языковой традиции, еще раз подтвержденный крито-микенскими текстами: в надписях Фессалии, созданных спустя 1000–1100 лет, мы находим не только ряд морфологических (окончания родительного падежа: -οιο, -αο, -αων), но и фонетических признаков архаического наддиалекта (в предлоге 'αλϋ, префиксе ὄν-, форме числительного петро-, начальном πт- в слове λόλις). Прочтение крито-микенских текстов предоставило нам, таким образом, уникальную возможность вплотную приблизиться к истокам первого поэтического языка Европы.

Н.С. Гринбаум

SOURCES OF THE FIRST POETIC LANGUAGE OF EUROPE

N.S. Grinbaum

The article attempts to shed some more light on the development of the archaic oral language of the Mycenaean epoch and views it as the progenitor of the epic age and choral lyric poetry. This language began to take shape at the end of the IInd millenium B.C. in Thessaly and on the island of Lesbos and was further developed in Attica, Argolis and Arcadia. Its distinctive feature is a long alpha – $\bar{\alpha}$.

© 1994 г.

КАТАЛОГ НАРОДОВ В «ЭТИМОЛОГИЯХ» ИСИДОРА СЕВИЛЬСКОГО (IX.1.1. — 2.135)

Расселение и происхождение народов, начиная с Гекатея Милетского и Геродота, — одна из наиболее широко разрабатывавшихся тем в античной историко-географической литературе. Капитальные труды в области этнологии были созданы Страбоном, Помпеем Трогом, Плинием Старшим в эпоху расцвета Римской империи с целью описания народонаселения мира, попавшего под власть римлян. Этнологическая традиция не умирает и в поздней античности (Аммиан Марцеллин), не прекращаясь и после того, как великое переселение народов совершенно изменило этнический облик ойкумены. Цель нашей работы в рамках дискуссии, которая началась в журнале статьей В.И. Уколовой «"Последние римляне" и парадигмы средневековой культуры»¹, где был поставлен вопрос о существовании и масштабах влияния первого энциклопедиста средневековья Исидора Севильского на средневековую культуру Запада, выявить уровень этнологических знаний темных веков по данным «Этимологий» Исидора Севильского и политический смысл обращения Исидора к этой теме².

Первая и вторая главы наиболее интересной в историческом плане IX книги, которая охватывает вопросы лингвистики, этнологии, истории, социологии и права, могут быть названы «каталогом народов». Это попытка соединения библейской и античной этнологических традиций. Из Ветхого завета Исидор берет «таблицу народов» (10—12-я главы книги Бытия), дополняя ее материалом из языческих и церковных авторов. Структуру дополняющих друг друга глав определяет концепция происхождения различных языков и народов из первоначально единого ствола,

¹ ВДИ. 1992. № 1.

² Историография, посвященная Исидору Севильскому, рассмотрена в книге В.И. Уколовой «Античное наследие и культура раннего средневековья» (М., 1989. С. 196—207), исидорианская традиция в книге: *Ukolova V. Last of the Romans*. М., 1990, поэтому мы не останавливаемся на историографических аспектах темы.

пустившего ветви сразу после потопа в ходе сооружения Вавилонской башни³. От языка (*lingua*) Исидор идет не к семье (*familia*), а к народам (*gentes*)⁴. Первая краткая глава служит своего рода методологическим введением, излагающим происхождение различия в языках и содержит общие рассуждения о священных языках (1.3—7), о родстве других языков со «священными языками» (1.8—10), о языке, которым пользовался Бог (1.11—14).

К «священным языкам» Исидор относит греческий, латинский и еврейский, на которых Пилат приказал написать вину Господа при его распятии (1.3). Знание этих языков он считает необходимым для понимания темных мест Священного писания. Греческий язык характеризуется как самый блестящий, каким пользуются народы, латинский — как самый звучный (1.4). Оба эти доступных ему языка Исидор рассматривает исторически, выделяя их диалекты. В латинском языке выявлены следующие периоды его развития: *lingua prisca*, — язык, на котором говорили во времена Януса и Сатурна и от которого сохранилась песнь салиев; *lingua latina* — язык Латина, царей-тусков и других царей в Лации — он представлен законами XII Таблиц; *lingua romana* — язык Невия, Плавта, Энния, Вергилия и ораторов Гракха, Катона, Цицерона и других; *lingua mixta* — язык, который в период широкого распространения империи вместе с нравами и людьми римской общины претерпел порчу, потеряв из-за наплыва солечизмов и варваризмов свою первоначальную чистоту (1.7). Эта оценка интересна не только для характеристики отношения Исидора к вульгарной латыни, но и для понимания им причин порчи языка. Виновными в ней оказываются не варвары, вторгшиеся в римские пределы, а сама Римская империя, безмерно расширившая свои владения⁵.

В оглавлении IX книги вторая глава называется «*De gentium vocabulis*» (О наименованиях народов), что находится в полном соответствии с названием всего труда — *Etymologiae*. Однако содержание главы далеко выходит за рамки исследования названий народов. Излагая «таблицу народов» Ветхого завета и дополняя ее материалами античной этнологии, Исидор фактически занимается происхождением народов. Самым сложным в осуществлении поставленной им задачи было выяснить соотношение между народами, происшедшими, согласно библейской схеме, от Сима, Хама и Иафета, и народами ойкумены, известными античной традиции в другую эпоху и в другом более обширном регионе. Этой же проблемой в наши дни занимаются исследователи Ветхого завета и, разумеется, более успешно, не только потому, что они относятся к этнологической традиции Библии с критикой, отсутствующей у Исидора, но и обладают параллельными древневосточными текстами на семитских, египетском, иранском и других языках⁶. Однако знакомство Исидора и его предшественников с античной традицией позволило им установить немало надежных отождествлений библейских и античных этнонимов.

Так, Исидор устанавливает соответствие между библейским этнонимом *Madai* и греческими *Μῆδος* (мидянин), *Μῆδία* (Мидия)⁷. Другое не вызывающее сомнений

³ Непосредственными предшественниками Исидора в разработке этой концепции были Августин (*Civ. Dei.* 16.6; 11) и Иероним (*Epist.* 18.6). Но в отличие от них Исидор говорит не о «смешении языков» (*confusio linguarum*), а о возникновении различия между ними (*linguarum diversitas* — 1.1).

⁴ Исидор в своем сочинении не говорит о приоритете семейной организации общества, и М. Рейделле в предисловии к IX книге «Этимологии» отмечает это как отход от патриархальной теории (см.: *Isidore de Séville. Etymologies. Livre IX.* P., 1984. Introduction. P. 11).

⁵ Рассуждая о причинах порчи безупречной и чистой латинской речи в эпоху римской империи, Цицерон, естественно, вину за нее возлагал не на римские завоевания, а на нахлынувших в Рим чужестранцев (*Brut.*, 258).

⁶ *Cassuto U. A. Commentary of the Book of Genesis.* Jerusalem, 1961; *Vaux R. Histoire ancienne d'Israël des origines à l'installation en Canaan.* P., 1971; *Dhorme E. Les peuples issus de Japhet d'après le chapitre X de la Genèse // Recueil Edouard Dhorme. / Etudes bibliques e orientales.* P., 1951. P. 167—189.

⁷ Тожество библейского «мадай» с основателями Мидийской державы, мидянами, подтверждается древнеперсидской надписью 835 г. до н.э. из района будущего города Экбатаны с упоминанием *mādā*. В Ветхом завете мидяне нередко смешивались с персами, так как составляли одну державу (Исайя 13.17; 20.2; Даниил 6.1).

отождествление Iuuan и 'Ιων (Ион), 'Ιόνως κόλλος (Ионийское море)⁸. Вслед за комментатором «таблицы народов» Иеронимом (Hier. Quaest. hebr. in Gen.10). Исидор видит в сыне Иавана Елисе эолийцев (2.35). Это сопоставление и поныне имеет приверженцев⁹, но на основании древневосточных текстов достигнуто более надежное понимание Элисы как острова Кипра, точнее его местного, догреческого населения¹⁰. Применительно к Кипру Библии известен и этноним Киттим, трактуемый как сын Иавана и в то же время известный как народ мореходов (Бытие 10.4; Исайя 23.1; 22; Иеремия 2.10; Езра 27.6). Исидор правильно связывает Киттим с кипрским городом Китионом (2.37). Наличие двух привязанных к Кипру этнонимов логично объяснить тем, что «Елиса» — это местное население острова, а «Китион» (современная Ларнака) — финикийская колония. Кипр обладал и греческим населением (Иаван). Сын Иавана Доданим отождествлен Исидором с обитателями Родоса (2.37). Это отождествление уже присутствует в LXX, где в Бытии 10.4 вместо Доданим читается Rodanim.

От сына Иафета Магога Исидор выводит происхождение двух варварских народов — скифов и готов (2.27). Применительно к скифам он следует традиции, восходящей к Иосифу Флавию, отождествляемому Магога со скифами, нападшими на Переднюю Азию в 530 г. до н.э. (Jos. Ant. I. 6.1). В современной научной литературе Магог производят от *mât gâg* — страна Гаги, которую помещают по соседству с Мидией¹¹. Ниже (2.89), повторяя версию о происхождении готов от Магога, Исидор отмечает, что древние часто называли готов гетами¹².

Опираясь на мнение Иосифа (Ant. IX. 10. 2), Исидор отождествляет имя сына Иафета Тарсиса с названием киликийского города Тарса (2.35). И у этого отождествления ныне существуют последователи¹³. Однако библейские тексты, отождествляющие Тарсис с обитателями островов (или полуостровов) к западу от страны Ханаан, с указанием, что это территории, богатые железом, оловом и свинцом, поддерживающие отношения с Тиром (Псалмы 72.4; Исайя 23.6; Иезекииль 27.12.38.13; Иеремия 10.9; Иона 1.3; 4.2), равно как упоминание в текстах Нового царства в Египте народа моря TRŠ, позволяющие отождествить библейский Тарсис (Таршиш) с тирсенами (этрусками) как времен их первоначального обитания на Сардинии, так и времени этрусской талассократии VIII—VI вв. до н.э.¹⁴

Рассуждения Исидора о сыне Иафета Гомере не соответствуют современным представлениям. Для него он предок галатов-галлов (2.27)¹⁵. Клинописные тексты, упоминающие этнос *Gamir*¹⁶, позволяют отождествить «Гомер» с греческими *Κίμμεροι*, впервые упомянутыми Гомером (Od. XI. 11 sq.), а вслед за ним Геродотом (IV. 11 сл.). Киммерийцы вторглись в Малую Азию за четыре века до появления там галатов и не имели с ними ничего общего.

Имя сына Иафета Тубал стало для Исидора Севильского предметом историко-географических спекуляций. Он делает Тубала предком иберов и испанцев, приводя

⁸ Isid. 2.28. Латинская форма Iuuan восходит к греч. *Ιουαν* (LXX) и Iauan в Вульгате. Как и ряд других транскрипций этнонимов в «Этимологии», это — свидетельство того, что Исидор не обращался к еврейскому тексту, где сын Иафета носит имя *Juâwân*. Ср. акк. *jamani*, др. перс. *jauna*. Иаван стало обозначением не только ионийцев, но и всех греков.

⁹ Яйленко В.П. Арханчская Греция и Ближний Восток. М., 1990. С. 193.

¹⁰ Casson St. Ancient Cyprus, its Art and Archaeology. 1937.

¹¹ Dhorme. Op. cit. P. 171.

¹² Гетов с готами пугали уже Геродот (IV. 93—96) и Дион Кассий (XXXVIII. 10.3; LVII. 6).

¹³ Римшнейдер М. От Олимпии до Ниневии во времена Гомера. М., 1957. С. 42 сл.; Яйленко. Арханчская Греция... С. 192.

¹⁴ Aharoni J. The Land of Bible. Philadelphia, 1979. P. 6. Немировский А.И. Этруски. От мифа к истории. М., 1983. С. 36.

¹⁵ Ниже (2.68) Исидор приводит более верную версию происхождения галатов.

¹⁶ Иванчик А.И. Киммерийцы и Урарту накануне восьмого похода Саргона II // ВДИ. 1990. № 3. С. 3. сл.

также мнение о нем как прародителе италийцев (2.28). Современная наука отождествила Тубала с известными греческим и римским авторами тибаренами (Τιβάρηνοι, Tibareni) — народом, обитавшим на южном берегу Понта, между моссиниками и халибами¹⁷. Другой сын Иафета Мешех назван прародителем каппадокийцев (с ним же связывается название «пюныне существующего города Мазака» — 2.30). Исидор правильно локализует Мешех в Каппадокии, однако, видимо, не догадывается, что Мосох — это известные греческим авторам мосхи¹⁸, дожившие до наших дней под именем месхетинцев.

От сына Иафета Тираса Исидор ведет фракийцев (2.31). Трудно сказать, основана ли эта идентификация на каких-либо не дошедших до нас источниках или является выводом, сделанным из сходства слов Tiras, Tiraces (Traces, Thraces).

Рассказ о потомках Иафета Исидор заканчивает словами: «Таковы народы (gentes) от ветви Иафетовой, которые, пребывая под Аквилоном, обладали срединной частью Азии и Европой до Британского океана и дали свои имена местностям и народам. Среди имен многие впоследствии видоизменились, другие же сохранились и остались до сих пор» (2.37). К вопросу об изменении имен народов, известных Библии, Исидор возвращается в заключительной части II главы, отмечая, что некоторые библейские этнонимы вовсе исчезли из употребления (2.132). Признание факта изменения и исчезновения имен позволяет автору заниматься исследованием этих изменений и одновременно вводить в повествование народы, вовсе не известные Библии, и отождествлять их, как мы видели на примере Тубала, с народами, известными Священному писанию.

Не касаясь потомков Сима и Хама, мы перейдем непосредственно к этим новым народам, населявшим Азию и Средиземноморский регион. Среди обитателей берегов Каспийского моря и Средней Азии Исидор называет гирканов, массагетов и бактров. «Гирканы, — сообщает он, — получили имя от Гирканских лесов, где множество тигров» (2.42). Исидор не пытается соединить гирканов ни с одним из потомков Ноя, а название народа объясняет названием леса. Об обилии тигров в лесах Гиркании сообщает Сервий (Serv. Aen. VII. 605), у которого Исидор заимствовал сведения о гирканах вместе с транскрипцией *hircani*, вместо обычного *hircani*. Более обстоятельно сообщение о бактрах: «Бактры — это скифы, покинувшие места обитания из-за мятежа соотечественников и поселившиеся вокруг реки Востока Бактра, от которой взяли свое имя. Царем этого народа был Зороастр, изобретатель «искусства магии» (2.43). Под Бактром в древности понимали один из притоков Окса (Амударьи), ныне известный как Балхав (Curt. VII. 4, 31; Plin. NH. VI. 48; Strabo. XI. 11. 2). Таким образом, этимология этнонима «бактры» восходит к античной традиции. Источником рассказа Исидора о бактрах была эпитома Юстина, где о царе бактров Зороастре говорится в таких же словах, как у Исидора (1. 1. 9).

Текст Юстина послужил также источником сообщения Исидора о парфянах, которые, по его словам, тоже ведут свое происхождение от скифов, чьими изгнанниками они некогда были, что будто бы и доказывается их названием. Ведь на языке скифов, пишет Юстин, изгнанники (*exsules*) зовутся «parthi» (= «парфяне»). (2.44)¹⁹. Обитатели пустынных областей между Каспийским и Аральским морями массагеты толкуются Исидором как «сильные геты» (от *massa* и *geti*) — 2.63. С.П. Толстов принимает эту восходящую к Сервию (Aen. VI. 861) этимологию, исходя из тождества массагетов с

¹⁷ *Hecat.* FGhN I F 204; *Herod.* III, 94; *Xen. Anab.* V. 5; *Apoll. Rhod.* II. 377; *Plin. NH.* VI. 11 — Tibareni.

¹⁸ Μόσχοι, Moscheni (*Herod.* III. 94; VII. 78; *Plin. NH.* VI. 29; *Procop.* Bell. Goth. IV. 2).

¹⁹ Ср. *Iust.* 41. 1. 1. Почти то же самое пишет и Иордан: «...доныне на скифском языке "беглецы" (*fugaces*) называются "парфяне"» (*Iord. Get.* 6). Оба варианта этой этимологии признаются у иранистов ошибочными. Поскольку начало Парфянского государства, согласно литературной традиции, положили парны, племя, входившее в конфедерацию дахов, этноним *parthi* производят от *parni* (*Girshman R. L' Iran des origines à l' Islam.* P., 1951. P. 216).

известными в Китае «да юэ-чжи» («большие юэ-чжи») ²⁰. Другие исследователи, опираясь на сообщение Геродота о массагетах, питающихся рыбой (Herod. I. 216), и авестийское *masuo* («рыба»), толкуют этноним «массагетов» как «рыбоеды» ²¹.

Отсутствие в Ветхом Завете сведений об армянах Исидор восполняет двумя противоречащими друг другу сообщениями. Согласно первому, источник которого — Иероним (Hieron. Quest. hebr. Gen. 10), армяне происходят от внука Сима, сына Арама Хула ²². Согласно другому источнику, восходящему к Юстину (42. 3. 8), прародитель армян Армений был фессалийцем, спутником Язона, переселившимся к колхам и давшим армянам свое имя (2.61) ²³.

С Язоном Исидор связывает также обитателей Азиатской Скифии албанов, полагая, что название этого народа произошло от лат. *albus* (2.65). Иберы и другие народы Кавказа ему неизвестны.

Достаточно обстоятельны сведения Исидора о древнейшем населении Балканского полуострова. Его непосредственные источники — комментарии Сервия, «Хроника» Иеронима и эпитома Юстина. Этноним *Graeci* Исидор, вслед за Сервием (Aen. 2. 4) ведет от царя фессалийцев Грека, игнорируя традицию о народе граиков ²⁴. К обитателям Фессалии он относит лапифов, полагая, что они получили имя дочери Аполлона Лапифы (2.70) ²⁵. Сикионцев он считает не обитателями Сикиона, а особым народом, носившим первоначально имя агиялеев — по царю Агиалею (2.71) ²⁶. Аркадяне получили имя по царю Аркаду, сыну Юпитера и Каллисто (2.71) ²⁷. Данайцы, согласно Исидору, получили имя от царя Даная. Другое имя — аргивяне, по Аргусу — было ими получено при преемнике Аргуса Аписе (2.72) ²⁸. «Ахейцы, называемые также ахивянами, получили имя от Ахея, сына Юпитера» (2.73) ²⁹. «Пеласги, — пишет Исидор, — названы так потому, что они прибыли в Италию весною на всех парусах, подобно птицам». Варрон напоминает, что они были первыми причалившими к Италии. Между тем греки сообщают, что пеласги были так названы по сыну Юпитера и Лариссы (2.74). Отрывок, посвященный пеласгам, — одно из наиболее наглядных свидетельств способа использования Исидором источников. Исидор сокращает соответствующую фразу Сервия (Aen. VIII. 600), выбрасывая ее центральную часть, в которой речь идет о том, что, по мнению Филохора, пеласги прибыли в Италию, как птицы, а по мнению Гигина, пеласги идентичны тирренам. В результате этой операции искажается смысл слов Варрона, поддержавшего мнение Филохора и Гигина.

²⁰ Толстов С.П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М., 1948. С. 97—105. Сведения о юэ-чжи сохранил китайский путешественник Чжан Цянь, посланный к этому племени для заключения военного союза против сунну (гуннов), см.: Вельгус В.А. Известия о странах и народах. М., 1978. С. 136.

²¹ *Isidore de Séville. Etymologies. Livre. IX.*

²² *Isid.* IX. 2.4. Следуя за Септуагинтой, Исидор транскрибирует древнеевр. Хул как Ул. Источником сообщения Иеронима о происхождении армян от Хула (Ула) являются «Иудейские древности» Иосифа Флавия (I. 6. 4).

²³ Геродот считал армян (армениев) фригийцами, переселившимися на Восток, а самих фригийцев рассматривал как переселенцев из Фракии (VII. 73).

²⁴ О граиках (*Graikoi*) см. *Apollod.* I. 7.7; *Arist. Meteor.* I. 352. а. В научное истолкование этого этнонима включают топонимы *Graia* в Беотии и на Эвбее, а также эпитет Деметры — *Graia*. Впервые в Италии этноним *graisa* встречается в этрусской надписи.

²⁵ В античной мифологической традиции известна не дочь Аполлона Лапифа, а его сын от Стилбе Лапиф.

²⁶ Источник Исидора — «Хроника» Иеронима: «*Sicyonii ... qui primum Aigialei vocantur*» (Chron. ed. Helm. P. 20 b). Напротив, Страбон прилагает имя *Αἰγιάλεια* к Ахайе (VIII. 7.1).

²⁷ Источник — «Хроника» Иеронима: «*Arcas, filius Iovis et Callisto*» (Chron. ed. Helm. P. 45 b).

²⁸ Источник заимствования неясен. Данай считался сыном египетского царя Бела, братом-близнецом Эгипта. Аргус (надо «Аргос») — сын Зевса и Ниобы. Апис — сын Фородея и нимфы Теледики, правивший после Аргоса.

²⁹ См. *Serv. Aen.* I. 242.

Далее Исидор рассказывает о происхождении мирмидонян, долопов, афинян-ионийцев, македонян, эпиротов, дорийцев, лакедемонян, мессенцев (2.75—81). Здесь он опирается на «Хронику» Иеронима, на эпитомы Юстина и комментарии Сервия. Мифические и давно исчезнувшие народы преобладают в повествовании над народами полисной эпохи. Перед нами труд, написанный не историком, а антикваром, собиравшим свои сведения по крупицам, не осознавая их значения.

Несколькими фразами ограничивает себя Исидор в описании народов Италии (2.84—88). Перечислены римляне, латиняне, сабиняне, сиканы, туски, сикулы, марсыоски, умбры. При этом героями повествования становятся марсы, поскольку им уделено столько же места, сколько всем остальным народам вместе взятым. О римлянах сказано лишь, что они получили свое имя от основавшего Рим Ромула (2.84). Опущена легенда о троянском происхождении предков Ромула и Рема, которая была призвана соединить судьбы Запада и Востока. Римская империя пала, и римляне скатились на уровень вымерших народов.

Падение Рима отразилось также во внимании Исидора к его сокрушителям, племенам и народам, подчиненным некогда римлянами, но в ходе великого переселения обосновавшимся в их землях. Список варварских народов, включенных в каталог Исидора, впечатляет: готы, геты, гепиды, сарматы, лангобарды, вандалы, авары, гунны, аланы, амписвары, квады, тунгры, маркоманны, бруктеры, хамавы, вангионы, тубанты, свевы, бургундионы, франки, бретоны, скоты. К этим варварам Запада Исидор причисляет и местное варварское население Галлии, Испании, Африки: толосаты, сеноны, ваккеи, иберы, галлекийцы, кантабры, кельтиберы, афры, гетулы, мавры, нумидийцы, гараманты, троглодиты, ихтиофаги, памфаги.

Человек, переживший великое переселение народов, мог пользоваться более надежной информацией, чем римские поэты начала Империи. Но Исидор предпочитает обращаться к Вергилию и Лукану и их комментаторам вместо того, чтобы обратиться хотя бы к Дексиппу и Аммиану Марцеллину, не говоря уже о свидетельствах очевидцев. По созвучию этнонимов он отождествляет гетов, готов и гетулов (2.18; 2.89), не зная языка германцев, производит этноним "аламанны" от реки Леманн (2.94)³⁰. Имя прародителя франков Франка он производит от лат. *ferox* (а *feritate* *mogum* — 2.101), а бриттонов — от лат. *brutus* (2.102)³¹.

Тема жестокости варваров постоянно звучит во 2-й главе IX книги «Этимологии». Причиной ее (вслед за Сервием — *Aen. VI. 274*) Исидор считает суровые климатические условия Севера (2.106). Выделяя владевших Испанией вестготов по их происхождению от библейского Тубала, Исидор тем самым подчеркивает их цивилизованность. Результатом этого было умолчание Исидора о родстве вестготов с другими германцами — свевами, бургундами и франками.

Совершая мысленный обход круга земель, Исидор переходит к народам Африки, начиная с народа-эпонима афров. Афры получили имя от Афры, под водительством которого они направились в Ливию и дали ей новое название (2.115). Источником сведений, точнее, заблуждений Исидора является комментарий Иеронима к Бытию 25.1—6: «Рассказывают³², что один из потомков Авраама по имени Афр повел войско в Ливию, где, победив там врагов, поселился, и по праотцу страна была названа Африкой» (*Hier. Quaest. hebr. 25.1—6*). На самом деле, в Бытии нет никакого Афры. Среди внуков Авраама и Хеттуры, сыновей Мадяна назван Ефер, превращенный в Афру уже Иосифом Флавием из желания расширить ареал влияния своего народа. Что касается происхождения топонима "Африка", появляющегося в латинских текс-

³⁰ При этом он путает аламаннов с аланами, а реку Лан (где-то в Подунавье) с озером Леманном, которое называет рекой. Ссылаясь на строку Лукана (I. 396), он берет свою ошибочную этимологию у Сервия (*Aen. IV. 278*). Видимо, аламанны от *Alahmani* (люди святыни).

³¹ На самом деле, «франки» — «свободные», а основа этнонима *Brittones* не имеет ничего общего, кроме звучания, с лат. *brutus* — «тупой», «глупый».

³² Источником Иеронима были «Иудейские древности» Иосифа Флавия (I. 15. 1).

тах, то оно может быть объяснено, как и многие другие латинские этнонимы и топонимы, из этрусских текстов³³.

Гетулов, согласно Страбону, обитателей пустынных местностей Ливии (XVII. 3.2) Исидор считает родичами дунайских гетов, которые переселились в Африку морским путем (2. 118). Если бы он пользовался «Югуртинской войной» Саллюстия, на которого неоднократно ссылается, то нашел бы у него опровержение отождествления, основанного на сходстве этнонимов³⁴. В то же время сообщение Исидора о переселении в Африку персов, мидян и армяне и о том, что ливийцы исказили имя мидян, называя их на своем варварском языке маврами (2. 122), явно восходит к той же XVIII главе «Югуртинской войны». Остается предположить, что Исидор либо невнимательно читал Саллюстия, либо воспользовался цитатой из его труда в каком-то из поздних переложений.

От нумидийского племени массилов (*massyli*) Исидор производит африканский город Массилию, отмечая, что массилов неправильно называют массулами (2,123). Здесь допущена явная путаница между лигурийско-греческой Массилией (Массалией), этнонимом «массилы» и, возможно, мосилами Μόσυλοι, народом Восточной Африки, у которых был порт Μόσυλον³⁵.

Кочевой народ Африки гаулалов он считает переселенцами с острова Гаулы по соседству с Эфиопией, необитаемого из-за множества змей (2.124). Остров Gauloen, изобилующий змеями, известен Солину (29.8). Но, возможно, допущена путаница с островом Γαῦλος из группы Мальтийских островов (впервые был упомянут Гекатеем Милетским — *Steph. Byz. s.v*)³⁶.

«Гараманты, — сообщает Исидор, — народы Африки, от царя Гараманта, сына Аполлона, который основал город Гараму, носящий его имя» (2.125). Источником Исидору послужили комментарии Сервия (*Aep. IV. 198*). Но он предпочитает привести слова Вергилия, комментируемые Сервием, — «*Extremi Garamanes*», поясняя их следующим образом: «*Extremi* — потому что жестокие и отстраненные от людского сообщества». Эта фраза также восходит к Сервию, но к другому месту его комментариев (*Ecl. VIII. 44*).

«Гесперийцы — это те, что обитают у Испании. Ибо Испания — Гесперия» (2.126). Возможно, это место восходит к Сервию (*Aep. I. 530*), но тот говорит о двух Геспериях, Италии и Испании. Не исключено, однако, что Исидор имеет в виду обитателей западного побережья Африки «*Ἐσπέρον κέρας* (Западного рога), *Hesperium promontorium* (Западного отрога), о котором сообщают античные авторы (*Ptol. IV. 6. 2; Plin. NH. V. 10; VI. 197. Mela III. 96; Solin. 56, 10*).

Переходя к эфиопам, Исидор вступает на твердую для него библейскую почву: «Эфиопы (*Etiopes!*) получили имя от сына Хама, названного Хусом, от которого произошли. Хус на еврейском языке толкуется как эфиоп» (2. 127). Однако для Исидора и его христианских предшественников эфиопы — это не обитатели страны в верховьях Нила, а все чернокожее население от Инда до Нила, живущее на берегу Океана (1. 128). Эфиопами он считает и трокодитов, названных так по быстроте ног, позволяющей им догонять зверей (2. 129). Непривычная для нашего слуха форма этнонима является более древней, восходящей к глаголу τρέχειν, дор. τρόχειν — бежать, в то время как форма Troglodytai является более поздней этимологизацией (от τρώλη и δῶν) — «обитатели пещер».

Среди обитателей Эфиопии названы «памфаги», «поедающие все», что попадает

³³ Имя *afce* наряду с такими именами, как *caice* (*Graecus*), *peleares* (*Balearus*), *sure* (*Sirus*), служащими указанием на этническое происхождение лица, чаще всего раба-чужестранца, встречается в этрусских текстах раньше, чем латинские *Afer*, *Africa*. На наличие в Этрурии рабов-африканцев указывают также литературные и иконографические источники.

³⁴ *Sall. Jug. 18*.

³⁵ *Ptol. IV, 7. 10*.

³⁶ От названия этого острова (ныне *Gozzo*) ведет происхождение тип торгового судна (финик). — γαῦλος.

им на пути (2. 130). Ихтиофагов Исидор помещает в горных районах Индии. Александр, покорив их, запретил им есть рыбу (2. 131)³⁷. О небрежности работы Исидора над источниками свидетельствует его сообщение об антропофагах: «Антропофаги — свирепейший народ в районе Сириков. Названы они так, потому что питаются человеческим мясом» (2. 132). Заимствовав сведения об антропофагах у Солина (50.1), Исидор искажил имя людей шелка «серов», он превратил их в «сириков». Серы же фигурируют под своим правильным именем как обитатели Востока, выращивающие шерсть (lana) на деревьях (2.40). Видимо, под «древесной шерстью» имеется в виду хлопок.

Каталог народов ойкумены завершается фантастическими народами, в существование которых Исидор не верит. Среди них названы антиподы и титаны. Пигмеев, которыми так широко интересовались в древности, а также гипербореев Исидор не упоминает.

Не исключено, что сомнения Исидора в существовании антиподов, о которых в III в. говорили как о реальном народе (Ampel. 6. 1), связано с принятием им библейских представлений о форме земли. Во всяком случае аргументированное отрицание существования антиподов, основывающееся на наличии центра земли, принадлежит одному из главных идеологов христианства Августину Блаженному (Civ. Dei. 16.9). Видимо, и критика Исидором басен о титанах (1. 134—135) также связана с неприятием языческой мифологии³⁸.

«Этимологии» Исидора в условиях VII века видятся нам едва ли не таким же чудом, как «Всеобщая история» Полибия в Риме середины II в. до н.э. по сравнению с анналистикой, над которой она возвышается, как колосс. И чудо такого рода не может быть объяснено одними способностями того или иного автора. Материальной предпосылкой для их проявления должно быть наличие обширных источников информации. Применительно к Полибию известно, что вместе с появлением его в Риме в качестве заложника там оказалась библиотека македонских царей как трофей побед Эмилия Павла над Персеем³⁹. Была ли в распоряжении епископа Севильи библиотека?

Постановкой этого вопроса мы всецело обязаны французскому исследователю Жаку Фонтену. На основании приписываемого Исидору стихотворения «О библиотеке», в котором воспеваются сокровища человеческого интеллекта⁴⁰, Фонтен допускает существование библиотеки, каким-то образом уцелевшей в ходе разгрома Севильи вандалами, свемами и разграбления ее византийцами⁴¹. О местоположении этого книжного собрания и его последующей судьбе ничего не известно, ибо Севилья была затем сметена с лица земли арабами. О ее библиотеке можно судить лишь по труду Исидора, содержащему ссылки на 141 автора⁴². Разумеется, это не означает

³⁷ Источник Солин (50.1).

³⁸ Впрочем, почти что в одних и тех же выражениях опровергают басню о титанах и христиан Лактанций (Inst. V. 6.7), и язычник Сервий (Aen. VI. 580). Согласно Исидору, «Титаны были названы $\alpha\iota\tau\omicron$ τῆς τῆσεως, т.е. "от мести", которую как бы предприняла мать Земля, чтобы отомстить богам». Эту народную этимологию предложил Гесиод (Theog. 207—210). Другая этимология предложена в «Илиаде» (XIV. 274) — от глагола τῶ (чту, почитаю) — «почтенные». П. Шантрэн присоединяется к мнению де Неринга о существовании солнечного бога Τῆάν, выступавшего мстителем за Малую Азию (Chantraine P. Dictionnaire étymologique de la langue grecque. P., 1984. P. 1122).

³⁹ Plut. Aem. Paul. 28. О роли библиотеки македонских царей в создании «Всеобщей истории» Полибия см. Немировский А.И. Библиотеки древнего Рима // ВИ. 1991. № 12. С. 219.

⁴⁰ См., например, такие строки:

Sunt hic plura sacra
Sunt mundalia plura.

⁴¹ Fontaine J. Isidore de Séville et la culture classique dans L'Espagne wisigothique. P., 1959. P. 735 suiv.

⁴² Diesner. Op. cit. S. 117—118. Список авторов, названных Исидором в «Этимологии», разбит по хронологическим группам: 1. Греция; 2. Эллизм; 3. Рим до II в. н.э. 4. Поздняя античность и Средневековье. К первой группе относится девять авторов (Гомер, Геродот, Пифагор, Гиппократ, Эсхин, Демосфен, Аристотель, Платон, Ксенофонт); ко второй группе — семь авторов (Ахил Татий, Арат, Дионисий Фракиец, Эвклид, Посидоний, Теофраст); к третьей группе — 60 авторов (Катон Старший, Катулл, Лукреций, Цицерон, Саллюстий, Плавт, Вергилий, Невий, Ливий, Иосиф Флавий и др.). В четвертой группе больше авторов, чем в трех предшествующих вместе взятых, — 76.

использования им всех трудов, которые он упоминает, но, во всяком случае, библиотека Севильи была достаточно обширной, чтобы осуществить с ее помощью труд такого объема и характера, как «Этимологии».

Но зачем Исидор обращался к такому количеству авторов, большая часть которых язычники? К чему было засорять умы паствы их именами? Авторы последней нашей «Истории всемирной литературы» полагают, что «каталог мироздания призван был полностью освободить читателей от обращения к языческим первоисточникам, и действительно, сочинение Исидора стало основным запасом знаний о мире для всего Средневековья»⁴³. Вряд ли, однако, Исидору приходилось думать о потребностях читателей «всего Средневековья». Опасность того, что из его труда узнают о таких язычниках, как Аристотель, Теофраст, Посидоний, Катулл, Цицерон, Диоген Лаэртский, явно его не волновала. Почему же нам не допустить того, что образованный епископ решил уберечь от забвения сокровища знания о культуре и бытѣ, о мире и человеке вместе с именами тех, кому мир обязан этими знаниями?

Но при этом, как видно и по рассмотренным нами главам 9-й книги, Исидор оставался человеком своего времени и нет никаких оснований вслед за Ж. Фонтеном говорить об «исидоровском ренессансе» и «Исидоровом гуманизме»⁴⁴. Христианская доктрина, на которой он прочно стоял, определила план и направленность «Этимологий» и круг интересов ее составителя. Исидор не был историком, — согласно данному им же самим определению: история — это рассказ о современности, анналы — повествование о прошлом (Etym. I. 44.4)⁴⁵. Но подлинный интерес к прошлому у него также отсутствует, даже если говорить о прошлом города и страны, с которыми его связала судьба. История Гиспалиса для него начинается лишь с того времени, когда Цезарь поднял город в ранг колонии⁴⁶. Исидор замечает только, что ее название связано с вбитыми в болото сваями, служившими фундаментом для домов (Etym. XV. 1. 71)⁴⁷. Ему ничего не известно о первоначальном иберийском периоде истории Гиспалиса, о захвате города финикийцами, о находившемся по соседству Тартессе. Более того, вслед за Иеронимом он утверждает, что Испанию покорил Гней Помпей Великий (IX. 2. 108).

Метод работы Исидора над своими источниками, как мы убедились, чисто компилятивный, без каких-либо элементов критики. Он и сам этого не скрывает, заявляя в предисловии к своему труду, что собрал его из старых сочинений. Осуждая варваризацию латинского языка, он употребляет искаженные варварами названия народов и просто чуждые латинскому языку слова, например, *hosa*, *spalo*, *burgus*. Охотно используя античную историко-антикварную традицию, Исидор сам отделен от нее достаточно четким порогом — падением Римской империи. Для него нет Рима как центра власти, поэтому он оставляет без упоминания не только подкрепляющую его древность троянскую легенду, но и широко распространенную в древности этимологию: Roma от греч. Ρωμη (сила). В его труде нет и следов понимания трагедии падения Рима как фокуса, в котором концентрировалось цивилизованное пространство. Осуждая жестокость германцев (кроме вестготов) по отношению к древнему средиземноморскому населению, он чужд какой-либо ностальгии по Риму, которая проявлялась как христианами, современниками гибели Рима, так и более поздними

⁴³ История всемирной литературы. Т. 2. М., 1984. С. 450.

⁴⁴ Fontaine. Op. cit. P. 863—868, 875—888.

⁴⁵ Любопытно, что термин «historia» объясняется им в разделе «De fabula» (I. 1. 40), а греческий глагол ἱστορεῖν переводится латинским *videre*, в то время как существуют другие более подходящие словарные значения в смысле «расспрашивать», «разузнавать».

⁴⁶ Полное название колонии Colonia Iulia Romula вызывает сомнение в том, что ее основателем был Гай Юлий Цезарь.

⁴⁷ От *palus* — «столб», но также и «болото». Латинская этимология вряд ли верна и с точки зрения латинского языка. Скорее всего город сохранил свое древнее иберийское название. Вызывает сомнение и утверждение Исидора, что от «Spalo» получили имя Spani (Etym. IX. 2. 109). Оно заимствовано у Юстина (44. 1).

средневековыми авторами, например, Хильдебертом Лаварденским и Дю Бюлле.

Исидор продолжает в своем каталоге народов традицию всемирной хроники, свидетельством возникновения которой явились фрагментарно сохранившиеся книги хронографии Секста Африкана (умер в 240 г.). Он и сам написал хронику, две версии которой охватывают современные ему события от 615 до 624 г.⁴⁸. Ему также принадлежит определение хроники: «Хроникой по-гречески называлось то, что в латинские времена обозначалось как *series*, то же самое, что у греков обнаружил епископ Евсевий из Цезареи и переложил на латынь священник Иероним» (Etym. V. 28). Указание на эти эталоны хроники лишний раз подчеркивает, что «Этимологии» принадлежат христианской историографии, обладая лишь внешним сходством с античной.

Если говорить об Исидоре Севильском как авторе переходного периода, то надо исходить из того, что начало этого периода хронологически совпадает не с падением Рима, а с его кризисом в III в. Фактически Исидор ничего не прибавил к тому, что принято называть «патристической историографией», но падение Римской империи лишило сочинения Исидора такого антиязыческого пафоса, каким насыщен труд другого испанского христианина Орозия, который так же, как Исидор, прославлял мягкость готов.

Исидор был последним крупным автором эпохи, отделяющей античность от средневековья. Христианский писатель второй половины VII в. Беда Достопочтенный, в отличие от Исидора, не держал в руках произведений античных авторов и знал о них лишь то, что сообщал Исидор. Но он уже критически относился к Исидору, отмечая незнание им языка оригинала Библии и отсюда допущение многих ошибок. Это было осуждением пристрастия к античной традиции, одним из свидетельств начала новой эры в истории европейской культуры.

А.И. Немировский

CATALOGUE OF PEOPLES IN THE *ETYMOLOGIAE* OF ISIDORE
OF SEVILLE (IX. 1. 1—2. 135)

A.I. Nemirovsky

Chapters 1 and 2 of the 9th book of the *Etymologiae* is an attempt to combine the biblical and ancient ethnological tradition. Proceeding from the idea of the origin of different languages and peoples from the initial shaft during the construction of the Tower of Babel, the compiler supplemented Chapters 10—12 of the Genesis with the information of ancient authors the peoples of Europe, Asia and Africa which the Old Testament did not have.

He tried identify the names of the sons, grandchildren and great-grandchildren of Noah with ancient ethnonyms. Isidore's incomprehension of the Table of the Peoples as a monument of a specific cultural era, his ignorance of Hebrew (Isidore made use of the Septuagint and the Vulgate) account for a number of fantastic etymologies. Only a few etymologies borrowed by him from ancient and church antiquaries are correct. The identification of the Visigoths who ruled Spain with Tubalcain of the biblical ethnological tradition aimed to separate the former from the rest of the barbarians and was a retreat from achievements of the ancient scientific tradition about the Germanic peoples.

Isidor belonged to the transitional period separating the antiquity from the middle ages (the IIIrd — mid VIth centuries). He gathered information about the peoples of the earth from the authors of the period in addition to the material mentioned in the Bible. But since the former used earlier sources, the part of the *Etymologiae* referring to ethnology is worthy of attention.

Actually, Isidore did not add anything to what is called «patristic historiography». But the fall of the Roman empire deprived his work of the anti-pagan pathos permeating the composition of Orosius, another Spanish theologian.

⁴⁸ 39-я глава V книги «Этимологий» представляет собой «малую хронику», сокращение «большой хроники».

ДРЕВНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ: НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ

*Международный «круглый стол»
«Сарматы в I в. н.э.: новейшие открытия»*

«ПРЕПАРИРУЯ САРМАТОВ»: ПРОБЛЕМЫ ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКОЙ И АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ МЕТОДОЛОГИИ

История «сарматов» неизбежно строится на основании двух типов данных – свидетельств письменных источников и археологических материалов. Однако фундаментальные проблемы, присущие обоим типам, требуют больше внимания, чем они обычно привлекают, может быть потому, что использование данных представляется настолько элементарным вопросом, что профессиональные историки считают его чем-то само собой разумеющимся, в достаточной степени понятным всем и не заслуживающим обсуждения. Цель данной работы состоит в том, чтобы осветить методологические проблемы при написании истории сарматов. Особое внимание будет уделено дискуссионным статьям, представленным для этого круглого стола. Следует, однако, иметь в виду, что они относятся к наиболее глубоким исследованиям в области сарматской истории и археологии, и критику их методологии нужно воспринимать именно под таким углом зрения. Моя задача не является негативной – я надеюсь, что осмысление методологических проблем и в особенности выявление предвзятых мнений может внести положительный вклад в будущие реконструкции сарматской истории.

Нынешние споры позволяют обозначить фундаментальные проблемы археологической идентификации и локализации сарматов. В материалах этого круглого стола, к примеру, археологическая идентификация сарматов постоянно выступает как предмет сомнений и разногласий. В то же время, что особенно интересно, исследования социального статуса и региональных факторов указывают на существенные вариации в пределах широкой категории «сарматского». Родственная проблема в этих работах – это наши затруднения в интерпретации культурных изменений, фиксируемых археологией. Основная трудность здесь заключается в разногласиях между теми, кто ищет объяснения в больших перемещениях народов, с одной стороны, и теми, кто предпочитает более эволюционный подход – через торговлю, обмен дарами и культурную конвергенцию, с другой. Интересная черта материалов этого круглого стола состоит в большей готовности учитывать второе, менее драматическое объяснение, чем часто можно обнаружить в дискуссиях о сарматах, да и о любых других степных народах. На мой взгляд, эту тенденцию следует приветствовать и углублять¹.

Большая часть проблемы заключается в том, что нам необходимо совмещать два очень различных вида информации. С одной стороны, археология раскрывает материальные остатки отдельных людей и групп. С другой стороны, письменные источники дают череду имен: сарматы, савроматы², аланы, аорсы, гамаксобии, языги, роксоланы и многие другие.

¹ Kazanski M. Les Goths (Ier-VIIe siècle apres J.-C.), P., 1991. P. 9–25 – автор затрагивает некоторые проблемы археологической идентификации миграции или вторжения.

² Особенно проблематично обычное в современных исследованиях различие между сарматским и савроматским: см. Смирнов К.Ф. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М., 1984. С. 11. Ср. теперь также Очир-Горяева М.А. Савроматская проблема в скифо-сарматской археологии // РА. 1992. № 2. С. 32–40. Заметим древнее отождествление сарматов и савроматов, например, у *Plin.* NH 4.80.

В то время как археологические данные суть реальные остатки, непосредственно поступающие в распоряжение археолога-историка, наши письменные данные представляют собой продукт третьей стороны, а именно определенно чуждой культуры греко-римского мира. Данные письменных источников представляют сарматов глазами классической древности: сарматы письменных источников могут мало напоминать археологических сарматов. Хорошо известно, что наши письменные источники тяготеют к стереотипам и клише – они любят описывать, как сарматы путешествуют в повозках, как их земли и водные пути замерзают, как они одеваются в звериные шкуры, татуируют тело, едят просо и т.п. Такие подробности составляют любимые темы, потому что они выражают различия между сарматами и поведением и предпочтениями элиты греко-римского мира Средиземноморья. Сарматская «дикость» разрабатывается как средство исследования греко-римской «цивилизации». Это означает, что классические описания сарматов, как и других народов на периферии греко-римского мира, глубоко идеологизированы и служат своим собственным целям. Симоненко демонстрирует осведомленность о такой тенденции в античной поэзии, но ее можно обнаружить также и в античных прозаических текстах, даже в относительно трезвых сообщениях, скажем, Мелы, Страбона, Плиния Старшего и Тацита³.

Но не менее важно и то, что сарматы археологии тоже не столь уж абсолютно «реальны», как мы можем подумать. Критерии идентификации «сарматов» настолько расплывчаты, что позволяют утверждать (как здесь, например, это делает Гугуев), что среднесарматская культура простиралась от Казахстана до Днепра. Но наблюдаемые по этому огромному региону культурные параллели недостаточны для того, чтобы идентифицировать там «народ», тем более государство. Термин «сарматы» есть не более чем неопределенная античная кличка, применявшаяся для обозначения народов Северо-Востока. Там, где наши античные источники сколько-нибудь подробны, они очень ясно показывают, что сарматы ни в коем случае не составляют единства. На самом деле они говорят о многообразии и различиях: так, Август в своих *Res gestae* упоминает послов от царей (заметьте – множественное число) сарматов, тогда как Плиний Старший описывает сарматов как «подразделяющихся на много родов» (*in multa genera divisi*) и далее перечисляет их. Отметим также кавказских эпагерритов, которых Плиний определяет как «сарматский народ»⁴.

Как подчеркивает Виноградов, у Тацита мелкие правители (*sceptuchi*) сарматов имеют обыкновение (*more gentico*) поддерживать противоположные стороны. То есть, согласно сообщению Тацита, сарматы настолько разделены, что они сражаются друг с другом, когда находятся в союзе с враждующими силами, в данном случае соответственно с иберийцами и парфянами⁵. Если «сарматы» столь глубоко разъединены и это воспринимается как норма, что их ведут на битву друг с другом различные мелкие правители, мы должны быть очень осторожны, говоря о них в выражениях, которые подразумевают единство таких, как «сарматы» или «сарматский народ». Более того, если мы принимаем, что разнообразие и отсутствие единства были нормой для сарматов, традиционные представления о великих передвижениях сарматов (или скифов, или аланов) выглядят гораздо менее привлекательно, чем более постепенные и эволюционистские модели, в которых каждая подгруппа имеет собственную историю, хотя и не обязательно в изоляции от остальных.

Насколько нам известно, термин «сарматский» в сущности есть термин греко-римский, хотя он, разумеется, может быть сходен с какими-то обозначениями, которые были в ходу у различных народов, к которым этот термин применялся. И как мы видели, наши античные источники очень ясно говорят, что «сарматский» есть обобщающий термин, покрывающий другие, которые для социально-политической реальности были гораздо важнее. В этом смысле термин «сарматский» в наших античных источниках близок к термину «германский», а «Сарматия» – к «Германия». Тацит, к примеру, выражает неуверенность относительно того, следует ли причислять певкинов, венетов и феннов к сарматам или германцам⁶. Но так же как в своей «Германии» Тацит подробно описывает различные германские народы и их обычаи, он же вместе с другими нашими письменными источниками позволяет ближе познакомиться с различными народами, особенности которых скрыты под общим

³ Выводы Ф. Артога (*Hartog F. The Mirror of Herodotus. Berkeley, 1988 [transl.]*) могут быть также применены к сарматам.

⁴ *Res Gestae*, 31 упоминают «царей по эту сторону Танаиса и за ним». О разделениях см. *Plin. NH 6.19; Epagerritae, Sarmatarum populus in Caucasi iugis (NH 6.16–17)*.

⁵ *Tac. Ann. 6.33*.

⁶ *Tac. Germ. 46*.

названием «сарматы». На самом деле Сарматия, как кажется, нашла свое собственное подробное описание в «Перипле Сарматий», составленном Маркианом⁷.

Аорсы, например, включались в число сарматов⁸, но похоже, что они сами по себе представляли собой «народ», в том смысле, что у них был собственный правитель/и⁹. Замечательная новая надпись из Мангупа, разбираемая здесь Виноградовым, даже упоминает их страну как Аорсию. Относили к сарматам и языгов, живших к северу от Дуная, которые, вероятно, в свою очередь были конгломератом племен. Уже у Полибия мы читаем о сармате в этом районе по имени Гатал, тогда как Посидоний считает сарматов этнически смешанными с фракийцами и бастарнами Придунавья¹⁰.

Местный контекст имеет исключительное значение. На северных предгорьях Кавказа, к примеру, наблюдается поразительный консерватизм в материальной культуре в течение многих столетий. Здесь характерные черты искусства кобанской культуры демонстрируют поразительную устойчивость еще на протяжении эпохи приципата¹¹. Примерно в том же регионе керамика позднейших аланов IV–VI столетий удивительно напоминает керамику позднекобанского периода¹². Более того, недавние археологические исследования около Кисловодска указывают, похоже, не только на континуитет в течение «сарматского периода», но также и на существенную локальную преемственность от предыдущих веков¹³. В своей одержимости вторжениями и миграциями большая часть современной науки уделяла недостаточно внимания таким преемственностям, которые слишком легко списывают просто на устойчивость локального субстрата, который каким-то образом воображается как нечто отдельное и отличное от «сарматов», рассматриваемых, как правило, в качестве внешней доминирующей силы. Конечно, в таких постулатах может быть доля правды, но по крайней мере к ним следует подходить с большей осторожностью, чем это обычно делается.

В частности, можно спросить себя, не являются ли изменения, фиксируемые археологическими данными, свидетельством не просто прихода нового народа (сарматов), но появления новой моды и образа жизни. Общеизвестным показателем размаха изменений в образе жизни среди этих элит может служить недавняя находка амфоры из Гераклеи Понтийской среди погребального инвентаря на Нижней Волге¹⁴. Также на Нижней Волге, в районе Косики, локальные отличия особенно очевидны в отсутствие кургана. Только стремление к установлению единообразной «сарматской» погребальной практики ставит исследователей в тупик перед такой локальной вариацией. Верно, разумеется (на что часто ссылаются в данном контексте), что погребальная практика, как правило, традиционна, однако верно (но признается реже) и то, что даже в рамках очень локальных традиций она обычно сильно варьируется¹⁵.

У Страбона есть хороший пример локальной подгруппы сарматов, который нисколько не теряет силы только потому, что у нас нет для этих сарматов конкретного наименования. Здесь локальный контекст имеет основополагающее значение. Страбон упоминает, что более северные иберийцы Кавказских гор состоят в тесных связях и родстве с сарматами северокавказских предгорий примерно в районе современного Владикавказа. Эта связь между горными иберийцами и народами к Северу имеет первостепенное значение для

⁷ Steph. Byz. s.v. Σαρματούριοι.

⁸ Plin. NH 4.80, вместе с гамаксобиями, «обитающими в повозках».

⁹ Упоминание Тацита об Эвноне: App. 12.15–20.

¹⁰ Polyb. 25.2; Poseidonius, fg. 277a, 25–30, Edelstein-Kidd (из Strabo. VII. 3.2–7).

¹¹ Козенкова В.И. Погребения сарматского времени в ущелье р. Карца в Северной Осетии // Древности Евразии в скифо-сарматское время. Москва, 1984. С. 113–119, особ. с. 118–119 и цитируемая там литература.

¹² Техов Б.В. Очерки древней истории и археологии Юго-Осетии. Тбилиси, 1971. С. 226.

¹³ Абрамова М.П. Подкумский могильник. М., 1987. Локальные исследования такого типа есть несомненный шаг вперед. См. также она же. Некоторые особенности взаимоотношений ираноязычных кочевников и оседлых племен Предкавказья // РА. 1992. № 2. С. 20–31.

¹⁴ Амфора принадлежит контексту начала III в. до н.э. (Кривая Лука – Нижняя Волга): см. Дворниченко В.В., Федоров-Давыдов Г.А. Памятники сарматской аристократии в Нижнем Поволжье // Сокровища сарматских вождей и древние города Поволжья. М., 1989. С. 5–13, особ. с. 5.

¹⁵ Об отсутствии кургана в Косике см. Дворниченко, Федоров-Давыдов. Ук. соч. С. 6. Прим. 14: авторы были весьма удивлены этим фактом. О множественности погребальных традиций на ограниченной территории ср. Musgrave J. Dust and Damn'd Oblivion: A Study of Cremation in Ancient Greece // BSA. 1990. 85. P. 271–299.

понимания военной и дипломатической ситуации в Иберии. Географическое положение иберийцев было очень удобно для того, чтобы посредничать между народами Севера и другими державами. Положение правителя Иберии было благоприятно и для собственной дипломатии. Дипломатическая и военная мощь были тесно связаны – правитель Иберии мог призвать родичей своих северных подданных, т.е. сарматов, сражаться бок о бок с ним, и делал это. Страбон и подчеркивает эту форму сотрудничества: он констатирует, что в периоды смут северные иберийцы собирают многотысячное войско, включающее не только собственно иберийцев, но и их северных соседей и сородичей¹⁶.

Это явно был частный локализованный случай – не взаимоотношения между иберийцами и сарматами вообще, но более индивидуальные связи между иберийцами и теми сарматами, которые находились на их северной периферии. Страбон указывает, что иберийцы могли призывать на помощь этих соседствующих и связанных с ними сарматов в случае нужды. Дарьяльский проход (важность которого часто преувеличивают, но который был тем не менее главной дорогой с Севера в сердце Закавказской Иберии) можно, как кажется, называть не только «Каспийскими» или «Кавказскими», но и «Сарматскими воротами»¹⁷.

Следует сделать два замечания, каждое из которых характеризует проблематичность наших письменных источников. Во-первых, нужно вспомнить обсуждавшиеся выше данные Тацита о разделениях среди сарматов. Рассказ историка был не просто описательным, но также осуждающим: как подметил Виноградов, Тацит не просто констатирует, но и критикует сарматское обыкновение быть разобщенными до такой степени, чтобы занимать противоположные стороны, участвуя в чужих войнах. Такое отсутствие единства для него иллюстрирует ненадежность и недостаток цивилизованности, которые можно ожидать (но никогда не извинять) у варваров. С точки зрения Тацита, именно такой способ поведения есть то, что (по крайней мере, в принципе) отличает римлян и возвышает их над такими некультурными народами, которые настолько неразвиты, что даже не могут организоваться или действовать вместе. Но конечно, Тацит (как и современная наука, критиковавшаяся выше) бьет мимо цели, потому что он предпочитает рассматривать сарматов как единство, которое разделено. Однако, как мы видели, письменные и археологические данные показывают, что сарматы составляли ничуть не большее единство, чем германцы, и что каждая их группа имела свой локальный контекст и локальные традиции. В частности, поскольку, как передает Страбон, иберийцы поддерживали особо тесные отношения с сарматами к северу от Дарьяльского прохода, вряд ли можно удивляться, что эти сарматы присоединились к ним в войне против Парфии. Далее к Востоку Парфия, несомненно, имела собственные отношения подобного рода с одной из групп сарматов. Если понять этот фон (пусть даже в некоторой степени гипотетический), видно, что морализаторство и презрительные тирады Тацита отражают непонимание их сложных взаимоотношений между собой и с окружающими их многочисленными группами, которых для Тацита достаточно свалить в одну кучу как «сарматов».

В качестве заключения к этой теме следует отметить, что у Тацита нельзя указать ни одного достоверного случая употребления термина «аланы» – он предпочитал термин «сарматы». Однако в рукописной традиции явно было много путаницы между «Albani» и более известными «Alani». Это рукописное затруднение постоянно встречается в наших письменных источниках – не только в сочинениях Тацита – и делает дискуссию об аланах особенно неопределенной, соответственно и, казалось бы, простой вопрос о первом появлении аланов в наших письменных источниках остается без ответа¹⁸.

¹⁶ *Strabo*. XI.3.3, p. 500. Внешние сношения как Колхиды, так и Иберии составляют основную тему книги: *Braund D. Georgia in Antiquity: A History of Transcaucasian Colchis and Iberia, 550 BC-AD 562*. Oxf., 1994.

¹⁷ *Ptol.* Geogr. 5.8.15; Ср. также *Strabo*. XI.15.1, p. 497; *Dio*. 63.8.1.; *Plin.* NH 6.40; *Tac.* Ann. 6.33.4. Плиний (NH 6.30) представляет себе большие ворота. Проход около горы Эльбурс, к югу от Каспия, часто назывался «Каспийские ворота»: *Plin.* NH 6.40–45, ср. *Jos.* BJ. 7.244 sq. Наименования кавказских проходов включают также «Скифские ворота» (*App. Mithr.* 102) и «Албанские ворота» (*ibid.*). Название иберийских Каспийских ворот связывалось, видимо, с Каспи и г. Каспием, которые долго помещали там: *Strabo*. II. 1.39, p. 91.

¹⁸ См., например, *Tac.* Hist. I.6, где чтение *Albani* нельзя переправлять на *Alani*, которое не поддерживается рукописями, ср. *Bosworth A.B. Vespasian's reorganization of the north-east frontier // Antichthon*, 1976. 10. P. 63–78; *Kolendo J. Le projet d'expédition de Neron dans le Caucase // Neronia 1977*. Clermont-Ferrand, 1982. P. 23–30, особ. p. 24; *Isaac B. The Limits of the Empire: the Roman Army in the East*. Oxf., 1990. P. 404. На самом деле и у Лукана (8.223), который писал при Нероне, чтение *Albanos* следует, вероятно, предпочесть чтению *Alanos*.

Во-вторых, предостережение: неспособность даже наших лучше всего информированных и наиболее заинтересованных письменных источников прийти к согласию относительно местоположения и идентификации Каспийских ворот должна внушить нам больше тщательности и осторожности в трактовке их локализаций и идентификаций более туманных объектов, таких, как народы и племена. Плиний настаивает на том, что термин «Каспийские ворота» не должен использоваться для обозначения Дарьяльского прохода, который, по его словам, следует называть «Кавказскими воротами», жалуясь при этом, что информация, доставленная в результате похода Корбулона в Закавказье, была неверной¹⁹. То есть Плиний не считает данные, полученные в результате реальных римских походов окончательными и даже надежными, по крайней мере в этом случае. И это несмотря на то, что римские армии вели военные действия в Иберии под командованием Помпея в 66/65 г. до н.э. и П. Кандидия Красса в 37/36 г. до н.э. Справедливо, конечно, что римские исследования и римское оружие регулярно сопровождали друг друга, но возможна переоценка как точности их результатов, так и воздействия этих результатов на наши письменные источники. Тацит, например, который демонстрирует общую осведомленность о важности проходов через Кавказские горы, дает не более сложную картину, чем того требовали его историографические задачи²⁰.

Но в каком смысле был прав (если вообще был прав) хорошо информированный Плиний в своей категоричности относительно того, что Дарьяльский проход не есть Каспийские ворота²¹? Поразительно, что Дарьяльский проход обозначен термином «Каспийские ворота» в иберийской царской эпитафии, высеченной примерно через 50 лет после публикации труда Плиния²². В Риме не очень интересовались запутанными подробностями о многочисленных путях через Кавказ; для римлян «Каспийские ворота» были обобщающим мнемоническим термином²³. Даже для римских писателей, а потому, вероятно, и для тех, кто в Риме принимал решения, Иберия отождествлялась с ее проходами, идентифицируемым с большим или меньшим приближением. Педантичный Плиний в чем-то был прав, но упустил нечто более важное. Ценная работа Виноградова особенно откровенна в отношении причин, побуждающих ученых предпочитать исторические модели больших передвижений моделям постепенных изменений посредством культурного взаимодействия. Он справедливо замечает, что различные наши письменные источники (в его случае, как это часто бывает, конкретно Страбон и Плиний) помещают одни и те же народы в разных местах. А поскольку и Плиний, и Страбон представляются нам хорошо осведомленными, автор делает обычное умозаключение, что упоминаемые народы «передвинулись». Процедура логична и легко доступна пониманию. Но предыдущие соображения показывают, что она также проблематична: в каждом из античных авторов, от которых мы зависим, по своему смешиваются презрение, равнодушие и просто невежество в отношении сложных по составу отдаленных народов на огромной территории от Дуная до Каспия и далее. Если наши наиболее информированные источники не могут прийти к согласию даже в таком простом вопросе, как название Дарьяльского прохода, мы не можем настаивать на их точности, например, при локализации аорсов, хотя понятно, что одни писатели будут более надежны, чем другие. К тому же можно только догадываться о самоопределении самих этих народов – к примеру, сколько людей, которых мы считаем аорсами, назвали бы так самих себя? Социологические исследования национальности и самосознания показывают, что такие ярлыки оспариваются не только со стороны чужаков, но и внутри самих народов²⁴. Вообще, писателям античности было достаточно расплывчатых разговоров о «сарматах» – с греческой или римской точки зрения все они были примерно одинаковы и могли быть помещены в рамки одних и тех же стереотипов.

Наша проблема и в том, чтобы осознать большую сложность, чем та, которую нам обычно предоставляют наши письменные источники. Недостаточно обозначить памятник

¹⁹ *Plin.* NH 6.40.

²⁰ *Tac. Ann.* 6.32 sq.

²¹ Даже среди самых информированных явно было много путаницы и разногласий – мнение Плиния есть лишь одно из многих и не должно быть в привилегированном положении, как справедливо подчеркивает Е. Колендо (*Op. cit.* P. 24 *suiv.*).

²² *IGR.* I.192.

²³ Так, например, поэт Стаций использует термин «Каспийские ворота», чтобы вызвать в памяти весь этот район: *Silv.* 4.4.63–64; cf. *Tac. Ann.* 12.45.

²⁴ Хорошим введением в проблематику национальности может служить книга: *Smith A.D.* *National Identities.* L., 1991. Я подробно разбираю эти вопросы в книге: *Georgia in Antiquity* (см. прим. 16).

как «сарматский», хотя это может быть первым шагом. Недостаточно даже обозначить памятник как «аорский». Что необходимо, так это тщательное изучение вещественного материала с особым учетом локального контекста и должным вниманием к изменениям не только во времени, но и между классами и статусными группами. Терминология античного мира должна стоять на втором плане, за данными вещественных остатков, потому что когда мы переходим из греко-римского мира на земли сарматов, мы переходим из исторического времени в доисторическое. А в доисторическом времени нашим путеводителем должна быть археология. И что, может быть, важнее всего – мы не должны повторять ошибку античных авторов, которые сводят «сарматские» народы в один большой массив или в лучшем случае к крупным подмассивам. Мы должны быть привержены множественности и разнообразию, даже если мы не можем дать четкие названия локальным группам, как, скажем, в случае с сарматами, родственными иберийцам, о которых упоминает Страбон. В конечном счете, может быть, это и столь важно, что мы не можем дать имя той или иной группе.

С учетом всего сказанного, я закончу вопросом, который возникает из работы Виноградова и из надписи на миске, в которой, как кажется, упоминается царь Артевазд. Написание имени имеет форму 'Αρθεουάζου (генитив от 'Αρθεουάζης или, что менее вероятно, от 'Αρθεουάζος). Конечно, Артевазд мог быть царем Армении, но если предыдущие соображения имеют хоть какой-то смысл, мы, безусловно, можем представить себе, что на Северном Кавказе и в Поволжье было полно правителей, которые могли называть себя царями (вряд ли имеет значение, что Тацит предпочитает «scertuchi»). Могло ли имя в надписи принадлежать одному из таких правителей? Если так, нам не нужно воображать ремесленника при его дворе, сведущего в сарматском ремесле, а довольно своеобразная форма написания имени Артевазд на блюде (если это действительно имя) означает, что блюдо могло быть подарком от одного сарматского царя другому царю или аристократу. Тогда этот царь присоединится к другому неотожествленному правителю примерно в том же регионе, некоему Флавию Даду, которого часто принимают за иберийца, но который вполне может быть сарматским царем с Северного Кавказа, потому что он не упоминается больше нигде ни в иберийской истории, ни в царских списках²⁵. Если Артевазд или Флавий Дад действительно цари сарматов, то особенно интересно обнаружить, что греческий язык был в употреблении (пусть и в очень ограниченном) среди знати этих регионов: вино не было единственным элементом греческой культуры, представлявшим интерес для элиты волжских сарматов, хотя от античных авторов можно ожидать противоположных утверждений.

Д. Браунд

"DISSECTING THE SARMATIANS": PROBLEMS OF LITERARY AND ARCHAEOLOGICAL METHODOLOGY

Braund D.

The author is trying to give a comparative study of narrative and archaeological studies, which concern the history of the Sarmatians in Hellenistic and Roman periods with a particular attention to methodological problems. To his opinion each Sarmatian tribe had its own archaeological context and local traditions. There were a lot of mutual links between the Sarmatian tribes and the Romans, Iberians, Armenians etc. Most of these relations were maintained through the Caucasian mountain passes. For Greek and Roman authors a term "The Sarmatians" was common for the whole ethnicity and they rather rarely divided in on separate tribes.

²⁵ См. Braund D. King Flavius Dades // ZPE. 1993. 96. S. 46–50.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИДЕОЛОГИИ САРМАТО-АЛАН

(По материалам кургана 10 Кобяковского могильника)

Летом 1987 г. в кургане 10 Кобяковского могильника (г. Ростов-на-Дону, пос. Александровка) было открыто погребение представительницы сарматской аристократии конца I—первой половины II в. н.э.¹ Погребения кочевнической знати Нижнего Дона второй половины I—первой половины II в. н.э., которые характеризуются набором таких устойчивых признаков, как ингумация в яме квадратной формы, ориентированной сторонами или углами по сторонам света, с наличием в могиле деревянных конструкций, имитирующих сруб, а в инвентаре погребения изделий так называемого полихромно-бирюзового звериного сарматского стиля, специфических наборов блоковидных курильниц, многочисленных импортных изделий восточного и западного происхождения все большим числом исследователей отождествляются с памятниками, оставленными аланами — «бывшими массагетами» Аммиана Марцеллина².

В настоящей статье на базе материала рассматриваемого археологического комплекса предполагается еще раз обратиться к вопросу реконструкции мифологических представлений сармато-алан. С этой целью необходимо попытаться интерпретировать изображения на головном уборе, гривне и некоторые детали зафиксированного погребального обряда.

Головной убор из тонкой окрашенной в красный цвет кожи был украшен аппликацией, детали которой вырезаны из золотой фольги и крепились с помощью специальной мастики. Орнамент аппликации реконструируется следующим образом: в центре композиции изображение мирового древа с 12 загнутыми вниз ветвями, справа и слева от него располагались по три фигурки оленей с ветвистыми рогами, противостоящие друг другу в зеркальном отражении, и по два орла с подчеркнуто-хищными клювами и распростертыми крыльями. Головной убор украшали также плоские золотые кружочки — солярные символы (диаметр 0,6 см, вокруг черепа и под ним обнаружено 45 кружочков) — рис. 1. Детали аппликации головного убора располагались справа и слева от черепа таким образом, что создается впечатление, будто они были прикреплены к кожаной повязке, которая затем была разрезана (в районе изображения мирового древа, справа от него). Между деталями аппликации вокруг черепа и под ним были найдены фаланги пальцев кисти погребенной с искусственными изменениями по краям (спилены или сточены). Они также могли быть прикреплены к начальной повязке.

Изображение на кобьяковской диадеме соответствует реконструированным на базе анализа языковых структур представлениям, связанным с концепцией мирового древа. Эти представления отражают мифологизированное понимание процесса творения и организации космоса как трехчленной структуры. По вертикали мировое древо, маркирующее центр вселенной, делится на верх, середину и низ, что соответствует верхнему, среднему и нижнему мирам единого космоса. В архаических текстах этим частям древа соответствуют живые существа: с верхом соотносятся птицы, со средней частью — копытные животные (кони, олень, бык, козел), с низом — змей; в стволе древа, его ветвях или на вершине может находиться антропоморфное существо (девушка, молодая женщина, пуруша, божество)³.

¹ Прохорова Т.А. Отчет о раскопках Кобяковского курганного могильника в 1987 г. Архив археологической лаборатории РГУ, ф. 15; Прохорова Т., Гузев В. Богатое сарматское погребение в кургане на восточной окраине г. Ростов-на-Дону // Известия РОМК. Вып. 5. Ростов н/Д., 1988. С. 40—48; Гузев В.К. Кобяковский курган // ВДИ. 1992. № 4. С. 116—129 (с указанием прочих публикаций).

² Раев Б.А. Римские импортные изделия в погребениях кочевнической знати I—III вв. н.э. на Нижнем Дону: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1979; Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия. Саратов, 1990. С. 191, 215; Засецкая И.П. Проблемы сарматского звериного стиля (Историографический обзор) // СА. 1989. № 3. С. 46; Симоненко А.В. О периодизации сарматской культуры // Скифия и Боспор. Археологические материалы к конф. памяти акад. М.И. Ростовцева. Новочеркасск, 1989. С. 118 сл.; Раев Б.А. Аланы в Евразийских степях: восток—запад // Там же. С. 117.

³ Топоров В.Н. О структуре некоторых архаических текстов, соотносимых с концепцией «мирового древа» // ТЗС, Тарту, 1971. С. 31—33; он же. О брахмане. К истокам концепции // Проблемы истории языков и культуры народов Индии. М., 1974. С. 52, 65; Иванов В.В. Опыт истолкования древнеиндийских ритуальных и мифологических терминов, образованных от *aśva* — «кони» // Там же. С. 76—78, 115.

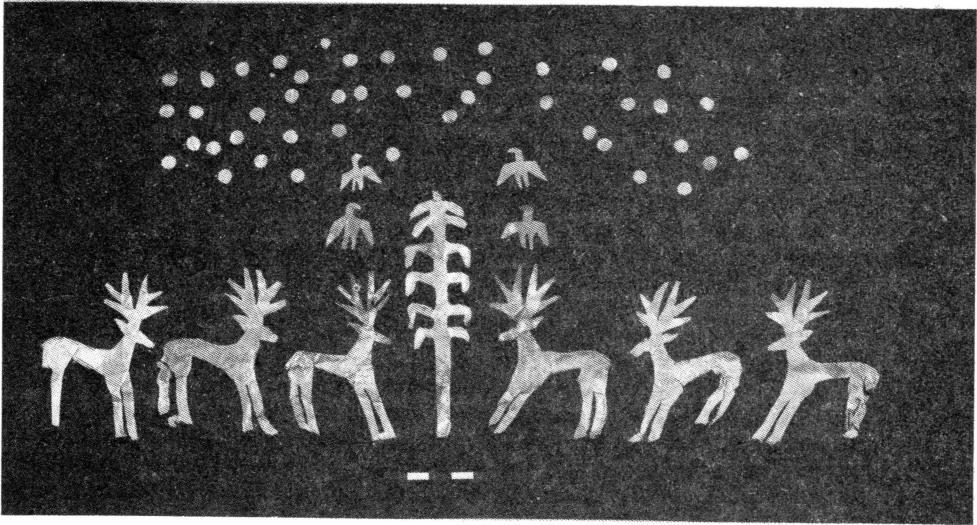

Рис. 1. Детали аппликации головного убора

Реликты представлений, связанных с концепцией мирового дерева, фиксируются в сказаниях нартовского эпоса, древнее мифологическое ядро осетинского варианта которого формировалось в аланской среде⁴. Судя по эпосу, аланская версия этой «концепции» предполагала бинарное противопоставление «древа жизни» и «древа смерти». «Древо жизни» сармато-алан произрастало в райском саду, огороженном забором из рогов оленя; в течение дня на нем созревало золотое яблоко, обладающее целебными свойствами, которое ночью похищалось прилетающей птицей. Обращает на себя внимание наличие солярных характеристик в описании аланского «древа жизни» — созревающее в течение дня золотое яблоко, похищаемое ночью, забор из оленьих рогов. «Древо смерти» находилось в Стране мертвых и фигурирует в эпосе под названием дерева Аза, за листьями которого отправляется в преисподнюю солнечный герой Сослан⁵.

Интересные данные имеются также в этнографических материалах адыгов, доисламские верования которых близки дохристианским верованиям осетин. В период зимнего солнцестояния адыги отмечали праздник Шеузерыша (осет. Сослан). Вечером приносили в дом обрубок Шеузерыша, который изготавливался из чинара или дуба. Этот обрубок имел семь обрубленных и загнутых вверх веток. В доме обрубок ставили на подушку, на ветвях зажигали свечи, во дворе разжигали костер. Люди брались за руки, благодарили Шеузерыша за урожай нынешнего года, просили дать урожай в будущем, водили хоровод. Затем в течение года этот обрубок лежал во дворе или амбаре⁶. В описанном празднике обрубок Шеузерыша и связанный с ним ритуал представляет собой деградацию древнего ритуала, связанного с мировым деревом, отражавшим временные циклические структуры и равным одному году. Показательны в этом плане двенадцать веток на изображении мирового дерева кобьяковской диадемы, что очевидно, соответствует двенадцати месяцам года.

Ритуальные отправления, связанные с мировым деревом в древности, приурочивались к периоду перехода от Старого года к Новому, когда нарушалась гармония и требовалось ее восстановить. При этом ритуал воспроизводил акт творения мира, словесная часть которого заключалась в произнесении вопросов-загадок и ответов на них около мирового древа или того, что его заменяет (столба, шеста, двойного столба с перекладиной, креста и т.п.)⁷. Изоморфные мировому дереву культовые предметы зафиксированы в этнографии

⁴ Абаев В.И. Нартовский эпос // Известия Северо-Осетинского НИИ. Т. 10. Вып. 1. Дзауджикау, 1945. С. 8.

⁵ Сказания о нартах. Осетинский эпос. М., 1978. С. 50, 214.

⁶ Лавров Л.И. Доисламские верования адыгейцев и кабардинцев // Исследования и материалы по вопросам первобытных религиозных верований. М., 1959. С. 194, 197, 215 сл.

⁷ Топоров. О структуре... С. 31.

народов Северного Кавказа — адыгские «джоры», осетинские «дзуары», представляющие собой палку с перекладиной наверху или посередине, либо с несколькими перекладинами. Их ставили под священными деревьями, у дорог, источников и т.д.⁸ Важной частью ритуала, связанного с переходом от Старого года к Новому, было жертвоприношение. Первоначально в жертву приносился человек, затем копытное животное (конь, олень, бык, козел)⁹. В текстах «Махабхараты» и «Младшей Эдды» мировое древо называется местом пребывания божества, при этом нахождение на нем или заменяющем его сооружении несет богатство и благополучие, ведет к приобретению тайного знания¹⁰. Интересен в этом смысле сюжет нартовского эпоса, где на вершине дерева висит Сырдон, привязанный за усы, который затем заманивает на свое место пастуха и становится владельцем стада скота¹¹.

Осколки космогонических и календарных мифов, органически связанных с концепцией мирового древа, содержатся в цикле нартовских сказаний о Сослане. В исследованиях по мифологии и фольклору отмечалась солнечная природа этого героя: он рождается из камня, как Митра из скалы, женат на дочери Солнца, погибает от солнечного колеса. Полдень — момент его наивысшей силы. Сослан — обладатель коня, способного проскакать в один миг от восхода до заката. С именем этого героя связаны календарные праздники весеннего равноденствия и летнего солнцестояния¹². В сказании «Смерть Сослана» обнаруживается его связь с растительным и животным миром¹³, однако представляется, что это только часть целого. Сослан в эпосе характеризуется также как существо хтонической природы, поскольку семантикой смерти окрашены некоторые особенности его внешнего облика, а именно уродства: наличие двух зрачков в каждом глазу, колченогость¹⁴. Он — обладатель коня солнечного и загробного одновременно, сражается с великанами-уаигами, которых находит в пещерах с заваленными камнями входами, в горах, подземельях, т.е. в местах обитания хтонических существ и временно пребывающих в потустороннем мире героев и богов¹⁵. Некоторые великаны, с которыми сражается Сослан, обладают внешней душой, они владельцы несметных богатств и стад скота. Все это характеристики обитателей загробного мира¹⁶. Сослан может впасть в состояние временной смерти, достигая при этом полного сходства с мертвецом (покрывается червями, не чувствует боли и т.п.). В детстве он проходит инициацию, которая в нартовском эпосе описывается как процесс прокалывания на углях с последующим охлаждением в волчьем молоке¹⁷, в ходе чего герой временно умирает, но затем воскресает с приобретенными качествами волка, оставшись уязвимым только в районе незакаленных коленок. Сослан становится колченогим, что характерно для порожденных (возрожденных) землей¹⁸. Катабасис героя, предпринятый с целью добыть листья дерева Аза («дерева смерти»), как и условие женитьбы на дочери Солнца, описываются в сказании «Сослан в стране мертвых». В сказании «Смерть Сослана» рассказывается о его борьбе с солнечным колесом, которое расчленяет героя, перерезав в районе колен. После расчленения Сослан помещается в подземный склеп, где живой лежит лицом к восходу солнца¹⁹.

Цикл сказаний о Сослане обнаруживает его связь с оленем. Несколько раз повторяется сюжет охоты на оленя или лань с золотой шерстью²⁰. Золото, золотой цвет, как известно, связаны с потусторонним миром и солнечностью²¹. В образе золотой лани в нартовских сказаниях Сослану является дочь Солнца Ацирухс, его суженая. В виде прекрасной оленихи с утренней звездой является дочь колеса Балсага, из-за отказа вступить в брачные

⁸ Лавров. Ук. соч. С. 197.

⁹ Иванов. Ук. соч. С. 93.

¹⁰ Там же. С. 77; Топоров. О брахмане. С. 45; он же. О структуре... С. 17.

¹¹ Сказания о нартах. С. 273 сл.

¹² Дюмезиль Ж. Осетинский эпос и мифология. М., 1976. С. 74—76, 263.

¹³ Сказания о нартах. С. 233—246.

¹⁴ Фрейденберг О.М. Миф и литература древности. М., 1978. С. 127.

¹⁵ Она же. «Эйрене» Аристофана // Архаический ритуал в фольклорных и раннелитературных памятниках. М., 1988. С. 233 сл.

¹⁶ Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1986. С. 223 сл.

¹⁷ Сказания о нартах. С. 117—120, 194 сл.

¹⁸ Леви Строс К. Структура мифов // ВФ. 1970. № 7. С. 157.

¹⁹ Сказания о нартах. С. 211—245.

²⁰ Там же. С. 131—133, 182, 211 сл.

²¹ Пропп. Ук. соч. С. 285, 293.

отношения с которой герой гибнет. В сказании «Сослан в стране Гум» пойманного золотого оленя герой убивает после того, как совершена молитва и соблюден определенный обряд. Шкура золотого оленя достается Сослану. В сказании «Сослан и гумский человек» охотники делают тушу убитого чудесного оленя на три части, хотя их двое, что переключается с делением на три части жертвенного коня в ритуале ашмаведхи. Каждая часть жертвы при этом соотносится с определенной сферой мироздания²². В этом сказании две части туши составляют охотничью долю Сослана. Таким образом, Сослан охотится на оленя, питается его мясом, сохраняет его шкуру, жена героя может превращаться в золотую лань, гибель несет ему олениха с утренней звездой. Все это дает нам право предположить, что золотой олень был инкарнацией древнего солнечного бога, черты которого сохранились в образе сказочного героя Сослана. Надо полагать, что олень являлся одновременно и жертвенным животным этого бога²³. Известно, что олень был символом солнца и плодородия у ираноязычных племен древности²⁴. Кроме того, есть все основания полагать, что солнечный бог алан имел еще одну зооморфную инкарнацию — в процессе инициационного действия он приобретает качества волка, а во время поединка с Тотрадзом Сослан рядится в шубу из волчьих шкур²⁵. Представляется, что материал нартовских сказаний позволяет реконструировать солнечное божество сармато-алан, в значительной степени наделенное чертами умирающего и воскресающего. Двойственная природа этого бога отражалась и закреплялась зооморфным кодом, согласно которому солнечная природа обозначалась эмблемой оленя (в том числе золотого), а хтоническая — волка. На практике, надо полагать, бестиарий был шире реконструированного по эпосу.

Вышеказанное находится в соответствии с выводами исследователей изобразительного искусства древних ираноязычных племен, суть которых состоит в том, что изобразительные сцены терзания копытных хищными и фантастическими животными отражают циклические акты смены противоположных явлений, охватывающих всех сферы природной и социальной жизни — от представлений о творении и возрождении мира до представлений о смерти и возрождении индивида. Кроме того, эта композиция отражала годовые временные изменения, которые осуществлялись с годовым солнечным циклом²⁶.

Представляется, что такая полисемантическая циклическая структура представлена на аппликации кобьяковской начальной повязки, изображение на которой развернуто по горизонтали, в связи с чем противопоставление противоположных явлений единого процесса строится на противопоставлении правого и левого и усиливается за счет зеркальной симметрии. Правая сторона в архаических обществах считается благоприятной, почетной, мужской и противопоставляется левой, которая связана с неудачей и соотносится с женщиной²⁷; следы подобных представлений у алан сохранил нартовский эпос²⁸. Известно, что горизонтальная структура, образованная мировым деревом и птицами, животными или антропоморфными существами по сторонам его, являет собой изображение участников ритуала, воспроизводящего акт творения мира. Такой ритуал отправлялся в критические периоды (переход от Старого года к Новому, переход власти от старого царя к новому и т.п.), когда усиливалось дезорганизирующее влияние Хаоса и возникала необходимость гармонизировать Космос²⁹. На кобьяковской диадеме справа и слева от мирового древа изображены по три оленя. Олень как семантический эквивалент коня служил у древних ираноязычных народов воплощением мирового древа и характеризовался тернарной природой, соотносился со всеми тремя частями мироздания — верхним, средним и нижним мирами³⁰.

Тернарная природа копытных животных нашла отражение в изобразительном искусстве ираноязычных племен, при этом часто подчеркивается изоморфность образов. Так, олень на накладке из кургана Иссык сочетает в себе черты птицы, коня и собственно оленя.

²² Иванов. Ук. соч. С. 96.

²³ Фрэзер Д.Д. Золотая ветвь. М., 1980. С. 435, 556.

²⁴ Кузьмина Е.Е. Конь в религии и искусстве саков и скифов // Скифы и сарматы. Киев, 1977. С. 105.

²⁵ Сказания о нартах. С. 206—208.

²⁶ Кузьмина Е.Е. О семантике изображений на Чертомлыцкой вазе // СА. 1976. № 3. С. 69; она же. Конь... С. 107.

²⁷ Иванов В.В. Двоичная символическая классификация в африканских и азиатских традициях // НАА. 1969. № 5. С. 107—109.

²⁸ Сказания о нартах. С. 292.

²⁹ Мифы народов мира. Т. I. М., 1987. С. 401.

³⁰ Кузьмина. Конь... С. 104; Иванов. Опыт истолкования... С. 95.

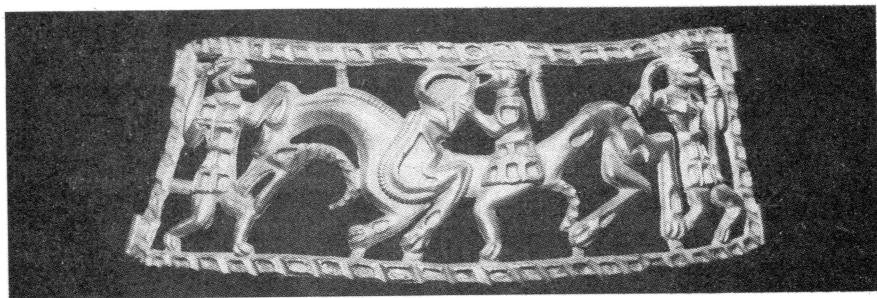

Рис. 2. Гривна: *а* — передняя часть, *б* — передняя часть, вид сбоку, *в* — задняя часть

На головном уборе вождя, погребенного в этом кургане, кони имеют рога козла и крылья птицы³¹. На диадеме из кургана Хохлач животные у мирового древа представлены в наборе — олень, козел, олень, на диадеме из кургана № 46 Усть-Лабинска — олень, бык, заяц. Соответственно триады оленей на кобяковской диадеме отражают тернарную природу этого животного, а следовательно и солнечного божества, инкарнацией которого они и служат. Солнечная и хтоническая ипостаси божества обозначены через бинарное противопоставление, где семантика хтонической левой — неблагоприятной — стороны изобразительно усиливается с помощью зеркальной симметрии³². Аналогично может быть расшифрована семантика парных изображений орлов как символа солнечной силы, огня и бессмертия³³, обладающего двойной природой, так как он связан с верхним и нижним мирами, что отражено на диадеме.

Таким образом, нартовский эпос и изображение на кобяковской диадеме служат источниками, позволяющими в общих чертах реконструировать солнечный миф сармато-алан. Сарматский солнечный бог имеет отношение к организации природного и социального космоса, он связан с потусторонним миром и актом возрождения, что в значительной мере сближает его с иранским Митрой³⁴.

Золотая гривна из кобяковского комплекса представляет собой массивное ажурное украшение, изготовленное из двух пластин способом ручной чеканки с глубокой вытяжкой (рис. 2). Орнамент доработан гравировкой, при обработке поверхности применено лощение. Передняя часть гривны, составляющая более двух третей общей длины, изогнута, инкрустирована бирюзой; тыльная часть короткая, слабо выгнута, без инкрустации. Соединение частей гривны штифтовое; застегивалась она при помощи серебряного стержня. В погребении украшение найдено в разомкнутом виде, стержень застёжки лежал около проксимального конца правой плечевой кости. Композиционным центром орнаментального фриза гривны является изображение бородатого мужчины с пышной причёской, который сидит со скрещенными «по-восточному» ногами на коврик с двумя идущими вверх косичками. Одет персонаж в кафтан с глубоким вырезом, узкие штаны, заправленные в сапоги с застёжками. В руках мужчины чаша, на коленях лежит меч в ножнах. Слева и справа от центрального изображения и на тыльной части гривны трижды повторяется сцена борьбы трех зоантропоморфных существ с драконом. Дракон одноглавый, бородатый, крылатый, с фаллом, длинным хвостом, когтистыми лапами. Атакующие его демоны со звериными головами и нижними конечностями, но с торсом человека, одеты в пластинчатый доспех и вооружены короткими дубинками.

Структурно изображение на гривне строится на противопоставлении антропоморфного, «реального», «этого мира» фантастическому, «ирреальному», «иному миру», как и на пекторали из Толстой могилы³⁵. Различие состоит в том, что на пекторали дана вертикальная тернарная схема мироустройства, тогда как на кобяковской гривне эта идея реализована в горизонтальной схеме. Повторенный трижды сюжет борьбы дракона с демонами, отличающийся деталями (правый зеркально противопоставлен левому, тыльный заключен в особую рамку, без инкрустации, противопоставлен центральному), составляет в сумме с центральным сюжетом сакральное число 4, которое, как известно, описывает в архаических традициях горизонтальную космическую структуру³⁶. Центральный антропоморфный персонаж изображен с предметами, сакрализованными в древних иранских обществах: чаша — атрибут жреческой власти, меч — атрибут царской власти. Сидит человек на коврик с двумя поднимающимися вверх по углам косичками, такие косички в индийской и иранской традициях, равно как и в шаманской практике, служили местом, где боги или служители культа совершали акт жертвоприношения³⁷. Таким образом, представляется, что в центре гривны изображен царь во время совершения жертвоприношения. Косички-столбы по краям коврика символизировали изоморфную мировому древу конструкцию. Вся сцена мыслится происходящей в центре мира; четырех-

³¹ Акишев А.К. Идеология саков Семиречья (По материалам кургана Иссык) // КСИА. 1978. 154. С. 43 сл.; он же. Курган Иссык. М., 1978. С. 24 сл., 33.

³² Левин Ю.И. Зеркало как потенциальный семиотический объект // ТЗС. 1988. Т. 22. С. 8 сл.

³³ Мифы народов мира. Т. II. М., 1988. С. 258—260.

³⁴ Дюмезиль. Ук. соч. С. 68—76; Мифы народов мира. Т. II. С. 156; Рапопорт Ю.А. Из истории религии древнего Хорезма. М., 1971. С. 83—86.

³⁵ Раевский Д.С. Модель мира скифской культуры. М., 1985. С. 188 сл.

³⁶ Топоров В.Н. О числовых моделях в архаических текстах // Структура текста. М., 1980. С. 23—25.

³⁷ Он же. О брахмане... С. 26, 40 сл.

угольный коврик моделирует многообразные четырехчастные структуры, в том числе вселенную, храм, царский трон³⁸.

На кобьяковской гривне царю противопоставляются находящиеся в борьбе дракон и демоны, олицетворявшие в иранской мифологии силы хаоса и зла, что соответствует тернарной вертикальной схеме устройства мира, в которой дракон находит место в корнях мирового древа. Как существо хтонической природы дракон связан с загробным миром, богатством и плодородием; в иранской мифологической традиции он выступает претендентом на обладание фарном — символом царского суверенитета. На более широком индоевропейском уровне дракон — противник грозового божества³⁹. Реликты мифологии Громовержца содержатся в фольклоре народов Северного Кавказа и Средней Азии, в формировании которых принимали участие аланский и массагетский компоненты. В Хорезмском оазисе черты громовика прослеживаются в образе легендарного святого Али⁴⁰. В нартовском эпосе образ героя Батрадза сохраняет множество черт, характерных для грозового божества. Мать героя — существо хтонической природы (лягушка, по другой версии — заяц), связанное с функцией плодородия⁴¹. Родается он чудесным образом из опухоли на спине отца, детство проводит сначала под водой, затем в селении нартов, сядя у очага и копаясь в золе (связь с водной и огненной стихией). Вступление в зрелый возраст знаменует инициация: герой прокаливается в горне небесного кузнеца сначала на углях и белых камнях, затем на углях из драконьих костей с последующим охлаждением в морских пучинах. Местом обитания Батрадза становятся небо, облако, скала. Он — покровитель нартов, неутомимый борец с их врагами, в том числе великанами-уаигами, наделенными чертами дракона.

Следы космогонического мифа о поединке Громовержца с драконом, похитившим небесные светила, содержатся в сказании «Симд нартов»: Батрадз с помощью укрощенного им загробного коня проникает в сказочно богатую страну дракона, где в пещере томятся дочери Солнца и Луны, побеждает с помощью волшебного меча многоглавого крылатого дракона, освобождает пленниц, добывает богатства, забирает скот. Погибает герой, отомстив за убийство своего отца, причем смерть наступает только после того, как его меч погружают в морские волны⁴². Ж. Дюмезиль сближает нартовского Батрадза с индийским Индрой. Оба они — небесные воины, воплощающие воинскую функцию, непримиримые враги зла, дракоборцы. Меч — инкарнация и атрибут аланского Громовержца⁴³. Существуют параллельные сюжеты в цикле нартовских сказаний о Батрадзе и в легендах о хазрете Али: продажа в рабство, обладание богатырской силой, позволяющей расплющить руки обидчикам, убийство дракона мечом. Поединок Громовержца с драконом — эзем носит космический характер и мыслится как победа космоса над хаосом, добра над злом. Победа над змеем не считалась окончательной, так как борьба сил добра и зла идет постоянно и с переменным успехом⁴⁴.

В результате циклических процессов в природе и обществе наступает момент, когда становится необходим акт гармонизации, обычно он приурочивается к моменту перехода от Старого года к Новому. Миф описывает прецедент, где этот акт, регулярно затем повторяющийся в ритуале, совершает бог-Громовержец. В «Шахнаме» победителем дракона выступает царь-кузнец Хушенг — он изгоняет дракона, добывает огонь, учреждает праздник огня. Согласно Авесте, Хушенг — борец с дивами, первый царь и законодатель Ирана, родоначальник ариев-иранцев, подвиг которого повторяет царь Феридун⁴⁵. Батрадз нартовских сказаний тоже, очевидно, сохранил черты обожествленного царя, а не бога — прежде всего, согласно эпосу, он смертен. Интересен в этом смысле сохраненный вербальными источниками сюжет продажи в рабство. Представляется, что здесь мы имеем дело со следами некогда бытовавших, уходящих в глубокую древность карнавалных

³⁸ Там же. С. 37—42, 70 сл.

³⁹ Мифы народов мира. Т. I. С. 50, 367, 394.

⁴⁰ *Снесарев Г.П.* Хорезмские легенды как источник по истории религиозных культов Средней Азии. М., 1983. С. 54—58.

⁴¹ Мифы народов мира. Т. II. С. 84; *Раевский.* Модель мира... С. 62—63.

⁴² Сказания о нартах. С. 291—374.

⁴³ *Дюмезиль.* Ук. соч. С. 59—65.

⁴⁴ *Иванов В.В., Топоров В.Н.* Исследования в области славянских древностей. М., 1974. С. 5, 38—42, 118.

⁴⁵ *Фирдоуси.* Шахнаме. Т. I. М., 1957. С. 29, 609; *Шукуров Ш.М.* «Шах-наме» Фирдоуси и ранняя иллюстративная традиция. М., 1983. С. 61.

ритуалов, переворачивающих существующую социальную иерархию. Они восстанавливают существовавшее некогда социальное равенство и связаны с календарными изменениями в природе⁴⁶. Таким образом, ритуал, воспроизводящий подвиг бога-Громовержца, находился, очевидно, в компетенции царя-Громовержца — как известно, гривны у иранцев служили сакрализованными царскими инсигниями.

Атрибутами Громовержца в инвентаре погребения из кургана 10 Кобяковского могильника являются все изделия из железа и камня: топор, ножи, двузубец, оселок⁴⁷. Очевидно, к предметам, связанным с культом царя-Громовержца, следует отнести золотую пряжу, обнаруженную в одной из шкатулок. Свидетельства наличия представлений, связывающих пряжу с понятиями неотвратимой судьбы, смерти, гордыни, прослеживаются в этнографическом материале, фольклоре, мифологии. Примеры тому — миф о Мойрах (Парках), прядущих нить жизни человеческой и в финале обрезающих ее, и миф об Арахне — вышивальщице и ткачихе, в гордыне вызвавшей на состязание Афины и не уступившей ей, за что была превращена в паука. В иранской традиции царь Джамшид, научивший народ ткачеству и прядению, погиб из-за гордыни. Нарт Батрадз вознамеривается вступить в сражение с Богом, который подбрасывает на дорогу едущему к нему герою клубок золотой пряжи как знак своей силы и могущества и как недвусмысленное предупреждение о возможной смерти. В долине Хуф, где живут потомки переселенцев из Ирана, при заклинании жертвенного барашка после похорон соблюдается следующий ритуал: перед заклинанием из ваты скручивают нить и как только скручивание прекращается, барашку сразу же перерезают горло⁴⁸.

Важной деталью погребального обряда кобяковского захоронения является отсутствие правой кисти погребенной. Кости правого предплечья обломаны. Разрозненные фаланги пальцев со следами искусственных изменений обнаружены под черепом погребенной и вокруг него среди деталей аппликации диадемы. Браслет и перстень с правой руки, а также бляшки обшивки обшлага правого рукава найдены в центре могилы около зеркала. Вопрос интерпретации зафиксированного археологически обряда отчленения правой руки выглядит сложным и требует специального исследования, однако подобный ритуал отчленения правой руки умерщвленных пленных врагов, принесенных в жертву Аресу, описывается в историко-эпическом повествовании Геродота о скифах. Это описание Ж. Дюмезиль сблизил с сюжетом отсечения нартом Батрадзом⁴⁹ правой руки убийцы своего отца. В иранской мифологии у устроителя социального порядка, первочеловека и первого царя Йимы отсыхает правая рука⁵⁰. Представляется, что ритуал отчленения правой руки имеет отношение к культу Громовержца и характеризуется многообразием содержания: во-первых, он связан с военной функцией Громовержца, которую выражает его инкарнация в виде меча. Во-вторых, обряд этот соотносится с инкарнацией Громовержца в виде царя, с его функцией устроителя социального космоса: социальной иерархии, права, законности и справедливости. Истоки представлений, связывающих в архаическом сознании правую руку, право, правду, восходят к индоевропейской общности и производны от бинарного противопоставления правого и левого⁵¹.

Изображения на гривне и диадеме позволяют затронуть вопросы, касающиеся концепции происхождения института царской власти и ее структуры. Думается, что происхождение царской власти сарматы связывали с созидательной деятельностью в области социального мироустройства солнечного божества, которое стало затем патроном царя и гарантом царского бессмертия. Очевидно, по аналогии со скифами можно предположить наличие у сарматов семибожного пантеона, подразделенного на три разряда⁵². Материал кобяковского погребения подтверждает сообщения авторов античности и средневековья о том,

⁴⁶ Мифы народов мира. Т. I. С. 624.

⁴⁷ Ср.: Иванов, Топоров. Ук. соч. С. 85—96.

⁴⁸ Мифы народов мира. Т. I. С. 98; Т. II. С. 169, 290; Шукуров. Ук. соч. С. 74; Сказания о нартах. С. 372; Андреев М.С. Таджики долины Хуф. Сталинабад, 1953. С. 13, 196.

⁴⁹ Дюмезиль Ж. Скифы и нарты. М., 1990. С. 20—22.

⁵⁰ Иванов В.В. К семиотической теории карнавала как инверсии двоичных представлений // ТЗС. 1977. Т. 8. С. 59.

⁵¹ Иванов В.В., Топоров В.Н. О языке древнего славянского права (К анализу нескольких ключевых терминов) // Славянское языкознание. М., 1978. С. 235; Мифы народов мира. Т. II. С. 328 — сл.

⁵² Раевский Д.С. Социальные и культурные концепции древних иранцев по материалам Скифии: Автореф. дис. ... докт. наук. М., 1988. С. 14; Абаев В.И. Дохристианская религия алан // XXV Международный конгресс востоковедов. М., 1960. С. 9.

что массагеты и аланы превыше всех богов почитают солнце⁵³. Царь-Громовержец по этой классификации должен быть отнесен к третьему разряду и соотнесен со средним миром⁵⁴. Не исключено, что культ грозового божества сармато-алан имел иерархическую структуру — в нартовском эпосе чертами Громовержца наделен бог-кузнец Курдалагон (место обитания — небо, связь с огнем, водой, громом, железом, «земного» Громовержца он закаливает методом закалки меча). Царь-Громовержец, таким образом, мог быть земным воплощением бога-Громовержца. Связь бога грозы с царем восходит к индоевропейской традиции⁵⁵. Центральная эмблема кобяковской гривны, на которой царь-Громовержец изображен с сакрализованными инсигниями светской и духовной власти атрибутами, позволяет говорить о концентрации в руках аланских племенных вождей политической и религиозной власти.

Подводя итог, следует остановиться на вопросе прижизненного социального статуса погребенной в кургане 10 Кобяковского могильника. Наличие в инвентаре погребения таких царских регалий, как диадема, гривна, топор, парадная конская упряжь, на нащечных накладках которой оттиснута родовая тамга, позволяет сделать вывод о ее царском достоинстве. В погребении найден краснолаковый сосуд в виде барана, образ которого в мифологии и искусстве иранцев связывался с понятием фарна — символа царского могущества, благополучия, державности⁵⁶. Поскольку важнейшей царской функцией была ритуальная, от которой зависело благополучие возглавляемого им коллектива, царь имеет прямое отношение к религиозному культу. Отсюда проистекает наличие в инвентаре погребения предметов культового назначения: сосудов, курильниц, амулетов, зеркала, красной краски.

Т.А. Прохорова

SOME ASPECTS OF SARMATO-ALANIAN IDEOLOGY

(Based on the Materials from Barrow № 10 of the Kobyakovo Necropolis)

Т.А. Prokhorova

In 1987 on the eastern outskirts of Rostov-on-the Don in barrow № 10 of the Kobyakovo necropolis was discovered a burial of a female representative of the Sarmatian aristocracy of the highest rank dated to the late Ist—second half of the IInd A.D. It contains material on the mythology of the Iranian-speaking peoples of the south of Eastern Europe. The gold applique work of the Kobyakovo diadem represents the Sarmatian scheme of the world tree. In accordance with this concept of the world tree the Sarmato-Alanians considered the sun with its yearly and daily cycle the foundation of everything existing in space and time.

The Kobyakovo grivna shows a horizontal cosmic structure with the kingthunderer in the world center surrounded by the forces of chaos making an offering with a view to harmonizing cosmos tottering during the transition from the old to the new year. Part of the inventory of the grave objects and the rite of detaching the right hand of the buried woman may be correlated with the cult of the thunder deity.

The presence of the royal insignia and cult objects in the grave enables the author to speak about the royal origin of the diseased and her involvement in cult rituals. The central representation of the ornamental frieze of the grivna testifies the concentration of secular and ecclesiastical power in the hands of the Alanian chieftains.

⁵³ Кузьмина. Конь... С. 96; Абаев. Дохристианская религия... С. 10.

⁵⁴ Раевский. Социальные и культурные концепции... С. 14.

⁵⁵ Иванов, Топоров. Исследования... С. 123, 163.

⁵⁶ Мифы народов мира. Т. II. С. 557.

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

РОСТОВЦЕВ В ИТАЛИИ*

Поклонитесь Италии! Я ее горячо люблю
(А.П. Чехов — А.С. Суворину)

Полагаю уместным начать с краткого вступления. Во-первых, я должен поздравить организаторов нашей встречи и поблагодарить их за любезное приглашение, а во-вторых, считаю необходимым обосновать свой выбор темы для настоящего выступления.

Причины, по которым всем нам сегодня столь интересен Ростовцев, разнообразны, и мне не следует пытаться комментировать их. Однако определенно есть здесь один аспект, который ясно обнаруживается в различных текущих исследованиях и работах, систематически обогащающих общую картину наших знаний. Мы все стали гораздо лучше осознавать, с одной стороны, насколько глубоко творчество Ростовцева было укоренено в европейской культуре начала века, с другой стороны, сколь много специфически русского было в личности этого ученого, а следовательно, сколь многим, в конечном счете, его зрелые работы обязаны взаимодействию двух этих компонентов.

Не вызывает сомнения, что Ростовцев до своего отъезда в 1918 г. в Англию, а потом в Соединенные Штаты, был тесно связан с немецкой научной культурой¹. В Германии он обрел наиболее горячих своих почитателей и покровителей, на немецком языке регулярно публиковал работы, которым хотел придать такую известность, какой бы, конечно, те не снискали, опубликовав он их по-русски. Эти особые отношения с нацией, которая в то время могла претендовать на первенство в области классических исследований, не должны, однако, отодвигать на второй план иные связи — с различными научными кругами других стран. Такие связи дополняли и в некоторых случаях прямо благоприятствовали особым отношениям ученого с Германией. И если сегодня я обращаюсь к Италии, то делаю это не из желания добавить ряд подробностей биографического характера, и не из культурного шовинизма, но для того, чтобы вместе с вами еще раз убедиться в той совершенно особенной роли, которую сыграла Италия в становлении Ростовцева как ученого.

Михаил Ростовцев много путешествовал. Нетрудно представить себе любознательность, жажду знаний, воодушевлявшие молодого человека чуть старше двадцати лет, который в 1892 г. на собственные деньги отправился в Помпеи. Эта любознательность в отношении всего, что касается классического мира, стремление увидеть собственными глазами все, что только можно было вообразить, очень характерны для личности ученого, который раньше и сильнее других поверит в возможности археологии для исторической реконструкции. В этой связи мне случайно вспомнилось, сколько раз слышал я от его ученика, Элиаса Бикермана, о том, как Ростовцев говорил о своем желании посетить за свою жизнь все провинции Римской империи, чтобы составить свое собственное представление о том, как могла функционировать структура таких размеров. Именно Помпеям Ростовцев посвятил свою магистерскую диссертацию («Помпеи в свете новых раскопок»), так что нетрудно понять, насколько хотелось ему посетить город, знакомый только по книгам.

Естественно, поездка в Помпеи благотворно сказалась и на статье, опубликованной им

* Доклад, прочитанный на международной конференции, посвященной творчеству Михаила Ростовцева, организованной Российской Академией наук по инициативе проф. Г. Бонгард-Левина (Москва—Санкт-Петербург, 6—8 сентября 1993 г.).

¹ См.: *Марконе А.* Петербург—Рим—Берлин: встреча Ростовцева с немецким антиковедением // ВДИ. 1992. № 1. С. 213—214 (= *Historia*. 1992. 41. S. 1—13).

на эту тему в 1894 г. Но настоящая пора странствий настала позже, в 1895 году, когда после трехлетнего преподавания в Императорском Царскосельском лицее Ростовцев отправился в большое путешествие по Средиземноморью и важнейшим культурным учреждениям Европы. Причем на этот раз речь шла об официальной поездке — по стипендии российского правительства. Впечатляет чередование в этот период зимних сезонов, проводимых Ростовцевым в исследовательских центрах, с летними посещениями раскопок археологических памятников. Поражает и способность молодого ученого завоевывать симпатии и уважение коллег, с которыми ему выпало на долю встретиться².

Именно осенью 1895 г. можно датировать начало итальянского периода деятельности Ростовцева после предыдущей поездки в Помпеи. Как раз тогда он стал бывать в Германском археологическом институте, который в ту пору еще находился на своем старом месте на виа Тарпея на Капитолии. И здесь, на земле Италии, было положено начало столь важным для его научного будущего контактам с научным миром Германии. Речь идет, в частности, о привязанности, зародившейся в эти годы и оказавшейся в дальнейшем чрезвычайно плодотворной: я имею в виду Христиана Хюльзена, археолога и эпиграфиста, ученика Моммзена, исследователя топографии античного и средневекового Рима. Свыше двадцати лет, с 1887 по 1908 г., он был вторым секретарем Института, вплоть до того момента, когда из-за несостоявшегося повышения по службе вынужден был преждевременно уйти в отставку. История отношений Ростовцева с Германским археологическим институтом представляет собой, по большей части, историю личных отношений между двумя этими учеными³.

Разумеется, та «Россия в Италии», о которой мы можем судить по Ростовцеву, отличалась от России аристократов, которым наскучивала жизнь в русской провинции и которые распродавали часть состояния, чтобы поехать в Италию и развлекаться несколько лет в этой Стране солнца. Как пишет Этторе Ло Гатто, вплоть до Рисорджименто притягательность Италии для русских объяснялась литературными, эстетическими, а иногда и религиозными привязанностями⁴. После 1848 г. в Италию, особенно в Пьемонт, между Ниццей, Женевой и Туринном, стала прибывать и другая Россия, состоявшая из политических эмигрантов, народников, ставших провозвестниками еще одной волны изгнанников (направлявшихся после 1905 г. на Капри (своего рода супер-Крым) и, в частности, в пансион Квизизана на кампанском острове) — более известной, вероятно, потому, что она была связана с именем Максима Горького⁵. Обо всем этом в литературной форме можно прочитать в рассказе Михаила Первухина, опубликованном в «Русской мысли» в марте 1908 г.⁶

Конечно, с политической эмиграцией у Ростовцева не было ничего общего. Но вполне можно понять, как традиция сложившихся отношений помогала ему вписаться в более широкий, по сравнению с окружением Германского института, контекст. Если имеющаяся в моем распоряжении информация верна, то уже во второй половине XIX в. в Петербурге существовала кафедра итальянской литературы, которую с 1860 по 1886 г. (т.е. незадолго до появления Ростовцева и в те же годы, когда Наук преподавал греческий язык) занимал Микеланджело Пинто, принадлежавший к числу симпатизировавших русской народнической эмиграции в Пьемонте⁷.

С другой стороны, то, что обстановка в Германском институте особенно благоприятствовала приобщению к культурному миру Италии конца века, подтверждается историей, по-человечески очень своеобразной, другого русского ученого — Вячеслава Иванова, к которой недавно привлек внимание Леандро Польверини. Иванов, по возрасту чуть старше Ростовцева, приехал в Рим из Берлина в 1892 г., когда у него — под влиянием Ницше, очень сильным тогда в России, — уже вызревало чувство, вызвавшее его переход от филологии к поэзии. Не забудем, что в распространении идей Ницше в России

² Вернадский Г.В. М.И. Ростовцев // *Seminarium Kondakovianum*. 4. Praha, 1931. S. 239—252 (переиздание этой статьи в немецком переводе, подготовленном Х. Хайненом, см.: *Studien zur Alten Geschichte*. Sigfried Lauffer... dargebracht. Bd. II. Roma, 1986. S. 385—394).

³ Cp.: *Marcone A. Michele Rostovtzeff e l'Istituto Archeologico Germanico di Roma: la corrispondenza con Christian Hülsen // Critica Storica*. 1988. 16. P. 339—350.

⁴ *Lo Gatto E. Russi in Italia*. Roma, 1971. P. 171—220.

⁵ См.: *Venturi F. Il populismo russo*. 2 ed. Torino, 1972; *Tamborra A. Esuli russi in Italia dal 1905 al 1917*. Bari, 1977.

⁶ *Venturi*. Op. cit. P. 30 sg.

⁷ Cp.: *Tamborra*. Op. cit. P. X.

не последняя роль принадлежала одному из учителей Ростовцева — Ф. Зелинскому. Все же в 1895 г. Иванов получил докторскую степень у Моммзена в Берлине за диссертацию, высоко оцененную немецким метром. В 1910 г. именно Ростовцев возьмется за издание этой диссертации, посоветовав добавить к ней *instrumentum epigraphicum: de societibus vestigalium publicorum populi Romani*. Жизнь же Иванова, после расставания с антиковедением, окажется все более тесно связанной с Италией. В 1924 г. он почти окончательно обосновывается там, поселившись сначала в Павии, а с 1934 г., наконец, в Риме. Историк-антиковед Альбино Гардзетти вспоминает Иванова в пору его преподавания в Колледже Борромео в Павии — седовласого, одетого всегда во все черное⁸.

Итак, дружба с Хьюлзеном сыграла решающую роль в развитии связей Ростовцева как с немецкими, так и с итальянскими научными кругами. Причем речь идет о дружбе, которой суждено было продлиться всю жизнь. Переписка, хранящаяся в архиве Германского археологического института, свидетельствует об очень тесных отношениях, которые продолжались и тогда, когда к ним добавились еще и профессиональные интересы. Конечно, после 1898 г. Ростовцев, связанный преподавательской деятельностью и не имевший возможности когда угодно выезжать из Петербурга, часто станет прибегать к помощи своего римского друга, обращаясь за всякого рода информацией или советом. Так было, когда речь шла о приезде в Рим для участия во II Международном конгрессе исторических наук в апреле 1903 г. Конгрессу этому предшествовали бурные события — чисто итальянская дискуссия, повлекшая за собой отстранение от председательства Э. Пайса, обвиненного в чрезмерном германофильстве⁹. Так же случится и когда Ростовцев задумает приехать в Италию летом 1906 г. для работы в Помпеях. Случившееся в апреле того же года извержение Везувия вызывало у него сомнения в наличии там необходимых для этого условий, к тому же он хотел разузнать и о возможности поработать в музее Неаполя. Напомним, что в своих помпейских исследованиях Ростовцев мог также рассчитывать и на помощь еще одного сотрудничавшего с Германским археологическим институтом ученого — Августа Мау, человека, совершенно не похожего по характеру на него самого¹⁰.

Известно, с другой стороны, что Ростовцев сумел снискать уважение и доверие коллег, которые пользовались возможностью встречаться и работать с ним. Напомним лишь один в ряду многих пример, который мог бы стать еще более показательным при условии тщательных архивных изысканий: я имею в виду очень тесное сотрудничество, завязавшееся у Ростовцева с Морисом Пру, вместе с которым он опубликовал серию работ по одной из очень важных для него в этот период тем — о свинцовых тессерах¹¹. Вполне возможно, что если бы удалось изучить хранящуюся в муниципальной библиотеке Санса переписку этого замечательного палеографа, да к тому же еще и друга Ж. Пиренна, там нашлись бы ценные сведения о совместной работе сотрудника Кабинета Медалей с молодым русским историком¹².

Возвращаясь к Италии, подобное можно было бы сказать и по поводу отношений, установившихся за время пребывания в Риме в том же кругу у Ростовцева с Данте Вальери, в ту пору директором Музея Терм — вместе с Вальери Ростовцев опубликовал в «*Notizie degli Scavi di Antiquità*» (1890. 2. P. 255—268) заметку о новых находках печатей и тессер, Вальери же стал одним из тех друзей, которым посвящен его труд «*Tesserarium Urbis Romae et Suburbii Plumbearum Sylloge*», увидевший свет в Петербурге в 1903 г.

Итак, перед нами поистине европейский масштаб Ростовцева, умеющего устанавливать отношения с действительно незаурядными людьми. К этому периоду путешествий и встреч восходит и знакомство с Г. Де Санктисом. Как известно из рассказа самого Де Санктиса

⁸ Polverini L. Di una traduzione russa della «Griechische Geschichte» del Beloch // *Critica storica*. 1979. 16. P. 521—544; особенно: p. 531—534.

⁹ Ср.: Erdmann K. Die Ökumene der Historiker. Geschichte der Internationalen Historikerkongresse und des Comité International des Sciences Historiques (Abh. Ak. d. Wiss. Göttingen, phil.-hist. Kl. Dritte Folge № 158). Göttingen, 1987, S. 38—63.

¹⁰ Marcone. Op. cit. P. 346.

¹¹ «Etudes sur les plombs antiques; catalogue des plombs de l'Antiquité» появились в последовательно выходящих выпусках «*Revue numismatique*»: 1897. 4. 1. P. 462—493; 1898. 2. P. 77—102, 251—286, 457—477; 1899. 3. P. 22—61, 199—219, 278—337, 417—460, 1900. 4. P. 52—73, 152—185, 313—354. «Catalogue des plombs de l'Antiquité, du Moyen Age et des Temps modernes» был издан в Париже в 1900 г.

¹² Об этом я узнал из письма, направленного мне 20.7.1993 директором муниципальной библиотеки Санса М. Деграв.

в книге его воспоминаний, они, между прочим оба родившиеся в 1870 г., встретились во время поездки в Грецию, когда итальянец был стипендиатом Археологической школы в Афинах¹³. И на этот раз Ростовцев сумел произвести впечатление, и именно благодаря прежде всего Де Санктису его имя и в Италии сразу же прочно вошло в узкий избранный круг ученых. Интерес Ростовцева, наряду с эпиграфическими, также и к папирологическим источникам должен был вызвать особенно благожелательное отношение итальянского ученого. Будучи учеником Белоха, научившегося раньше и лучше многих других комбинировать многочисленные разнородные источники, Де Санктис, конечно, смог оценить новаторство работ русского коллеги. Подтверждением такого подхода может служить то, что Де Санктис писал вместе со своим учеником Л. Парети в 1914 г. в качестве программной декларации, предварявшей новую серию «Studi italiani ed italiani» (Firenze, 1914): «Открытая и для работ преимущественно филологического и археологического характера, наша серия будет принимать, однако, прежде всего работы характера исторического, впрочем, всегда основанные на тщательном и непосредственном археологическом и филологическом исследовании, без коего писать об истории, на наш взгляд, напрасный труд». Думаю, в свете подобных высказываний станет более понятной безоговорочно положительная реакция Де Санктиса на идеи Ростовцева о происхождении римского колоната.

Напомню, что в 1901 г. в первом номере журнала «Клио» Ростовцев опубликовал короткую заметку, куда более смелую по содержанию, нежели по названию. Коротко говоря, мысль его сводилась к тому, что колонат, понимаемый как связь мелкого арендатора с землей, сложился в обширных африканских поместьях в форме обычной и лишь затем получил юридическое признание. Тем не менее ростки колоната следует усматривать в способах управления земельными владениями на Востоке, откуда римские императоры с незначительными изменениями перенесли их на Запад. К формулировке этого тезиса Ростовцев пришел на основе анализа надписи, опубликованной незадолго до того Б. Оссулье и относящейся к приобретению в 256 г. до н.э. Лаодикой, женой Антиоха II, деревни Паннос с округой. Из этой надписи следовал важный вывод, что объектом покупки была не только земля, но и все, что на ней находилось, включая и крестьян, так называемых *laoi basilikoi*, проживавших там со всем своим имуществом. Речь идет о людях, которые, не будучи рабами, прикреплены к земле и не могут ее покинуть. Таким образом, Восток предоставил довольно точные термины для понимания экономического и административного прикрепления крестьян к земле. Итак, возродился колонат, который в действительности никогда не умирал¹⁴.

Ростовцеву хватило пяти страниц, чтобы с полной уверенностью интерпретировать надпись и развернуть столь далеко идущую аргументацию. Ну, а Де Санктис сразу же принял его гипотезу эллинистического происхождения колоната. Вслед за Ростовцевым итальянский ученый увидел в надписи Лаодики решающее доказательство тезиса о том, что если и должны были существовать экономические причины развития колоната, нельзя не видеть его истоки в распространении норм, издавна действовавших на землях, унаследованных римским государством от Селевкидов, на императорские владения на Западе, а оттуда — на частные имения. Поразительно, что Де Санктис писал в 1907 г. в «Rivista Storica Italiana», рецензируя диссертацию Г. Болкенштейна «De colonatu romano eiusque origine». Признав за этой работой неоспоримые достоинства, он вновь недвусмысленно высказался о том, как, по его мнению, следует интерпретировать надпись Лаодики. Он пишет так: «Мне не кажется, что ту точку зрения (т.е. тезис об эллинистическом происхождении колоната), которой мы с Ростовцевым придерживаемся, основываясь на недавно открытой милетской надписи, можно опровергнуть несколькими фразами, которые ей уделяет автор на с. 160 в прим. 2, где он, впрочем, дает ошибочное прочтение этой надписи»¹⁵.

На главный труд Ростовцева о колонате — «Studien zur Geschichte des römischen Kolonats», который вышел в свет в 1910 г. в качестве первого приложения к журналу

¹³ *De Sanctis G.* Ricordi della mia vita. Firenze, 1970. P. 74 sg.

¹⁴ *Ростовцев М.И.* Римский колонат // ФО. 1900. 19. С. 105—109 = *Rostowzew M.* Die Ursprung des Kolonats // Klio. 1901. Bd. 1. S. 295—299. Ср.: *Marcone A.* Il colonato tardoantico nella storiografia moderna (da Fustel de Coulanges ai nostri giorni). Como, 1988. P. 58—61; *idem.* Le «Studein zur Geschichte des römischen Kolonats» di Michele Rostovtzeff // Ostraka. 1993. 2. 2; *idem.* Introduzione // Rostovtzeff M. Per il colonato romano. Brescia, 1994.

¹⁵ *RSI.* 1907. 24. P. 417 sg. (= *De Sanctis G.* Scritti Minori. V. VI. Roma, 1972. P. 160 sg.).

«Archiv für Papyrusforschung» и в свою очередь стал своего рода памятником духу деятельного сотрудничества и дружбы выдающегося немецкого папиролога У. Вилькена с русским историком, Де Санктис не откликнулся. Объясняется это тем, что «Studien» были опубликованы в тот особый период, когда неустанная деятельность Де Санктиса-рецензента, возможно из-за продвижения вперед его собственной «Истории римлян», пошла на убыль (имеются в виду 1910—1922 годы)¹⁶.

В Италии «Studien» получили только одну серьезную рецензию, и она была написана юристом Витторио Аранджо Руисом, который в 1911 г. подробно разобрал эту книгу Ростовцева в «Bulletino dell'Istituto di diritto romano»¹⁷. Речь идет об очень обстоятельном изложении содержания работы, в отношении которой рецензент, по всей видимости, не питает никаких серьезных сомнений. Следует заметить — и это представляется мне немаловажным, что Аранджо не видит никакой необходимости представлять Ростовцева читателям журнала (рецензия включена в обзор работ по юридической папирологии), но ограничивается замечанием о том, что работа содержит много точек соприкосновения со статьей «Frumentum» в энциклопедии Паули—Виссовы. Аранджо-Руис прямо говорит о «блестящем и скрупулезном исследовании Египта на основе главным образом папирусов птолемеевской и римской эпох», о «новаторском и проницательном анализе недавно открытых эпиграфических источников», и далее еще раз о сильном и убедительном изложении аграрной эволюции империи и о «ценнейшей книге».

Да и неудивительно, что в 1911 г., после публикации столь важных работ слава Ростовцева в Италии упрочилась. Однако стоит, пожалуй, отступить чуть-чуть назад и рассмотреть опыт еще более раннего участия Ростовцева в одном итальянском предприятии, остающемся и по сей день наиболее важным, хотя, к сожалению, так и не доведенным до конца коллективным начинанием в области античной истории в Италии. Разумеется, я имею в виду «Эпиграфический словарь римских древностей» (*Dizionario epigrafico di Antiquità romane*), издание которого началось в 1886 г. по инициативе Этторе Де Руджеро. (Кратко напомним, что Де Руджеро, в свою очередь, занимался у Моммзена в Берлине, где жил между 1861 и 1866 гг.). Первый том, включавший буквы А—В, был завершен в 1895 г.; интересующий нас второй, содержащий буквы от С до Е, вышел в трех томах с интервалом в несколько лет. Первый из них, увидевший свет в 1900 г., включал в себя статью Ростовцева о термине *conductor*. «Словарь» был открыт для сотрудничества иностранных ученых, можно даже сказать, что его отличала большая открытость для международного сотрудничества, нежели в издании того же типа — энциклопедии Паули—Виссова. Достаточно упомянуть историко-религиозные статьи, порученные Ф. Кюмону, статьи об агрименсорах и их деятельности, доверенные Шультену, статьи о племенах и народах, выполненные Кубичеком, и т.д. К сожалению, изыскания в архивах, предпринятые мною лично, а также с помощью римских коллег, ожидаемых результатов не принесли и не могут на сегодня предоставить нам данных для подтверждения вполне правдоподобных предположений. Возможно, у Де Руджеро уже само по себе имя Ростовцева вызывало уважение, учитывая отношения того с Германским институтом, а также исследования по экономической и административной истории, публиковавшиеся молодым русским ученым в те годы. Вероятно также, что словарная статья была заказана Ростовцеву во время одного из его зимних пребываний в Риме. Ограничусь двумя соображениями общего порядка: первое, менее важное, сводится к тому, что сотрудничество Ростовцева с «Эпиграфическим словарем» и с энциклопедией Паули—Виссова развивалось параллельно, по близким темам, но в виде статей, посвященных разным терминам: достаточно при этом заметить, что статья «*Congiarium*», составленная Ростовцевым для *Real-Encyclopädie*, относится к 1901 г., в то время как такая же статья для «Словаря» принадлежит перу Эсперандье. Более серьезно замечание, которое, как мне кажется, можно сделать по поводу построения статьи «*Conductor*». В вводной ее части Ростовцев уделяет особое внимание вопросам юридического характера, рассуждая о природе сделки *locatio-conductio*, — следует ли возводить ее истоки к сфере публичного или частного права. Согласие автора на чрезвычайно детальное изложение современной библиографии по теме, казалось бы, далеко выходящее за пределы обязанностей составителя словарной статьи, по-видимому, следует объяснить и принятием общих принципов, установленных Де Руджеро, и влиянием моммзеновской школы, которое давало знать о себе в работах Ростовцева (через Гиршфельда). И действительно, в единственной другой

¹⁶ Polverini L. Gaetano De Sanctis recensore // ASNP. s. III. 1973. III. 4. P. 1063.

¹⁷ Bulletino dell'Istituto di diritto romano. 1911. 24. P. 251—256.

выполненной им для «Словаря» статье («Fiscus», в томе, опубликованном в 1922 г.) манера изложения оказывается более энергичной, более личностной, иначе говоря, более похожей на тот безоговорочно решительный стиль, который привычно знаком для нас в главных его трудах.

Но были и другие пути, которые могли свести Ростовцева и Де Руджеро. Итальянский ученый, бывший прежде профессором археологии и директором археологической школы в Помпеях, был способен на деле оценить археологический кругозор русского коллеги. А в 1874 г. Де Руджеро был назначен директором Кирхерианского музея в Риме, где позже будет работать и тот же Ростовцев¹⁸.

На то, что в начале века слава Ростовцева в Италии постоянно росла, указывают различные признаки. Хочу лишь упомянуть о том, что вытекает из свидетельства историка-антиковеда, одного из авторитетов в этой области в Италии начала 1900-х годов — Этторе Пайса. В лекции, с которой он выступил в Риме на собрании «Итальянского общества содействия прогрессу наук» на тему «История античности за последние 50 лет, со специальным рассмотрением Италии», он именно Ростовцева упоминает как одного из тех ученых, которые своими работами прокладывали путь к большому обобщающему труду о Римской империи. Пайс не мог тогда и вообразить, что таким синтезом, впрочем, в совершенно изменившихся условиях, станет книга этого самого Ростовцева. Правда, доклад Пайса вписывается в споры по поводу зависимости исследований по филологии и античной истории в Италии от работ немецких ученых, и Пайс, естественно, думает о Ростовцеве как о еще одном порождении немецкой науки за пределами Германии¹⁹.

Во всяком случае, пусть и с опозданием, итальянское антиковедение, возможно, благодаря тем усилиям, которые оно предпринимало для того, чтобы вырваться из-под воздействия немецких учителей, начинало присматриваться и к работам русских коллег. А с этой точки зрения Ростовцев должен был казаться даже еще слишком «немецким», так что путь знакомства с русским антиковедением пролегал через фигуру его учителя, нищенсеанца Зелинского, научно-популярная работа которого «Античность и мы» была издана в 1911 г. во Флоренции. Правда, речь идет о переводе не с русского, а с немецкого языка, на котором очерк появился уже в 1903 г. И перевод этот, судя по предисловию издателя, вынашивался очень долго. Несколькими годами позже, в 1916 г. в журнале «Atene e Roma» вышла небольшая статья Т. Савченко под названием «Заметки о классических исследованиях в России». Еще интереснее то, что публикация родилась из текста доклада, прочитанного на семинаре Н. Феста. Но не стану скрывать, что речь идет о работе, не заслуживающей особого внимания. Чтобы иметь о ней некоторое представление, достаточно указать на неточности, допущенные автором в немногих посвященных Ростовцеву строчках²⁰.

Однако итальянское антиковедение продолжало открывать Россию и тогда, когда та уже стала Советским Союзом. О связях Ростовцева с моей страной после Октябрьской революции сегодня я говорить не намерен, поскольку с этого момента они вписываются в совершенно иную ситуацию. Опубликованная в 1927 г. рецензия Гаэтано Де Санктиса на его «Социально-экономическую историю Римской империи» представляет собой наиболее известное и бесспорное связующее звено между миром довоенных отношений и тем, что пришел ему на смену. А чтобы понять значение Ростовцева для школы Де Санктиса, достаточно бегло пролистать некоторые ранние работы Момильяно, в которых часто встречается имя русского историка — авторитета в самых разнообразных областях²¹. Да и вышедшая в 1922 г. статья Ростовцева для «Эпиграфического словаря» («Fiscus») также может служить свидетельством стремления вновь идти общей дорогой.

В личном плане, Ростовцев будет стараться возобновить прежние дружеские связи: проезжая вместе с женой по Тоскане, он не преминет разыскать во Флоренции Христиана Хюльзена, ставшего теперь, после пережитых им в Германском археологическом институте разочарований, «приемным сыном Флоренции». О том, что Ростовцев

¹⁸ *Elefante M.* Ettore De Ruggiero // *Diz. Biografico degli Italiani*. V. 39. 1991. Col. 244—248.

¹⁹ *Pais E.* La storia antica negli ultimi cinquant'anni con speciale riguardo all'Italia // *Rivista d'Italia* // 1911. 14. P. 699.

²⁰ *Savcenko T.* Cenni sugli studi classici in Russia // *Atene e Roma*. 1916. 19. P. 243—253.

²¹ См. частые упоминания имени Ростовцева в недавно изданном сборнике его ранних работ (*Momigliano A.* Nono contributo alla storia degli studi classici e del mondo antico. Roma, 1993), не говоря уже о его очерке «Aspetti di Michele Rostovtzeff», вышедшем как бы в ответ на итальянский перевод «Социально-экономической истории Римской империи», соперничая с рецензией Де Санктиса.

был верным другом, мы узнаем, с другой стороны, из его переписки с Вестерманном. Я имею в виду, недавно опубликованное Маринусом Весом в «Historia» письмо Ростовцева, касающееся Г. Де Санктиса. Ростовцев пишет в разгар летних каникул 1932 г. из Версилии, с Лидо ди Камайоре, куда он приехал после посещения археологических раскопок в Южной Италии и шести недель работы в Риме. Разумеется, он поселился там не только ради купаний, но и для того чтобы вместе с издателем, Эрнесто Кодиньола, просмотреть гранки итальянского издания «Социально-экономической истории Римской империи». Ростовцев ходатайствует о помощи Де Санктису, с которым только что виделся во Флоренции, где перенес операцию на глазах. Он напоминает американскому другу, что Де Санктис, став одним из 11-ти итальянских университетских преподавателей, отказавшихся присягать на верность фашизму, жил лишь на мизерную пенсию, и предлагает Вестерману раздобыть для того приглашение от Итальянского Дома Культуры, принимавшего ежегодно по одному итальянцу для чтения лекций. Лучше было бы пригласить Де Санктиса, чем какие-нибудь ничтожества, как это часто случалось, или ренегатов вроде Пайса, которым больше нечего сказать. Продолжения это дело не имело, так как, по словам Вестерманна, приглашение Де Санктиса создало бы трудности для директора Дома Предзолини, который был не в ладах с режимом и пытался удерживать культурный центр от слишком поспешного втягивания в политику²².

Все же прежде чем закончить, я должен еще упомянуть о показательном факте участия Ростовцева в культурном проекте, без тени сомнения, самом значительном из всех осуществленных за годы фашизма — т.е. в Итальянской Энциклопедии. Необходимо учесть два момента: во-первых, разделом античной истории там ведал Де Санктис; во-вторых, сам этот раздел считался в Энциклопедии одним из самых «итальянских», поскольку почти все статьи по древнему миру были поручены исключительно итальянским ученым. Это «почти» объясняется тем, что исключение было сделано для некоторых статей, посвященных провинциям Римской империи, среди которых выделяются статьи о Херсонесе, Ольвии, Пантикапее, Понте и Дура Европос, доверенные именно Ростовцеву²³.

Завершить я хотел бы одним пожеланием. Среди связей, установившихся у Ростовцева с итальянскими коллегами, было и знакомство с Эваристо Бреччия, который, прежде чем стать профессором античной истории в Пизе, долгое время работал в Египте, с 1904 г. — директором Греко-римского музея в Александрии, сменив на этой должности самого основателя Музея Дж. Ботти. Могу только отметить, что из писем Ростовцева и Бреччия следует что они переписывались начиная еще с 1905 г. Так что в интересах всех, чтобы издание этой переписки, готовящееся одним из учеников самого Бреччия — Донато Морелли, как можно скорее увидело свет²⁴. А свидетельством связей Ростовцева с флорентийской папирологией остались хранящиеся в библиотеке Laurenziana, среди корреспонденции Вителли, адресованные тому Ростовцевым просьбы о предоставлении той или иной информации*.

A. Marcone

ROSTOVITZEFF IN ITALY

A. Marcone

Particularly close relations between Rostovtzeff and the German «Alturtumswissenschaft» until his departure in 1918 to Great Britain and later to the USA should not make us forget his contacts with different academic circles in other countries.

An important role in the professional life of the Russian historian was played by Italy not only as heir of ancient Rome but also as the appropriated place for setting (through the DAI) very important ties with German scholarship.

²² Ср.: *Wes M.* The Correspondence between Rostovtzeff and Westermann. A note on Gaetano De Sanctis // *Historia*. 1993. 42. P. 125—128.

²³ Ср.: *Cagnetta M.* Antiquit  classiche nell'Enciclopedia italiana. Bari, 1990. P. 104 sg.

²⁴ Ср.: *Cinquant'anni di papirologia in Italia. Carteggi Breccia—Comparetti—Norsa—Vitelli* // Ed. D. Morelli, R. Pintaudi. Napoli, 1983.

* Перевод Н.Г. Майоровой.

His friendship with Chr. Hülsen contributed to enlarge the network of Rostovtzeff's contacts in Italy as well as in Germany. His acquaintance with Dante Vaglieri in Rome is also mentioned in the article.

The author compares two great projects on international scale — the German Pauly — Wissowa «*Real Encyklopädie*» and the Italian E.De Ruggiero's «*Dizionario epigrafico*». Rostovtzeff contributed to both with articles on close subjects.

The European fame of young Rostovtzeff is attested by his relations with the eminent people such as G. De Sanctis. The latter approved Rostovtzeff's theories about the Hellenistic origin of Roman colonate. Although G. De Sanctis did not comment on the «*Studien zur Geschichte der römischen Kolonates*» (1910), this work was favorably reviewed in Italy by a Romanist, V. Arangio Ruiz (*BIDR*, 1911).

The present article doesn't deal with the Italian contacts of Rostovtzeff after 1918 for their context had completely changed. The review of «*Social and Economic History of Roman Empire*» by G.De Sanctis in 1927 is the most significant and evident link between the world before 1914 and the one that succeeded it.

The importance of Rostovtzeff's authority for the disciples of G. De Sanctis might be proved by the frequency of quotations from Rostovtzeff's works in the early writings by A. Momigliano.

A significant contribution of Rostovtzeff to the «*Enciclopedia Italiana*» with some articles on provincial sites is also mentioned.

The correspondence of Rostovtzeff with E. Breccia and Vitelli, still unpublished, contains some new data about the contacts of the Russian historian with the scholars studying the Graeco-Roman Egypt and Florentine papyrologists.

* * *

Международный проект «Академик М.И. Ростовцев и его вклад в изучение древних цивилизаций» осуществляется с 1993 г. с помощью New York Foundation for the Arts и с 1994 г. АО Логоваз.

The International project «M. Rostovtzeff and his contribution to the study of Ancient Civilizations» has been implemented since 1993 with the help of New York Foundation for the Arts and down from 1994 with the help of joint-stock company «Logovaz».

© 1994 г.

АНТИЧНЫЕ АВТОРЫ О СРЕДНЕЙ АЗИИ И СКИФИИ

(Критический обзор работ Дж. Р. Гардинер-Гардена)

Предмет настоящего обзора — четыре работы Дж. Р. Гардинер-Гардена (J.R. Gardiner-Garden) (Университет Калифорнии, Беркли): I. Herodotos' contemporaries on Skythian geography and ethnography; II. Ktesias on early Central Asian history and ethnography; III. Greek conceptions on Inner Asian geography and ethnography from Ephoros to Eratosthenes; IV. Apollodoros of Artemita and the Central Asian Skythians¹. Все они изданы в Блумингтоне (Bloomington), штат Индиана, в 1987 г. Все четыре работы представляют собой небольшие монографии (37, 39, 57 и 60 с. соответственно), входящие в серию «Papers on Inner Asia» (субсерия Ancient Inner Asia), издаваемую Исследовательским институтом по изучению Внутренней Азии Университета Индианы (издатель — Y. Bregel).

Все четыре работы анализируют сведения античных авторов, прямо относящиеся к территории среднеазиатских государств, до недавнего времени входивших в Советский Союз, и касающиеся весьма важных исторических событий, всегда привлекавших внимание ученых. Дж.Р. Гардинер-Гарден обобщает то, что уже сделано в науке по затрагиваемым им вопросам, обнаруживая неплохое знание также и литературы на русском языке, и делает собственные заключения, основанные на обширном фактическом материале и в большинстве случаев достаточно убедительные.

Изложение Дж.Р. Гардинер-Гарден ведет, переходя от одного древнего автора к другому, в хронологической последовательности (в тех случаях, когда монография посвящена не одному автору). Начиная каждый раздел с биографических сведений об авторе и данных о его сочинениях и их источниках, подробно останавливается на отдельных сообщениях, имеющих прямое отношение к Средней Азии и Скифии, учитывая и здесь как собственно источниковедческий аспект, так и реальное, историческое их содержание.

Рассмотрим отдельные положения обзораемых работ, уделяя особое внимание тем вопросам, которые, как нам кажется, содержат спорные моменты.

I. Первая из названных выше работ посвящена современникам Геродота, писавшим на скифские темы. Это Гелланик, Дамаст и Гиппократ. Свой выбор Дж.Р. Гардинер-Гарден справедливо обосновывает тем, что сведения указанных древних авторов, которым не всегда уделялось должное внимание, помогают нам рассмотреть данные Геродота в перспективе и вместе с тем лучше понять некоторые связанные с ними источниковедческие проблемы (I, с. 1).

В этой работе затронут интересный и сложный вопрос о соотношении сведений Гелланика и Геродота. Дж.Р. Гардинер-Гарден, рассматривая разные указания древних текстов и мнения современных ученых, одни из которых считают Геродота более ранним автором и источником Гелланика, другие, наоборот, приоритет отдают Гелланику, справедливо в общем полагает, что Гелланик не обязательно должен был писать все свои многочисленные работы после появления «Истории» Геродота, и склоняется к тому, чтобы признать сведения Гелланика независимыми от Геродота, обещая показать это на примере сообщений Гелланика об отдельных скифских народах (I, с. 3). Вопрос этот действительно спорен и трудно разрешим, но нужно заметить, что в целом ряде случаев сообщения Гелланика, касающиеся как скифских дел, так и других (например, персидских), являют собой как бы дальнейшее развитие и расширение тем, затронутых также и Геродотом. Конечно, Гелланик мог положить в основу своих модификаций и сведения других авторов, писавших на те же темы, что и Геродот. И все же, по крайней мере в некоторых случаях, заимствование Геллаником у Геродота, мне кажется, не исключено.

Все это можно проиллюстрировать на примере первого же «скифского» сообщения, приведенного Дж.Р. Гардинером-Гарденом в разделе о Гелланике (I, с. 3—4). Имеются в виду слова Страбона (XI.6.2) о том, что «еще более древние авторы» называли племена, жившие «над Эвксином, Истром и Адрием, гипербореями, савроматами и аримаспами». Далее Страбон (XI.6.3) перечисляет этих «еще более древних авторов», среди

¹ Далее см. ссылки под соответствующими номерами — I—IV.

которых в данном контексте могут быть приняты во внимание лишь Геродот и Гелланик. Дж.Р. Гардинер-Гарден вслед за Ф. Якоби правильно возводит данное сообщение Страбона к Гелланику (фр. 185). Оно дополняется другим фрагментом сочинения Гелланика (фр. 187 b, c), согласно которому гиперборей живут за Рипейскими горами. Ясно, что здесь мы имеем дело с выдержками из какого-то общего описания северных племен, содержавшегося в одном из сочинений Гелланика. Но это же описание определено лежит в основе целого блока античных сообщений, в которых, правда, отсутствуют прямые ссылки на Гелланика. Такие сообщения обнаруживаются в значительно более поздних, преимущественно латинских, сочинениях, и наиболее содержательные из них можно найти в сочинениях Плиния Старшего (IV. 88—89; VII. 10) и Помпония Мелы (II. 1—2).

Обобщив все эти разрозненные сведения, можно реконструировать описание северных племен приблизительно следующим образом: на крайнем севере земли тянутся Рипейские горы; между ними и Океаном живут гиперборей; с Рипейских гор ниспадает Танаис, текущий в Меотиду, он разделяет Европу и Азию; к Рипейским горам примыкает снежная страна, где дует Борей (Аквилон — у латинских авторов); где-то здесь же расположена необитаемая страна, в которой грифы стерегут золото; рядом со страной грифов живут аримаспы, которые похищают у грифов золото; ниже аримаспов — исседоны, а ниже последних — савроматы, обитающие между Танаисом и Биком — реками, впадающими в Меотиду; все эти народы живут в Европе, т.е. по правую сторону от Танаиса.

В рассказе Плиния на эту тему (VII. 10) содержится прямая ссылка на Аристия Проконнеского и Геродота. Возможно, что она имела уже и в сочинении Гелланика — так же, как ссылка на Геродота в цитированном сообщении Страбона (XI. 6.2), стоящая рядом со ссылкой на Гелланика, тоже могла быть дана Страбоном через посредство последнего. То, что основа реконструированного описания северных племен восходит к Аристее, несомненно. Аристей говорил о народах, обитавших «выше» один другого: о скифах, исседонах, аримаспах у Рипейских гор, о гиперборейях за горами до «другого моря». Но эта основа была приспособлена к географическим представлениям, современным Гелланику, и тут уже немалую роль сыграли данные Геродота. Весь указанный ряд северных народов всегда представляли себе находящимся в Европе; так считал и Геродот (III. 116). Но в то время как для Аристия границей материков, в соответствии с древнейшими географическими представлениями, был Фасис, для Гелланика таковым был Танаис. Поэтому весь ряд народов он поместил к западу от Танаиса и к северу от Эвксинского Понта. «Другое море» превратилось в Океан (но это уже не от Геродота). Гиперборей были соотнесены с истоками Истра под влиянием данных Пиндара (Ol. III. 13—16), с Адриатическим морем — под влиянием данных Геродота (IV. 33). Да и на описание гипербореев у Гелланика повлияли сведения Геродота об аргиппях (ср. IV. 23). Так что о влиянии Геродота на Гелланика даже на примере одного рассмотренного здесь фрагмента, мне кажется, вполне можно говорить.

Другое дело — савроматы, первый из указанного ряда народов. Я думаю, что Гелланик, представляя Аристеевых скифов по образцу Геродотовых царских скифов, обитавших между Борисфеном и Танаисом, сознательно заменил скифов на савроматов (след прямого противопоставления царских скифов, живущих у вод Герра, и савроматов, «живущих вокруг озера Бика», сохранился, как кажется, у Валерия Флакка — VI. 65—69). Здесь Гелланик, возражая Геродоту, опирался, видимо, на новейшие данные, полученные им из первых рук от своих современников. Это очень интересное сообщение, впервые в античной литературе фиксирующее смену скифов савроматами «в Европе», к западу от Танаиса и к северу от Меотиды, в конце V в. до н.э., до сих пор оставалось незамеченным в научной литературе, в том числе и Дж.Р. Гардинером-Гарденом, который далее вообще-то уделяет большое внимание указанному событию.

В том же плане рассматривается Дж.Р. Гардинером-Гарденом другое «скифское» сообщение: описание массагетов Страбона (XI.8.6). Ссылаясь лишь на работу В. Али, Дж.Р. Гардинер-Гарден возражает ему, не считая возможным поддержать предположение о заимствовании описания у Гекатея или Гелланика, и полагает, что в этом описании Страбон следовал Геродоту, дополнив его некоторыми деталями, взятыми у историков Александра (I, с. 4). Античные сведения о массагетах давно уже привлекали внимание ученых (Ф. Якоби, А. Херрман, Ю. Юнге, С.П. Толстов и др.), которые обычно считали, что все они, и у Геродота, и у Страбона, восходят к Гекатею Милетскому, причем Страбон передает данные Гекатея будто бы даже точнее, чем Геродот. Рассматривал сведения о массагетах и их истолкование названными выше учеными также и я в одной из своих работ² и пришел к следующим выводам относительно упомянутого описания массагетов у Страбона: Страбон здесь действительно независим от Гекатея и следует почти целиком Геродоту, кое в чем даже искажая его рассказ и в то же время дополняя некоторыми новыми деталями, восходящими, может быть, к Эвдоксу Родосскому и относящимися к эллинистической эпохе; но Страбон, видимо, знал о «массагетском» рассказе Геродота также через посредство опять-таки Гелланика (ср. XI. 6, 2—3)³.

Следующее «скифское» сообщение, на которое обращает внимание Дж.Р. Гардинер-Гарден, — это сло-

² Пьянков И.В. Массагеты Геродота // ВДИ. 1975. № 2. С. 46—70.

³ Там же. С. 51, 52, 55.

ва Страбона (XII. 3. 21) о скифских народах — алазонах, живущих «выше Борисфена», каллипидах «и других». И здесь снова Страбон ссылается на Гелланика (фр. 186), ставя его имя рядом с именем Геродота. Дж.Р. Гардинер-Гарден отмечает, что хотя об алазонах и каллипидах действительно говорил Геродот, но об алазонах вел речь и Гекатей, так что нельзя утверждать, что данные сведения Гелланик заимствовал именно у Геродота (I, с. 4—5). Однако здесь перед нами вновь та же ситуация, которую мы наблюдали при рассмотрении первого сообщения: Страбон, ссылаясь на Гелланика и Геродота, приводит сведения, действительно содержащиеся в сочинении Геродота, но переданные в явно измененном виде. Геродот действительно говорит о каллипидах и алазонах, но в связи с Гипанисом (IV. 17). А Страбон ориентирует их относительно Борисфена. И это не случайно, так как и у других античных авторов наблюдается тенденция к переносу объектов, связанных у Геродота с Гипанисом, на Борисфен (например, в сообщениях о неврах). Эта тенденция сказалась даже на сведениях об Ольвии⁴, причем она более заметна у Плиния (IV. 82. 88), менее — у Мелы (II. 6). Но важно то, что соответственные сообщения Плиния и Мелы даны в том же контексте, что и рассмотренные выше сведения тех же авторов о народах к северу от Меотиды. Эти последние, как я пытался показать выше, восходят к Гелланику. Если так, то и изложенный здесь вариант представлений о берегах Борисфена должен восходить к Гелланику, и, следовательно, Страбон также и в данном случае цитирует Геродота через посредство Гелланика, а Гелланик строит свою версию, видоизменяя показания Геродота.

Что же касается алазонов Гекатея Милетского, то это совсем иной народ, явно не имеющий никакого отношения к Скифии. Я уже высказывал предположение, что контекстом этого фрагмента сочинения Гекатея (фр. 217, Яcobу) является описание путешествия Аристеев Прокоонесского⁵. Хорошо известно, что Гекатей знал и цитировал сочинения Аристеев, горячего почитателя Аполлона, совершившего путешествие в направлении, обратном движению кочевников, волны которых в VII в. до н.э. докатились и до греческих городов малоазийского побережья. Аристеев, согласно древнему преданию, пересказанному Геродотом (IV. 14), покинув свой родной Прокоонес направился к г. Кизику. Упомянутый фрагмент, видимо, содержит сведения, относящиеся к дальнейшему пути Аристеев: на это может намекать и указание на соседство алазонов с кизикенцами, и на почитание ими Аполлона, а сообщение о городе алазонов на р. Одруссе, пустовавшем еще и во времена Гекатея, явно перекликается со стихами Валерия Флакка (V. 584 сл.), в которых хотя и в весьма вольной и иносказательной поэтической манере, но все же вполне узнаваемо говорится о набегах всадников на земли, расположенные от р. Кампас до р. Одрусса; в стихах распознаются и образы аримаспов и исседонов. Сопоставляя разные свидетельства, можно предположить, что берега р. Кампас в стране исседонов были конечным пунктом на пути Аристеев⁶. Итак, алазоны Гекатея не могут быть поставлены в связь с алазонами Гелланика и Геродота, так как принадлежат совсем другому сюжету. Кстати, указанное сообщение Гекатея и примыкающие к нему сведения Флакка не учтены, кажется, в работе Дж.Д. Болтона об Аристеев Прокоонесском.

Много внимания уделяет Дж.Р. Гардинер-Гарден уникальному сообщению Гелланика о саках-амургиях (фр. 65). Он вслед за Ю. Юнге считает, что это сообщение восходит к Гекатею и что Геродот свои сведения об амургиях заимствовал у него же, но через Гелланика (I, с. 6—7; II, с. 27). Но возводить сообщение Гелланика к Гекатею, в сущности, нет никаких оснований: если не считать упоминания саков в перечне народов персидских сатрапий у Геродота (III. 93), предположительно заимствованном у Гекатея, то в тех сообщениях о самых восточных номадах, которые можно возвести к Гекатею, эти последние именуются даже и не саками, а просто скифами. В единственном же сообщении Геродота о саках-амургиях (VII. 64) они перепутаны, как обычно считается, с саками «острошапочными», поэтому вряд ли Геродот знал о них больше того, что нашел в описании воинства Ксеркса. Скорее всего, Гелланик и в данном случае использовал свой обычный метод: взяв за основу упоминание Геродотом амургиев, он расширил его новыми оригинальными известиями о «равнине Амургион». А известие это чрезвычайно интересно: очень похоже, что оно относится к Алайской долине⁷ и отражает первое знакомство античного мира с «Шелковым путем».

Вообще, не исключено, что оригинальные сведения о саках в связи с древними персидскими царями, Киром и Дарием, которые мы находим у Страбона и Полиена, восходят к Гелланику. Гелланик, как уже отмечалось, должен был знать рассказ Геродота о войне Кира с массагетами, и в пику ему мог дать свою версию этого рассказа, которая и содержится у Страбона (XI. 8. 5), где фигурируют уже саки.

Остановившись на вопросе о локализации саков-амургиев, Дж. Р. Гардинер-Гарден отмечает как равно вероятные две возможности: народ этот обитал на равнине Мерва, в Маргиане, или в степях на Сырдарье и в Фергане; в качестве сторонников второй точки зрения он ссылается на Э. Херцфельда (1932 г.),

⁴ Об отношении Ольвии к Борисфену см., например: *Скржинская М.В.* Древнегреческий фольклор и литература о Северном Причерноморье. Киев, 1991. С. 167 сл.

⁵ *Пьянков И.В.* Кочевники Казахстана VII в. до н.э. и античная литературная традиция // Античность и античные традиции в культуре и искусстве народов Советского Востока. М., 1978. С. 185 сл.

⁶ Там же. С. 186.

⁷ *Herrmann A.* Das Land der Seide und Tibet im Lichte der Antike. Lpz, 1938. S. 9, 132, 157.

И.В. Пьянкова (1968 г.) и В. Нагеля (1982 и 1983 гг.); первым аргументом в пользу первой точки зрения он считает то, что гидроним Мургаб имеется не только на Памире, но также и в области Мерва (I, с. 8; II, с. 26). Но я давно уже обращаю внимание на беспочвенность этого аргумента: название «Мургаб» в применении к р. Мерва — лишь результат позднейшей переогласовки прежнего названия реки «Маргаб» (древнее Μάρυος), р. в Маргиане, которая никакого отношения к амургиям, конечно, не имела⁸. Беспорным местом обитания саков (хотя и не амургиев) Дж.Р. Гардиен-Гарден считает также Памир, опираясь на археологические данные (I, с. 8; II, с. 26). Действительно, археологически Памир несомненно принадлежит к области распространения сакской культуры⁹. Но антропологически (физически) носители этой культуры на Памире резко отличаются от остальных саков и тяготеют скорее к населению Гиндукуша и Северо-Западной Индии¹⁰. Я уже высказывал предположение, что памирские «саки» в действительности являлись частью древних каспиев (каспиров)¹¹.

Заметим также, что предположение о связи между этнонимом Naumavarga и топонимом Munjan, одно время довольно популярное среди исследователей и повторенное также в обозреваемой работе (I, с. 7), все же по многим причинам сомнительно. Во всяком случае, топоним Мунджан существовал задолго до постулируемого перехода первого названия во второе¹².

Рассматриваются Дж. Р. Гардиенер-Гарденем и другие сведения Гелланика: о восточном побережье Понта, предположительно принадлежащие ему сообщения об аримфеях, об амадоках и др., останавливаться на которых здесь нет возможности.

Сложен и весьма существен вопрос об источниках гиппократовских сведений о скифах. Дж.Р. Гардиенер-Гарден отмечает, что советские ученые (кроме И.В. Куклиной) обращали внимание преимущественно на новизну и оригинальность этих сообщений, считая их результатом непосредственных наблюдений автора, недостаточно учитывав возможность литературных влияний и заимствований (I, с. 14—16). В этом плане особенно показательны случаи близкого совпадения текста гиппократовского сочинения (трактат «О воздухе, водах и местностях») с данными Геродота о скифах — и все же их несводимости друг к другу, допускающие возможность и взаимозависимости их, и существования у них общего источника (I, с. 26, 29, 32, 37).

Мне кажется, что нельзя не согласиться с такой постановкой вопроса. Действительно, источниковедческий анализ трактата уже при первом приближении обнаруживает в нем весьма сложную мозаику литературных заимствований. Так, в разделе о скифах отчетливо выделяются следующие элементы: реальные наблюдения над скифами, мифико-географические сведения о «Рипейских» странах, сведения о торговом пути из Скифии к аргиппеям. Данные всех этих источников перемешаны, сам автор трактата относится к ним безразлично как к одинаково «скифским», причем отбирает из них те, которые должны, по его мнению, иллюстрировать положения его медицинской теории. Но исследователи, которые декларируют необходимость выявления литературных источников трактата, все это, к сожалению, не учитывают.

Так, в трактате дано определение цвета кожи скифов как πύρρος. Одни ученые считают, что это свидетельствует о монголоидности скифов, другие отрицают такое толкование. Вступает в дискуссию и Дж.Р. Гардиенер-Гарден (I, с. 33, 34). Но никто не задавался вопросом: что это за «скифы»? В одной из своих работ я, как мне кажется, смог показать, что автор гиппократовского трактата материал для своих рассуждений по поводу физической природы скифов черпал из описания аргиппеев¹³. Как и в прочих случаях, данные гиппократовского трактата и сочинения Геродота близко сходятся, но в то же время и дополняют друг друга. Если рассматривать эти данные в совокупности, то вряд ли можно сомневаться в том, что аргиппеи действительно обладали каким-то своеобразным антропологическим типом, отличавшим их от соседей (монголоидным? лапоноидным?). Но к настоящим скифам этот тип, разумеется, никакого отношения не имел. Именно отличие его от скифского и заставляло скифов (ходивших к аргиппеям по торговым делам) обращать на него внимание.

С таких же позиций, очевидно, нужно подходить и к оценке «Рипейской» географии гиппократовского трактата. В этом трактате, как часто и вообще в античной литературной традиции, переплелись элементы двух систем представлений о Крайнем Севере: одну из них, наиболее древнюю, можно назвать «скифской»

⁸ Пьянков И.В. К вопросу о маршруте похода Кира II на массагетов // ВДИ. 1964. № 3. С. 122—123. Прим. 47.

⁹ О памятниках этой культуры на Памире см.: Литвинский Б.А. Древние кочевники «Крыши мира». М., 1972.

¹⁰ Гинзбург В.В., Трофимова В.А. Палеоантропология Средней Азии. М., 1972. С. 138, 299; Кияткина Т.П. Материалы к палеоантропологии Таджикистана. Душанбе, 1976, С. 82.

¹¹ Пьянков И.В. Аскатаки-скифы и восточные каспии // Памироведение. Вып. 1. Душанбе, 1976. С. 82.

¹² Грантовский Э.А. Из истории восточноиранских племен на границах Индии // КСИИА. 61. М., 1963. С. 26—29. См. также Воусе М. A History of Zoroastrianism. V. I. Leiden — Köln, 1975. P. 250. Not. 8.

¹³ Пьянков И.В. Аргиппеи (Источники) // Античная древность и средние века. Вып. 6. Свердловск, 1969. С. 105—106.

(она же и «киммерийская»), другую — «исседонской», которая восходит преимущественно к Аристею Проконнесскому¹⁴. Именно первая находит близкие соответствия в древнеиранских мифико-географических представлениях, отраженных в Авесте и пехлевийской зороастрийской литературе, тогда как вторая ближе к фольклорным представлениям сибирских народов и китайской мифологической географии. В работах Дж.Д. Болтона, как и Г.М. Бонгард-Левина и Э.А. Грантовского, эти две традиции не различаются. Гиппократовская концепция Рипейских гор, о которой пишет Дж.Р. Гардинер-Гарден (I, с. 32) относится к «скифской» традиции.

Целый комплекс проблем затронут Дж.Р. Гардинером-Гарденом в разделе, посвященном сведениям гиппократового трактата о савроматах. Прежде всего это вопрос о месте обитания гиппократовых савроматов и связанные с ним вопросы ранней истории савроматов. Дж.Р. Гардинер-Гарден, процитировав сообщение трактата о том, что скифский народ савроматы обитает «в Европе», «вокруг озера Меотиды», рассматривает один за другим возможные толкования этого высказывания и приходит к выводу, что наиболее правильным было бы понимать его в том смысле, что савроматы обитали, по крайней мере отчасти, к западу от Дона¹⁵ уже во второй половине V в. до н.э., и замечает, что сам по себе такой вывод, при сопоставлении его с известием Геродота (IV. 21) о савроматах, обитающих только к востоку от Дона, является важным историческим свидетельством о движении ирвасийских племен в западном направлении (I, с. 17—22). Все это вполне убедительно и совпадает с тем выводом, который мы сделали выше, анализируя традицию Гелланика.

Но далее Дж.Р. Гардинер-Гарден пытается объяснить такое продвижение савроматов тесными связями их со скифами — связями, уходящими в ту эпоху, когда скифы совершали набеги в Переднюю Азию, а савроматы — здесь автор обзораемой работы следует гипотезе В.Б. Виноградова и других отечественных ученых, придерживающихся такого же мнения, — принимали будто бы в них участие; в ряде отрывочных указаний на савроматов в источниках, особенно в связи с легендами об амазонках, он видит следы свидетельств о пребывании их в Передней Азии, а само появление савроматов к западу от Дона объясняет тем, что часть последних сопровождала скифов при их возвращении на родину (I, с. 22—25).

Вся эта конструкция основана, как мы видим, на гипотезе, предполагающей участие савроматов в переднеазиатских походах скифов и базирующейся в свою очередь на представлении о неизменности тех границ Скифии, которые были названы Геродотом: ведь скифы, обитавшие к западу от Дона, направляясь через Кавказ в Переднюю Азию, не могли миновать савроматскую территорию и, как предполагается, увлекли с собой часть савроматов. Я давно знаком с этой гипотезой и считаю ее образцом чисто умозрительного и совершенно напрасного «домысливания» источника. Предполагаемая ею ситуация исторически вообще нереальна. В источниках нет ни слова об участии савроматов в переднеазиатских походах, и само по себе это обстоятельство показательное. Этногеография степей менялась быстро, и состояние, засвидетельствованное Геродотом, фиксирует лишь сравнительно короткий момент в ее развитии.

Как показывают исторические аналогии, набеги в страны к югу от Кавказа совершали те кочевые племена, которые господствовали в северокавказских степях и контролировали кавказские проходы. Следовательно, в VII в. до н.э., в эпоху скифских набегов, степи к северу от Кавказа занимали скифы, а не савроматы. Аристей, путешествовавший тогда же¹⁶ по этим местам, тоже, по-видимому, застал здесь скифов, обитавших в его времена на степных просторах, может быть, вплоть до Волги¹⁷. Восточными соседями скифов в эпоху утверждения их в причерноморских степях предание называет массагетов (по ту сторону Аракса-Волги)¹⁸ или исседонов. Савроматы и в данном случае как бы выпадают из диафесы племен

¹⁴ Попытку разграничить эти две античные традиции о Крайнем Севере и дать их краткую характеристику я предпринял в статье: Рифеи — миф и реальность // Уральский следопыт. 1978. № 8. С. 44—48.

¹⁵ В этой связи Дж. Р. Гардинер-Гарден посвящает специальный экскурс рассмотрению вопроса о границе между Европой и Азией в ранней античной традиции и, в частности, у Гекатея (I, с. 18—19, прим. 96). Обозревая разные трактовки этого вопроса в современной научной литературе, он отдает предпочтение предложенному мной толкованию (*Пьянков*. Массагеты Геродота. С. 58). Недавно появившаяся еще одна трактовка вопроса о границе Европы и Азии, исходящая из того, что Меотида и Танаис изначально, уже у древних ионийских географов (!) представляли Аральское море и Сырдарью (*Куклина И.В.* Этногеография Скифии. Л., 1985. С. 143—161), в целом кажется мне исторически совершенно неправдоподобной, хотя и содержит ряд интересных наблюдений.

¹⁶ Время жизни Аристея Проконнесского чаще всего относят к VII в. до н.э. Предпринятая недавно основательная попытка пересмотра даты и представлений о самой личности Аристея (*Иванчик А.И.* О датировке поэмы «Аримаспея» Аристея Проконнесского // ВДИ. 1989. № 2. С. 29—49) все же уязвима в ряде моментов и к тому же ограничивается чисто филологической стороной проблемы.

¹⁷ *Пьянков*. Кочевники Казахстана... С. 186.

¹⁸ Новую интерпретацию античных сведений об Араксе и связанной с ними легенды о приходе скифов в Причерноморье см.: *Куклина*. Этногеография... С. 114—136 — предложенное здесь толкование легенды кажется мне исторически совершенно невозможным.

в качестве восточных соседей скифов. К той же ранней эпохе относятся, очевидно, сообщения Эсхила (Prom. Vinc. 418 сл.) и Дионисия Периегета (163 сл.) о скифах, которые обитают «вокруг Меотийского озера». О пребывании основного ядра скифских племен VII—VI вв. до н.э. в степях Северного Кавказа свидетельствует и археология¹⁹.

Происхождение савроматов античная традиция скрывает в тумане «амазонских» легенд, которые предками савроматов делают амазонок. Дж.Р. Гарднер-Гарден склонен, по-видимому, связывать савроматов с «термодонтскими» амазонками: такая связь намечена у Геродота, но более выразительно представлена у Эфора (I, с. 24). Я тоже считаю, что под «скифскими» амазонками, предками савроматов, скрывается реальный народ, но превратившийся в амазонок и поставленный в связь с классическими амазонками Термодонта лишь в греческой традиции, всегда, как известно, склонной представлять себе мир в привычных для нее образах мифологии. Но почему традиция увидела в этом народе именно амазонок? Причина ясна: резко выраженные черты «матриархата», свойственные савроматам и в еще большей мере, надо думать, их предкам. Амазонские черты приписывает савроматам Гиппократ, и Дж.Р. Гарднер-Гарден считает, что в этом проявились фантазии на амазонские темы, хотя савроматское общество действительно имело матриархальные тенденции (I, с. 25, 37). Все это, конечно, так, но ведь и само отождествление савроматов или их предков с амазонками обусловлено этими тенденциями.

«Матриархальность» савроматов, при бесспорной преемственности ряда «савроматы — сирматы — сарматы» (I, с. 20—21), загадочна. Ее, конечно, не объяснить ни якобы влиянием «гинекократических меот» вслед за Ростовцевым (I, с. 22), ни матриархальной «стадией» социального развития (I, с. 21; прим. 101). В то время как эта черта совершенно не характерна для собственно скифов, она постоянно отмечается для восточных скифских народов: савроматов, саков, массагетов и исседонов. Все это иранские или, во всяком случае, ираноязычные народы (кроме, может быть, исседонов), для которых обычно «матриархат» не свойствен. Не свойственны иранцам и некоторые другие черты, присущие этим народам, например, специфические брачные и погребальные обычаи массагетов. К этим чертам можно добавить признаки, считающиеся характерными для «скифской» культуры, и прежде всего «звериный стиль» (изобразительность не свойственна искусству древнейшего иранского мира степей, о чем свидетельствует археология и с чем согласуется зороастрийская традиция), истоки которого уходят в Сибирь или глубины Центральной Азии. К этому же ряду фактов следует отнести и многие элементы картины Крайнего Севера «исседонской» традиции. В археологии к числу свидетельств проникновения в это время на запад элементов культуры из глубин Центральной Азии можно отнести карасукскую или карасукоидную керамику, карасукские кинжалы и особенно оленные камни. Наконец, в антропологии перечисленным фактам соответствует концентрация центральноазиатского монголоидного типа в Приаралье в первой половине I тыс. до н.э.²⁰

Не вдаваясь глубоко в историческую интерпретацию всех этих фактов, замечу, что они вполне убедительно, как мне кажется, могут быть объяснены распространением какого-то этнического суперстрата: первоначальный импульс оно получило, скорее всего, в сердце Центральной Азии, в Ордосе и примыкающих к нему местах, и совершалось на протяжении первых веков I тыс. до н.э., может быть, несколькими волнами, одна из которых достигла в VII в. до н.э. Приазовья и Предкавказья. Пришлый слой населения был, видимо, в большинстве случаев немногочислен и быстро растворился в местной этнической среде, но оставил после себя ряд специфических черт культуры, перечисленных выше. Рассказ Геродота о происхождении савроматов от «амазонок» и скифов где-то в Приазовье (IV. 110—117) удивительно точно передает этот процесс, правда, облекая его в покровы мифологии²¹.

Дж.Р. Гарднер-Гарден останавливается и на других интересных деталях скифского рассказа Гиппократа: на описании страны скифов (скифской «пустыни») и образа жизни скифов, на замечаниях о животном мире и климате Скифии, о классах скифского общества и энареях (I, с. 27—31, 34—37).

Несколько слов хотелось бы сказать относительно того, как Дж.Р. Гарднер-Гарден трактует роль Гекатея Милетского в греческой традиции. Он считает, что у Гекатея заимствовали и Гелланик, и Дамаст, а возможно, и Гиппократ (I, с. 6, 7, 9, 14, 27, 37 и др.). Вообще такое представление о месте Гекатея вполне соответствует преобладающей в классической филологии тенденции видеть в Гекатее источник сведений, достаточно древних и в то же время независимых от Геродота. Действительно, Гекатей может быть

¹⁹ Мурзин В.Ю. Происхождение скифов: основные этапы формирования скифского этноса. Киев, 1990. С. 47, 53.

²⁰ Археологическая литература по затронутым здесь темам огромна. Сошлусь лишь на некоторые сборники, где в соответствующих статьях можно найти и ссылки на прочую литературу: Проблемы скифской археологии (МИА, № 177). М., 1971; Скифо-Сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М., 1976; Скифо-Сибирский мир. Искусство и идеология. Новосибирск, 1987. Антропологические данные дополнительно см: Гинзбург, Трофимова. Ук. соч. С. 112; Ходжайов Т.К. К палеоантропологии древнего Узбекистана. Ташкент, 1980. С. 9.

²¹ Такое объяснение я впервые изложил в тезисах доклада к конференции «Культура и искусство Центральной Азии», которая была намечена в Ленинграде (Гос. Эрмитаж) в 1986 г., но не состоялась.

и вправду источником некоторых таких сведений, например, у Дамаста, существует и проблема происхождения сведений, близких Геродоту и в то же время независимых от него, но все же, мне кажется, фрагменты, оставшиеся от Гекатея описания Скифии, не дают оснований считать его таким уж универсальным источником для скифской темы.

II. Вторая из названных в начале статьи работ посвящена сведениям Ктесия о древней Средней Азии исторического и этнографического характера. И эту работу Дж.Р. Гардинер-Гарден начинает с рассмотрения вопроса о составе сочинений и об источниках Ктесия (II, с. 1—4). Здесь автор, соглашаясь в целом с общепринятыми представлениями, отмечает, что Ктесий широко пользовался рассказами разноплеменных информаторов, но не имел доступа к упоминаемым им «царским архивам».

Очень важные для истории Средней Азии проблемы затронуты в разделе «Семирамида». Здесь Дж.Р. Гардинер-Гарден, допуская возможность существования доахеменидских государств в Средней Азии, например Бактрийского, считает невероятным рассказ Ктесия о военных походах ассирийцев в Бактрию и соседние страны и ссылается на такое же мнение других ученых (среди них назван и автор данного обзора) (II, с. 6—7). Я не могу не согласиться с этим тезисом, но в то же время должен отметить, что зачисление меня без всяких оговорок в число сторонников гипотезы о Хорезмийском царстве, контролирувавшем области Мерва и Герата, со ссылкой на мою работу 1972 г. (II, с. 6, прим. 27; и так зачастую не только в книге Дж.Р. Гардинера-Гардена) неправомерно. Моя позиция в этом вопросе отличается одним весьма существенным нюансом: я говорю не о Хорезмийской империи, включавшей в свой состав области Мерва и Герата, а о *переселении хорасмиев* из области Герата и Туркмено-Хорасанских гор в Хорезмский оазис в течение ахеменидской эпохи, которое подтверждается распространением древнеземледельческой культуры типа Яз (видимо, Яз III) в том же направлении и в то же время²².

Именно с этими проблемами и связан в историковетоведческом плане рассказ Ктесия о походе Нина в Бактрию и деяниях Семирамиды там же. В нем наиболее выразительно говорится о древнем Бактрийском царстве и о связи с этим царством Зороастра. Но рассказ, как и почти все прочие тексты Ктесия, не дошел до нас в своем подлинном виде; наиболее пространственный вариант его сохранился в пересказе Диодора. И вопрос о том, насколько точно он передан Диодором, давно уже дебатруется в науке. Дж.Р. Гардинер-Гарден, рассмотрев разные мнения, высказанные исследователями по данному поводу, приходит к заключению, что хотя пересказ у Диодора явно испытал влияние известий об Александре, вызывавшее, например, в имени побежденного Семирамидой бактрийского царя — «Оксиарт», все же нет нужды предполагать посредника между Ктесием и Диодором: Диодор, вероятно, использовал Ктесия и переработку Ктесия, принадлежащую Клитарху — одному из историков Александра; к такому же выводу, замечает Дж.Р. Гардинер-Гарден, пришел и И.В. Пьянков (II, с. 8—9).

Я, действительно, придерживаюсь такой же точки зрения, но лишь тогда, когда идет речь о соотношении в целом между повествованиями Ктесия и Диодора в рамках ассирийской истории²³. И в рассказе о бактрийской войне Нина и Семирамиды Диодор должен, казалось бы, свое повествование, основанное на Ктесии, дополнять вставками из Клитарха. Это тем более вероятно, что у историков Александра, придерживавшихся версии Клитарха, Оксиарт — отец Роксаны, кажется, был возведен к роду ктесиева Зороастра — царя Бактрии и даже сам именовался «царем бактрийцев»²⁴. Такие ассоциации будут вполне понятны, если учесть, что вопиющее неравенство брака Александра и Роксаны, конечно, шокировало македонскую знать (Сург. VIII. 4. 25—30). Возведение Оксиарта к древнему царскому роду хоть как-то спасало положение. И те же ассоциации могли способствовать замене Диодором имени древнего царя бактрийцев, современника Нина и Семирамиды, — «Зороастр» на имя современника Александра — «Оксиарт». Но, как ни странно, рассказ Диодора о бактрийской войне Нина и Семирамиды обнаруживает самые близкие, иногда дословные, совпадения с другой, не Клитарховой версией повествования о бактрийском походе Александра и осаде им Согдийской скалы. В этой же версии с последним событием связано имя Оксиарта. Других следов знакомства Диодора с этой версией истории Александра вроде бы нет. Поэтому я выдвинул в качестве альтернативного предположение о независимом в данном случае заимствовании у Ктесия и Диодором, и историками Александра неклитарховой традиции, и о присутствии уже в тексте Ктесия имени, похожего на «Оксиарт» (ср. авест. *zaotar*), и имени «Зороастр» для бактрийского царя²⁵.

²² Пьянков И.В. Хорасмий Гекатея Милетского // ВДИ. 1972. № 2. С. 18—20; *он же*. Хорезм в античной письменной традиции // Хорезм и Мухаммад ал-Хорезми в мировой истории и культуре. Душанбе, 1983. С. 42—45, 48—49. Проблемы доахеменидской государственности Средней Азии я рассматриваю в готовящемся к печати втором издании коллективного труда «История таджикского народа» (т. I), там же я даю и подробный обзор истории вопроса.

²³ Пьянков И.В. Средняя Азия в известиях античного историка Ктесия. Душанбе, 1975. С. 138.

²⁴ Пьянков. Средняя Азия... С. 154, 158.

²⁵ Там же. С. 152—161. Дж.Р. Гардинер-Гарден не входит в обсуждение вопроса, какое имя стояло в данном случае в тексте Ктесия. См. еще по этому поводу: Грантовский Э.А. Послесловие к кн.: *Бойс М. Зороастрийцы. Верования и обычаи*. М., 1988. С. 296.

Интересны наблюдения и выводы Дж.Р. Гардинера-Гардена в разделах, посвященных истории Ктесия. Такова намечаемая им связь у Ктесия первых двух мидийских царей Арбака и Маудака с фигурами из скифской истории: Арпоксаем, Мадием и др. (II, с. 9—11). Но его вывод, основанный на сообщении Диодора (II. 26. 1—3), о помощи бактрийцев Арбаку в борьбе его с ассирийцами, нуждается в существенной корректировке. Дж.Р. Гардинер-Гарден, как, впрочем, и все его предшественники, касавшиеся этого восходящего к Ктесию сообщения Диодора, считает, что оно свидетельствует о существовании Бактрийского государства в VII в. до н.э., подкрепляя свой вывод ссылкой на Г. Ньюли, который тоже признает упомянутое сообщение свидетельством полной независимости бактрийцев того времени (II, с. 11). Но так ли безусловно понимание этого сообщения именно в указанном смысле?

Я уже не раз отмечал в своих работах, что Ктесий представлял себе «царство Азии» с самого начала его существования неизменно по образцу Персидского царства времени Артаксеркса II, при дворе которого Ктесий и находился. Царство создано, по Ктесию, завоеваниями Нина и Семирамиды, а все его учреждения установлены их сыном Нинием. Бактрия завоевана Нином и с тех пор непрерывно подчинялась «царям Азии» вплоть до Артаксеркса II. А согласно одному из установлений Ниния, каждый подчиненный народ поставлял военный отряд во главе с предводителем, располагавшийся лагерем вне столицы и сменявшийся каждый год (Diod. II. 21. 3—6). Возможно, что это сообщение тоже основано на наблюдениях Ктесия над современными ему порядками. И заговор во главе с Арбаком был составлен предводителями именно таких отрядов (Diod. II. 24. 1—3). Такой же отряд, судя по контексту, представляли собой и бактрийцы, вызванные ассирийским царем на помощь. Бактрийский царь, который фигурирует в аналогичном эпизоде у Ксенофонта (Суг. V. 1. 3), появился лишь в результате вольной переработки текста Ктесия. По-видимому, в роли предводителей таких же отрядов позднее выступают гирканец Артасир, а также «парфянин, сак и бактриец», перешедшие на сторону Кира сразу же после победы его над Астиагом (Ктесий у Nic. Dam. Fr. 66. § 46). Такое понимание данного сообщения снимает его кажущееся противоречие с дальнейшим повествованием Ктесия²⁶. Наконец, в том же ряду стоит сообщение о бактрийцах, подчинившихся Киру после того, как им стало известно об усыновлении Кира Астиагом и Амитидой (Ктесий у Phot. Pers. § 2), т.е., надо понимать, что законными владыками. Таким образом, как бы ни соблазнительно было увидеть в известиях Ктесия указание на существование могущественного Бактрийского царства в предахеменидское время, приходится признать, что прямых свидетельств такого рода у него нет. Ктесий, несомненно, располагал сведениями об этом царстве, но, сообразуясь со своей исторической схемой, вынужден был перенести его в глубокую доассирийскую древность.

Много внимания в обозреваемой работе уделено легенде о Зарине. Историческое ядро этой легенды — борьба мидян с саками, хотевшими отторгнуть у них «область и город» парфян, и Дж.Р. Гардинер-Гарден пытается найти этому событию место в истории, определить его хронологический и географический контекст. Он относит указанное событие (вслед за В. Нагелем) к правлению мидийского царя Киаксара и датирует временем около 595 г. до н.э., перед войной с Лидией (II. С. 15—16), а саков царицы Зарины ищет в пределах Гиркании или близ нее, помещая там же и связанный, по его мнению, с именем Зарины города Зарис (II, с. 17).

Оставляя в стороне проблему города Зарис, могу сказать, что в целом, в первом приближении, такое истолкование можно принять, но я попытался бы предложить более конкретную интерпретацию. Ахеменидская Парфия, которую имел в виду Ктесий, — это полоса между Эльбурзом и Большой Соляной пустыней с центром в области Кумиш. А в позднем иранском эпосе известно предание, зафиксированное уже в пехлевийской литературе, о битве иранцев с Арджаспом в Белой пустыне у горы Кумиш. Правда, оно включено в цикл сказаний о кави Виштаспе, но это понятно — ведь поздний иранский эпос о мидийских царях вообще забыл. Может быть, с отголоском первоначальной, мидийской, версии того же предания в виде легенды о Зарине мы и встречаемся у Ктесия. Великое нашествие туранца Арджаспа, представленное в позднем эпосе хионитом и связываемого то с Каспийским морем и с землями за Амударьей, то с Мервом, обрушилось не только на Бактрийское царство кави Виштаспы, но, надо полагать, задело и владения Киаксара. Знаменательно, что нашествие это датируется, в соответствии с хронологией Э.В. Веста — А.В. Джексона, 583 г. до н.э., а смерть Киаксара, если исходить из расчетов Геродота, — 585 г. до н.э. Учитывая, что на абсолютную точность ни та, ни другая даты претендовать не могут, их можно считать совпадающими²⁷.

В разделах, посвященных персидской истории Ктесия, рассматриваются все сообщения, касающиеся взаимоотношений персидских царей со скифами, а вместе с тем и представления Ктесия о самих восточных скифах. Особое внимание уделено возможности возведения к Ктесию известных рассказов Полиена (VII. 11.

²⁶ Это противоречие давно уже было замечено исследователями, которые объясняли его каждый по-своему; см., например: *Marquart J. Die Assyriaka des Ktesias // Philologus. Supplbd VI. Göttingen, 1893. S. 604. App. 323; Дьяконов И.М. История Мидии. М.—Л., 1956. С. 420. Прим. 2.*

²⁷ Подробнее обо всем этом — в одном из моих разделов уже упомянутого второго издания «Истории таджикского народа».

6 и VII. 12) о походах Дария против саков. Здесь позиция автора двойственна: с одной стороны, он понимает, что в рассказах Полиена мало общего с данными Ктесия (II, с. 20, прим. 7—8), отмечая, что и Пьянков не включает эти рассказы в свое собрание фрагментов сочинений Ктесия (II, с. 20), с другой — все же считает возможным, что они сохранили какой-то материал Ктесия (II, с. 7, 18, 20, 25). Основанием для такого предположения является то, что упомянутые рассказы Полиена сближаются с официальной Бехистунской версией описания похода Дария на саков (V. 20—30), а эту версию мог передать, скорее всего, будто бы именно Ктесий (II, с. 20). Не говоря о том, что сам критерий для определения принадлежности Ктесию той или иной информации кажется мне очень сомнительным, — данные Ктесия весьма далеки от документальности, нужно заметить, что в сочинении Ктесия действительно содержится отголосок упомянутой официальной версии похода Дария на «острошапочных» саков, но он не имеет ничего общего с рассказами Полиена.

Это сообщение Ктесия о морской экспедиции в Скифию и захвате персами части скифов, в том числе Ма(р)сагета, брата скифского царя, уже до того заключенного в оковы (Phot. Pers. § 16), предвещающее его же рассказ о походе Дария в Скифию через Боспор и Истр. Здесь, действительно, каждая деталь находит соответствие в Бехистунской версии, включая имя плененного скифа (массагеты — «острошапочные» скифы). Но поданы эти сведения в обычном для Ктесия стиле: они все переиначены и приспособлены к одному из рассказов предшественников (в данном случае — к рассказу Геродота о походе Дария в Скифию), с тем чтобы дать новую, «исправленную и дополненную» версию известного сюжета.

Сам поход Дария на «острошапочных» скифов трактован Дж.Р. Гардинером-Гарденом с опорой на последнюю реконструкцию соответствующего текста пятого столбца Бехистунской надписи, предложенную Я. Харматтой. В этой реконструкции появляется новая важная деталь: упоминание р. Арахша, так что маршрут Дария теперь включает прибытие к морю и переход через названную реку (II, с. 23). Я. Харматта отождествлял р. Арахша, т.е. Аракс, с Амударьей, ссылаясь на мою работу 1975 г., и имел в виду современное русло реки, впадающей в Аральское море²⁸. Дж.Р. Гардинер-Гарден предпочитает видеть в р. Арахша древний рукав Амударьи, впадавший в Каспийское море (II, с. 23; также III, с. 13). И здесь он более прав, так как теперь уже определенно можно говорить о постоянном стоке воды по Узбою во времена Дария I (и Кира)²⁹, а также о значительно более высоком, чем современный, уровне Каспийского моря³⁰, вследствие чего воды его на востоке достигали, видимо, урочища Игды в низовьях Узбоя, где находился знаменитый водопад³¹ Аракса-Окса, описанный многими античными авторами. И сведения их об отдельном рукаве Аракса, текущем по открытой местности в Каспийское море, нужно, конечно, относить к Узбою³², а не к кавказскому Араксу, как я полагал одно время³³. Здесь, у впадения Узбоя («река Арахша») в залив Каспия («море»), видимо, и развертывались события сакского похода Дария.

Другая информация Полиена, которую Дж.Р. Гардинер-Гарден возводит к Ктесию, — это сведения о сираках. Упоминание о Сираке и сираках объединяет один из рассказов Полиена о сакском походе Дария (VII. 12) с рассказом того же автора о Семирамиде (VIII. 26), позволяет оба их возвести к Ктесию и считать сираков одним из племен, против которых Дарий и Кир совершали походы (II, с. 25). Но и в этом случае, как мне кажется, в рассказе Полиена о Семирамиде нет ничего, что позволило бы сблизить его с данными Ктесия (ср. II, с. 7—8), а сама тема Семирамиды была достаточно популярна и широко распространена в античной литературе. Что же касается реконструируемых Дж.Р. Гардинером-Гарденом миграций сираков (II, с. 24—25), то я отношусь к ним с некоторой осторожностью, так как понятие «сираки», мне кажется, может иметь не только чисто этническое содержание, но и какой-то социальный смысл. Впрочем, это сложная проблема, рассматривать которую здесь нет возможности.

Далее Дж.Р. Гардинер-Гарден рассматривает Ктесиеву этнографию Средней Азии (II, с. 25—32). Он приходит к выводу, что две основные группы скифов Средней Азии, выступающие у Ктесия, саки Аморга и дербики, соответствуют таким же группам, фигурирующим в ахеменидских надписях: Sakā Naumavar/gā и Sakā Tigrahaudā. Саки Аморга, они же амургии, саки-хаумаварга, тяготеют к восточной части Средней Азии, а дербики, они же массагеты, саки-тиграхауда (т.е. «острошапочные») — к западной, хотя в отдельных случаях саков Ктесия как будто лучше связывать с западом, а дербиков — с востоком, что свидетельствует вообще об отсутствии у Ктесия четкого представления о тех других. Все это полностью совпадает с моими заключениями, и это отмечает сам Дж.Р. Гардинер-Гарден, ссылаясь на мои работы и

²⁸ *Harmatta J. Darius' Expedition against the Sakā tigrahaudā // Studies on the sources on the history of pre-islamic Central Asia. Budapest, 1979. P. 27.*

²⁹ *Юсупов Х. Древности Узбоя. Ашхабад, 1986. С. 196 сл.*

³⁰ *Муравьев С.Н. Уровень Каспия глазами древних греков // Природа. 1987. № 4. С. 74—84; он же. Пять античных свидетельств в пользу «Птолемеевой» трансгрессии Каспия // Древнейшие государства на территории СССР. 1986. М., 1988. С. 235—247; см. также и другие работы того же автора.*

³¹ *Юсупов. Ук. соч. С. 155.*

³² *Пьянков. К вопросу... С. 118 сл.; Куклина. Ук. соч. С. 114—126.*

³³ *Пьянков. Массагеты... С. 66.*

завершая раздел цитатой из одной такой работы относительно представлений Ктесия о саках и дербиках (II, с. 31)³⁴. Конечно, автор прав в том, что и недооценка Ктесием расстояний от Каспийского моря до Индии сказалась на расплывчатости его географических представлений (II, с. 31—32). Однако в дробях $\Delta\upsilon\rho\beta\acute{\alpha}\omicron\iota$ я теперь не склонен видеть лишь вариант названия дербиков. У Ктесия это, скорее всего, общее наименование населения горных регионов к северо-востоку от Бактрии и северо-западу от Индии.

Должен еще заметить, что я никак не могу быть ответствен за приписанную мне (со ссылкой на мою работу 1964 г. и работу И.Н. Хлопина 1974 г.) странную реконструкцию похода Кира на восток против «саков позади Согдианы» (II, с. 26—27). Я в своей работе имел в виду совсем иной подход и совсем другой маршрут³⁵.

Очень интересен и важен, особенно для скифологов, раздел, посвященный выявлению Ктесиева наследия в сведениях более поздних авторов, Трога Помпея и Диодора, о скифах и амазонках (II, с. 32—37). Эту проблему затрагивал еще А. фон Гутшмид (1894 г.), предлагавший видеть источник указанных сведений в Диноне. Дж.Р. Гардинер-Гарден, развивая этот тезис, приходит к выводу, что материал о ранних скифах и амазонках у Трога восходит к Динону и далее к Ктесию, а у Диодора — к Динону, использовавшему Ктесия, и к Ктесию (II, с. 36—37). Попутно затрагивается и вопрос об источниках ассирийской и мидийско-персидской истории Трога (II, с. 35), которая также содержит важные сведения о Средней Азии.

В разделе о Ктесиевой географии (II, с. 37—39) поднят тоже важный вопрос о трактовке Танаиса в понимании Ктесия. Дело в том, что в тексте фрагментов сочинения Ктесия Танаис совмещает признаки, по которым можно узнать в нем одновременно и Дон, и Сырдарью. Такая концепция Танаиса сыграла важную роль в формировании более поздней античной географической схемы, в которой весьма своеобразно совмещались Черноморско-Азовский и Каспийско-Аральский бассейны. Вопрос в том, действительно ли сведения о Танаисе в указанных фрагментах принадлежат Ктесию? Этот вопрос обсуждался с давних времен — еще с прошлого века³⁶. Дж.Р. Гардинер-Гарден и здесь солидаризируется со мной, считая вполне возможным существенный вклад Ктесия в развитие указанной концепции (II, с. 38—39).

III. Третья работа рассматривает греческие концепции географии и этнографии Внутренней Азии в эпоху от Эфора до Эратосфена.

Начинается работа с рассмотрения данных Эфора. Принадлежащую Эфору знаменитую схему ойкумены с четырьмя окраинными народами, соответствующими четырем основным ветрам, автор считает схемой четырехугольной ойкумены (III, с. 2). Но это не так. Схема Эфора — лишь одна из разновидностей широко распространенных и очень древних схем «земного круга», оформленных как «роза ветров». Окраинных народов и соответствующих ветров в них может быть и больше. Подробнее о такого рода схемах я говорю в моей монографии «Средняя Азия в античной географической традиции», подготовленной к печати³⁷.

Эфор принадлежит к числу тех античных авторов, которые сознательно и настойчиво идеализировали скифов. И Дж.Р. Гардинер-Гарден внимательно рассматривает эту характерную для Эфора тенденцию, ее содержание и истоки, считая ее дальнейшим развитием догеродотовской традиции (III, с. 2—7). Далее Дж.Р. Гардинер-Гарден определяет вклад Эфора в описание Скифии, содержащееся в Периегесе, которую приписывают Скмну (III, с. 7—9). Остановившись на вопросе об источнике того материала, который принадлежит здесь Эфору, исследователь отмечает близость его данным Геродота и в то же время отличие в некоторых моментах (III, с. 9—10). Близость указанного материала Геродоту, причем в ряде специфических деталей, действительно очень велика, отличия же таковы, что не делают обязательным, как мне кажется, предположение об использовании здесь Эфором не Геродота, а какого-то иного источника, например, Гекатея Милетского, как иногда полагают.

Затрагивает Дж.Г. Гардинер-Гарден и вопрос об источнике перечня «савроматы-Океан», о котором я уже говорил в обзоре первой его работы, когда речь шла о наследии Гелланика. Здесь исследователь возражает против гипотезы Я. Харматты, который, рассматривая данный перечень в варианте, представленном у Мелы, тоже считает его искусственно перенесенным из области к востоку от Танаиса на западную

³⁴ Пьянков. Средняя Азия... С. 5—6. Иногда меня считают сторонником восточной локализации массагетов, на границах Индии. Так, например, А.П. Франкфор в своей интересной работе, с выводом которой, однако, я согласиться не могу: *Frankfort H.-P. Note sur la mort de Cyrus et les Dardes // Orientalia. Iosephi Tucci Memoriae dedicata. Roma, 1985. P. 397.* См. по этому поводу также: *Karttunen K. India in early Greek Literature. Helsinki, 1989. P. 34; Пьянков И.В. Массагеты, соседи индийцев // Средняя Азия в древности и средневековье. М., 1977. С. 53—57* — в этой работе я пытался выделить античные сведения о массагетах, якобы обитавших у границ Индии, и показать, что все они восходят к домыслам Мегаасфена, по-своему истолковывавшего рассказы своих предшественников о походе Кира на массагетов.

³⁵ Пьянков. К вопросу... С. 128.

³⁶ Пьянков. Средняя Азия... С. 144—146.

³⁷ О схеме Эфора см.: *Heidel W. The Frame of the ancient Greek Maps. N.Y., 1937. P. 17—50.* В указанной работе есть, однако, ряд моментов, с которыми я не могу согласиться.

сторону реки под влиянием известия о переходе савроматов через Танаис на запад, но приписывает этот перенос Эфору, заимствовавшему сам перечень будто бы у Гекатея. Дж.Р. Гардинер-Гарден справедливо отмечает, что каталог объектов «Савроматы-Океан» упоминался также и Геллаником и Дамастом (замечу, однако, что у последнего, как и у Гекатея, фигурировали еще скифы, а не савроматы), а самих савроматов Эфор помещал по-прежнему к востоку от Танаиса (III, с. 10—11), ориентируясь на более ранних своих предшественников, видимо, на Геродота.

Второй автор, географические и этнографические сообщения которого рассмотрены в настоящей работе, — это Аристотель. Первые представлены, конечно, очень любопытным описанием картографической схемы в сочинении «Метеорологика» (I, 13), где говорится о величайших горных хребтах ойкумены и текущих с них крупнейшими реках. Здесь исследователь касается весьма сложных и спорных вопросов, связанных с Аристотелевой географией, таких, как вопрос об источниках географических представлений Аристотеля, интерпретация его сведений о названных им крупнейших хребтах — Аркинейском и Рипейском, Кавказе и Парнассе, о реках Аракс и Танаис, о Каспийском и Гирканском морях, о границах Азии и Европы и т.д. (III, с. 11—17). Почти все эти темы подробно трактованы в уже упомянутой моей монографии, поэтому я не буду останавливаться здесь на них специально. Скажу лишь несколько слов о Парнассе Аристотеля — так был назван античным ученым Гиндукуш. Действительно, интереснейшие сведения Аристотеля о горной и речной системе Гиндукуша³⁸ задают загадку, прежде всего при определении источника их. Они явно восходят ко времени до походов Александра и тем не менее свидетельствуют о каком-то свежем и достаточно осведомленном в азиатской географии источнике, фиксируя бесспорный прогресс в познании отдаленных восточных стран по сравнению, например, со временами Геродота. Само название хребта, приводимое Аристотелем, довольно близко пехлевийской форме названия Гиндукуша, *Aparsēn* (из др.-иран. **Uparisaina*), тогда как название Паропан(м)ис, появляющееся несколько позднее у историков Александра, воспроизводит другую иранскую форму, **Para-Uparisaina*, означающую, собственно, «Загиндукуше». Дж.Р. Гардинер-Гарден, видимо, отдает предпочтение ставшей уже традиционной точке зрения П. Больхерта (1908 г.) о Ктесии как источнике Аристотеля в данном случае перед мнением Ф. Якоби об Эвдоксе и, в конечном счете, Гекатее как возможном источнике (III, с. 16—17). Хотя в схеме, нарисованной Аристотелем, действительно имеются некоторые моменты, сближающие ее с данными Ктесия, все же видеть в последнем источник оригинальных сведений Аристотеля заставляет исследователей главным образом то, что найти другое объяснение их появлению вроде бы нельзя. Я в указанной работе, рассматривая все эти мнения и учитывая сведения о Парнассе других античных авторов, прихожу к несколько иному выводу: считаю возможным предполагать, что известия о великом хребте на далеком востоке Азии впервые принес Демокрит, действительно совершавший дальние путешествия, — может быть, вплоть до Индии — и общавшийся с восточными мудрецами и магами, а ту довольно искусственную картографическую схему, которой, видимо, непосредственно пользовался Аристотель (ср. III, с. 12), составил Эвдокс Книдский, использовавший для этого, наряду с данными других авторов, также и сведения Демокрита о Парнассе.

Аристотель приводит сведения этнографического характера о скифах и савроматах (III, с. 17—19). Особое внимание мне хотелось бы обратить на очень интересное сообщение Элиана (N.A. XVI, 33), заимствованное у Аристотеля, в котором говорится сначала о неврах, а затем о будинах — о тех, что «живут вокруг Кариска» и не имеют белых овец, но только черных. Дж. Р. Гардинер-Гарден, приводя это сообщение, склоняется к тому, что под Кариском здесь имеется в виду город, а город этот — знаменитый Гелон, подробно описанный Геродотом (IV, 108). Он считает, что эта полученная из первых рук информация восходит, скорее всего, к какому-нибудь понтийскому торговцу, современнику Аристотеля, чем к тому или иному литературному предшественнику или современнику последнего — Гекатею, Гелланику, Эфору (III, с. 19—21).

Рассмотренное сообщение Элиана — Аристотеля, я думаю, может служить ключом к разрешению сразу нескольких загадок и противоречий скифской этногеографии Причерноморья, особенно если признать, что Кариск — это действительно Гелон. У античных авторов имеются два варианта перечня северных соседей скифов. В одном из них невраы обитают в верховьях Гипаниса (Южный Буг) и к западу от Борисфена (Днепра), меланхлены — к востоку от Борисфена и к северу от царских скифов, будины же и гелоны — за Танаисом (Доном) и к северу от савроматов, около Оара (Волги). Это вариант Геродота (IV, 17, 20, 100, 102, 105—109, 125). В другом варианте с Гипанисом связаны авхеты, невраы помещены на Борисфенские скифов, а их непосредственными соседями на востоке сделаны будины и гелоны. Следы этого перечня можно уловить у многих античных авторов, но наиболее отчетливо (хотя, видимо, и далеко не в первоначальном виде) он выступает у Плиния (HN.IV. 88) и Аммиана Марцеллина (XXXI. 2. 14; XXII. 8. 31. 40). С географическими представлениями, лежащими в основе данного перечня, справедливо связывают сообщение Геродота о переселении невраов в страну будинов (IV, 100). Античные тексты, относящиеся к этому

³⁸ Относительно традиционных представлений о Гиндукуше как источнике вод см.: *Пьянков*. Хорезм... С. 46.

второму перечню, собрал и изучил П. Плезья³⁹. Он возвел их, конечно же, к Гекатею Милетскому. Но я уже отмечал выше, что к географии данного перечня близки представления Гелланика.

Как объяснить значительные расхождения в списке народов того и другого перечня? Предположение о дальнем переселении будинов и гелонов на восток ко времени Геродота⁴⁰ не подтверждается никакими другими материалами. Попытка истолковать геродотову этнографию Скифии так, чтобы непременно «приблизить» будинов Геродота к неврам⁴¹, приводит к серьезному искажению реальной исторической географии земель к востоку от Днепра того времени. И опорой для такого истолкования не могут служить ни данные Птолемея о р. Оар (эти данные — неудачная попытка картографировать те же сведения Геродота), ни рассказ Геродота о скифоперсидской войне (этот рассказ в том виде, в каком он представлен у Геродота, вообще не может отражать реальных событий войны⁴² — он явно построен на описании скифских дорог, прежде всего известной дороги к аргиппеям).

Ответ на поставленный вопрос, я считаю, и дает указанное сообщение Аристотеля о будинах, имеющих «только черных овец». Из какого бы источника ни заимствовал Аристотель данное сообщение, ясно, что в нем шла речь о меланхленах — «черноризцах» (Μελανχλαῖνοι) и объяснялось, почему хлены (χλαῖνοι) верхние одеяния из шерсти, которые носили эти люди, были черными. Отсюда следует, что меланхлены были частью будинов, и именно эти будины соседствовали с неврами и именно в земле этих будинов находился гелон, если последний тождествен с Сариском. Теперь понятно, что Геродот и другие авторы, говоря о будинах, сообщали, собственно, о двух разных народах, не сознавая того и не различая их. Один народ — это «черноризные» будины, или меланхлены, оставившие топонимический след в названии г. Чернигов, носители юхновской культуры. Именно они были соседями невров, убедительно отождествляемых с носителями милоградской культуры, в их земли вселились с юга скифские гелоны, носители скифских культур левобережья Днепра, и основали там г. Гелон, тоже убедительно отождествляемый с Бельским городищем⁴³. Другой народ — это будины у Оара, упоминаемые наряду с меланхленами. Они, скорее всего, были носителями городецкой культуры⁴⁴.

Далее в работе рассматриваются сведения двух младших современников Аристотеля — Гераклида Понтийского и Теофраста. Здесь приведен интересный пример того, как клише в описании передвижения степных народов, построенное еще на рассказах Аристотеля, через посредство Гераклида дошло до византийских времен и было использовано для описания переселения аваров и стоявших за ними племен (III, с. 22—23).

Рассмотрены здесь и сведения двух названных авторов о савроматах-сарматах (III, с. 23—25). Если старший из них, Гераклид, еще мог употреблять название «савроматы», то второй, Теофраст, говорил, скорее всего, уже о «сарматах». Употребление Теофрастом в конце IV в. до н.э. имени «сарматы», причем в качестве варианта к имени «скифы», могло бы свидетельствовать, по мнению Дж.Р. Гардинера-Гардена, о недавней победе нового народа над древними царскими скифами — народа, занявшего земли последних к западу от Меотиды (III, с. 24). Однако мне кажется, что это предположение противоречит выводам самого же Дж.Р. Гардинера-Гардена, сделанным в рассмотренной выше его работе (I, с. 17—21), согласно которым савроматы упоминаются в области к западу от Танаиса уже в V в. до н.э., а попали они туда будто бы вместе со скифами, возвращавшимися из переднеазийских походов. Там же я отметил, что данные, восходящие к Гелланику, свидетельствуют о появлении савроматов к западу от Танаиса на месте царских скифов в конце V в. до н.э. Те же савроматы упоминаются в тех же местах и позднее, иногда под именем сирматов, а еще позднее под именем сарматов. В степях к востоку от Днепра они господствовали, наверное, до начала II в. до н.э., но уже в конце III в. до н.э. их теснят новые племена из-за Дона.

Надо сказать, что аналогичное противоречие очень часто можно заметить у наших археологов. С одной стороны, они говорят о проникновении савроматов на запад от Дона в конце V в. до н.э. или даже вместе с возвращавшимися из Передней Азии скифами, с другой — о передвижении савроматов-сарматов из-за Дона на запад в конце IV и особенно в конце III в. до н.э., имея в виду распространение памятников прохоровской культуры⁴⁵. Дело здесь в неправильной археологической атрибуции савроматов-сарматов. Прохоровскую

³⁹ Plezia M. Hecataios uber die Völker am Nordrand des skythischen Schwarzmeergebietes // Fos. 1959—1960. V. 50. № 1. S. 27—42.

⁴⁰ Скржинская М.В. Северное Причерноморье в описании Плиния Старшего. Киев, 1977. С. 50.

⁴¹ Рыбаков Б.А. Геродотова Скифия. М., 1979. С. 152—168.

⁴² Черненко Е.В. Скифо-персидская война. Киев, 1984. С. 88—89.

⁴³ Вопрос об археологической идентификации всех этих объектов см.: Рыбаков. Ук. соч. С. 146—148, 153—155, 160—166; Нейхардт А.А. Скифский рассказ Геродота в отечественной историографии. Л., 1982. С. 118—136.

⁴⁴ Мой вариант наложения данных о скифском пути к аргиппеям на археологическую карту см.: Пьянков И.В. Путь к аргиппеям // Уральский следопыт. 1968. № 7. С. 40 сл.

⁴⁵ Так, например, в книге: Смирнов К.Ф. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М., 1984. С. 5—7, 18 сл., 37 сл., 66 сл., 72 сл., 115 сл.

культуру называют «раннесарматской». В действительности же она представляет волну племен, следующую за собственно савроматами-сарматами и сменившую их. На западе ее носители выступают под именем аорсов и сопутствующих им племен, на востоке — под именем дахов. По той же причине археологи, например, упорно говорят о «сарматах» Средней Азии, хотя никаких сведений о таковых в источниках не имеется⁴⁶. Напротив, много сообщается о дахах и их перемещениях, истории которых как раз и отражают «сарматские» (прохоровские) памятники Средней Азии. Четкая же археологическая атрибуция собственно сарматов, видимо, дело будущего.

Следующие разделы обозреваемой работы трактуют о географии и этнографии историков Александра. Здесь говорится об очень своеобразных географических представлениях современников и спутников Александра Македонского, у которых Гиндукуш был совмещен с Кавказом, Каспийское море — с Меотидой и Понтом, а Сырдарья под именем Танаиса — с Доном (III, с. 26—33). В результате вся карта Черноморско-Азовского бассейна у них оказалась как бы наложенной на карту Каспийско-Аральского бассейна. Об этой странной географической картине, ее происхождении и формировании я подробно говорю в уже не раз упомянутой работе «Средняя Азия в античной географической традиции», готовящейся к печати.

Географические представления историков Александра повлияли и на этнографическую картину, которая вырисовывается в их сообщениях. Дж.Р. Гардинер-Гарден считает, что в сочинениях историков Александра фигурируют пять групп номадов: дахи, массагеты, саки, скифы за Танаисом (=европейские скифы) и скифы выше Боспора (=азиатские скифы) (III, с. 33—39). Я позволю себе не согласиться с таким выводом. Тщательный анализ источников, относящихся к этой теме, показывает, что в сообщениях поздних историков Александра, Арриана и Курция о среднеазиатских номадах контаминированы две традиции, одна из которых говорит о номадах под их собственными именами, а другая — под «географическими», обусловленными теми своеобразными географическими воззрениями, о которых уже шла речь выше. Разделить эти две традиции у Арриана и Курция довольно трудно, но все же можно предполагать, что первая восходит в основном к Птолемию (сыну Лага), а вторая — к Клитарху и Аристобулу. В результате получается, что «европейские» скифы историков Александра — это те же дахи, обитавшие во времена Александра по нижнему течению «Танаиса» (Сырдарья), причем центр их находился тогда еще, видимо, к северу от Сырдарьи и Арала, а «азиатские» скифы, смотря по контексту, — или массагеты, или саки.

Такое отнесение одних групп среднеазиатских номадов к «европейским» скифам, других — к «азиатским» было достаточно строгим и последовательным. Отсюда — удивляющее Дж.Р. Гардинера-Гардена наименование скифов, с которыми Александр столкнулся за Танаисом, «азиатскими»; действительно, если исходить из географических представлений историков Александра, эти скифы вроде бы должны быть названы «европейскими» (III, с. 38). Но дело в том, что саки — а именно с ними воевал Александр за Танаисом — давно уже, и вполне обоснованно, считались у греков «азиатскими скифами»⁴⁷, что нашло отражение и в сочинениях Херила Самосского и Эфора (ср. III, с. 3, 8). На этом примере также видно, что «географическое» название скифского народа у историков Александра лишь сопровождало подразумевавшееся тут же собственное его имя.

Далее в работе речь идет о данных Патрокла и Демодама, в сочинениях которых нашли дальнейшее развитие представления античного мира о Средней Азии. Здесь Дж.Р. Гардинер-Гарден говорит о деятельности самих Патрокла и Демодама в Средней Азии, о сообщениях Патрокла, касающихся пути из Индии в Эвксинский Понт и послуживших предметом многих споров в науке, о странных утверждениях Патрокла относительно устья Яксарта в Каспийском море и соединения Каспия с Океаном, приведших к созданию новой концепции географии Средней Азии в античной науке, о сведениях Демодама, касающихся Яксарта, о содержании его информации и вкладе его в античные познания о Средней Азии, наконец, о вкладе бематистов (III, с. 39—48). Все эти вопросы подробнейшим образом рассмотрены и в упомянутой моей монографии, готовящейся к печати.

Ограничусь здесь лишь некоторыми короткими замечаниями. Автор склоняется к тому, что торговый путь по Амударье в Каспийское море, возможно, все же существовал (III, с. 41). В настоящее время работы туркменских археологов снимают всякие сомнения в существовании такого пути; теперь установлено, что в парфянское время сооружается даже мощная крепость в низовьях Узбоя в урочище Игды, близ знаменитого водопада на Оксе (т.е. на Узбое в данном случае), специально для контроля над этим путем⁴⁸. Далее автор принимает часто повторяемое в научной литературе (вслед за В. Гарном) утверждение, что Александрия Эсхата была при Демодаме вновь основана под именем Антиохии в Скифии (III, с. 44). Однако внимательный анализ источников показывает, что нет никаких оснований для предположения о смене

⁴⁶ О сарматах Плиния см. в уже упомянутой моей работе «Средняя Азия в античной географической традиции» (готовится к печати).

⁴⁷ Такое объяснение кажущемуся противоречию в известиях историков Александра я предложил еще в работе: Аскатаки-скифы... С. 113, 118.

⁴⁸ Юсунов. Древности Узбоя... С. 119—209.

Александрией Эсхатой своего имени в это время⁴⁹, что же касается Антиохии в Скифии, то теперь данные археологии позволяют поместить ее, как и следовало ожидать, по правую сторону Сырдарьи, в Ташкентском оазисе⁵⁰.

Наконец, в работе рассматриваются сведения ученых птолемеевской Александрии. Это сообщения Гекатея Абдерского об индийских аттакорах (III, с. 49—51)⁵¹ и Каллимаха об их греческом аналоге гипербореях и сопутствующих им племенах (III, с. 51—52), сведения Аполлония Родосского о колхах и их соседях и о загадочной р. Лик⁵² (III, с. 52—53). Больше внимания уделено воззрениям Эратосфена о северо-востоке ойкумены (III, с. 53—56), хотя вклад этого выдающегося ученого в формирование представлений античного мира о Внутренней Азии был настолько значителен, что охарактеризовать его сколько-нибудь полно на отведенных ему здесь страницах, конечно, невозможно. О соответствующих географических концепциях Эратосфена я тоже говорю в своей монографии.

IV. Четвертая работа посвящена Аполлодору Артемитскому и его сведениям о среднеазиатских скифах. Аполлодор Артемитский занимает совершенно особое место в античной историографии Внутренней Азии. Если бы не его сочинения, то мы, возможно, вообще не имели бы связной истории эллинистического «Дальнего Востока». Хотя эти сочинения не сохранились, но именно к ним восходит большинство античных известий о восточной периферии эллинистического мира. Специальных работ об Аполлодоре Артемитском не так уж много, и тем более досадно, что Дж.Р. Гардинер-Гарден совсем игнорирует труд своего хоть и давнего, но все же прямого предшественника — А. Бэра⁵³. Этот труд, мне кажется, не устарел и до сего времени, во всяком случае многие вопросы трактованы в нем более убедительно, чем в работах последующих авторов.

Как и в других обозреваемых работах, исследование, посвященное отдельному античному автору, в данном случае Аполлодору, Дж.Р. Гардинер-Гарден начинает с представления известий о сочинении данного автора и биографических сведений о нем, в частности, говорит о вполне возможных его путешествиях, а дату, до которой доведено описание событий в сочинении, определяет как 70/69 гг. до н.э. (IV, с. 1—3, 59). Вполне убедительно, на мой взгляд, отвергает Дж.Р. Гардинер-Гарден идущее от В. Тарна мнение о каком-то «источнике Трога», отдельном и независимом от Аполлодора (IV, с. 8—10).

Что в составе сочинения Аполлодора была периегеса (IV, с. 3—4), мне тоже кажется вполне вероятным. Но я никак не могу согласиться с автором в том, будто Ох, отождествляемый им с Тедженом, протекал по Маргиане, и будто бы Аполлодор мог представить себе эту реку текущей в Каспийское море (IV, с. 5). Если уже Аристокл, судя по Арриану (Анаб., IV. 6. 6) и Страбону (XI. 11. 5), знал, что Арий (Герируд-Теджен) теряется в песках, то почему Аполлодор, сам путешествовавший по описываемым им местам и тоже упоминавший об Арии (у Страбона, XI. 10. 1), должен был называть эту реку Охом и считать ее впадающей в Каспийское море? Здесь, несомненно, правы те исследователи (ср. IV, с. 5), которые видят в античном Охе две реки, упоминаемые двумя разными авторами: Ох, протекающий по Несею и впадающий в Каспий — это Атрек, известный Аполлодору; Ох в Бактрии, приток Окса, описанный Аристоклом, — другая река, но не Балхаб, как тоже часто полагают (воды Балхаба в историческое время уже не достигали Амударьи регулярно), а судя по ряду признаков, Сурхаб — р. Кундуза⁵⁴. Такая идентификация не требует никаких натяжек.

Далее Дж.Р. Гардинер-Гарден останавливается на сообщении Страбона о приходе дахов из области «выше Меотиды» (XI. 9. 3). Принадлежит ли и это сообщение Аполлодору? Автор, видимо, склонен дать отрицательный ответ (IV, с. 6). Я же думаю, что принадлежность сообщения Аполлодору несомненна уже потому, что сама тема его неразрывно связана с темой основания Парфянской державы Арсаком, где в версии Аполлодора активно участвуют дахи. По этой-то причине, очевидно, данное сообщение и было интересно античному читателю. Правда, контекст его (Strabo. XI. 9. 1—3) особенно выразительно свидетельствует, что сведения Аполлодора Страбон заимствовал через посредство Посидония⁵⁵, к которому, видимо, и восходит замечание Страбона, выражающее сомнение относительно пребывания дахов у Меотиды (XI. 9. 3). Вполне понятно и то, что общие географические представления Аполлодора о Средней Азии

⁴⁹ Пьянков И.В. Александрия Крайняя в известиях античных авторов // Исследования по истории и культуре Ленинабада. Душанбе, 1986. С. 76—78.

⁵⁰ Буряков Ю.Ф. Генезис и этапы развития городской культуры Ташкентского оазиса. Ташкент, 1982. С. 106.

⁵¹ Анализ соответствующего текста см.: Пьянков И.В. Восточный Туркестан в свете античных источников // Восточный Туркестан и Средняя Азия... М., 1986. С. 8, 12 сл., 16 сл.; он же. Аскатаки-скифы... С. 114 сл. См. также: Karttunen. India... P. 138 f., 200 f.

⁵² О связанных с ней представлениях см. также: Пьянков. Массагеты... С. 57.

⁵³ Behr A. De Apollodori Artaimiteni reliquis atque aetate. Argentorati, 1888.

⁵⁴ Пьянков И.В. Река Ох и Арьяна Вайджа // Бактрия-Тохаристан на древнем и средневековом Востоке. М., 1983. С. 66, 67.

⁵⁵ Behr. Op. cit. P. 25, 26.

были близки представлениям спутников Александра, говоривших о связи Каспия с Меотидой. Эти представления имеют глубокие местные корни, и прообраз их можно найти даже в пехлевийской литературе, передававшей авестийскую традицию, концепция же Патрокла — чисто греческое учение построение. Реальная же подоснова сообщения Аполлодора о переселении дахов из области над «Меотидой» (Аральским морем, в данном случае) нашла отражение в распространении памятников прохоровской культуры на юге Средней Азии⁵⁶.

Рассматривая античные свидетельства о возникновении Парфянского царства, Дж.Р. Гардинер-Гарден выделяет в них три версии. Одна из версий, историческая, где действуют Арсак и его дахи, восходит к Аполлодору; другая, романтическая и тенденциозная, составленная по традиционным образцам, принадлежит Арриану. В оценке этих версий автор следует за И. Вольским и Ф. Нейснером (IV, с. 12, 13). Что же касается свидетельства Страбона об Арсаке как бактрийце, бежавшем от Диодота в Парфию (XI. 9, 3), которое Дж.Р. Гардинер-Гарден выделяет в третью версию, то оно, скорее всего, является лишь одним из ранних проявлений второй версии, тоже ведь предусматривающей бактрийское происхождение Арсака и его брата, судя по фрагменту «Парфика» Арриана у Синкелла (фр. 1, 2, Roos=фр. 31, Jacoby).

Последовательность событий, связанных с возникновением Парфянского царства, Дж.Р. Гардинер-Гарден восстанавливает следующим образом: Арсак во главе племени дахов двинулся из Бактрии в Парфянскую сатрапию ок. 247 г. до н.э.; Селевк II после войны с Птолемеем III, Антиохом Гиераком и галатами, обратил, наконец, внимание на Парфию ок. 238/7 гг. до н.э.; действия его там сначала были успешными, предводитель парфян бежал к асиакам в 231 г. до н.э., но известия о новых волнениях на западе заставили Селевка повернуть, парфяне одержали над ним победу в г. Асаак, где и венчали на царство своего предводителя Тиридата, считая новую эру, однако, с начала его предводительства в орде, с 247/6 г. до н.э. (IV, с. 17—23).

О самих же этих событиях мы должны судить главным образом по данным Аполлодора, сохранившимся у Трога-Юстина (XLI. 4.3—5.1) и Страбона (XI. 9. 2): о первом отпадении парфян во время распрей Селевка II и Антиоха Гиеракса; о том, как Арсак во главе дахов, живших по р. Ох, захватил Парфию и убил ее правителя Андрагора, узнав о поражении Селевка II в битве с галлами; о походе Селевка II в Парфию, бегстве Арсака к асиакам, конечной победе Арсака и возвращении Селевка на запад из-за вновь вспыхнувших мятежей; о дне победы как празднике парфян⁵⁷. Сюда следует добавить такие факты, как местонахождение династийного центра Аршакидов в Нисе, роль Асаака в Аставене как места коронации Аршака и начало Аршакидской эры в 247 г. до н.э. Тот или иной способ согласования всех этих фактов и определяет получаемую в итоге реконструкцию событий.

Сейчас все исследователи более или менее согласны в том, что «первое отпадение парфян» — это отпадение сатрапа Андрагора, датируемое, скорее всего, 247 г. до н.э. — годом смерти Антиоха II. Тогда же отпали Диодот, сатрап Бактрии, и правители других Восточных провинций Селевкидов⁵⁸. Неудивительно, что и начало династийной аршакидской эры падает на тот же год. Однако исследователей, как правило, смущает кажущаяся несовместимость двух фактов: получается, что в один и тот же год и Андрагор, и Арсак были провозглашены правителями Парфии. В действительности это разные события. Андрагор, конечно, имел резиденцию в старом центре ахеменидско-селевкидской Парфянской сатрапии, в г. Гекампилие области Комисена (Кумис), а Арсак, вождь дахов, незадолго до того осевших в долине Оха (Ат-река), стал царем Аставены (Устува) и Несеи (Ниса). В Парфию же Андрагора Арсак вторгся лишь после того, как узнал о поражении Селевка в битве при Анкире (между 239—234 гг. до н.э.). При этом возможно, что Андрагор удерживал власть еще и в 230 г. до н.э.⁵⁹, так как окончательный исход борьбы Селевка II с Арсаком определился, видимо, только к 228 г. до н.э.

Много внимания Дж.Р. Гардинер-Гарден уделяет асиакам — племени, тесно связанному с парфянской историей (IV, с. 18—20, 40—43). Античные сведения об этом далеком скифском народе фрагментарны и довольно смутны, поэтому и в толковании их современными исследователями нет согласия. В ряде моментов и я не могу согласиться с автором, и прежде всего в том, что асиаки — это те же дахи (IV, с. 20).

⁵⁶ Давно уже предложенное мною отождествление «прохоровцев» Средней Азии с дахами нашло поддержку у такого крупнейшего исследователя «сарматских» культур, как К.Ф. Смирнов (*Смирнов К.Ф. Кочевники Северного Прикаспия и Южного Приуралья скифского времени // Этнография и археология Средней Азии. М., 1979. С. 76, 77; он же. Сарматы... С. 16*).

⁵⁷ Анализ указанных текстов можно найти, кроме работ И. Вольского и других исследователей, на которых ссылается автор, также в работах: *Schmitt H.H. Untersuchungen zur Geschichte Antiochos' des Grossen und seiner Zeit. Wiesbaden, 1964. S. 62 f., 68 f.; Кошелоенко Г.А. Полис в восточноэллинистических государствах. М., 1979. С. 266 сл., особенно прим. 5, где автор пишет о происхождении двух версий о коронации: Аршака или Тиридата.*

⁵⁸ *Дьяконов И.М., Зеймаль Е.В. Правитель Парфии Андрагор и его монеты // ВДИ. 1988. № 4. С. 14.*

⁵⁹ Там же. С. 18.

Аспиаки — несомненно более древнее массагетское племя, видимо, имевшее основной своей базой ко времени рассматриваемых событий Хорезмский оазис⁶⁰.

Рассмотрены в работе и свидетельства о возникновении Греко-Бактрийского царства и ранней его истории (IV, с. 11—12, 21—23). Специальный раздел посвящен бактрийской экспансии в Центральной Азии (IV, с. 23—30). Здесь рассматриваются восходящие к Аполлодору античные сообщения о распространении власти греко-бактрийских царей «вплоть до серов и фринов»⁶¹, подкрепляемые другими свидетельствами, и предложена идентификация самих серов и фринов. Я не думаю, что сообщение Плиния (NH. VI. 88) со ссылкой на Рахию препятствует отождествлению серов с китайцами (IV, с. 23—25), так как очень сомнительно, что название «серы» употреблял в своем рассказе сам Рахия, а не вставил его в рассказ лишь Плиний⁶². Что же касается отождествления фринов с хуннами (IV, с. 26—28), то мне оно тоже кажется исторически вполне вероятным. Отдельный раздел посвящен также парфянской экспансии на Востоке и борьбе парфян со скифскими вторжениями (IV, с. 30—34).

Наконец, подробно рассматриваются в работе сведения о вторжении кочевников, положившем конец Греко-Бактрийскому царству. Надо сказать, что тема эта постоянно привлекает внимание историков, несмотря даже на то, что состав относящихся к ней письменных источников фактически не пополняется за последние десятилетия. И Дж.Р. Гардинер-Гарден проделал большую работу, обобщая то, что было написано на эту тему, в том числе и многие работы советских исследователей, и пытаясь выделить наиболее рациональные решения. Добавлю, что здесь мог бы немало помочь автору и богатый археологический материал, накопленный в результате работ советских, французских и афганских археологов. Но автор ограничивается лишь анализом разнообразных письменных источников. Отмечу прежде всего, что нельзя не согласиться с автором, когда он списки вторгшихся в Бактрию племен, извлеченные из разных античных сочинений (Страбона, Трга, Птолемея), возводит к одному источнику и считает этим источником Аполлодора (IV, с. 9—10, 36, 41—42, 51—52). Анализирует автор и сведения, относящиеся к отдельным племенам: асиям, пасианам, тохарам, сакараулам.

Убедительными, в общем, кажутся мне заключения Дж.Р. Гардинера-Гардена относительно разных вариантов идентификации асиев (IV, с. 37—40). Только от сближения асиев (ятиев) с юечжами китайских источников я бы отказываться не стал. А вот трактовка Дж.Р. Гардинером-Гарденом вопроса о пасианах (IV, с. 40—43) вряд ли удачна. И прежде всего, по методическим соображениям: рискованно строить гипотезы на основе лишь однажды упомянутого в источнике названия, в правильности чтения которого у нас нет уверенности. Вполне правдоподобным кажется мнение тех ученых, которые видят в «пасианах» лишь результат графической ошибки, исказившей первоначальную форму «асианы» — вариант названия «асии», действительно засвидетельствованный в источниках (ср. IV, с. 35, 41). Не вижу и возможности отождествления «пасианов» с аспиаками (IV, с. 41—43), об участии которых в упомянутом передвижении кочевников нет никаких сведений.

Идентификация тохаров Аполлодора (IV, с. 43—50) тоже в общем кажется мне убедительной. В целом как народ они, конечно, тождественны китайским юечжи (IV, с. 47). Несомненно, тождественны им и индийские тукхара, даже тогда, когда они помещаются к северу от Гималаев (IV, с. 46); в этом случае, видимо, фиксируется их место обитания до прихода в Бактрию. Греки, впервые узнавшие о тохарах во времена Мегасфена, тоже застали их в тех же местах⁶³. С тохарами, как известно, связано много проблем широкого исторического значения. Дж.Р. Гардинер-Гарден не обходит и их. В вопросе о «тохарском» языке он, я думаю, прав, считая, что исторически более обоснованным было бы применять это название к иранскому языку Кушанской Бактрии, чем к древнему языку Кучи (IV, с. 48), хотя и последний все же имеет некоторые права на это название⁶⁴. Остановившись на вопросе о том, какими путями этот древний индоевропейский язык проник в Восточный Туркестан (IV, с. 49), автор не учитывает новые археологические данные, позволяющие связать с предками таримских «тохаров» носителей афанасьевской культуры⁶⁵.

Много интересных соображений, отчасти спорных, высказывает автор и относительно сакараулов (я бы предпочел форму «сакарауки») (IV, с. 50—60). К сожалению, остановиться на них детальнее здесь нет возможности. Замечу только, что сагартии, о которых автор тоже много пишет (IV, с. 52, 53), кроме неко-

⁶⁰ Пьянков. Хорезм... С. 50, 51.

⁶¹ Об этих сообщениях см. также: Пьянков. Восточный Туркестан... С. 16—18.

⁶² Там же. С. 18—19.

⁶³ Пьянков И.В. Древнейшее античное известие о пути в Восточный Туркестан // Прошлое Средней Азии. Душанбе, 1987. С. 261 сл.

⁶⁴ Narain A.K. Indo-Europeans in Inner Asia // The Cambridge History of Early Inner Asia. Camb., 1990. P. 152.

⁶⁵ Пьянков И.В. Движение степного населения в евразийской полосе степей и проблемы этнической истории древнейших индоиранцев // Материальная культура Таджикистана. Вып. 4. Душанбе, 1987. С. 77—78 (дата на с. 77 искажена!); Дьяконов И.М. Языковые контакты на Кавказе и Ближнем Востоке // Кавказ и цивилизации Древнего Востока. Орджоникидзе, 1989. С. 11 (со ссылкой на С. Кайру).

того, чисто внешнего созвучия в названии⁶⁶, ничего общего с сакарауками не имеют. Проблематично также отношение к ним народа сай-вань китайских источников (IV, с. 54—57). Что касается тезиса о невозможности перехода кочевой орды через Гималаи (IV, с. 56), то теперь, после работ К. Йеттмара и А. Дани, он, я думаю, полностью потерял свою силу⁶⁷.

Из многих затронутых во всех четырех работах проблем здесь рассмотрена, разумеется, лишь часть. И сама широта проблематики этих работ делает их интересными для обширного круга специалистов. А содержательность источниковедческого анализа и достаточная полнота в историографическом плане, сведение воедино разных точек зрения по тем или иным вопросам обеспечивают, я думаю, их ценность и полезность для исследователя. Все это, разумеется, не исключает спорности отдельных заключений автора — уже в силу самой природы предмета исследования.

И.В. Пьянков

M. Crawford. The Roman Republic. 2nd ed. London: Fontana Press, 1992

Монография М. Кроуфорда популярно излагает римскую историю до начала Империи. Автор объясняет свою задачу как желание дать «сбалансированную картину Римской республики с интерпретацией» (ее развития). Сбалансированность проявляется в манере беспроblemного изложения, интерпретация заключается в следующих основных положениях: Римская республика изначально складывается как государство олигархическое. Олигархия патрициата уступает место олигархии нобилитета. Последний упрочивает свое существование завоеванием Италии, создает устойчивое общество, наделив завоеванной землей беднейшие классы. В период древней Республики правящая олигархия монолитна и способна удовлетворять претензии низших классов, в этом — залог ее неуязвимости. Она способна к новшествам и гибко реагирует на требования жизни. Главный результат этой гибкости — мудрое устройство Итальянской конфедерации, уважение к местным институтам власти, незамкнутость римского гражданства.

Период средней Республики (III—II вв. до н.э.) являет новую стадию развития римских правящих классов. Исконное стремление олигархии расширять границы римской власти (запечатленное даже в цензорской формуле) толкает ее на завоевание Западного и Восточного Средиземноморья. Теория Олло о превентивном характере римских войн на Востоке решительно отвергнута. Кроуфорд рисует образ гибкого римского империализма, ведущего искусную дипломатию в греческом мире. Он замечает, что существенным мотивом завоеваний II в. до н.э. становятся амбиции римских лидеров, стремящихся соревноваться в славе со Сципионом Африканским.

В результате обширных завоеваний возникает римская империя и происходят значительные сдвиги внутри римского общества. Сказочно обогащаются государственная казна и частные лица. Растет престиж и могущество лидеров, причастных к управлению провинциями. Амбиции отдельных вождей уже подрывают единство олигархии, но в целом, с помощью серии законов она еще занимается саморегуляцией и старается смягчить последствия своей неограниченной власти в среде покоренных.

К середине II в. до н.э. олигархическая политика терять гибкость: прекращается колонизация Италии, отвергаются аграрные законопроекты, намечается тенденция к закрытию границ римского гражданства. С аннексии Македонии на эллинистическом Востоке насаждаются чисто римские структуры власти (в противоположность прежнему патронату), грубые формы приобретает война в Испании. Одновременно огромные богатства, накопленные олигархией, вкладываются в землю, что ведет к росту латифундий и обострению аграрной проблемы. Баланс верхов и низов нарушается. Брожение низших классов используют амбициозные представители олигархии, создающие политическую линию популяров. Появление профессиональной армии создает дополнительный рычаг власти, усугубляет претензии и возможности лидеров, так что в I в. до н.э. раскол внутри нобилитета становится основным политическим фактором, ведущим к гибели Республики.

Деятельность Цезаря, независимо от конкретных планов диктатора, утверждает в Риме монархическое начало. После гибели диктатора вожди республиканской партии борются фактически за первенство так же, как и защитники дела Цезаря. Режим Августа полностью осуществляет монархическую идею, до которой дозрело римское общество.

Можно заметить, что данная концепция не содержит в себе неожиданных положений, истины ее доволь-

⁶⁶ Этимологию названия «сагартин» см.: *Kent R.G. Old Persian Grammar. Texts. Lexicon. 2 ed. New Haven, 1953. P. 173. О михае Гехатея и Геродота: Пьянков. Массажеты... С. 56—57.*

⁶⁷ Пьянков И. Открытия немецких и пакистанских ученых в области Чиласа и в Гилгите // Информационный бюллетень МАИКЦА. Вып. 15. М., 1988. С. 40—44.

но хрестоматийны. Пожалуй, примечательно отступление автора от теории борющихся фамильных группировок (период средней Республики), процветавшей в английской литературе. Теория лидерских партий (поздняя Республика) звучит в смягченном виде. Уязвимое место концепции — расплывчатое определение правящей олигархии. Автор отказывается от характеристики древнейшей знати, ссылаясь на неясность проблемы происхождения патрициев и плебеев (с. 24). Правящий слой средней и поздней Республики декларативно отождествляется с консульским нобилитетом (с. 25), но фактически в ходе изложения доминирует более широкий образ сенатской олигархии. Чрезмерно большое значение придается расколу внутри господствующей элиты; можно возразить, что суть кризиса олигархии не в отторжении от нее отдельных членов, а в тех случаях, которые подрывали самую систему господства немногих. Среди этих условий важнейшую роль играли позиция Италии (или «новых граждан» после Союзнической войны) и политическая активность средних классов римского общества. Кроуфорд касается той и другой проблемы бегло. Средний класс (по его определению — землевладельцы и дельцы всаднического ценза) охарактеризован им как социальный слой, чуждый политике. В связи с этим к сфере саморегуляции олигархии отнесены явно антиолигархические явления, связанные с фрондой «новых людей»: законодательство о порядке магистратур начала II в. до н.э., законы о тайном голосовании, деятельность Катона Цензора. Без должного анализа остались деятельность Гая Гракха, первая гражданская война (86—82 гг. до н.э.), диктатура Суллы — ключевые моменты истории Италии и средних классов римско-италийского общества.

Вызывают возражение и некоторые положения, лежащие вне основной концептуальной линии. Большой натяжкой представляется тезис о том, что начало заморских римских завоеваний связано, не в последнюю очередь, с необходимостью практически осуществлять господство Рима над италийскими союзниками: при отсутствии данников на территории Италии римская власть могла проявляться там только в требовании контингентов. Сомнительна характеристика конфликта Рима с Персеем Македонским: по мнению Кроуфорда, он возник на почве встречной эллинофильской политики македонского царя и римской эллинизированной знати. Перерождение римской олигархии, ее окостенение и ужесточение без особых обоснований связывается в первую очередь с Испанскими войнами II в. Описание аграрного кризиса гракханской эпохи, картина латифундиального хозяйства некритически перенята у Аппиана.

Трудно представить адресата монографии. Факты обслуживают концепцию, они даны дискурсивно и подчас чрезмерно бегло — особенно в начальных главах, посвященных ранней Республике. По мере продвижения к периоду кризиса обзор событий становится более полным, но все-таки не слишком приспособленным к восприятию неискушенного читателя. И студенческая аудитория, как кажется, нуждается в более систематизированном рассказе, в более конкретных характеристиках, в дискуссионном освещении спорных моментов римской истории. Приложения (appendices), посвященные отдельным государственным институтам (народному собранию, армии, всадническому сословию, экстраординарным магистратурам), а также помещенный в начале книги очерк источников не превышают информативностью усредненную учебную литературу.

В целом по содержанию монография Кроуфорда является как бы сбалансированным конспектом исторической литературы, по форме — не лучшим образцом научной популяризации.

Н.Н. Трухина

C. Wells. The Roman Empire. 2nd ed. London: Fontana Press, 1992 (Fontana History of the Ancient World). XV, 366 p. 8 pl. 8 fig.

Автор рецензируемой работы — профессор университета Сан-Антонио в Техасе Колин Уэллс — известный историк и археолог¹. Название книги не совсем соответствует ее содержанию — она посвящена только ранней Римской империи (44 г. до н.э. — 235 г. н.э.).

Первое издание этой работы вышло в 1984 г. и встретило хороший прием как у широкого читателя, так и у специалистов. В текст второго издания автор внес сравнительно небольшие изменения и уточнения, связанные с замечаниями рецензентов, а также с некоторыми исследованиями, появившимися в последние годы. Кроме того, им значительно расширен общий индекс, переработана с учетом новых публикаций (глав-

¹ Его основная монография связана с внешней политикой Августа (*Wells C. The German Policy of Augustus. An Examination of Archaeological Evidence. Oxf. 1972*), а раскопки, которыми в течение многих лет руководит, — с позднеантичным Карфагеном.

ным образом на английском языке) тематическая аннотированная библиография по Ранней империи, исправлены некоторые печатки².

Работа состоит из введения, 11 глав и приложений, включающих иллюстрации, карты, планы, хронологические таблицы, библиографический указатель и индекс³.

Во II главе дается превосходный обзор основных категорий исторических источников. Особый интерес представляет характеристика вещественных источников и типичных ошибок исследователя-историка, работающего с археологическими материалами (с. 42—46). Автор отмечает неравномерность в хронологическом распределении имеющихся в нашем распоряжении свидетельств: наиболее полная информация о политической истории, о жизни императорского двора, Рима и Италии содержится в источниках по I в. н.э., следующее же столетие лучше обеспечено данными по социально-экономической истории и жизни провинций (с. 31—32). Структура книги отвечает характеру сохранившейся информации: в подробном обзоре раннего принципата (гл. III—VIII) основное внимание уделяется жизни метрополии и политической истории, в кратком обзоре позднего (гл. IX—XI) — социальным и экономическим аспектам жизни провинций.

Еще одна особенность изложения — попеременное обращение автора к разным сюжетам. Нечетные главы уделены политической истории Римской державы по правлениям отдельных императоров от Августа и до Александра Севера, в четных (за исключением второй) речь идет о жизни Италии и провинций, о различных социально-политических и хозяйственных институтах. К. Уэллс, таким образом, совмещает в рамках единой книги два разных подхода: традиционный описательный, при котором история империи обычно подменяется историей императоров, и современный проблемный, при котором Ранняя империя рассматривается как определенная система, а материал излагается по институтам и регионам. Соединение двух противоположных подходов позволяет автору чрезвычайно разнообразить содержание и стиль работы, дать историю принципата в разных ракурсах. Вместе с тем работа теряет свою цельность и единство. Как справедливо отметил Дж. Картер в рецензии на первое издание, фактически под одной обложкой оказались две разные книги по истории Ранней империи⁴. Каждая из них заслуживает отдельного разбора.

В истории императоров наиболее глубоко и интересно разбирается правление Августа, жизни и деятельности которого посвящено три главы. История первого императора в изложении К. Уэллса, так же как и в жизни его героя, органически сливается с историей империи. Автор помогает читателю разобраться в самых сложных и запутанных вопросах истории формирования принципата, дает им ясную и в целом достаточно убедительную трактовку.

Спорной представляется лишь общая оценка целей Августа и последствий его реформ. По мнению К. Уэллса, «Август сознательно стремился создать новый порядок и увековечить его институционально и династически», а его апелляция к традиционным ценностям связана со стремлением поддержать консервативные настроения (с. 92—93). Благодаря успешному решению этих задач, «...правление Августа было временем быстрых и необратимых социальных перемен» (с. 90). Усиливается социальная мобильность, богатые и влиятельные италийские муниципалы вступают в сенат, а сама Италия переживает экономический бум (гл. IV).

Этим аргументам не хватает убедительности, поскольку автор не принимает во внимание особенностей предшествующей эпохи. Последнее столетие Республики, так же как и первое столетие принципата, было временем экономического подъема Италии и усиления социальной мобильности. Большинство республиканских сенаторов, не принадлежавших к узкому кругу нобилитета, — выходцы из италийских муниципиев (например отец самого Августа). Имеются серьезные основания утверждать, как это делает ряд современных исследователей, что Август был не столько крупнейшим новатором, сколько крупнейшим консерватором своей эпохи, а его реформы способствовали не установлению нового социального порядка, а укреплению традиционных устоев старого⁵.

Рассматривая деятельность преемников Августа, К. Уэллс придерживается примерно той же тематики, что и античные историки, основное внимание он уделяет взаимоотношениям императора с сенатом и при-

² На случай очередного переиздания стоит указать немногочисленные новые опечатки и невыправленные старые: на с. 47 читатель отсылается за подробностями о карьере императорского прокуратора к с. 98 вместо с. 91; император Клавдий был отравлен не в 60, а в 54 г. н.э. (с. 116); Гораций родился не в 85, а в 65 г. н.э. (с. 286, а также с. 310 первого издания); Агриппина Младшая умерла не в 19, а в 59 г. н.э. (с. 287); «История» Геродиана не могла быть написана в начале III в. н.э., поскольку она завершается описанием событий 238 г. н.э. (с. 288, а также с. 312 первого издания); Гай Прокулей был братом не Мецената, а Мурены (с. 360).

³ Досадно, что в работе, две главы которой посвящены истории Италии, отсутствует отдельная карта этого региона.

⁴ См. JRS. 1985. V. 75. P. 243 f.

⁵ Характеристика этого направления в трактовке деятельности Августа и дополнительное обоснование основных его положений дается в книге: Jacques F., Scheid J. Rome et l'intégration de l'Empire. 44 av. J.-C. — 260 ap. J.-C. T. I. Les structures de l'Empire romain. P., 1990 (Nouvelle Clío. L'histoire et ses problèmes).

дворным окружением, особенностям личности каждого правителя, внешней политике и династическим интригам. Автор дает более сбалансированную и объективную трактовку этих сюжетов, чем Тацит или Дион Кассий, но значительно менее увлекательную.

Однако главная беда традиционного подхода не в монотонности изложения и тривиальности сюжетов, а в том, что он исключает рассмотрение тех существенных проблем, разбор которых должен предшествовать решению более конкретных вопросов.

Прежде чем оценивать результаты воздействия того или иного императора на жизнь его подданных, полезно было бы рассмотреть, какими реальными возможностями обладал в эту эпоху правитель, каковы были объективные ограничения реализации принципом его обширных полномочий. До того как решать вопрос, насколько искренним был отказ Тиберия или Пертинакса от императорской власти в самом начале их правления, стоило бы разобраться, почему и другие императоры, следуя примеру Августа, как правило, начинали свое правление с торжественной церемонии отказа от власти и в чем смысл этой церемонии.

Автор прослеживает историю бесконечных унижений сената и констатирует постоянную деградацию этого института (с. 122, 159, 260, 268). Однако он не касается вопроса о том, какое место занимал сенат в социально-политической структуре Ранней империи, о том, почему в III в. н.э. сенат обладал отнюдь не меньшим влиянием и престижем, чем в I в. н.э.⁶

Этот далеко не полный перечень существенных вопросов, не уместившихся в рамках традиционного подхода, приводит к мысли, что сам этот подход не соответствует современному уровню требований и может быть признан морально устаревшим.

История империи в книге К. Уэллса оставляет гораздо более благоприятное впечатление, чем история императоров. В четных главах своей книги автор, используя различные типы источников (особенно удачно археологические и эпиграфические памятники), рассматривает различные социально-политические, экономические и культурные институты и дает интересный на современном уровне обзор жизни Италии и провинций.

Обширная эрудиция автора, присущее ему чувство юмора, мастерство изложения материала делают чтение этих глав не только полезным, но и приятным занятием.

Особенно удачна, как нам представляется, глава X, посвященная жизни провинций при Антонинах. Зачином к ней служит знаменитая характеристика, данная Гиббоном веку Антонинов как самой благополучной и самой неустойчивой эпохе в истории человечества (с. 223—224). Затем следует превосходный обзор светлых и темных сторон этого «золотого века», начиная с мира провинциальных аристократов и кончая миром «отверженных и угнетенных». Читатель получает наглядное представление не только о высочайшем расцвете Римской державы, но и о первых признаках приближающегося упадка.

Многие вопросы, рассматриваемые автором в этих главах, стали в последние десятилетия предметом оживленной дискуссии между представителями разных направлений в изучении социально-экономической истории античного мира — «примитивистами» и «модернизаторами». В трактовке спорных вопросов К. Уэллс стремится избегать крайностей. Однако позиция «золотой середины» не способствует четкости и последовательности в трактовке и изложении материала. Даже лучшие разделы рецензируемой работы не свободны от противоречий.

Так, например, среди экономических слабостей Ранней империи автор называет техническую стагнацию и отсутствие новых рынков (с. 219). Но каким образом в условиях технической стагнации может появиться избыток товаров, требующий освоения новых рынков? Зачем нужны были новые рынки империи, чьи «экономика и пути сообщения относились к числу наиболее примитивных» (с. 2)?

Характеризуя провинцию Азию во II в. н.э., автор отмечает, что постепенный сдвиг интересов местных магнатов от городской карьеры к имперской обездолил города и сделал невыносимым финансовое бремя местных декурионов (с. 236). Но почему же в провинции Африке, где такой сдвиг произошел еще раньше (с. 226 сл., 257), городская жизнь продолжала процветать?

Не вполне последовательная и четкая позиция К. Уэллса в отношении как отбора и изложения материала, так и трактовки его приводит к тому, что и у читателя на основании этой книги едва ли может сложиться достаточно ясное представление о ранней Римской империи.

Таким образом, книга К. Уэллса — это интересная, но неровная работа, обладающая как несомненными достоинствами, так и существенными недостатками.

* * *

⁶ Это особенно наглядно видно на примере правления Максимиана Фракийца, приходом к власти которого автор заканчивает свой обзор политической истории.

В книге профессора лондонского Королевского колледжа Аверил Камерон¹ рассматривается главным образом период IV в. н.э. — от Диоклетиана до Феодосия I, т.е. сравнительно благополучное для Поздней Римской империи время. Стремясь избегать, насколько это возможно, предвзятости и оценочных суждений (с. 2), автор трактует свой период как один из этапов эпохи поздней античности (IV—VI вв. н.э.)², а не как предлинию падения и гибели Западной Римской империи.

Работа состоит из 12 глав и приложения, включающего удачно отобранные иллюстрации, карты, планы, хронологическую таблицу и индексы.

Характеризуя в гл. II многочисленные и разнообразные письменные источники, А. Камерон отмечает, что IV век является одним из наиболее хорошо документированных периодов римской истории (с. 13—14). В последние 25 лет резко возрастает роль археологических свидетельств, что связано не только с накоплением новых данных и появлением более совершенных приемов их интерпретации, но и с общей тенденцией расширения сферы интересов историков античности, утратой политической и повествовательной историей своей былой привлекательности (с. 28—29).

Первая глава посвящена так называемому кризису III в. н.э., последняя — кризису Западной Римской империи и эволюции всего позднеантичного общества. Главы III, IV и VI знакомят читателя с реформами Диоклетиана, Константина и Юлиана Отступника. В остальных шести главах разбираются различные аспекты социальной организации от смерти Константина и до начала V в. н.э.: христианская церковь (гл. V), государство (гл. VII), экономика и общество (гл. VIII), военная организация и взаимоотношения с варварами (гл. IX), культура (гл. X), Константинополь и восточные провинции (гл. XI). Такая структура свидетельствует о новом нетрадиционном подходе автора к изучению Поздней Римской империи, в соответствии с которым основное внимание уделяется не истории государства, а истории общества и цивилизации.

Содержание рецензируемой работы является столь же нетрадиционным, как и ее структура. Автор, так же как и другие представители нового ведущего в последние годы направления в изучении позднеантичной цивилизации³, рассматривают ее как неразрывную часть цивилизации античной, видит в ней не разрыв с классическим прошлым и его деградацию, а прежде всего преемственность и эволюцию. Значительное место в каждом разделе занимает полемика с устаревшими, но все еще широко распространенными концепциями и методическими установками.

В отличие от многих своих предшественников А. Камерон считает «век солдатских императоров» (235—284 г. н.э.) не периодом глубокого экономического, социального и духовного кризиса, вызвавшего резкие и необратимые перемены во всех областях жизни античного мира, а временем, на которое приходится устойчивое продолжение уже начавшихся ранее процессов, ведущих в свою очередь к утверждению позднеримской системы при Диоклетиане и Константине (с. 8).

Многие изменения, имевшие место в правление Диоклетиана, были в большей мере итогом длительной эволюции, чем индивидуальной инициативы. Его нововведения обуславливались скорее обстоятельствами и прагматическими соображениями, чем принципами (с. 41—42). Масштабы этих нововведений не следует преувеличивать. Так, например, нет оснований говорить о сколько-нибудь значительном росте при Диоклетиане и его преемниках налогового бремени и соответственно численности армии и чиновничества.

В политике Константина автор видит преемственность с политикой Диоклетиана, причем, как это ни парадоксально, даже в какой-то мере и в сфере религии. Так же как и его предшественник, Константин имел притязания на покровительство божества. Первоначально он рассматривал христианского Бога как покровителя, дарующего свои милости в обмен на преданность наподобие Аполлона или Непобедимого Солнца (с. 55—56). Благодаря патронату со стороны Константина и его преемников христианская церковь постепенно занимает ведущие позиции в обществе и государстве, значительно возрастает влияние ее иерархов. Однако процесс христианизации общества в IV в. был, по мнению автора, гораздо более медленным и неравномерным, чем это обычно представляется (с. 77). Языческие культы были по-прежнему широко распространены и довольно популярными. Неудача религиозной политики Юлиана обусловлена не упадком язычества, а глубоким различием религиозных представлений этого императора и подавляющего большинства его языческих подданных (с. 75). Лишь с начала V в. н.э., когда в основном завершается христианизация римской аристократии, можно говорить о христианском обществе (с. 78).

¹ Из ее последних работ можно отметить: *Procopius and the Sixth Century*. L., 1985; а также *Christianity and the Rhetoric of Empire*. Berkeley and Los Angeles, 1991.

² Следующий этап, охватывающий время с 395 и по 600 г. н.э., характеризуется в другой книге А. Камерон: *The Mediterranean World in Late Antiquity*. L., 1993.

³ В отечественной историографии это направление наиболее ярко представлено в работах Г.Л. Курбатова.

Автор полемизирует с представлениями о существовании в Поздней империи тоталитарного государства, поддерживавшего с помощью многочисленной армии чиновников жесткую кастовую систему, контролировавшего все и всех и использовавшего в собственных интересах большую часть общественных ресурсов. Численность государственных служащих по отношению ко всему населению была ничтожной, сфера их деятельности чрезвычайно ограниченной, а сама она не особенно эффективной. Позднеримское правительство пыталось управлять громадной империей в условиях экономических и военных трудностей, не обладая необходимым для этого аппаратом (с. 108). Вследствие этого стремление властей к закреплению в фискальных целях сословий и ограничению свободы передвижения не могло получить сколь-нибудь полной и последовательной реализации. В позднеримском обществе продолжали сохраняться немалые возможности для социальной мобильности.

В экономике империи в начале IV в. наблюдается некоторый подъем благодаря улучшению методов налогообложения и установлению относительной политической стабильности. Однако характерным для всего этого периода является процесс концентрации земли и богатств в руках крупных магнатов (особенно на Западе), сужение сферы рыночных отношений и распространение патронатной зависимости и несвободного труда, что препятствовало сколько-нибудь значительному хозяйственному прогрессу (с. 121—122). Вместе с тем отношения обмена, судя по археологическим данным, все еще играли немалую роль, роскошь и богатство были присущи не только узкому слою магнатов, а на Востоке империи с конца IV в. начинается период демографического и экономического роста, процветания довольно широких социальных слоев. Крупным поместьям Запада с их централизованной экономикой (*villa economy*) противостоит деревенская экономика (*village economy*) Востока с ее многочисленным социально дифференцированным крестьянством (с. 180). Можно отметить наличие определенных экономических трудностей и изменений в IV в., но нет никаких оснований говорить о существовании экономического кризиса или глубокой экономической трансформации (с. 193).

В военной области ситуация была довольно нестабильной. Если на восточных рубежах сохранялось относительное равновесие сил с Персией, то на севере постоянно нарастало давление со стороны варваров, противостоять которому империи было все труднее и труднее. Успешное наступление германцев в V в. н.э. было вызвано, вероятно, не столько их собственной мощью, сколько прогрессирующим ослаблением римской обороны.

В отличие от других традиционных обществ, в том числе и раннеимперского, позднеримское было поликультурным и подверженным быстрым изменениям вследствие развития местных культур (как, например, сирийской или коптской), усиления значения варваров, возвышения христианства и углубления пропасти между богатыми и бедными (с. 151). Однако классическая риторическая культура и соответствующее образование продолжали играть немаловажную роль и сохраняли привлекательность в глазах не только язычников, но и значительной части христиан. Даже на Западе, где в V—VI вв. происходили крупные социальные и политические перемены, продолжала сохраняться преемственность в развитии латинской культуры (с. 168—169).

Культурные сдвиги, сколь бы ни были они велики, не дают оснований говорить ни о революции, ни об упадке в этой области (с. 169). Мир поздней античности с его быстрыми изменениями и сопутствующим им чувством бесприютности напоминает, по мнению А. Камерон, в некоторых отношениях наш современный мир (с. 194).

Подводя итоги, можно сказать, что рецензируемая книга представляет собой интересную оригинальную тщательно выполненную работу⁴, соответствующую современным научным требованиям. И если автору не удалось достаточно полно и убедительно осветить некоторые сложные проблемы позднеантичной цивилизации⁵, то это объясняется скорее общим уровнем развития всей современной историографии.

А.Л. Смышляев

⁴ Удалось обнаружить лишь несколько незначительных неточностей и опечаток: 30 тыс. чиновников Поздней империи противостояло не несколько сотен чиновников II в. н.э. (с. 107), а примерно 10 тыс., несколько сот из которых были высшими администраторами; Армения приняла христианство не в 314 (с. 143), а в 301 г. н.э.; на с. 235 вместо «Олимп» — «Олимпия»; на с. 238 вместо «Стилах» — «Стилихон».

⁵ Так, например, автор практически ничего не говорит о судьбе городской гражданской общины (*civitas*) в позднеантичное время; разрушение обороны Западной Римской империи объясняется усилением натиска варваров (с. 193), которое в свою очередь было обусловлено ослаблением римской обороны (с. 140).

III ВСЕРОССИЙСКИЙ КЕЛЬТОЛОГИЧЕСКИЙ КОЛЛОКВИУМ (Санкт-Петербург, 25—26 мая 1994 г.)

В конце мая 1994 г. в Санкт-Петербурге прошел третий по счету коллоквиум по кельтологии. Первый состоялся в 1988 г. в Москве в Институте языкознания РАН. Тогда было решено проводить такие встречи ежегодно, однако следующая состоялась лишь в 1993 г., когда была создана Российская ассоциация кельтологов, которая при содействии Института иностранных языков Санкт-Петербурга взялась за организацию ежегодных коллоквиумов. Все они по целому ряду причин проходили в рамках одной большой темы «Язык и культура кельтов».

Тематика докладов майских заседаний была исключительно разнообразна, хотя примерно половина докладов была посвящена ирландским сюжетам. В докладе *В.Г. Безрогова* «Ирландские кельты и библейская история» анализировался один из ключевых моментов истории раннеирландской культуры — процесс создания местной исторической традиции под влиянием христианства и библейской истории. Известно, что в целом он заключался в историзации местной мифологической традиции и синхронизации ее с мировой историей, увиденной сквозь призму Библии. В дополнение к этому докладчик на конкретных примерах показал, как ирландцы стремились включить в канву своей истории и некоторые морально-этические ценности христианства — *В.Г. Безрогов* анализирует под этим углом зрения эпизод усекования главы Иоанна Предтечи, которое в одном из текстов приписывается ирландскому друиду Мог Руту.

По мнению *С.В. Шкунаева*, высказанному в докладе «Варианты восприятия языческого наследия в ранней Ирландии», взаимодействие языческого и христианского пластов ирландской культуры трудно осмыслить без ответа на вопрос, какая часть первого из них могла активно в этом участвовать. Молчаливое признание простой преемственности до- и постхристианского язычества лишь затемняет суть дела. Опираясь на источники и целый ряд новейших исследований, автор стремился показать, что системность языческого мировоззрения была неизбежно (иногда вполне сознательно, как итог ослабления позиций друидического сословия) утрачена в христианскую эпоху. Именно изменение условий функционирования элементов этого мировоззрения давало большие возможности для их переосмысления, включения в новые единства, возрождения и даже усиления своего влияния на сознание позднейших эпох.

Г.В. Бондаренко посвятил свой доклад теме «Сиды Ирландии: некоторые проблемы сакральной географии». Локализация крупнейших сидов — волшебных холмов, считавшихся местопребыванием сверхъестественных существ, божеств ирландского языческого пантеона, интересна и сама по себе, однако докладчику удалось показать, что она может быть тесно увязана с культурной и политической историей острова, ставшая, таким образом, частью системы мировоззрения ранней Ирландии.

Джеймс П. Макки, профессор Эдинбургского университета, сделал доклад на тему «Мифическое прошлое и политическое настоящее». В нем он на ряде примеров, связанных прежде всего с парадигмой королевской власти, продемонстрировал высокую степень приспособляемости ряда древнейших мифологических мотивов к новым культурно-историческим обстоятельствам (в частности, социально-культурной среде англо-норманских баронов). Это позволило докладчику сделать несколько важных выводов о роли мифологического сознания в ирландской культуре.

В общем-то сходная закономерность была продемонстрирована в докладе *Т.А. Михайловой* «Луг и "человек, не знавший ни одной сказки". К вопросу о фольклоризации эпической традиции». На примере постепенного перемещения одного из мотивов из мифологической и эпической традиции в собственно фольклорную, докладчица показала, какие его элементы, пусть даже «примитивизированными и вывернутыми наизнанку», продолжают жить в традиции, в то время как иные оказываются утраченными.

Ряд докладов был посвящен более частным вопросам, позволяющим, однако, провести интересные сравнительно-исторические параллели. Так, *А.А. Королев* в докладе «Др. ирл. со cloth pi» продемонстрировал, как эта древняя формула, буквально «что-то было услышано», вводящая многие поэтические отрывки древнеирландских текстов, соотносится с архаическим представлением о поэте и поэтическом ремесле. Образ поэта, слышащего или видящего поэтический текст и затем воспроизводящего его, засвиде-

тельствующий в ирландской и валлийской традициях, сопоставляется в докладе со сходными представлениями ведийских ариев.

В докладе «Др. ирл. Macha — слав. Мокошь?» *В.П. Калыгин* обосновал параллелизм двух богинь ирландского и славянского пантеонов и указал на главное их отличие друг от друга, вытекающее из того, что славянский материал кажется В.П. Калыгину более архаичным, в то время как кельтский подвергся субстратному влиянию, приведем к распределению функций богини — супруги Громовержца — между несколькими персонажами.

Т.В. Топорова в докладе, названном «Об одной кельто-германской параллели в области мифологии», сопоставляла присутствующий в обеих традициях эпизод поединка сияющего бога и его противника, приводя к выводу об их генетическом родстве и схожести функций основных протагонистов — Бальдра и Одина, с одной стороны, и Балора и Луга, с другой.

Целый ряд докладов географически и хронологически выходил из круга раннеирландской тематики, затрагивая различные вопросы кельтологии от латенского времени до современности. Так, доклад *А.И. Фаллаева* «Валл. Echwun» был посвящен весьма дискуссионным вопросам кельтской этимологии, а выступление *О.И. Бродович* — вопросам специфики функционирования английского языка в кельтоязычных регионах Великобритании, где на всех его уровнях проявляются многочисленные субстратные черты. В своем докладе «Об особенностях ирландской версии "Бой отца с сыном"» *Г.А. Левинтон* показал, что ирландский вариант этого широко распространенного сюжета оказывается наиболее эксплицитным как на уровне имени одного из центральных персонажей (сына по имени Conlaoch), так и на уровне самого действия, основой которого можно считать месть первой или «предварительной» жены своему мужу, которая реализовывалась ею сначала самостоятельно, а затем при помощи сына, отправляющегося на поиски отца. Большое значение имеют в этом контексте также и инициационные мотивы.

Средневековая европейская тематика была затронута в докладе *П.А. Конакова* «Ирландская ученость на континенте: Мартин Ланский и его комментарии на "Брак Меркурия и Филологии" Мартиана Капеллы». Восстанавливая ирландскую традицию комментариев этого известного произведения, докладчик проанализировал малоизвестную Санкт-Петербургскую рукопись комментариев и сделал ряд важных выводов о филологической эрудиции аспекте мировоззрения ирландской ученой традиции.

Группа докладов была посвящена лингвистическим вопросам. Это доклады *И.В. Крюковой* — «К вопросу о пассиве в ирландском языке», *А.Р. Мурадовой* — «Бретонский язык и литература: История и современность», *Л.Г. Степановой* — «Из истории "итало-кельтских" лингвистических связей».

В двух докладах рассматривались исторические вопросы. *Н.С. Широкова* выступила с докладом «Города в римской Галлии», где обсуждалась роль доримской урбанистической традиции в истории галльских городов, бывших, по общему мнению, главным рычагом романизации в этом регионе. Н.С. Широкова пришла к выводу о том, что независимо от нередко случавшегося перемещения римских городских центров в сторону от галльских оппидумов, «экономические традиции независимой Галлии продолжали доминировать в галло-римском городе... Галло-римский город был административным, часто даже религиозным, но прежде всего коммерческим, а не земледельческим центром округа».

В своем докладе *М.Б. Шукин* обратился к весьма спорному вопросу «Феномен латенской культуры и друиды». Докладчик еще раз указал на принципиальное единство культуры латенского времени на весьма обширных территориях и указал, что в отсутствие какого-либо политического единства кельтских племен оно могло поддерживаться лишь корпорацией типа друидической, а также связанной с ними общностью мастеров-ремесленников. Несмотря на логичность и интерес высказанных в докладе соображений, их доказательность в настоящем или будущем представляется весьма проблематичной.

По общему мнению Санкт-Петербургский коллоквиум оказался интересным и успешным. Учитывая растущий в России интерес к кельтским исследованиям, оргкомитет коллоквиума решил провести следующий в 1995 г., посвятив его, однако, более узкой теме — кельтским мифологическим сюжетам и расширив состав участников еще и за счет зарубежных коллег. Подготовительная работа в этом направлении уже началась.

С.В. Шкунаев

ПРОФЕССОР КЛОД НИКОЛЕ — ПОЧЕТНЫЙ ДОКТОР ИНСТИТУТА ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ РАН*

Имя Клода Николе, директора Французской школы в Риме, по праву стало гордостью современной романистики. Едва ли сыщется во всем мире исследователь Древнего Рима — будь то начинающий студент или умудренный годами и опытом мэтр, — который смог бы обойтись в своей работе без трудов этого блестящего ученого и мыслителя, наделенного огромными знаниями и острым «галльским» умом. Почти сразу после своего появления в 1976 г. стало классикой его «Ремесло гражданина в республиканском Риме». Не менее счастливая судьба была уготована и книге «Рим и завоевание Средиземноморского мира» (1977), появившейся в серии изданий для высшей школы («Новая Клио»), но вместе с тем далеко выходящей за рамки учебной литературы и ставшей настольной книгой немалого числа антиковедов и не только преподавателей. Написанные Клодом Николе книги постоянно переиздаются во Франции, переводятся на многие языки (к сожалению, за исключением русского). Его перу принадлежат «римские» разделы в самых авторитетных обобщающих трудах, создаваемых силами крупнейшей специализации разных стран — достаточно упомянуть лишь «Кембриджскую древнюю историю») и задуманную А. Момильяно многотомную «Историю Рима», только что изданную в Италии под редакцией А. Скьявоне. И это лишь самая заметная часть творчества французского ученого.

Клод Николе родился 15 сентября 1930 г. в Марселе. Карьера его и типична и по-своему уникальна (по крайней мере для нашей эпохи): продвигаясь по «магистральному» пути интеллектуальной элиты — Эколь Нормаль и Французская школа в Риме, членом которой он был в 1957—1959 гг., Клод Николе не уклоняется и от политических бурь эпохи. В 1956 г. он занимает министерский пост в кабинете Пьера Мендеса-Франса, в 1956—1957 и в 1961—1963 гг. редактирует «Cahiers de la République»). Личный политический опыт в сочетании с профессиональными навыками историка весьма пригодятся молодому ученому при написании его первой книги, посвященной истории радикализма как направления мысли и как партии во Франции, от его возникновения и до конца 50-х гг. XX в. «Радикализм», впервые вышедший в серии «Que sais-je?» в 1957 г., сохраняет свою популярность по сей день (в 1983 г. появилось пятое издание). И если в последующие годы имя ученого все более ассоциируется с исследованиями римской истории, а не с быстро текущей современной действительностью, политические идеалы Клода Николе эмоционально окрашивают самые академически строгие его труды, а зачастую и прямо влияют на выбор сюжетов и героев. Об этом достаточно красноречиво свидетельствуют «Цицерон» (в соавторстве с Аленом Мишелем, 1961) и превосходная хрестоматия «Политические идеи в Риме в период республики» (1964). И стоит ли удивляться тому, что практически все исследования Клода Николе посвящены республиканской эпохе римской истории, а когда ему доведется выйти за рамки античности, то эта глубокая и оригинальная книга будет называться «Республиканская идея во Франции. Очерк критической истории (1789—1924)» (1982), если даже написанный им для новой «Истории Рима» раздел о ранней Римской империи завершается утверждением, что самое красивое слово в латинском языке — *res publica*!

Университет — вот то поприще, где в полной степени смогли раскрыться талант и темперамент Клода Николе. Он преподавал в Тунизе, несколько лет в Кане, а с 1969 г. является профессором Сорбонны и руководителем семинара в École Pratique des Hautes Études (IV секция), с 1981 по 1992 г. был руководителем центра Глотца (Университет Париж-1), под его редакцией начали выходить «Cahiers du Centre Glotz», призванные стать парижским журналом по древней истории. Личность выдающегося ученого привлекает к нему многих коллег и учеников, как начинающих, так и уже зрелых специалистов, многие из которых объединены в руководимой до недавнего времени Клодом Николе группе (URA 994 CNRS) «Функционирование политических и социальных систем римского и эллинистического мира».

В центре научных интересов Клода Николе находятся социально-политические проблемы римской истории, многие из которых благодаря его работам приобрели новые очертания.

Так, фундаментальное исследование «Всадническое сословие в республиканскую эпоху» (т. I — 1966, т. II — 1974), основанное на тщательном просопографическом анализе, способствовало значительному изменению общепризнанных взглядов на характер этого социального слоя: на смену тезису о всадничестве как торгово-финансовой аристократии (или даже «буржуазии») пришло гораздо более адекватное римской действительности предположение, в рамках которого должное место отводится землевладельческой основе социального статуса всадников, подчеркивается принципиальное сходство социально-экономических характеристик двух высших сословий, сенаторов и всадников, различия между которыми проявлялись в административно-политической, но не в социальной сфере.

* 29 апреля 1994 г. Ученый совет Института всеобщей истории РАН единогласно присвоил выдающемуся французскому ученому проф. Клоду Николе звание Почетный доктор Института всеобщей истории РАН.

Не желая ограничиваться изучением римской олигархии, «политического класса» по преимуществу, Клод Николе обратился к анализу политической жизни Рима в самом широком смысле, с тем чтобы представить реальное, повседневное, экзистенциальное содержание понятия римского гражданства. Так родилась замечательная книга «Le Métier de citoyen dans la Rome républicaine» (1976). В ней жизнь гражданина рассматривается в трех наиболее существенных с точки зрения автора измерениях: военном, фискально-финансовом и связанном с участием в принятии политических решений (и выборах). В каждой из названных сфер быть римским гражданином означало обладать комплексом прав и обязанностей, пользоваться рядом преимуществ, но и испытывать ряд неудобств. Все эти три сферы были тесно взаимосвязаны, что позволяет видеть в них несущие элементы гражданской структуры республиканского Рима. В конечном счете Клоду Николе на основе глубокого и оригинального прочтения источников, как хрестоматийно известных, так и мало используемых, в том числе и юридических, удалось убедительно воссоздать, подчас в мельчайших деталях, механизм функционирования политической системы римской гражданской общины, не знавшей ни отчуждения гражданина от государственной власти, ни подлинного народного самоуправления в изначальном олигархическом контексте.

В одной из недавних монографий Клод Николе обращается к эпохе Августа, чтобы изучить политическую модель зарождающейся империи с точки зрения осмысления и освоения завоеванных пространств. «Опись мира. География и политика у истоков Римской империи» (1988) соединяет в себе исследование античной картографии и географии, символических и реальных аспектов освоения мира (как они предстают в политической пропаганде, науке и литературе) в тесной связи с эволюцией управления провинциями и Италией (составление кадастров, налогообложение, схемы административного деления). Эта книга вписывается в его исследования и размышления о характере государственных структур античности в их сравнении с другими историческими формами политической власти.

Все творчество Клода Николе отличается поразительным проникновением в своеобразный мир древности, умением понять и показать его внутренние закономерности, объяснить явления и факты римской истории исходя из ее собственного материала, не прибегая к «модернизирующим» интерпретациям. И вместе с тем Клод Николе отнюдь не принадлежит к числу «примитивистов», подчеркивающих коренные отличия античного мира от современного. Сумев внести свой оригинальный вклад в дискуссию о характере античной экономики, о соотношении политики и экономики («Кесарю — кесарево. Экономика и общество в Древнем Риме», 1988), он выразил существо своего подхода остроумной фразой: «Древние не были людьми Нового времени; но они не были и инопланетянами» (с. 38).

В таком сочетании научной строгости и человечности подхода видится секрет обаяния замечательного ученого, способного завершить фундаментальное исследование римской политической системы словами: «все мы — римские граждане» («Ремесло гражданина», с. 528). В этом же стоит искать и истоки его интереса к историографии, в изучение которой он также вносит немалый вклад.

В 1986 г. Клод Николе избирается академиком Франции (Академия надписей и изящной словесности). В 1983 г. он был избран президентом Общества латинских исследований. С 1984 г. — член-корреспондент Немецкого археологического института, с 1988 г. — Fellow of British Academy. Клод Николе — кавалер ордена Почетного легиона, офицер академических пальм.

Избрание профессора К. Николе Почетным доктором ИВИ РАН — важное событие в жизни нашей науки. Антиквоведы России, многочисленные поклонники его таланта сердечно поздравляют Клода Николе с получением этого почетного звания.

Некоторые работы Клода Николе

Le radicalisme. P., 1957 (5e éd., 1983)

Pierre Mendès France ou le métier de Cassandre. P., 1959

Cicéron (avec Alain Michel). P., 1961 (3e éd., 1971)

Les idées politiques à Rome sous la République. P., 1964 (2e éd., 1970)

L'Ordre équestre à l'époque républicaine (321—43 av.J.-C.)

t. I. Définitions juridiques et structures sociales. P., 1966

t. II. Prosopographie des chevaliers Romains. P., 1974

Les Gracques. Crise agraire et révolution à Rome. P., 1967

Tributum. Recherches sur la fiscalité directe sous la République romaine. Bonn, 1976

Le Métier de citoyen dans la Rome républicaine. P., 1976 (3e éd., 1988)

Rome et la conquête du monde méditerranéen.

t. I. Les structures de l'Italie romaine. P., 1977 (3e éd., 1986)

t. II. Genèse d'un Empire (direction et collaboration avec divers auteurs). P., 1978

L'Idée républicaine en France. Essai d'Histoire critique (1789—1924). P., 1982

L'Inventaire du monde. Géographie et politique aux origines de l'Empire romain. P., 1988

Rendre à César: économie et société dans la Rome antique. P., 1988

К 80-летию И.М. ДЪЯКОНОВА

12 января 1995 г. исполняется 80 лет выдающемуся российскому историку и филологу, одному из крупнейших в мире востоковедов, доктору исторических наук, профессору Игорю Михайловичу Дьяконову. За шесть десятков лет научной деятельности им опубликовано более 20 монографий и около 250 статей по истории и филологии древнего Ближнего Востока. Игорь Михайлович создал школу специалистов, воспитал десятки учеников. Многогранность и широта его научных занятий беспрецедентны в истории нашей науки. Как историк он занимается историей и культурой обществ от Средней Азии до Средиземного моря. Как лингвист и филолог он исследует индоевропейские, афразийские, хуррито-урартский, шумерский и эламский языки. Игорь Михайлович публикует древние тексты и переводы произведений древневосточной литературы, замечательные по точности и художественности. Все это наряду с неустанной педагогической деятельностьюнискало ему всеобщее признание, высокий авторитет в мировой науке. И.М. Дьяконов — почетный член Американского востоковедного общества, Королевского общества Великобритании, Азиатского общества Франции. Игорь Михайлович — академик Британской Академии наук, почетный член Академии естественных наук Российской Федерации.

Редколлегия и Редсовет журнала, многочисленные почитатели таланта Игоря Михайловича, его коллеги и ученики, все российские гуманитарии поздравляют Игоря Михайловича со славным юбилеем и желают ему здоровья, сил и долголетия.

К 80-летию И.А. ГЕРШЕВИЧА

24 октября 1994 г., исполнилось 80 лет одному из крупнейших востоковедов-иранистов нашего времени Илье Аркадьевичу Гершевичу, профессору Кембриджского университета, члену Британской академии наук, иностранному члену Академии естественных наук РФ (по серии «Российская энциклопедия»), Датской академии наук и итальянской «Академии дей Линчеи».

Родители будущего ученого лето 1914 г. проводили не в своем родном Смоленске, а в Альпах, где их и застала первая мировая война. Родившийся вскоре сын Илья стал гражданином Швейцарии. Он окончил школу в Локарно и Лугано, а затем поступил в Римский университет, где изучал классическую филологию и получил первую научную степень *Dotore in Littere*. Однако его влекло востоковедение, и он продолжил высшее образование в Лондонском университете, где стал учеником выдающегося ираниста, русского эмигранта Владимира Федоровича Минорского. Закончив учебу в Лондоне и получив степень доктора философии в 1943 г., в разгар войны, И.А. Гершевич начал (с 1942 г.) работать в отделе иностранного вещания Британского радио и только лишь в 1948 г. вернулся в науку и стал преподавателем иранской филологии в Кембриджском университете. Дважды Илью Аркадьевича приглашали для чтений лекций в Колумбийский университет в Нью-Йорке (в 1960—1961 и 1965—1966 гг.), он преподавал также в Оксфордском университете, бывал в разных странах. В 1956 г. он стал первым европейцем, посетившим Западный Мекран (Пакистан) и изучившим башкардские диалекты. В 1965 г. Илья Аркадьевич приезжал в Советский Союз и установил научные контакты с российскими коллегами. В Москве он изучал осетинские тексты под руководством профессора В.И. Абаева, который показал ему Северную Осетию. В сентябре 1990 г. И.А. Гершевич приехал в Южную Осетию для участия в I Международной конференции по истории, этногенезу и культуре осетин, тогда же он на месте изучал южноосетинские диалекты.

В 1942 г. в «*Journal of the Royal Asiatic Society*» увидела свет статья И.А. Гершевича «*On Sogdian Vessantara Jataka*», и с тех пор согдийская история, язык и культура стали одним из основных направлений его научной деятельности. Его перу принадлежат также работы по Авесте и авестийскому языку, бактрийскому, древнеперсидскому и западноиранским языкам, зороастризму, манихейству и митраизму. Монографии И.А. Гершевича «*A Grammar of Manichean Sogdian*» (Oxford, 1954), «*The Avestan Hymn of Mithra*» (Cambridge, 1959), его многочисленные статьи, 25 из которых отобрал и издал в сборнике «*Philologia Iranica*» (Wiesbaden, 1985) к 70-летию своего учителя профессор Кембриджского университета, член Британской академии Николас Симс-Вильямс, — служат (и долго еще будут служить) настольными книгами специалистов по истории и культуре иранских народов, в том числе и в России. И.А. Гершевич был одним из редакторов и авторов «*W.B. Henning Memorial Volume*» (London, 1970) и «*Societies and Languages of the Ancient Near East. Studies in Honour of I.M. Diakonoff*» (Warminster, 1982).

И.А. Гершевич и сейчас активно продолжает научную деятельность, и его работы выходят в разных странах. В 1990 г. российские ученые с интересом читали его статью «Отмечая 90-летие со дня рождения сэра Гарольда Бейли» (ВДИ, 1990. № 4. С. 208—216) и с нетерпением ожидают две его статьи в сборнике в честь В.И. Абаева (в «Материалах Международной конференции» 1990 г. во Владикавказе).

Отмечая юбилей И.А. Гершевича, Редколлегия, Редсовет и читатели ВДИ, все коллеги и почитатели его таланта в России и других странах бывшего Советского Союза желают Илье Аркадьевичу крепкого здоровья и новых успехов в изучении истории и языков древних иранских народов и их культурного наследия.

В январе 1995 г. исполняется 60 лет профессору Геннадию Андреевичу Кошеленко — одному из крупнейших отечественных археологов и историков античности. Человек неиссякаемой энергии, яркого таланта и душевного обаяния Г.А. Кошеленко — автор многочисленных научных работ и создатель целой научной школы, представители которой работают в России и других странах.

Ученик профессора В.Д. Блаватского, блестящий знаток классической истории и культуры, Геннадий Андреевич — выдающийся историк парфянских древностей, сочетающий прекрасное знание классических источников с широким опытом археолога-практика, чьи исследования в Средней Азии начались еще в 1959 г. в знаменитой ЮТАКЭ и продолжаются по сей день, принося все новые открытия. Туркмения и Узбекистан, Афганистан и Сирия, Индия и Йемен — вот далеко не полная география полевых исследований профессора Г.А. Кошеленко. С 1989 г. он является со-директором Российско-Итало-Туркменского проекта по исследованию памятников древней Маргианы.

Геннадий Андреевич — признанный авторитет и в археологии Северного Причерноморья. Достаточно вспомнить, что именно он вместе со своим учителем В.Д. Блаватским стоял у истоков советской подводной археологии, одним из первых в стране получив удостоверение водолаза-аквалангиста.

Перу Геннадия Андреевича принадлежит ряд монографий и более 250 статей, опубликованных в России и за рубежом. Г.А. Кошеленко является научным руководителем ряда авторских коллективов, результатом деятельности которых стало издание важнейших обобщающих трудов (два тома «Археологии СССР», трехтомник «Очерков археологии и истории Боспора»), членом редколлегий журналов «Вестник древней истории» и «Российская археология», членом Консультативного совета журнала «Древние цивилизации от Скифии до Сибири», который издается на английском языке в Голландии.

Заслуги Г.А. Кошеленко в развитии мировой археологии, антиковедческой и востоковедческой наук признаны учеными-антиковедами всего мира: он избран членом-корреспондентом Германского Археологического Института (Берлин) и Итальянского Института Среднего и Дальнего Востока (Рим). Престижные высшие учебные заведения Франции, Англии и других стран неоднократно приглашали его для чтения лекций по античной археологии Северного Причерноморья и Средней Азии.

Редколлегия и Редсовет ВДИ, коллеги, друзья и многочисленные ученики от всей души поздравляют Геннадия Андреевича с юбилеем, желают новых творческих удач. Высочайший профессионализм, высокая требовательность ученого, тонкий и добрый юмор, душевная отзывчивость и теплота уже многократно помогали многим из нас преодолевать жизненные и творческие невзгоды и неудачи. Мы уверены, что еще долгие годы научное и человеческое общение с Геннадием Андреевичем будет радовать нас — его многочисленных друзей, коллег, учеников.

ПАМЯТИ ЛЕОНИДА АЛЕКСАНДРОВИЧА ГИНДИНА
(1928—1994)

Трудно примириться с утратой, постигшей науку о древности. 23 апреля 1994 г. ушел из жизни доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения и балканистики РАН, член-корреспондент Российской Академии естественных наук Леонид Александрович Гиндин — ученый с мировым именем, специалист широкого круга интересов — индоевропеист, филолог-классик, фраколог, хеттолог, византинист и славист. Помимо его любимого детища — античной балканистики — в сферу научных изысканий Л.А. Гиндина входили: проблема прародин и миграций индоевропейцев, этнология Восточного Средиземноморья по данным нарративных античных и клинописных письменных памятников, историко-филологический анализ свидетельств византийских источников об этногенезе и ранней истории славян, этимологическое исследование палеобалканской и карпатской лексики и ономастики, вопросы методики междисциплинарных исследований при реконструкции древней этноязыковой картины Балкано-Малоазийского региона.

Л.А. Гиндин родился 25 июля 1928 г. в Москве. Учился сначала в Московском государственном педагогическом институте, а затем в МГУ на кафедре классической филологии, где его наставниками были А.Ф. Лосев и С.И. Соболевский. В 1952 г. он закончил с отличием университет, затем преподавал в средней школе латынь, русский язык и литературу.

С 1961 по 1970 г. Л.А. Гиндин работал в Секторе этимологии и ономастики Института русского языка АН СССР, участвуя в подготовке «Этимологического словаря славянских языков», став одним из основателей ежегодника «Этимология». Одновременно он занимался исследованиями в области догреческого субстрата на Балканах и в 1966 г. защитил кандидатскую диссертацию, расширенный вариант которой был опубликован годом позже в виде монографии «Язык древнейшего населения юга Балканского полуострова». К этому же периоду относится его известная работа о переднеазиатских арийцах («Этимология», 1970, 1972), высоко оцененная специалистами.

В 1970 г. Л.А. Гиндин перешел в Институт славяноведения и балканистики АН СССР, где он со всей присущей ему энергией и упорством развернул работу по научному и организационному упрочению созданного им нового направления в изучении древнейшего прошлого Юго-Восточной Европы — античной балканистики. Результатом его собственных изысканий в данной области явились ряд статей и докторская диссер-

тация «Древнейшая ономастика Восточных Балкан», защищенная в 1974 г. и изданная в 1981 г. на русском языке в Софии.

Много сил положил Л.А. Гиндин на организацию и публикацию материалов всесоюзных и международных симпозиумов «Античная балканистика», где в ходе острых и плодотворных дискуссий филологов, историков и археологов удалось, по мысли устроителя, не на словах, а на деле осуществить комплексный, междисциплинарный подход в изучении древностей балканского региона и прилегающих территорий.

Велики заслуги Л.А. Гиндина в развитии фракологии, которую он считал необходимым рассматривать в общем контексте индоевропеистики. Особенно важно скрупулезное выявление им фракийского пласта в догреческой ономастике Балкан и Западной Анатолии. Принципиальное значение имеет также принадлежащее ему обоснование генетической близости языка пеласгов античной традиции и фракийцев. Л.А. Гиндин возглавил работу по организации V Международного конгресса по фракологии в Москве в 1988 г. и издание трудов конгресса. Он был членом Международного комитета по фракологии им. В. Томашека, Международного совета по фракологии и индоевропеистике, входил в состав правления Международной ассоциации «*Terra antiqua balcanica*» и в редколлегию журнала «*Orpheus*».

В последние годы Леонида Александровича занимали такие проблемы, как поэтика Гомера и анализ гомеровских поэм как исторического источника, а также поиски прародины и этапы миграций индоевропейцев. Плодом этих исследований явились книги: «Население гомеровской Трои» (М., 1993), «Гомер и история Восточного Средиземноморья» (в соавторстве с В.Л. Цымбурским, готовится к печати издательством «Восточная литература») и «Троја, Thrakien und die Völker Altanatoliens» (будет выпущена в серии трудов Инсбрукского университета).

Видное место в научной деятельности Л.А. Гиндина имели также разыскания в области этногенеза, ранней этнической и языковой истории славян. Он возглавлял авторский коллектив «Карпатского ареально-этимологического словаря». Чрезвычайно плодотворной была его работа в качестве ответственного редактора по филологии, а также одного из авторов «Свода древнейших письменных известий о славянах» (т. I, М., 1991) — фундаментального труда, впервые ставящего на твердую историческую почву изучение славянства до- и раннегосударственного периода.

Л.А. Гиндин уделял внимание и преподавательской деятельности. С 1976 по 1988 г. он вел семинар по античной балканистике на филфаке МГУ, руководил аспирантами и соискателями.

Светлый образ неутомимого, скрупулезного исследователя, широкого эрудита, доброжелательного и щедрого наставника, горячего и острого полемиста навсегда останется в памяти коллег, друзей и учеников Л.А. Гиндина.

(1896—1994)

5 марта 1994 г. в Петербурге в возрасте 97 лет скончался патриарх российских филологов-классиков, известный среди европейских специалистов латинист, член-основатель Латинской Академии в Риме (*Academia Latinitati fovendae*) Яков Маркович Боровский. Своей жизнью он соединял начало и конец тяжкого для России века. В последнее свое утро Яков Маркович как обычно приступил к работе — корректуре только что доставленного ему из Москвы "Словаря латинских крылатых слов" в 4-м издании. Он умер тихо и без страданий, как будто следуя эпикурейским заветам, которых всю жизнь сокровенно придерживался.

Яков Маркович родился 21 ноября 1896 г. под Харьковом в семье земского врача. Чтобы дети получили хорошее образование, его семья переехала в Петербург, где Яков Маркович стал посещать 6-ю Петербургскую гимназию. Ожидания семьи оправдались. Он основательно изучил латынь; древнегреческим занимался там же по собственной инициативе, поэтому уже в гимназические годы свободно читал античных классиков. С 1915 г. проходя курс в Политехническом институте, Яков Маркович посещает университетский семинар проф. Ф.Ф. Зелинского, которого всегда признавал своим учителем, даже тогда, когда имя "репатрировавшегося" в Польшу ученого рекомендовалось не упоминать. В 1917 г. Яков Маркович перешел на историко-филологический факультет Петроградского университета, где завершил образование, а затем с 1933 г. преподавал почти 35 лет. С уходом из университета педагогическая и общественная деятельность Якова Марковича не прекратилась — занятия для желающих усовершенствоваться в знании древних языков и в искусстве филологической интерпретации он вел на дому до конца своих дней.

Филологическая деятельность Якова Марковича была разнообразна, причем во главу угла он всегда ставил интерпретацию текста; он и филологию определял как толкование текстов, трудно доступных непосредственному пониманию. Не получив высших академических званий (он всегда оставался кандидатом наук и доцентом), Яков Маркович имел неоспоримый авторитет тончайшего знатока греческого языка и одного из лучших в стране латинистов, непревзойденного как в искусстве толкования авторов, так и в собственных латинских — прозаических и стихотворных — произведениях. Разгадка его великолепного мастерства в этой области лежала в любви к избранному предмету, своевременном влиянии прекрасных учителей, универсальной филологической подготовке и в безупречном вкусе, сложившемся под влиянием древних и новых классиков.

Умея находить новое, Яков Маркович считал главным сохранить то, что было достигнуто европейской филологией за несколько столетий. Отсюда масштаб его переводческой, издательской, редакторской деятельности. Главным для него было всегда сохранять высокое качество филологической культуры. Спокойный и далекий от горделивости человек, Яков Маркович не отступал ни на шаг, когда дело касалось того, что он считал нормой в культуре. Иногда даже казалось, что он отдает предпочтение общественным интересам, разумеется, в сфере филологии.

Одним из примеров непреклонности Якова Марковича были его неустанные призывы к частичному восстановлению в стране классического образования. После каждого сколько-нибудь представительного филологического собрания он предлагал принять решение о необходимости повысить уровень филологического образования. Это казалось тогда чудачеством. Но вот страна оживилась и ученики, даже ученики учеников Якова Марковича достигли первых успехов в этом необходимом, но очень долго казавшемся немислимым делом.

Яков Маркович прожил долгую жизнь, заслуживающую восхищения и признательности. Конечно, его читали ученики, работающие теперь во многих культурных центрах. Ведь помимо образцовых филологических знаний, которыми он с ними делился, он соединял нас с золотым веком русской филологии. Он любил и умел дружить, всегда был ровен и весел духом. Его последняя заметка об эпикурейском изречении "живи незаметно" увидит свет уже без него. Поправка его к переводу *λάτρε βίωτας* ("проживи незаметно") основана, как часто бывает в филологии, не только на грамматике, но и на личном опыте. По-видимому, сам он стремился жить и даже прожить именно так, но в интересах общества было бы не дать этому сбыться в буквальном смысле. Дело учеников — приложить усилия к тому, чтобы светоч российской филологической школы Яков Маркович Боровский не ушел бесследно из отечественной культуры.

Ф.К. Гаврилов

ПРИЛОЖЕНИЕ

© 1994 г.

LUCII ANNAEI SENECAE

DE IRA LIBRI TRES

Луций Анней Сенека

О ГНЕВЕ
КНИГА III*

Перевод с латинского и комментарии *Т.Ю. Бородай*

1. Теперь, Новат, мы попробуем наконец исполнить самую главную твою просьбу: показать, каким образом можно изгонять гнев из душ или, во всяком случае, обуздывать его и останавливать его порывы. Иногда следует делать это прямо и открыто — когда гнев невелик и допускает такое обращение; иногда — тайком, когда он распален до чрезвычайности и всякое препятствие лишь раззадоривает его и увеличивает. Тут важно знать, сколько сил у гнева и насколько они еще не израсходованы; а в зависимости от этого решить, стоит ли ополчаться на него и наступать, или, напротив, уступать и пятиться, пока не отшумит первая гроза, чтобы ее порыв не унес с собой и средства своего позднейшего обуздания.

Выбирая образ действий, следует исходить из нравов данного человека. Есть люди, которые не могут отказать просьбам; другие, напротив, издеваются и нападают на тех, кто кажется им безобидным: этих мы напугаем, чтобы успокоить. У кого-то едва начавшийся приступ гнева пройдет от сурового порицания, у другого — если перед ним признают свою вину, третьего остановит стыд, четвертого успокоит отсрочка — медленно действующее лекарство от стремительного недуга, к которому надо прибегать в последнюю очередь. Ибо все прочие чувства не так быстро распространяют свою власть, и там лечение можно начать не сразу; это обрушивается внезапно, увлекая само себя в бурном порыве; оно не развивается постепенно, но является во всем

* Продолжение. Начало см. ВДИ. 1994. № 2—3.

своим объемом с самого начала. В отличие от других пороков, оно не соблазняет душу исподтишка, а захватывает ее силой, лишая власти над собой и заставляя желать, если угодно, хоть и всеобщей гибели, и ярость его устремляется не только на вызвавший его предмет, но и на любой другой, случайно подвернувшийся по дороге. Другие пороки возбуждают душу, гнев заставляет терять голову. Даже когда человек не в силах устоять против чувства, само чувство всегда может приостановиться, но только не гнев: разбушевавшись, он не может остановиться, подобно молнии или урагану и прочим неудержимым порывам, ибо они не идут, а обрушиваются. Другие пороки — это восстание против разума, этот — против здравого ума вообще. Другие приближаются потихоньку и растут независимо; в гнев души падают, как в пропасть. Словом, нет другой такой вещи, оглушающей, как удар грома, столь уверенной в своих силах, столь высокомерной при удаче, столь безумной при неудаче; гнев не может уgomониться, даже если все его выпадения оказываются тщетны, и если фортуна уведет противника за пределы его досягаемости, он бросается грызть самого себя. Велика или ничтожна породившая его причина, не имеет никакого значения: начавшись с пустяка, он достигает огромных размеров.

2. Он не минует ни одного возраста, не делает исключения ни для какого рода людей. Есть племена благодаря нищете никогда не знавшие роскоши; есть народы кочевые и деятельные, избежавшие лени; есть народы дикой жизни и некультурных нравов, которым совершенно неведомы обман, мошенничество и прочие виды зла, рожденные на форуме (торговлей). Но нет племени, недоступного стрекалу гнева; его владычество одинаково распространяется на греков и варваров, и для боящихся закона оно не менее губительно, чем для тех, чье право измеряется силой.

Наконец, прочие пороки портят отдельных людей, а это — единственное чувство, способное иногда захватить целое общество. Не бывало такого, чтобы весь народ как один вспылал любовью к женщине; чтобы целое государство возложило все свои упования только на деньги и наживу; честолюбие тоже занимает лишь отдельных людей; но утрата власти над собой может быть и общественным недугом. Часто единый порыв гнева увлекает огромные полчища людей; в гневе объединяются мужчины и женщины, старики и дети, знать и чернь, и вот вся толпа, возбужденная несколькими горячими словами, уже оставила далеко позади того, кто возбудил ее; тут же все хватаются за оружие, кидаются резать и жечь, объявляются войны соседям или начинаются без объявления между согражданами; дотла сжигаются целые дома со всеми домочадцами; популярный оратор, только что всеми любимый за свое красноречие, становится жертвой гнева собравшихся слушателей; легионы обращают копьей против своих командиров; весь плебс отходит от патрициев (сената); государственный совет (*publicum consilium*) — сенат, не дожидаясь набора, не назначив полководца, вдруг выбирает вождя для осуществления своего гнева, преследует по всем домам в городе благородных мужей, взяв в свои руки меч правосудия; послы становятся жертвами насилия, международное право поругано, несказанное яростное безумие охватило государство; и нет времени, чтобы хоть немного остыло общественное воспаление, опала опухоль народного гнева: уже выводятся военные корабли и загружаются как попало набранными солдатами; без подготовки, без освящения (благоприятных знамений) выступает народ под руководством своего вождя — гнева, вооруженный как и чем попало, и потом расплачивается за дерзкую опрометчивость своего гнева великими кровопролитными поражениями. Такой исход имеют обычно внезапные, как лавины, войны варваров, когда они вообразят, что их обидели; мысль эта пронзает их неустойчивые души, и все они тотчас устремляются туда, куда влечет их обида, обрушиваясь подобно обвалу на легионы: беспорядочные, бесстрашные, неосторожные, ищущие себе опасности; они радуются ударам, наступают голой грудью на меч, телом своим отталкивают копьей или погибают от ран, самим себе нанесенных.

3. Ты скажешь: «Сомнения нет, это сильный и губительный недуг; поэтому покажи нам, как следует его лечить». Сомнение есть: как я уже говорил в предыдущих книгах, Аристотель выступает в защиту гнева и запрещает нам искоренять его; он уве-

ряет, что гнев — шпора добродетели, что без него душа безоружна и ленива, так что на великие дела ее не поднять. Вот почему необходимо прежде всего показать всем, что гнев отвратителен и дик; надо, чтобы они собственными глазами убедились, какое чудовище — человек, пышущий яростью на человека, с какой неукротимой силой устремляется он, неся гибель другим и себе, разрушая то, что в своем крушении неизбежно должно увлечь с собой и его.

Сам подумай: ну кто же назовет здоровым человека, который не идет, а несется, словно подхваченный бурей и словно раб выполняет безумные повеления этого зла, а решив мстить, сам приводит свое решение в исполнение, равно кровожадный душой и руками, палач самых близких людей, истребитель самых дорогих вещей, над потерей которых он сам же вскоре будет плакать? Неужели кто-то считает, что добродетель нуждается в подобном помощнике и спутнике: ведь это чувство спутывает и все решения, без которых добродетель ничего не предпринимает? И приступ болезни вызывает иногда прилив сил, но силы эти — не к добру, они быстро сменяются упадком и ничего кроме зла больному не принесут.

Так что не думай, будто я попусту трачу время, доказывая всем и без того очевидные вещи, когда я стараюсь показать гнев во всей его неприглядности: у людей о нем мнение двойственное — настолько, что вот нашелся человек — и даже прославленный философ¹ — нашедший ему применение; он признает его весьма полезным, и советует призывать его на помощь в сражении и в делах государства, словом, во всяком деле, требующем для своего исполнения некоторого жара. Я же желаю показать его во всем его слепом и необузданном бешенстве, чтобы никто больше не обманывался насчет того, что будто бы при известных обстоятельствах времени и места гнев может принести пользу. Рядом с ним следует поместить и все его обычное снаряжение: дабы и пыточные канаты, каторжные тюрьмы и кресты, костры, освещающие погребаемых заживо, крючья, вытаскивающие из тюрем трупы, все виды оков, казней, пыток, терзаний, клеймение лбов и клетки со страшными дикими зверями, — среди всех этих излюбленных его орудий следует поместить и сам гнев: из глотки у него вырывается какой-то ужасный скрежет или шипение, от которого волосы становятся дыбом, и вид его омерзительнее, чем у всех орудий его ярости вместе взятых.

4. Что бы там ни говорили о гневе, одно совершенно несомненно: никакое другое чувство не делает человеческое лицо безобразнее. В предыдущих книгах мы уже описывали лицо гнева: грубое, жестокое, то резко бледнеющее от внезапного отлива крови, то вдруг краснеющее, когда весь жар и скопившийся внутри воздух бросается в лицо, и краснеющее до того сильно, что кажется залитым кровью; вены разбухли, глаза то вращаются, чуть не выскакивая из орбит, то вдруг устывают неподвижно в одну точку; зубы стучат друг о друга, словно желая кого-то съесть, точь-в-точь как у вепря, когда он точит клыки; суставы трещат, ибо руки непроизвольно ломают друг друга, грудь часто вздымается, дыхание учащенное, прерываемое глубокими вздохами и стонами; тело неустойчивое; неразборчивые слова мешаются внезапными выкриками, губы дрожат, а время от времени плотно сжимаются, издавая какое-то устрашающее шипение. Клянусь Геркулесом, даже у диких зверей, когда они оголодали или ранены засевшим в кишках копьем, не бывает такой жуткой отталкивающей морды, как у распаленного гневом человека, даже когда, полуживые, они в последний раз пытаются броситься и достать зубами охотника.

Пожалуй, если будет время, выслушай как-нибудь все эти крики и угрозы — узнаешь, как разговаривает истерзанная палачом-гневом душа! Да разве найдется такой, кто не захочет избавиться от гнева, когда поймет, что это зло поражает его же первого? Неужели ты не хочешь, чтобы я предостерег их — тех, кто изо всех сил пестует в себе гнев, считая его доказательством силы, кто полагает возможность мщения одним из величайших благ, какие судьбы дарует своим любимцам (вознося их на вершины власти), — разве я не должен объяснить им, что не только могущест-

¹ Т.е. Аристотель.

венным, но даже и свободным нельзя назвать того, кто пленник собственного гнева? Неужели ты не хочешь, чтобы я убедил их как можно внимательнее следить за собой и постоянно быть настороже, ибо все прочие виды душевного зла бывают обычно принадлежностью человеческого отребья, но гнев прокрадывается даже в сердца детей образованных и во всех прочих отношениях здоровых? Ведь никто этого не понимает — настолько, что считают гнев признаком простоты, и в народе всякий, подверженный этому пороку, слывет самым легким и приятным человеком.

5. Спросишь: «К чему ты все это ведешь?» — к тому, чтобы никто не считал себя недостижимым для гнева: самых ровных и спокойных от природы людей он заставляет лютовать и бесноваться. Никакая телесная крепость, самая тщательная забота о здоровье не спасет от чумы: она равно нападает на хилых и на силачей, — точно так же и гнев угрожает как беспокойным, так и уравновешенным и даже вялым по нраву людям; для последних гнев тем опаснее и тем позорнее, что больше в них меняет.

Итак, прежде всего надо научиться не гневаться, во-вторых, избавляться от гнева, в-третьих, исцелять от гнева также и других; соответственно и я расскажу сперва о том, что нужно делать, чтобы не поддаваться приступам гнева, затем — о том, как совсем от него освободиться, и, наконец, о том, как удержать и усмирить разгневанного и вновь привести его в здравый ум.

Для того чтобы мы были в силах не поддаться очередной вспышке гнева, нам нужно то и дело представлять самим себе все пороки, связанные с гневом, и давать ему верную оценку. Мы должны обвинить его перед нашими собственными глазами и осудить; до мелочей выявить все то зло, какое он нам приносит, и вытащить его на свет. А чтобы заставить его обнаружить свою сущность, следует сравнить его с худшими из пороков.

Стяжательство приобретает и копит, но в конце концов кто-то лучший, чем оно, воспользуется его накоплениями; гнев растрчивает, и немногим он обходится даром. От гневливого хозяина сколько рабов убегает, и скольких он сам убивает! Насколько больше потери от гнева, чем от того, что послужило гневу причиной! Гнев приносит отцу траур, мужу — развод, магистрату — ненависть, кандидату — провал на выборах. Гнев хуже роскоши, ибо она наслаждается собственными удовольствиями, а он — чужими скорбями. Гнев далеко превосходит и злобу, и зависть: ибо они желают, чтобы кому-то сделалось плохо, а он желает сам сделать плохо; они радуются несчастным случаям, он не может ждать случая — ему мало, чтобы того, кого он ненавидит, поразил удар: ему надо нанести этот удар самому. Что может быть тяжелее вражды? — А ведь ее порождает гнев. Что может быть страшнее войны? — Но ведь война — это прорвавшийся гнев власть имущих. Впрочем, даже плебейский частный гнев — это та же война, только без оружия и без войска.

Кроме того, гнев, стремясь покарать кого-то, карает в первую очередь самого себя, и это относится не только к его последствиям, таким как имущественные потери, склоки, вечное беспокойство из-за взаимного соперничества и раздоров, все это можно даже не упоминать, главное — гнев противоречит человеческой природе, ибо она побуждает нас любить, а он — ненавидеть, она велит нам приносить добро, а он — зло. Не забудь и о том, что хотя гневное возмущение проистекает из чрезмерно высокой самооценки и со стороны кажется проявлением высокого духа, на самом деле оно свидетельствует о ничтожности и мелочной узости: ибо если мы полагаем, что кто-то выказал нам презрение, мы не можем не быть мельче его.

Напротив, великий дух, ценящий себя по-настоящему, не карает обидчика, ибо не ощущает обиды. От твердой поверхности отскакивают копья, а наносимые по ней удары причиняют боль бьющему; точно так же ни одна обида не в силах заставить великий дух почувствовать боль, ибо любая обида будет менее твердой, чем то, куда она метит. Насколько прекраснее (прочих душа), подобная непробиваемому панцирю, от которой все обиды и оскорбления отскакивают, не достаиваясь даже ее внимания! Мщение есть признание, что нам больно; не велик тот дух, который может согнуть

обида. Обидчик либо сильнее тебя, либо слабее; если слабее, пощади его, если сильнее — себя.

6. Самый верный признак величия души — когда нет такой случайности, которая могла бы выбить человека из равновесия. Высшая часть мира, та, что ближе к звездам и где больше порядка, не затягивается тучами, не взмывает бурями и не закручивается вихрями: в ней никогда не бывает никакого смятения, молнии свирепствуют внизу. То же самое относится и к возвышенному духу: он всегда спокоен и недвижим в своей тихой устойчивости; все, что питает гнев, он оставил далеко внизу, а сам скромнен, упорядочен и внушает уважение — качества, которых ты никогда не найдешь в разгневанном человеке. Кто, отдавшись своей боли и пылая яростью, не отбрасывает первым делом стыд? Кто, обрушиваясь на другого в смятении гневного порыва, не бросает прочь все, что внушало к нему уважение? Кто в возбуждении помнит число и порядок своих обязанностей? Кто сдерживает свой язык? Кто владеет хоть какой-нибудь частью тела? Кто, дав себе волю, в состоянии управлять собой? Нам пригодится весьма полезное наставление Демокрита, в котором он доказывает, что покой достижим лишь тогда, когда мы не будем много или сверх наших сил заниматься ни частными, ни общественными делами². У того, кому приходится бегать по многим делам, ни один день не проходит настолько счастливо, чтобы кто-нибудь или что-нибудь не задело его — а именно от этого в душе рождается гнев. Если вы, спеша куда-то, пойдете по многолюдным улицам города, вы непременно налетите на многих прохожих, где-то непременно поскользнетесь, где-то застрянете в толпе, где-то вас обрызгают грязью, — точно так же и в беспорядочной суете нашей жизненной деятельности нас ожидает много препятствий и много стычек. Один обманул наши надежды, другой не дал им сбыться, третий перехватил себе то, к чему мы стремились; все сложилось не так, как мы предполагали и потекло не туда. Фортуна никому не бывает предана настолько, чтобы отвечать всякой его смелой попытке. И выходит так, что человек, чьи предположения в чем-либо не оправдались, раздражается против людей и вещей, теряет терпение и по самым пустяковым поводам вспыхивает гневом то на какую-то личность, то на дело, то на место, то на судьбу, то на себя. Итак, чтобы душа могла успокоиться, не следует швырять ее туда и сюда, утомлять исполнением многих дел или стремлением к тому, что намного превышает наши силы. Нетяжелый груз легко взвалить на спину и нетрудно удобно пристроить, чтобы он не падал, когда мы перебрасываем его с одной стороны на другую; но бремя, взваленное на нас чужими руками и едва нам посильное, мы роняем, не пройдя и нескольких шагов, не в силах с ним справиться. Даже стоя неподвижно с этой тяжестью на плечах, мы шатаемся и вот-вот упадем, ибо груз этот не по нам.

7. Знай, что это относится в равной степени к делам государственным и делам домашним. Предприятия легкие и сподручные удаются так, как были задуманы; напротив, дела громадные и превосходящие способности того, кто за них взялся, не даются легко; когда человек займется ими, они начинают давить на него своей тяжестью и увлекать его за собой, а когда кажется, что все уже почти готово, громада обрушивается, хороня под своими обломками того, кто ее возводил. Есть люди, не желающие братья за легкие дела, но желающие, чтобы все, за что они ни возьмутся, давалось легко, — конечно, они часто разочаровываются в своем желании. Всякий раз, как ты станешь пытаться что-то сделать, соразмерь хорошенько себя и то, что ты собираешься предпринять и что потребует от тебя известного количества предприимчивости; в противном случае сожаления о несделанном деле озлобят тебя. Впрочем, тут еще важно, какой у тебя от природы характер: пылкий или холодный и низкий: у благородного неудача вызывает гнев, у вялого и бездеятельного — уныние. Так что не будем брать на себя ни слишком мало, ни слишком много, безрассудно замахиваясь на то, что нам не по росту; не будем отпускать нашу надежду далеко вперед — пусть

² Демокрит. Фр. 3 (Дильс—Кранц). Ср. Сенека. О душевном покое. XIII. 1—3.

остановится поблизости; не будем предпринимать ничего, что заставило бы нас потом удивляться, как это нам удалось сделать.

8. Раз уж мы не умеем переносить обиды, постараемся не получать их. Следует жить с человеком самого мирного и легкого нрава, который никогда не волнуется и не раздражается. Ибо мы перенимаем нрав тех, с кем общаемся, и подобно тому, как некоторые болезни передаются телесным соприкосновением, душа передает свои недуги ближним. Пьяница заставляет своих постоянных сотрапезников пристраститься к неразбавленному вину; общество распутников делает неженку даже из храброго человека и вообще из мужчины; алчность вливает свой яд во всех, кто рядом. То же самое происходит и с добродетелями, только наоборот; они смягчают все, с чем соприкасаются. Подходящий климат и здоровая местность полезны для выздоравливающих, но куда полезнее для неокрепших душ общество тех, кто лучше их. Чтобы ты понял, как много может это дать, вспомни, что даже хищники, живя с нами, становятся ручными, и что нет такого зверя, пусть даже самого свирепого, который не перестал бы нападать на человека, если прожил с ним вместе достаточно долго; не встречая отклика, их злоба постепенно притупляется, и в конце концов, живя среди тишины и мира, они вовсе отучаются от нее. Тот, кто живет среди спокойных людей, становится лучше не только благодаря примеру, но и оттого, что не находит причин для гнева и не упражняется поэтому в своем пороке. Вот почему надо избегать всякого, кто, как мы знаем, может возбудить в нас гнев. Ты спросишь: «Кто же это?» Многие и по разным причинам оказывают на нас одно и то же действие: гордец возмутит тебя высокомерием, остроумец — оскорбительным замечанием, наглый тебя обидит, завистник сделает какую-нибудь гадость исподтишка, задира станет вызывать тебя на спор, а легкомысленный лгун рассердит тебя пустой суетностью; ты не сможешь вынести, что подозрительный человек тебя боится, упрямый не дает себя переубедить, а чересчур утонченный тобой гнушается. Выбирай людей простых, легких, сдержанных, которые не вызовут твоего гнева или перенесут его спокойно. Еще лучше тебе будет с кроткими, человеколюбивыми и ласковыми, но только в том случае, если любезность не доходит до льстивости, ибо чрезмерная угодливость раздражает гневливых. У нас был друг — определенно хороший человек, только немного склонный ко гневу; так вот, льстить ему было так же небезопасно, как бранить в лицо.

Известно, что оратор Целий был гневлив до чрезвычайности³. Рассказывают, что обедал с ним как-то в маленькой комнате один клиент редкого терпения, но и ему весьма трудно было избежать ссоры с патроном, поскольку лежали они бок о бок и деваться было некуда. Он рассудил за лучшее соглашаться с каждым словом и не делать ничего наперекор. Целий не выдержал поддакивания и воскликнул: «Возрази же хоть что-нибудь, чтобы нас стало двое!» Однако, хоть он и разгневался на то, что ему не давали повода ко гневу, все же, не встречая сопротивления, быстро остыл. Итак, если мы знаем за собой склонность ко гневу, будем лучше уж выбирать себе людей, подстраивающихся под наше слово или взгляд. Правда, они избалуют нас, выработав в нас дурную привычку слышать лишь то, что нам по нраву, зато мы отдохнем от нашего порока, и эта передышка пойдет нам на пользу. Самые тяжелые и неукротимые от природы характеры терпеливы к ласке. Ни одно существо не бросается в испуге на того, кто его гладит. Когда спор затягивается и становится все ожесточеннее, оставим его поскорее, пока он не набрал силу. Борьба питает сама себя и не выпускает того, кто слишком глубоко в нее втянулся. Легче удержаться от ссоры, чем потом из нее выйти.

9. Тем, кто подвержен гневу, следует оставить слишком усердные занятия, требующие напряжения, или, во всяком случае, ничем не заниматься до утомления; не следует позволять душе обращаться сразу ко многому: пусть занимается тем, что ей приятно. Пусть смягчается за чтением стихов и увлекается историческими рассказами;

³ Марк Целий, оратор-неоаттицист, вначале друг и подопечный Цицерона, который защищал его в 56 г. до н.э.

обращайтесь с ней ласковее и бережнее. Пифагор успокаивал душевное смятение лирой. Кто не знает, что рога и трубы действуют возбуждающе, и точно так же есть виды музыки, ласкающие душу и позволяющие ей расслабиться? Усталым глазам полезно смотреть на зелень, и есть цвета, на которых успокаивается слабое зрение, а есть такие, чей блеск слепит и вызывает боль; так приятные и радостные занятия исцеляют больные души. Мы должны избегать форума, судов, выступлений — словом, всего, что растревляет наш порок; равным образом следует остерегаться и телесного утомления, ибо оно поглощает все, что есть в нас мягкого и мирного, возбуждая все резкое и злобное. Так те, кто не полагается на свое пищеварение, приступая к делам, требующим многих хлопот, прежде усмиряют свою желчь обильной пищей, ибо усталось раздражает ее более, чем что-либо иное, то ли оттого, что сгоняет жар к середине тела и портит кровь, не давая ей свободно бежать по скованным усталостью венам, то ли потому, что ослабевшее и истощенное тело всей своей тяжестью наваливается на душу; вероятно, именно по этой последней причине наиболее подвержены гневу люди, измученные нездоровьем или преклонным возрастом. На том же основании следует избегать также голода и жажды: они ожесточают и воспаляют души. По старой поговорке «усталый ищет ссоры»; то же можно сказать и об изнуренном голодом или жаждой, да и обо всяком другом, сильно чем-нибудь удрученном человеке. Как нарыв болит от легкого прикосновения, а потом и от одной мысли о том, что к нему сейчас прикоснутся, так и пораженная недугом душа возмущается от любой мелочи, вплоть до того, что простое приветствие, письмо, вопрос или несколько незначущих слов вызывают иных людей на ссору. До больного места нельзя дотронуться, не вызвав жалобы.

10. Итак, самое лучшее — лечить себя сразу, как только вы почувствовали приближение болезни; затем — давать как можно меньше воли собственному своему языку и сдерживать свои порывы. Обнаружить в себе чувство нетрудно, даже когда оно только еще зарождается: болезням предшествуют определенные признаки. Мы заранее узнаем о приближении грозы или ливня, и точно так же есть свои провозвестники у гнева, любви и прочих бурь, терзающих наши души. Страдающие падучей болезнью заранее знают, что близится припадок: если холодеют конечности, теряется четкость зрения, подергиваются мышцы, изменяет память и кружится голова; в этих случаях они прибегают к обычным средствам, чтобы предотвратить припадок в самом начале: стараются не потерять сознания с помощью резкого запаха или вкуса, борются против холода и окоченения с помощью согревающих повязок; наконец, если лечение не помогает, уходят из людных мест, чтобы упасть там, где их никто не увидит. Полезно знать свою болезнь, чтобы справляться с ней до того, как она войдет в полную силу. Давайте посмотрим, что нас больше всего раздражает. Одного больше волнует оскорбление словом, другого — делом; один требует уважения к своей родовитости, другой — к своей красоте; один желает слыть самым изящным, другой — самым ученым; один не выносит высокомерия, другой — упрямства; один считает ниже своего достоинства гневаться на рабов, другой лютует дома, а за порогом — сама обходительность; один, когда его беспокоят по делу, видит в этом злобное желание навредить, другой — когда его не беспокоят по делу — видит в этом оскорбительное пренебрежение. У каждого свое уязвимое место; нужно знать, где ты наиболее раним, чтобы там надежнее прикрыться.

11. Не полезно все видеть и все слышать. Нас миновали бы многие обиды — ведь большинство из них не задевают того, кто о них не знает. Ты не хочешь быть гневливым? — Не будь любопытным. Кто допытывается, что о нем говорят, кто старается докопаться до всякого дурного отзыва о себе, даже если он был сказан по секрету, тот сам себе доставляет беспокойство. Есть речи, которые только наше истолкование заставляет казаться обидными; что-то надо пропускать мимо ушей, над чем-то — посмеяться, что-то пропустить. Есть много способов обойти и обмануть гнев; большую часть обид можно обратить в смех и шутку. Говорят, что Сократ, когда его стукнули кулаком, пожаловался, как неудобно, что люди не знают, когда им выходить

гулять в шлеме, а когда без. Для нас не имеет значения, как нам нанесли обиду; важно, как мы перенесли ее. Я не вижу причин считать сдержанность чем-то уж очень трудным: я знаю случаи, когда даже тираны, чей нрав надут и горд от счастливой судьбы и вседозволенности, подавляли обыкновенную для себя ярость. О Писистрате, афинском тиране⁴, сохранилось совершенно достоверное предание о том, как один из его сотрапезников на пиру напился допьяна и много кричал о его жестокости; среди гостей было немало таких, кто с радостью обнажил бы меч на тирана, и со всех сторон то один, то другой подливал масла в огонь, разжигая обиду, но Писистрат вынес все это совершенно спокойно и отвечал дразнившим его, что сердится на пьяные речи не больше, чем если бы кто-нибудь налетел на него на улице с завязанными глазами.

12. Большинство людей сердятся из-за обид, которые они сами сочинили, придавая глубокий смысл пустякам или давая волю ложным подозрениям. Гнев приходит к нам часто, но чаще мы приходим к нему. Никогда не надо звать его; напротив, надо выгонять, как только он появится. Никто не говорит себе: «Я сам сделал или мог сделать то, из-за чего теперь я так гневаюсь». Никто не пытается понять душу того, кто поступил с нами дурно; всякий оценивает лишь сам поступок. А ведь надо рассматривать именно человека: хотел ли он обидеть, или сделал это нечаянно; может быть, его заставили или обманули; следовал ли он ненависти или преследовал выгоду; доставлял ли этим поступком удовольствие себе или кому-то другому. Имеет значение и возраст обидчика, и его положение (*fortuna*), ибо одну обиду вынести — человечно, а иную вытерпеть — унижительно. Мы всегда должны поставить себя на место того, кто вызвал наш гнев: часто нас делает гневливыми неправильная оценка самих себя; к тому же мы не хотим снести того, что сами охотно сделали бы другому.

Никто не заставляет себя подождать; а ведь отсрочка — главное средство от гнева; надо лишь подождать, пока остынет первый жар и окутывающий ум и душу мрак рассеется или станет не таким густым. Многое, что заставляло тебя терять голову, оказывается не таким уж важным не через день, а всего-навсего через час; многое за час и вовсе изглаживается из памяти; но если отсрочка ничего не изменила, значит, это был не гнев, а уже суждение. Если тебе захочется узнать, что представляет собой та или иная вещь, предоставь дело времени; на лету ничего нельзя рассмотреть как следует.

Однажды Платон, разгневавшись на своего раба, не мог заставить себя подождать, и велел ему тотчас снять тунуку и подставить спину под розги, намереваясь выпороть его собственноручно; тут он, однако, осознал, что поддался гневу, и как был с поднятой рукой, так и застыл в позе человека, который сейчас ударит; так он и стоял, когда случайно зашедший друг спросил его, что это он делает, «Наказываю гневливца», — отвечал ему Платон. Словно окаменев, замер он в положении человека, намеревающегося дать волю своей ярости — положению, позорном для мудрого мужа; он давно забыл о рабе, ибо нашел другого, гораздо больше заслуживавшего кары. Тогда-то он раз и навсегда отказался от всякой власти над своими людьми, и сильно рассердившись как-то впоследствии за какой-то проступок, сказал: «Спевсипп, накажи-ка ты этого паршивого раба плетью: я не могу — я гневаюсь на него»⁵. Он не стал бить раба по той самой причине, по какой всякий другой непременно побил бы. «В гневе, — говорил он, — я сделаю больше, чем следует, и с большим удовольствием, чем следует; пусть раб не окажется во власти того, кто сам собой не владеет». Неужели и после этого кто-то будет настаивать, что месть — дело разгневанного человека, если сам Платон отказал себе в такой власти? Пока ты в гневе, тебе не должно быть дозволено ничего. Почему? Именно потому, что ты желаешь, чтобы было дозволено все.

⁴ Писистрат (ок. 600—528 гг. до н.э.), с 561/560 г. — афинский тиран.

⁵ Спевсипп — греческий философ, племянник и ученик Платона, возглавлял Академию (с 347 по 339 г. до н.э.) после смерти учителя.

13. Борись сам с собой! Если ты захочешь победить гнев, он уже не сможет победить тебя. Ты сделаешь первый шаг к победе, когда начнешь его прятать, когда не дашь ему выхода. Постараемся скрыть все его признаки и, насколько удастся, держать его втайне, никому не показывая. Нам это доставит немало мучений, потому что он жаждет вырваться на волю, зажечь огнем глаза, исказить лицо; но если мы позволим ему хотя бы выглянуть наружу, он вмиг окажется вне нашей власти. Пусть он будет погребен в самой глубине нашего сердца; лучше мы будем сносить его, чем он будет нести нас, куда ему вздумается; а все его внешние признаки постараемся сменить на прямо противоположные. Разгладим лицо, сделаем голос тише, а походку — медленнее; постепенно в подражание внешнему преобразуется и внутреннее. У Сократа признаком гнева служило то, что он понижал голос и меньше говорил. В такие моменты было заметно, как он сам себе противостоит. Близкие уличали его и бранили, но обвинения в том, что он скрыл свой гнев, едва ли были ему неприятны. Да и как не радоваться, если многие догадались о его гневе, но никто его не почувствовал? А ведь могли бы и почувствовать, если бы он не дал друзьям права бранить себя, взяв такое же право себе в отношении друзей. Насколько важнее было бы нам сделать то же самое! Право же, нам стоит попросить всех наших ближайших друзей говорить с нами с тем большей откровенностью, чем меньше мы в данный момент склонны ее переносить, и никогда не потворствовать нашему гневу. Пока мы в здравом уме, пока принадлежим себе, призовем помощников против этого зла, вдвойне могучего оттого, что оно нам любезно. Люди, плохо переносящие вино и боящиеся, что, выпивши, наговорят лишнего и станут вести себя чересчур развязно, поручают своим увести себя с пирушки. Те, кто по опыту знает, что не владеет собой во время болезни, запрещают повиноваться себе во время припадка. Лучше всего заранее принять меры против тех пороков, которые мы за собой знаем, и в первую очередь так настроить свою душу, чтобы даже при самых тяжких и самых внезапных ударах она либо вовсе не чувствовала гнева, либо, не в силах удержаться от него при большой и неожиданной обиде, скрывала его в самой своей глубине, ничем не обнаруживая своей боли. Ты убедишься, что это вполне возможно, когда я приведу всего несколько из огромного числа примеров, свидетельствующих сразу о двух вещах: во-первых, о том, сколько зла несет гнев, когда в его распоряжении оказывается вся власть людей, наделенных чрезвычайными полномочиями; во-вторых, о том, до какой степени может владеть собой человек, чей гнев подавляется еще большим страхом.

14. Царь Камбис отличался неумеренным пристрастием к вину, и один из любимых его друзей, Прексасп увещевал его пить меньше, говоря, что стыдно быть пьяным царю, на которого обращены все глаза и уши⁶. На что царь отвечал так: «Дабы ты убедился, что я никогда не теряю власти над собой, я покажу тебе, насколько верно служат мне после винопития и глаза мои, и рука». После чего он стал пить из более вместительной чаши и пил больше обычного, а когда нагрузился вином и опьянел, велел сыну своего хулиателя выйти за порог комнаты и стать там, подняв над головой левую руку. Тут он натягивает лук и, сказав, что будет целиться в сердце, пробивает самое сердце юноши, а затем, надрезав грудь, показывает наконечник стрелы, застрявший в сердце, и, взглянув на отца, спрашивает, достаточно ли верная у него рука. На что тот отвечает, что и сам Аполлон не смог бы выстрелить более метко. Да покарают боги злою смертью того, кто был невольником не столько по положению, сколько в душе! Хвалить то, на что и смотреть-то было невмочь! Рассеченную надвое грудь сына, сердце, еще трепещущее в ране, он счел удобным поводом для лести. Ему следовало бы оспорить славу царственного лучника и заставить его повторить выстрел, показав еще большую твердость руки на самом отце! О, кровожадный царь! Поистине, он заслуживал того, чтобы стать мишенью для луков всех своих подданных! Тот, кто заканчивает пирушку казнью и похоронами, достоин всяче-

⁶ Камбис II, сын Кира II, царь персов с 529 по 522 г. до н.э. Прексасп, знатный перс, которому Камбис велел убить Смердиса. См. *Геродот*. III. 34—35.

ских проклятий, однако восхвалять меткую стрелу было еще более гнусным преступлением, чем выпустить ее. Как должен был повести себя отец, стоя над трупом убитого при нем и из-за него сына, мы рассмотрим в другой раз. Покамест же мы доказали то, что хотели: гнев можно сдержать. Он ни словом не упрекнул царя, ни звуком не выдал своего горя, хотя сердце его было пробито тем же выстрелом, что и сердце сына. Можно сказать, что он правильно сделал, проглотив все слова: ведь сколько бы он ни наговорил в качестве разгневанного человека, он все равно ничего уже не мог сделать в качестве отца. Скажу даже больше: может быть, в этом случае он повел себя мудрее, чем тогда, когда пытался убедить пить в меру человека, которого лучше было бы оставить упиваться вином, а не кровью, который пребывал в мире лишь тогда, когда руки его были заняты кубками. Так или иначе, он умножил число тех, кто ужасными своими несчастьями показал нам, какую цену приходится платить царским друзьям за добрые советы.

15. Я не сомневаюсь, что Гарпаг тоже давал своему персидскому царю советы в таком же роде, на что тот обиделся и угостил его за обедом жарким из его собственных детей, а затем поинтересовался, как ему понравилась стряпня; увидев, что отец наелся своим несчастьем до отвала, царь приказал принести ему головы детей и спросил, хорош ли был прием. У несчастного еще и слова нашлись, еще и рот смог раскрыться: «У царя всякий обед приятен»⁷. Чего он достиг этой лестью? Наверное, того, чтобы его не пригласили доедать остальное. Я не хочу сказать, что отцу нельзя было осудить поступок своего царя, что нельзя было попытаться достойно покарать столь чудовищное злодейство; я хочу пока вывести лишь то, что можно скрыть даже гнев, возбужденный поистине непомерными несчастьями, и принудить себя говорить прямо противоположное тому, что хочется. Подобное обуздание своей боли необходимо всем, но особенно тем, кому выпало вести схожую жизнь, получая приглашения к царскому столу. У них только так и едят, так и пьют, так и отвечают, с улыбкой наблюдая гибель своих близких. Другой вопрос — стоит ли платить столько за жизнь; это мы увидим позднее.

Мы не станем утешать этих унылых кандалников, не станем поощрять их сносить власть своих палачей. Мы просто покажем, что из любого рабства открыт путь на свободу. Если душа ваша больна и несчастна от собственных пороков, вы вправе положить конец своим несчастьям, а заодно и себе. Тому, кого случай забросил к царю, делающему себе мишени из груди своих друзей; и тому, чей господин любит кормить родителей внутренностями их детей, я бы сказал так: «Безумец, что ты стонешь? Чего ты ждешь? Чтобы за тебя отомстил какой-нибудь враг, перебив сперва все твоё племя? Или чтобы какой-нибудь могучий владыка прилетел за тридевять земель к тебе на помощь? Оглянись: куда ни взглянешь, всюду конец твоим несчастьям. Видишь вот тот обрыв? С него спускаются к свободе. Видишь это море, эту речку, этот колодец? Там на дне сидит свобода. Видишь это дерево? Ничего, что оно полусохшее, больное, невысокое: с каждого сука свисает свобода. Посмотри на свою глотку, шею, сердце: все это дороги, по которым можно убежать из рабства. Может быть, я показываю тебе выходы, которые требуют слишком много труда, присутствия духа, силы? Ты спрашиваешь, какой еще путь ведет к свободе? Да любая жила в твоём теле!»

(Продолжение следует)

⁷ Гарпаг, мидянин, родственник Астиага, перешел на сторону Кира. См. *Геродот*. I. 119.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АО — Археологические открытия
 ВЯ — Вопросы языкознания
 ИМКУ — История материальной культуры Узбекистана
 КСИНА — Краткие сообщения Института народов Азии
 КСИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
 МИА — Материалы и исследования по археологии России
 РА — Российская археология
 СА — Советская археология
 Сань го чжи — *Чэнь Шоу*. Сань го чжи. Бейцзин, 1959
 ТОВЭ — Труды Отдела Востока Государственного Эрмитажа
 Тр. ЮТАКЭ — Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции
 Хань шу — *Бань Гу и др.* Хань шу. Бейцзин, 1962
 Хоу Хань шу — *Фань Е и др.* Хоу Хань шу и Сюй Хань чжи. Бейцзин, 1965
 Ши цзи — *Сьма Цянь и др.* Ши цзи. Бейцзин, 1959
 AJA — American Journal of Archaeology
 ANRW — Aufstieg und Niedergang der römischen Welt
 ASNP — Annali di Scuola Normale di Pisa
 BCH — Bulletin de correspondance hellénique
 BEFEO — Bulletin de l'Ecole Française d'Extrême Orient
 BIDR — Bulletino dell'Istituto di diritto romano
 BJ — Bonner Jahrbücher
 BSOS — Bulletin of the School of Oriental Studies, University of London
 CAH — The Cambridge Ancient History
 CHCh — The Cambridge History of China. I / Eds. D. Twitchett. M. Loewe. Cambridge, 1986
 CRAI — Comptes rendus de l'Académie des inscriptions et des belles-lettres
 HThR — Harvard Theological Review
 JHS — Journal of Hellenic Studies
 JRS — Journal of Roman Studies
 JWG — Jahrbuch für Wirtschaftsgeschichte. Berlin
 Loewe. CC — *M. Loewe*. Crisis and conflict in Han China. London, 1974
 MDFA — Mémoires de la Délégation Archéologique Française en Afghanistan
 MDAI — Mitteilungen der Deutschen Archäologischen Instituts
 RE — *Pauly's Real-Encyclopädie der Classischen Altertumswissenschaft*. Neue Bearbeitung, begonnen von *G. Wissowa*, hrsg. von *W. Kroll*
 RhM — Rheinisches Museum für Philologie
 RN — Revue numismatique
 RSI — Rivista Storica Italiana
 SDHI — Studia et Documenta Historiae et Iuris
 SHA — Scriptores Historiae Augustae
 ZDMG — Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft
 ZfN — Zeitschrift für Numismatik
 ZSt. RA — Zeitschrift der Savigny Stiftung für Rechtsgeschichte. Romanistische Abteilung

УКАЗАТЕЛЬ МАТЕРИАЛОВ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В «ВЕСТНИКЕ ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ» в 1994 г.

	№	Стр.
<i>Березкин Ю.Е.</i> (С.-Петербург) — «Город мастеров» на древневосточной периферии. Планировка поселения и социальная структура Алтын-депе в III тыс. до н.э.	3	14
Гиндин Л.А. , <i>Цымбурский В.Л.</i> (Москва) — Прагреки в Трое (<i>Междисциплинарный аспект</i>)	4	19
<i>Джаракян Р.В.</i> (С.-Петербург) — Этнический состав населения к северу от долины реки Диялы (Ирак) в III тысячелетии до н.э.	2	3
<i>Дреер М.</i> (Констанц) — Помпей на Кавказе: Колхида, Иберия, Албания	1	20
<i>Карпюк С.Г.</i> (Москва) — Никий: доблесть политика	3	38
<i>Кнабе Г.С.</i> (Москва) — Судебный патронат в Риме и некоторые вопросы методологии (<i>По поводу книги Ж.-М. Давида "Судебный патронат в Риме в последнее столетие республики"</i>)	3	58
<i>Коптев А.В.</i> (Вологда) — Формирование крепостного права в Поздней Римской империи	4	40
<i>Лёве М.</i> (Кембридж) — Ранние китайские императоры и их функции	4	3
<i>Линкольн Б.</i> (Миннесота) — Эпизод с Терситом в «Илиаде» (<i>Неавторитетное выступление</i>)	2	17
Проблемы методологии изучения античного мира	1	33
<i>Токмаков В.Н.</i> (Москва) — Римский сенат и центуриатная военная организация в период Ранней республики (V—VI вв. до н.э.)	2	34
<i>Штаерман Е.М.</i> — Эллинизм в Риме	3	3
<i>Янковская Н.Б.</i> (С.-Петербург) — «День спасения — день милосердия» (<i>um etārim— ūm gatālim</i>)	1	3

ПУБЛИКАЦИИ

<i>Абдуллаев К., Раимкулов С.</i> (Самарканд) — Сцена триумфального шествия на гемме из Кунджутлителя (Кашкадарья)	2	50
<i>Виноградов Ю.А., Тохтасьев С.Р.</i> (С.-Петербург) — Ранняя оборонительная стена Мирмекия	1	54
<i>Золотарев М.И.</i> (Симферополь), <i>Буйских А.В.</i> (Киев) — Теменос античного Херсонеса. Опыт архитектурной реконструкции	3	78
<i>Ламбринудакис В.</i> (Афины) — Святилище в Ирри на Наксосе	4	64
<i>Новиченкова Н.Г.</i> (Симферополь) — Святилище Крымской яйлы	2	59
<i>Русяева А.С., Назаров В.В.</i> (Киев) — Фрагмент щита из Ольвии	1	45
<i>Федосеев Н.Ф.</i> (Керчь) — Матрица с изображением грифона из Нимфея	4	75

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Международный «круглый стол» «Ранние скифы и культура»

Дискуссия	1	64
<i>Корчелла А.</i> (Бари) — Скифы ΑΡΟΤΗΡΕΣ и скифы ΓΕΩΡΓΟΙ	1	82
<i>Мошкова М.Г.</i> (Москва) — К вопросу о природе сходства и различия в культурах кочевников Евразийских степей I тыс. до н.э.	1	89

Древний мир: проблемы экологии

<i>Андреев Ю.В.</i> (С.-Петербург) — Эгейский мир: природная среда и ритмы культурогенеза	3	102
<i>Кошеленко Г.А.</i> (Москва), <i>Губаев А.Г.</i> (Аишхабад), <i>Гаибов В.А., Бадер А.Н.</i> (Москва) — Мервский оазис: динамика систем расселения и ирригации	4	78
<i>Меррей О.</i> (Оксфорд) — Экология и аграрная история древней Греции	2	87
<i>Пьерар М.</i> (Фрибур) — Вода и засуха в аргосских мифах	3	114

Великая греческая колонизация: итоги и перспективы

Бордман Дж. (Оксфорд) — Проблемы и перспективы в истории и археологии колонизации Причерноморья до II в. до н.э.	2	97
Марченко К.К. (С.-Петербург) — «Стихийная линия» греческой колонизации или к вопросу о характере и путях формирования сельского населения Северо-Западного Причерноморья позднеархаического периода	4	92
Русьева А.С. (Киев) — Основные черты и особенности культурно-исторического развития Нижнего Побужья в период колонизации	4	99
Сапрыкин С.Ю. (Москва) — О внутренней колонизации Херсонеса Таврического	3	126
Хайнд Дж. (Лидс) — Ахилл и Елена на Белом острове в Евксинском Понте: «сторона В» Портландской вазы	3	121
Шелов Д.Б. — Проблема греко-варварских контактов в эпоху греческой колонизации Северного Причерноморья	2	100

Минойский Крит и микенский мир во II тыс. до н.э. (У истоков европейской цивилизации)

Дэбни М.К. (Брин Мор, Пенсильвания) — Формирование государства на доисторическом Крите	3	144
Оливье Ж.-П. (Брюссель) — Критские письменности II тысячелетия до н.э.	4	107
Нерознак В.П., Шарыкин С.Я. (Москва) — Древнегреческая этимология в свете данных крито-микенских надписей	4	118

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

Афиногенов Д.Е. (Москва) — Завет и царство (<i>Историософия Афраата</i>)	3	176
Балахванцев А.С. (Москва) — К вопросу о датировке латинских надписей из Кара-Камара .	4	124
Грач Н.Л. — Пластинчатые браслеты из кургана Куль-Оба	1	135
Гринбаум Н.С. (С.-Петербург) — У истоков первого поэтического языка Европы	4	153
Джоунз К.П. (Бостон) — Херсонес Таврический в надписи из Порто близ Рима	2	142
Иванчик А.И. (Москва) — К вопросу об этнической принадлежности и археологической культуре киммерийцев. I. Киммерийские памятники Передней Азии	3	148
Клочков И.С. (Москва) — Дар Шеп-Сина	2	107
Кузнецов В.Д. (Москва) — Греческая бронзолитейная мастерская: вазопись и эпиграфика ...	2	111
Литвиненко Ю.Н. (Ставрополь) — Греческие колонисты и тайны египетского земледелия (По данным папирусов Зенона)	2	119
Мартемьянов А.П. (Харьков) — Аграрные отношения в Нижней Мезии и Фракии в первых веках н.э.	2	124
Муравьев А.В. (Москва) — Епископ против кесаря (<i>Истоки одного византийского идеологического мотива</i>)	4	140
Немировский А.И. (Москва) — Каталог народов в «Этимологиях» Исидора Севильского (IX. 1.1—2.135)	4	158
Пугаченкова Г.А., Усманова З.И. (Ташкент) — Буддийский комплекс в Гяур-кале Старого Мерва	1	142
Рапен К. (Лозанна) — Святылища Средней Азии в эпоху эллинизма (<i>Состояние вопроса</i>)	4	128
Шифман И.Ш. — Биле'ам сын Бе'ора (<i>Из истории общественно-политической и литературной жизни переднеазиатского Средиземноморья в первой половине I тыс. до н.э.</i>)	1	99
Эрлих В.Р. (Москва) — В защиту традиции о причерноморском происхождении киммерийцев	3	168

ДРЕВНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ: НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ

Цецхладзе Г.Р. (Оксфорд) — Археологические раскопки в Грузии за последнее десятилетие и некоторые проблемы древней истории Восточного Причерноморья	3	188
---	---	-----

Международный «круглый стол»

«Сарматы в I в. н.э.: новейшие открытия»

Браунд Д. (Эксетер) — «Препарируя сарматов»: проблемы источниковедческой и археологической методологии	4	168
Виноградов Ю.Г. (Москва) — Очерк военно-политической истории сарматов в I в. н.э.	2	151
Зубарь В.М. (Киев) — Ольвия, сарматы и Рим во второй половине I в.	3	218
Клочков И.С. (Москва) — Две цилиндрические печати из сарматского погребения у с. Косика	3	210
Прохорова Т.А. (Ростов-на-Дону) — Некоторые аспекты идеологии сармато-алан (По материалам кургана 10 Кобяковского могильника)	4	174
Трейстер М.Ю. (Москва) — Сарматская школа художественной торевтики (К открытию сервиза из Косики)	1	172

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

Андро Ж. (Париж) — М.И. Ростовцев и экономическое поведение элит («буржуа» и «рантье»)	3	223
Бауэрсок Г.У. (Принстон), Бонгард-Левин Г.М. (Москва) — М.И. Ростовцев и Гарвард	1	204
Бонгард-Левин Г.М. (Москва) — Портрет М.И. Ростовцева кисти К.А. Сомова	2	184
Бонгард-Левин Г.М. (Москва) — Отчет М.И. Ростовцева о зарубежной научной командировке в 1918—1919 гг.	3	230
Марконе А. (Флоренция) — Ростовцев в Италии	4	183
Шоу Б. (Летбридж) — Два историка в изгнании: переписка М.И. Ростовцева и Ф.М. Хайхельхайма	2	171

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Абдуллаев К. (Самарканд) — History of Zoroastrianism. Vol. III. Zoroastrianism under Macedonian and Roman Rule, by M. Boyce and F. Grenet with Contribution by R. Beck, E.J. Brill. Leiden, New York, Kfbenhavn, 1991	3	239
Аветисян К.А., Битюков К.О. (С.-Петербург) — A. Marinus W e s. Michael Rostovtzeff. Historian in Exile: Russian Roots in an American Context (Historia Einzelschriften LXV). Stuttgart, 1990	3	246
Гаибов В.А., Кошеленко Г.А. (Москва) — О. В о р е а г а c h c h i. Monnaies greco-bactriennes et indo-grecques. Catalogue raisonné. Paris, 1991	1	220
Журавлев Д.В. (Москва) — Conspectus formarum terrae sigillatae italico modo confectae, by E. Ettliger, B. Hedding, B. Hoffmann, Ph.M. Kenrick, G. Pucci, K. Roth-Rubi, G. Schneider, S. von Schnurbein, C.M. Wells and S. Zabehlicky-Scheffenegger (Materialien römisch-germanischen Keramik, 10). Bonn, 1990	1	225
Карпюк С.Г. (Москва) — О. М у р а у. Early Greece. 2nd ed. London: Fontana Press, 1993; J.K. Davies. Democracy and Classical Greece 2nd ed. London: Fontana Press, 1993	2	192
Ким С.Р. (Москва) — Social Struggle in Archaic Rome: New Perspectives on the Conflict of the Orders. California, 1986	3	251
Пьянков И.В. (Душанбе) — Античные авторы о Средней Азии и Скифии (Критический обзор работ Дж.Р. Гардинер-Гардена)	4	191
Свенцицкая И.С. (Москва) — F.W. W a l b a n c. The Hellenistic World. London: Fontana Press, 1992	2	196
Смышляев А.Л. (Москва) — C. W e l l s. The Roman Empire. 2nd ed. London: Fontana Press, 1992; Av. С а м е р о n. The Later Roman Empire. A.D. 284—430. London: Fontana Press, 1993	4	208
Суриков И.Е. (Москва) — В.М. С т р о г е ц к и й. Полис и империя в классической Греции. Учебное пособие. Нижний Новгород, 1991	1	215
Тодуа Т.Т. (Тбилиси) — Г.А. Г а м к р е л и д з е. К археологии долины Фасиса. Тбилиси, 1992; он же. Историко-топоархеологические разыскания. Тбилиси, 1993	2	189
Трейстер М.Ю. (Москва) — А. A r r i b a s, M.G. T r í a s, D. C e r d á, J. d e H o z. El barco de El Sec (Costa de Calvia, Mallorca). Estudio de los materiales. Mallorca, 1987; Grecs et Ibères au IVe siècle avant Jésus-Christ: Commerce et Iconographie (Actes de la Table ronde, Bordeaux III, 1986) Reunis par P. Rouillard et M.-C. Villanueva-Puig. Paris, 1989	3	249
Трухина Н.Н. (Москва) — М. С r a w f o r d. The Roman Republic. 2nd ed. London: Fontana Press, 1992	4	207

В МУЗЕЙНЫХ СОБРАНИЯХ МИРА

<i>Харалдина З.Е., Новичихин А.М.</i> (Анапа) — Античные коллекции Анапского музея	2	200
--	---	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Златинский Р.</i> (Москва) — К 100-летию со дня рождения М.Е. Грабарь-Пассек	2	216
<i>Зуев В.Ю.</i> (С.-Петербург) — Международная конференция «Академик М.И. Ростовцев и его вклад в мировую науку» (Москва — С.-Петербург, 6—8 сентября 1993 г.)	1	230
<i>Каковкин А.А.</i> (С.-Петербург) — Международная конференция коптологов в Лиможе	3	259
К 80-летию И.А. Гершевича	4	218
К 80-летию И.М. Дьяконова	4	217
К 60-летию Г.А. Кошеленко	4	219
Научные чтения памяти С.Л. Утченко	3	255
<i>Осипов Ю.С.</i> (Москва) — К участникам Международной конференции «Академик М.И. Ростовцев и его вклад в мировую науку»	1	229
<i>Писаревский Н.П.</i> (Воронеж) — V Международный симпозиум по проблемам истории корабля и судостроения в античную эпоху (Навплий, 26—29 августа 1993 г.)	2	213
Профессор Клод Николе — почетный доктор Института всеобщей истории РАН	4	215
<i>Самохина Г.С.</i> (Петрозаводск), <i>Махлаюк А.В.</i> (Нижний Новгород) — Научные чтения памяти профессора Н.П. Соколова (Нижний Новгород, 26—27 ноября 1991 г.; 19—20 февраля 1993 г.)	1	232
<i>Шкунаев С.В.</i> (Москва) — III Всероссийский кельтологический colloquium (Санкт-Петербург, 25—26 мая 1994 г.)	4	213

Большаков А.О. (С.-Петербург) — Бернард В. Ботмер (1912—1993)	2	217
Яков Маркович Боровский (1896—1994)	4	222
Леонид Александрович Гиндин (1928—1994)	4	220
Дмитрий Борисович Шелов (1919—1993)	3	260
А.С. Шофман (1913—1993)	1	237

ПРИЛОЖЕНИЕ

Авеста. Видевдат. Фрагард восьмой. Перевод с авестийского, вступительная статья и комментарии <i>В.Ю. Крюковой</i> (Москва)	1	238
Луций Анней С е н е к а. О гневе. Книга I. Перевод с латинского, вступительная статья и комментарии <i>Т.Ю. Бородай</i> (Москва)	2	218
Луций Анней С е н е к а. О гневе. Книга II. Перевод с латинского и комментарии <i>Т.Ю. Бородай (продолжение)</i>	3	263
Луций Анней С е н е к а. О гневе. Книга III. Перевод с латинского и комментарии <i>Т.Ю. Бородай (продолжение)</i>	4	223

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Лёве М. (Кембридж) — Ранние китайские императоры и их функции	3
Гиндин Л.А. , Цымбурский В.Л. (Москва) — Прагреки в Трое (<i>Междисциплинарный аспект</i>)	19
Коптев А.В. (Вологда) — Формирование крепостного права в Поздней Римской империи	40

ПУБЛИКАЦИИ

Ламбринудакис В. (Афины) — Святилище в Ирии на Наксосе	64
Федосеев Н.Ф. (Керчь) — Матрица с изображением грифона из Нимфея	75

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Древний мир: проблемы экологии

Кошеленко Г.А., Губаев А.Г., Гаибов В.А., Бадер А.Н. (Москва) — Мервский оазис: динамика систем расселения и ирригация.....	78
---	----

Великая греческая колонизация: итоги и перспективы

Марченко К.К. (С.-Петербург) — «Стихийная линия» греческой колонизации или к вопросу о характере и путях формирования сельского населения Северо-Западного Причерноморья позднеархаического периода	92
Русяева А.С. (Киев) — Основные черты и особенности культурно-исторического развития Нижнего Побужья в период колонизации	99

Минойский Крит и микенский мир во II тыс. до н.э.

(У истоков европейской цивилизации)

Оливье Ж.-П. (Брюссель) — Критские письменности II тысячелетия до н.э.	107
Нерознак В.П., Шарыпкин С.Я. (Москва) — Древнегреческая этимология в свете данных крито-микенских надписей	118

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

Балахванцев А.С. (Москва) — К вопросу о датировке латинских надписей из Кара-Камара	124
Рапен К. (Лозанна) — Святилища Средней Азии в эпоху эллинизма (<i>Состояние вопроса</i>)	128
Муравьев А.В. (Москва) — Епископ против кесаря (<i>Истоки одного византийского идеологического мотива</i>)	140
Гринбаум Н.С. (С.-Петербург) — У истоков первого поэтического языка Европы	153
Немировский А.И. (Москва) — Каталог народов в «Этимологиях» Исидора Севильского (IX.1.1.—2.135)	158

ДРЕВНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ: НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ

Международный «круглый стол»

«Сарматы в I в. н.э.: новейшие открытия»

Браунд Д. (Эксетер) — «Препарируя сарматов»: проблемы источниковедческой и археологической методологии	168
Прохорова Т.А. (Ростов-на-Дону) — Некоторые аспекты идеологии сармато-алан (<i>По материалам кургана 10 Кобяковского могильника</i>)	174

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

Марконе А. (Флоренция) — Ростовцев в Италии	183
---	-----

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Пьянков И.В. (Душанбе) — Античные авторы о Средней Азии и Скифии (<i>Критический обзор работ Дж.Р. Гардинер-Гардена</i>)	191
Трухина Н.Н. (Москва) — M. C r a w f o r d. The Roman Republic. 2nd ed. London: Fontana Press, 1992	207
Смышляев А.Л. (Москва) — C. W e l l s. The Roman Empire. 2nd ed. London: Fontana Press, 1992; A v. C a m e r o n. The Later Roman Empire. A.D. 284—430. London: Fontana Press, 1993	208

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Шкунаев С.В. (Москва) — III Всероссийский кельтологический коллоквиум (Санкт-Петербург, 25—26 мая 1994 г.)	213
Профессор Клод Николе — почетный доктор Института всеобщей истории РАН	215
К 80-летию И.М. Дьяконова	217
К 80-летию И.А. Гершевича	218
К 60-летию Г.А. Кошеленко	219

Леонид Александрович Гиндин (1928—1994)	220
---	-----

Яков Маркович Боровский (1896—1994)	222
---	-----

ПРИЛОЖЕНИЕ

Луций Анней С е н е к а. О гневе. Книга III. Перевод с латинского и комментарии Т.Ю. Бородай (Москва) (<i>продолжение</i>)	223
--	-----

C O N T E N T S

M. Loewe (Cambridge) — The Early Chinese Emperors and their Functions	3
L.A. Gindin, V.L. Tsymburski (Moscow) — The Proto-Greeks in Troy	19
A.V. Koptev (Vologda) — Development of Serfdom in the Later Roman Empire	40

PUBLICATIONS

V. Lambrinouidakis (Athens) — Temple in Iria on the Naxos	64
N.F. Fedoseev (Kerch) — A Matrix with a Griffin from Nymphaeum	75

DISCUSSIONS

Ecology of the Ancient World

G.A. Koshelenko, A.G. Gubaev, V.A. Gaibov, A.N. Bader (Moscow) — The Merv Oasis: Evolution of Settlement Patterns and Irrigation Systems	78
--	----

Great Greek Colonization: Results and Prospects of Study

K.K. Marchenko (St.-Petersburg) — Spontaneous Character of the Greek Colonization (<i>Based on the Materials from the North-Western Black Sea Coast</i>)	92
A.S. Rusyaeva (Kiev) — The Main Features and Peculiarities of the Cultural-Historical Development of the Lower Bug Area in the Period of Colonization	99
	239

Minoan Crete and Mycenaean World in the II Mil. B.C.

(The Origin of the European Civilization)

<i>J.-P. Olivier</i> (Brussels) — Cretan Scripts of the IIrd Millenium B.C.	107
<i>V.P. Neroznak, S.Ya. Sharypkin</i> (Moscow) — Ancient Greek Etymology in the Light of Data of Cretan-Mycenaean inscriptions	118

REPORTS AND COMMUNICATIONS

<i>A.S. Balakhvantsev</i> (Moscow) — On Dating Latin Inscriptions from Kara-Kamar	124
<i>C. Rapin</i> (Lausanne) — Central Asian Sanctuaries in the Hellenistic Period	128
<i>A.V. Muraviev</i> (Moscow) — Bishop against Καίσαρ (<i>To the Backgrounds of one Byzantine Ideological Motive</i>)	140
<i>N.S. Grinbaum</i> (St.-Petersburg) — Sources of the First Poetic Language of Europe	153
<i>A.I. Nemirovsky</i> (Moscow) — Catalogue of Peoples in the <i>Etymologiae</i> of Isidore of Seville (IX.1.1.—2.135)	158

ANCIENT CIVILIZATIONS: NEW DISCOVERIES

International «Round Table»

«Sarmatians in the 1st Century A.D.: New Discoveries»

<i>D. Braund</i> (Exeter) — «Dissecting The Sarmatians»: Problems of Literary and Archaeological Methodology	168
<i>T.A. Prokhorova</i> (Rostov/Don) — Some Aspects of Sarmato-Alanian Ideology (<i>Based on the Materials from Mound № 10 of the Kobyakovo Barrow</i>)	174

PAGES OF HISTORIOGRAPHY

<i>A. Marcone</i> (Florence) — Rostovtzeff in Italy	183
---	-----

REVIEWS AND BIBLIOGRAPHICAL

<i>I.V. Pyankov</i> (Dushanbe) — New Publications on the Subject Ancient Authors on Central Asia and Scythia (<i>About the works of J.R. Gardiner-Garden</i>)	191
<i>N.N. Trukhina</i> (Moscow) — <i>M. C r a w f o r d</i> . The Roman Republic. 2nd ed. London: Fontana Press, 1992	207
<i>A.L. Smyshlyaev</i> (Moscow) — <i>C. W e l l s</i> . The Roman Empire. 2nd ed. London: Fontana Press, 1992; <i>Av. C a m e r o n</i> . The Later Roman Empire. AD 284—430. London: Fontana Press, 1993	208

SCIENTIFIC EVENTS

<i>S.V. Shkunayev</i> (Moscow) — IIIrd National Celtological Colloquium (St.-Petersburg, May 25—26, 1994)	213
Prof. Claude Nicolet — Doctor <i>honoris causa</i> of the Institute of General History, Russian Academy of Sciences	215
The 80th of I.M. Diakonoff	217
The 80th of I.A. Gershevich	218
The 60th of G.A. Koshelenko	219
Leonid Alexandrovich Gindin (1928—1994)	220
Iakob Markovich Borovsky (1896—1994).....	222

SUPPLEMENT

Lucii Annaei S e n e c a e. De ira libri tres. Book III. Translation and Commentary by <i>T.Yu. Borodaj</i> (Moscow)	223
--	-----

Уважаемые подписчики!

Журналы Российской Академии Наук можно выписать в любом почтовом отделении России по каталогу "Известий" Роспечати.

Обращаем Ваше внимание!

Подписку можно оформить также в редакции журнала. Это избавит Вас от услуг почтового ведомства и связанных с этим неудобств. Стоимость журнала обойдется Вам в два - три раза дешевле!

Очередной номер журнала в этом случае будет ждать Вас в редакции сразу же после выхода его из печати.

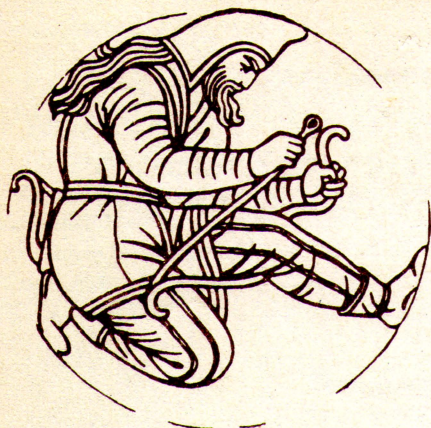
Технический редактор *Н.С. Евсева*

Сдано в набор 20.08.94	Подписано к печати 18.10.94	Формат бумаги 70 × 100 1/16		
Печать офсетная	Усл. печ. л. 19,5	Усл. кр.-отт. 38,5 тыс.	Уч.-изд. л. 25.4	Бум. л. 7.5
Тираж 1949 экз.	Заказ 1302			

Адрес редакции: 117334, Москва, Ленинский проспект, 32
Институт всеобщей истории РАН. Тел. 938-19-12
Московская типография № 2 РАН, 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6

1726 р.
(каталожная цена)

600 р.
Индекс 70119

Фонд «СКИФ»
Фонд учрежден
акционерным обществом
Всероссийский
научно-промышленный
концерн «Скиф Троицк»

Фонд разрабатывает и способствует научной разработке проблем культуры скифо-сармато-аланского мира, этногенеза и истории ираноязычных народов и их роли в судьбах населения евразийских цивилизаций.

Фонд направляет свою деятельность на:

1. Финансирование, организацию и проведение исследований по вопросам истории, археологии, этнографии, лингвистики и фольклора.
2. Организацию и проведение научных конференций, симпозиумов, семинаров, «круглых столов», а также осуществление издательской деятельности; помощь в работе историко-археологических экспедиций.
3. Установление и развитие культурных и деловых связей с российскими и зарубежными учеными, научными центрами и ассоциациями и другими научно-культурными организациями по направлениям деятельности Фонда.
4. Содействие в подготовке квалифицированных исследователей в области науки и культуры.

Почетным Председателем Фонда является выдающийся ученый, профессор В.И. Абаев.

Фонд оказывает спонсорную помощь Центру сравнительного изучения древних цивилизаций.

117393, Москва, ул. акад. Пилюгина, 22.
Телефон: 132-00-47; факс: 132-07-92